

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА
Институт стран Азии и Африки

**ЛОМОНОСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ.
ВОСТОКОВЕДЕНИЕ**

Тезисы докладов научной конференции

(Москва, 18 апреля 2016 г.)

Москва
ТЕЗАУРУС
2016

УДК [008+32/34+8/9](5/9)(06)
ББК 71(5+6)+63.3(5+6)+66/67(5+6)+81(5+6)
Л75

*Утверждено к печати Учёным советом
ИСАА МГУ имени М. В. Ломоносова*

Ответственный редактор:
к.и.н. *В. Е. Смирнов*

Ломоносовские чтения. Востоковедение : Тезисы докладов научной конференции (Москва, 18 апреля 2016 г.) / Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Институт стран Азии и Африки ; [отв. редактор В. Е. Смирнов]. — М. : ТЕЗАУРУС, 2016. — 376 с.

ISBN 978-5-98421-325-7

Предлагаемое издание представляет собой сборник тезисов докладов профессоров, преподавателей и научных сотрудников ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, а также приглашённых специалистов из ряда ведущих академических институтов и общественных организаций г. Москвы, подготовленных для научной конференции «Ломоносовские чтения. Востоковедение» (Москва, 18 апреля 2016 г.).

Тезисы печатаются в авторской редакции и с одобрения заведующих соответствующими кафедрами и руководителей подсекций.

УДК [008+32/34+8/9](5/9)(06)
ББК 71(5+6)+63.3(5+6)+66/67(5+6)+81(5+6)

ISBN 978-5-98421-325-7

© ИСАА МГУ имени М. В. Ломоносова, 2016
© Оформление, ТЕЗАУРУС, 2016

Содержание

История, источниковедение и историография древнего и средневекового Востока

<i>Алаев Л. Б.</i> Ритуальные принципы строения индийской общины	13
<i>Баикеев В. В.</i> Проблема придворного влияния представителей третьего поколения родственников императора по женской линии в политической борьбе	15
<i>Вигасин А. А.</i> Царь царей, Сын божий, Спаситель	18
<i>Гречёв М. В.</i> Торговля между Японией и Китаем в раннем средне- вековье: китайские «гости» и их восприятие при японском государевом дворе в эпоху Хэйан	20
<i>Деоник Д. В., Ульянов М. Ю.</i> Основные этапы складывания этноса хуся (2500–1600 гг. до н. э.): по данным археологии	22
<i>Комаров Д. А.</i> Значение раздела биографий в структуре «норма- тивных историй» (<i>чжэн ши</i>): на примере <i>Сунши</i> «[Норматив- ной] истории империи Сун (960–1279)»	25
<i>Крол А. А.</i> Древности Вади ал-Аллаки по сведениям, собранным экспедицией Л. М. А. Линана де Бельфона в 1832 г.	28
<i>Никольская К. Д.</i> «Скверные вещи» и руки брахмана	28
<i>Попова Г. С.</i> Особенности служебной лексики <i>Ши-цзина</i> («Кано- на песен») как один из аспектов его датировки	30
<i>Ульянов М. Ю.</i> Светские церемонии в период Чуньцю (771–453 гг. до н. э.) по данным <i>Чуньцю Цзочжуань</i> : визиты ко дворам чжоуского вана и правителей царств	33

Новая и Новейшая история стран Азии и Африки

<i>Бектимирова Н. Н.</i> Особенности внешнеполитической стратегии Камбоджи на современном этапе	37
--	----

<i>Бойко В. С.</i> Афганистан в 1930-е – 1940-е гг.: модернизационный потенциал, стратегия и практика развития	39
<i>Волкова Е. В.</i> Тоска по погибшей империи: минский лоялизм в китайской живописи второй половины XVII – начала XVIII вв.	42
<i>Гаммал М. И.</i> Караимская община в Иерусалиме в XVIII веке	45
<i>Захаренко И. А., Сорокин А. А.</i> Историко-политическая картография Квантунской области России в Маньчжурии	47
<i>Карнеев А. Н.</i> Феномен «запрещенных книг» в современном Китае ...	49
<i>Липилина И. Н.</i> Типология военных переворотов в современном Таиланде	51
<i>Литвинцева Е. Я.</i> Карикатура в колониальной Индии (на примере журнала «Аудх Панч»)	52
<i>Наливайко О. А.</i> Гэнсаи Мураи и его роман «Куи до:раку» как отражение вестернизации в Японии эпохи Мэйдзи	54
<i>Новакова О. В.</i> XII-й съезд КПВ: через прошлое к будущему	56
<i>Орлов В. В.</i> Проблемы легитимности арабских государств (2010-е годы)	58
<i>Петров И. А.</i> Перспективы Хайдарабада в свете создания нового индийского штата Телангана	60
<i>Сафронова А. Л.</i> «Княжеский фактор» в процессах административной реорганизации штатов современной Индии	63
<i>Симонова-Гудзенко Е. К.</i> Карты Гёги — модель изображения японского архипелага на восточноазиатских и европейских географических картах XV – XVIII вв.	65
<i>Тертицкий К. М.</i> Сведения о России начала XVIII века в донесениях властей китайских приграничных территорий	68
<i>Филимонова А. Л.</i> Милитаристские настроения в Пакистане последнего десятилетия: тенденции и перспективы	70
<i>Фурсов К. А.</i> Железные дороги в Большой Игре и Новой Большой Игре в Центральной и Южной Азии: сходства и различия геополитической роли	72
<i>Шлыков В. И.</i> Идеологическая эволюция турецкого национализма: феномен Партии националистического движения	74
<i>Шлыков П. В.</i> Европеизация или девестернизация: поиски модели общественного развития Турции в 2000-е гг.	79

Политология

<i>Арсанова Т. Е.</i> Роль ЮНЕСКО в современных условиях	84
<i>Ахтамзян Н. А.</i> «Беженец» – «слово года» 2015 в Германии	86
<i>Кулешова Н. С.</i> Миграции в современных политических условиях	89
<i>Кутовая Е. А.</i> Государства Юго-Восточной Азии и проблема борьбы с терроризмом	92
<i>Романова И. А.</i> Мировоззренческие оценки современной японской молодежи сквозь призму социологических опросов	96
<i>Сергеева А. А.</i> Китай и китайская научная диаспора: опыт, проблемы и перспективы	101
<i>Стремовская А. Л.</i> Реализация концепции устойчивого развития в Японии	103

Языкознание

<i>Акинина О. Г.</i> Арабское образование и террористические угрозы	106
<i>Белых Е. Н.</i> Прагматический потенциал лексических средств в турецком политическом дискурсе устного публичного выступления	108
<i>Берзигиярова М. П.</i> Дефектные числовые парадигмы имен в «Книге» Сибавайхи	110
<i>Бессонова Е. Ю.</i> К проблеме восприятия перфектных значений японских глаголов со вспомогательным глаголом <i>иру</i>	112
<i>Быкова С. А.</i> «Нео-диалекты» в японском языке и их отличие от «новых диалектов»	114
<i>Васильева Л. В.</i> Анкетирование как способ выяснения языковой ситуации	116
<i>Вихрова А. Ю.</i> Метод трансплантации в языках различной типологии (применение в языках изолирующего строя)	118
<i>Воронцова М. В.</i> Анализ основных признаков немецкого менталитета в стихотворении К. Тухольского “Das Ideal“	120
<i>Громова А. В.</i> Типология порядка слов в диалектах Фарса (на примере дахлеи)	122
<i>Долотин К. И.</i> К проблеме имитационного моделирования коммуникативного процесса в дискурсе	124
<i>Журавлева А. М.</i> История языковой политики Швейцарии	126

<i>Захарьин Б. А.</i> Методология Панини и ранняя грамматика языка телугу	128
<i>Зиза М. В.</i> Лингвистический корпус в практике преподавания иностранного языка	130
<i>Иванов В. Б.</i> Вершинное маркирование и падежи в иранских языках	132
<i>Иванова О. А.</i> Метафорические репрезентанты беженцев в немецких СМИ	135
<i>Каменева О. Н.</i> Лексико-семантическая группа со значением 'красный' в турецком языке	137
<i>Клюкина Е. В.</i> Интеллект-карты в контексте обучения иностранным языкам	139
<i>Крнета Н.</i> «Дискриминационные» определения женщин в японском языке	141
<i>Лебедев В. В.</i> Чем и как информируют о времени две основные формы арабского глагола: «прошедшая» <i>maḍīn</i> и «подобная» <i>muḍāḡi</i> — в арабской языковедческой традиции, «совершенное время» и «несовершенное время» — в арабистике? (Вопросы теории арабской грамматики)	144
<i>Макаева С. М.</i> Культурные аспекты фразеологических оборотов английского языка, содержащих имена собственные и географические названия	145
<i>Музыченко Ю. Ф.</i> О лексических минимумах для преподавания китайского языка в российских школах	147
<i>Напольнова Е. М.</i> Языковые инструменты идентификации человека и животных (на материале турецкого языка)	150
<i>Насилов Д. М.</i> Языковые проблемы в государстве Караханидов	152
<i>Нечаева Л. Т.</i> Особенности употребления союза СИ в японском языке	153
<i>Порхомовский М. В.</i> Использование особенностей разговорной речи в турецких пословицах	156
<i>Румак Н. Г.</i> Синонимия ономатопозитических слов японского языка	158
<i>Сафронова В. Б.</i> Жуаль — базилектальная разновидность квебекского французского	161

<i>Софронов М. В.</i> Посессивная конструкция в древнекитайском языке	163
<i>Тихонова М. В.</i> Почему сегодня стоит учить немецкий язык?	166
<i>Фролова Е. Г.</i> Об истории изучения синтаксиса тагальского языка	168
<i>Фролова И. В.</i> Языковое оформление презентаций на немецком языке: тенденции	170
<i>Фролова М. П.</i> Опыт использования технологии «театрализация» как метода развития иноязычной компетенции	172
<i>Хохлова Л. В.</i> Выражение конативных значений в хинди и панджаби	174
<i>Хулхачиева Ж. С.</i> Структура современного учебника киргизского языка для студентов-регионоведов	176

Литературоведение

<i>Акимушкина Е. О.</i> Эволюция жанра <i>шахрашуб</i> в персоязычной поэзии XVII века: творчество Сайидо Насафи (ум. 1711)	179
<i>Барaboшкин К. Е.</i> Формирование литературной мысли Китая на рубеже древности и средних веков (III в. до н. э. – III в. н. э.) (Лу Цзя, Ян Сюн, Ван Чун, Цао Пи)	181
<i>Башелешвили Л. О.</i> Домостроительство святости в памятниках древнегрузинской агиографической литературы	183
<i>Гурия А. Г.</i> Кабир Тагора: опыт анализа перевода	185
<i>Ершова Ю. С.</i> Композиция психологического триллера индонезийской писательницы Секар Айю Асмары «Запретная дверь»	186
<i>Зидан Ж. Р.</i> Путешествие как осмысление истории своей страны на примере книги-мемуаров Луиса 'Аввада «Воспоминания студента заграницей»	188
<i>Зулумян Б. С.</i> Саят-Нова: от Средневековья к Новому времени	190
<i>Карева О. В.</i> Полистилевой абсурд в романе Хасана Али Топташа «Тысяча грустных радостей»	192
<i>Кукушкина Е. С.</i> К вопросу о преемственности жанра путевых заметок в малайской литературе	195
<i>Курочкин В. Г.</i> Проблематика интерпретации Дневника сновидений Мёэ	197

<i>Никольская С. В.</i> От первого лица: образ автора в современной китайской прозе	198
<i>Оганова Е. А.</i> Суфийские мотивы в современной турецкой драматургии	200
<i>Осипова К. Т.</i> Вкус литературной эпохи: средневековые арабские ученые о еде и питие	203
<i>Рейснер М. Л.</i> Жанровые типы рамочных текстов в персидской классической поэзии (X–XV вв.)	204
<i>Репенкова М. М.</i> Поэтика турецкого дамского романа на примере творчества Джанан Тан	206
<i>Родионова (Куницкая) Я. И.</i> Поэма «Сват-нама» Хушхал-хана Хаттака (XVII в.): между дневником путешествия и политической инвективой.....	209
<i>Садоква А. Р.</i> Жанры японской нескладочной прозы	211
<i>Сапожникова О. А.</i> Творчество С. Буяннэмэха: новая драматургия монголов XX в.	213
<i>Сафронов В. В.</i> Египетская литературная критика XX в.: Салыма Муса	215
<i>Семененко И. И.</i> Комментарий в литературной теории Чжу Си	215
<i>Семенюк М. В.</i> Эссеистика Ван Аньи и «эссеизм» в ее творчестве	218
<i>Семина А. И.</i> Жанровая транспонировка мотивов в турецкой кыт'а XV–XIX вв.	220
<i>Стрелкова Г. В.</i> От «экспериментализма» к «женскому письму»	222
<i>Толстова Н. В.</i> «Поэзия в двух словах» — тарх в персидской литературе XX в. на примере сборника Мины Асади «Без любви, без взгляда»	224
<i>Утургаури С. Н.</i> Автор и герой диалогии «Курт Сеит...»	225
<i>Фролова М. В.</i> Элементы магического реализма в романе индонезийского писателя Эки Курниавана «Красота это рана» (2002 г.)	227

Африканистика

<i>Громова Н. В.</i> К вопросу о лексико-семантической неоднородности именного класса	229
---	-----

<i>Косогорова М. А.</i> Особенности перевода текстов на языке фула: глагольные формы	231
<i>Кравченко С. Л.</i> Некоторые модели технических терминов в амхарском языке	233
<i>Львова Э. С.</i> Дневник И. И. Соколова как источник по культуре народов Восточной Африки	235
<i>Порхомовский В. Я.</i> Социум и этнос в языкознании	237
<i>Суетина Ю. Г.</i> К вопросу о разграничении между сложными словами и фразеологическими оборотами в хауса	239
<i>Тетерин О. И.</i> О военной терминологии на суахили	242
<i>Урб М. Р.</i> Неологизмы в сфере компьютерной терминологии в языке африкаанс	243
<i>Федорова Н. Г.</i> Типы заголовков в суахильской прессе (на материале газеты RAI «Мнение»)	245

Экономика стран Азии и Африки

Круглый стол «Проблемы роста стран Востока в условиях глобальной экономической нестабильности»

<i>Акимов А. В.</i> Две группы долгосрочных стимулов экономического роста в современной мировой экономике	248
<i>Аксенова Е. М.</i> Вьетнам в условиях глобализации: риски и проблемы	249
<i>Бойцов В. В.</i> Особенности экономического развития стран Юго-Восточной Азии в конце 2000-х — первой половине 2010-х гг.	251
<i>Бочарова Л. С.</i> Современный арабский мир: развитие потенциала в сфере науки, технологии и инноваций	253
<i>Матюнина Л. Х.</i> Проблемы выбора режима валютного курса в современных условиях	256
<i>Мельянцева В. А.</i> Феномен существенного торможения роста мировой экономики	258
<i>Тимонина И. Л.</i> Японская экономика 2010-х гг.: внешние вызовы и актуальные проблемы	260
<i>Ульченко Н. Ю.</i> Перспективы экономического роста Турции в условиях нестабильности мирового финансового и сырьевого рынков	263

<i>Фридман Л. А., Имамкулиева Э. Э.</i> Наука и экономический рост в XXI веке в странах Востока и Запада (статистико-экономический анализ)	265
<i>Цветкова Н. Н.</i> ИТ-услуги в странах Азии и Африки в условиях экономической нестабильности	268

Религия стран Азии и Африки: история и современность

<i>Башелешивили Л. О.</i> Литургическая традиция в памятниках древнегрузинской агиографической литературы	270
<i>Бочковская А. В.</i> Протестный текст как часть «альтернативной» истории (на примере общины равидаси)	272
<i>Гайнутдинова А. Р.</i> Коранические айаты о внутриутробном развитии человека в мусульманской экзегетике	273
<i>Дулина А. М.</i> Религиозная традиция и национализм в Японии (на примере культа божества Хатиман)	276
<i>Жантиев Д. Р.</i> Исламские религиозные институты и исламская ученость в Дамаске в XVIII в.	277
<i>Запрометова О. М.</i> Развитие и формирование концепта <i>торы</i> в ТаНаХе	279
<i>Захарьин Б. А.</i> Гендерные роли богов и адептов в древнеиндийских религиозно-мифологических текстах	282
<i>Илюточкина Д. В.</i> Эволюция племенной политики марокканского султана Мулай Исмаила (1672–1727 гг.)	284
<i>Касумов Р. И.</i> Образ другого: адепты ислама глазами христиан сиро-палестинского региона (XVII – первая треть XIX вв.)	287
<i>Орлов В. В.</i> Пропаганда ИГИЛ: традиционное и новое	289
<i>Пальников А. М.</i> Исламистские организации турецкого происхождения в Германии	292
<i>Стрелкова Г. В.</i> Вишну и его аватары в современной литературе хинди	295
<i>Таварткиладзе Д. Т.</i> Православие как один из основных факторов самоотождествления грузинского народа в средние века	297
<i>Хохлова Л. В.</i> Английский язык как символ религиозного поклонения индийских далитов	300

<i>Якушев М. М.</i> Иерусалимская торговля в описаниях русских путешественников начала XIX в.	302
--	-----

Круглый стол «Актуальные проблемы Центральной Азии и Кавказа»

<i>Атанова С. А.</i> Формирование национального позитивного образа Кыргызстана в мире	306
<i>Ганич А. А.</i> Нико Авалишвили и грузинская журналистика второй половины XIX в.	309
<i>Зайцев И. В.</i> «Насаб-наме-йи султан Садык» — история Кенесары Касымова и Садыка Кенесарина	312
<i>Исмаилова Л. Г.</i> Обычаи азербайджанской свадьбы в эмоционально окрашенных фразеологизмах	316
<i>Кадырбаев А. Ш.</i> Колония Китая или зона влияния СССР? Восточный Туркестан де-факто и де-юре (1917–1930 гг.)	318
<i>Кареев Т. М.</i> Этнонационализм на Кавказе	323
<i>Керим Хас</i> Трансформация внешней политики России и Турции в Центральной Азии	326
<i>Кореев Т. К.</i> «Летопись пророков и мудрецов» Навои: источники, сюжеты, контекст	328
<i>Рахеев Дж. Я.</i> Акакий Церетели и грузинское национальное движение второй половины XIX – начала XX в.	330
<i>Сыздыкова Ж. С.</i> Центральная Азия и Россия: новые тенденции сотрудничества в сфере безопасности	332
<i>Хулхачиева Ж. С.</i> Структура современного учебника киргизского языка для студентов-регионоведов	336

Экология культуры Востока

<i>Багратион-Мухранели И. Л.</i> Восточные традиции и своеобразие раннехристианской грузинской культуры	339
<i>Бессонова Е. Ю.</i> Вербальный аспект в контексте диалога культур. Россия и Япония	341
<i>Винокурова У. А.</i> Феномен человека криолитозоны	342

История, источниковедение и историография древнего и средневекового Востока

Л. Б. Алаев

Ритуальные принципы строения индийской общины

Индийская сельская община не может рассматриваться как наиболее ранняя, примитивная форма общины, потому что наличие в ней ремесленников и слуг является не показателем **неполного отделения** ремесла от земледелия, а результатом процесса **соединения** лиц разных специальностей в рамках локальности. Община индийского типа может образоваться только после формирования кастовой системы.

Индийская община не может служить типичным представителем «восточной общины» и в этом качестве быть основой концепции так называемого «азиатского способа производства», потому что такой общины не было больше ни в одной стране, в том числе и ни в одной стране Востока.

Индийская община является объединением не индивидуумов, а каст, и не крестьянской общиной, а конгломератом как крестьян, так и рентополучателей, не говоря уже о лицах несельскохозяйственного труда.

Система нетоварного обмена продуктами и услугами внутри общины (так называемая система *джаджмани*) долгое время рассматривалась как *экономический* институт, обеспечивавший хозяйственную замкнутость общины, ее экономическую автономию, автаркию.

Исследования показали, что система *джаджмани* не может обеспечить автаркию, потому что в ней **никогда** не присутствовал ряд вполне развитых специальностей (ткачи, маслобойщики), и потому что она нуждается в товарах, не производившихся в де-

ревне или производившихся не в каждой деревне (металлы, в том числе железо, медь, золото, серебро; дерево, соль, растительное масло, бетелевые листья и орехи арека). На всем протяжении истории эта система понималась как включающая ограниченное количество специальностей [«пять» (*панчакару*), «восемь» (*энтухитту*), «двенадцать» (*бара-балута*)].

Сведения о составе «штата» деревенских ремесленников и слуг как на протяжении истории, так и в различных историко-культурных регионах Индийского субконтинента не абсолютно идентичны, но все же поразительно единообразны. Староста, писец, стражник, брахман, кузнец, плотник, золотых дел мастер, медник, прачка, цирюльник, гончар, уборщик, кожевник — вот стандартный список специальностей, которые обслуживают жителей деревни за закрепленное обычаем вознаграждение.

Возникает вопрос, что определяет такой выбор «необходимых» деревне «своих» ремесленников? Достижение самообеспеченности всеми продуктами было недостижимо и не являлась задачей системы. Луи Дюмон уже давно высказал мысль о том, что вся кастовая система строится на принципе ритуального осквернения. Но его критиковали, поскольку доминировала концепция, что кастовая система — это одна из форм разделения труда, что касты закрепляют экономическое разделение, осознавая его как также и лестницу социальных статусов. Несколько индийских антропологов поддерживали идею о правилах ритуальной чистоты/нечистоты как структурообразующем принципе строения *джаджмани*. Однако в целом до сих пор превалирует рассмотрение кастовой системы и специфической сельской общины как институтов, оформляющих преимущественно экономические отношения.

Я в прежних работах признавал наличие ритуального обслуживания в общине наряду с экономическим и бытовым, но все же не видел его ведущей роли. Теперь мне ясно, что «выбор» необходимых деревне ремесленников и слуг диктовался главным образом стремлением высоких каст (которые и образовывали слой полноправных общинников) избежать ритуального осквернения.

Загадка индийской общины лежит в специфике социального строя Индии в целом, именно в кастовой системе, которая зиждется на понятии ритуального осквернения.

В. В. Башкеев

**Проблема придворного влияния
представителей третьего поколения
родственников императора по женской
линии в политической борьбе**

Рассмотрим феномен влияния представителей родственников императора по женской линии в придворной борьбе на примере правлений императоров Гао-цзу (202–195 гг. до н. э.) Вэнь-ди (180–157 гг. до н. э.), Цзин-ди (157–141 гг. до н. э.) в империи Западная Хань (202 г. до н. э. — 8 г.). Основные источники: *Шицзи* («Исторические записки») и *Ханьшу* («История Хань») — прежде всего, соответственно, в главе 49 *Шицзи вайцзи шицзя* («Наследственные дома внешних родственников») и главе 97 *Ханьшу Вайцзи чжуань* («Описание внешних родственников»).

Поставим вопрос о том, как и когда будущие императрицы, войдя в императорский гарем, были включены в придворную жизнь, и, когда, опираясь на поддержку своего рода, обрели политическое влияние при дворе и стали одними из ключевых фигур в политической борьбе, сохраняя свое влияние вплоть до воцарения внука.

Общие положения

В чем истоки влияния родственников по женской линии императора? Род жен указанных трех императоров являлся важнейшим каналом сближения императоров чуского рода Лю с представителями владений в центре и на севере Великой равнины, облегчая им межрегиональное взаимодействие с влиятельными региональными элитами. Корни *влияния* (т.е. возможности воздействовать на принятие властных решений) этих родов уходят в период Чжаньго (453–221 гг. до н. э.).

Нахождение представительницы женского рода при ханьском дворе в течение трех поколений (т.е. до положения бабки императора) вело к усилению *влияния* региональных элит на принятие решений носителем высшей власти. Порой оно становилось настолько значительным, что императорам приходилось бороться за сохранение своей ведущей роли в политической борьбе.

Влияние супруги императора выражалось в том, что ее родственники успешно продвигались по вертикали знатности и включались в высшую управленческую элиту. При этом у других участников политической борьбы возникало убеждение в том, что за фигурой императрицы стоят представители двух сильных родов (династии Лю и ее рода), и она являлась гарантом поддержания заключенных между ними *компромиссов* (договоренностей) по самому широкому кругу проблем.

Политическое *влияние* поддерживалось высоким придворным статусом императрицы матери или бабки. Он обеспечивал *покровительство* (в том числе давал гарантию безопасности) членам ее рода и лояльных им группировок.

Смерть императрицы матери или бабки давала возможность носителю высшей власти избавиться от этого влияния, которое, неизбежно, в силу более старшего возраста формировавших его людей, принадлежавших к старшему поколению, создавало сдерживающую силу для его самостоятельных действий.

Избавление от бабки в силу ее естественной смерти неизбежно придавало этому событию *рубежность* и позволяло носителю высшей власти действовать гораздо более свободно в новых исторических условиях, связанных с реконfigurацией придворных группировок, позволяя ему формировать *опору* на новых людей.

Ниже рассмотрим основные этапы политической биографии одной из ключевых участниц политической борьбы, которая относится к выделенной нами группе.

Госпожа Бо薄:

наложница Лю Бана, мать Вэнь-ди, бабка Цзин-ди

Происхождение. Предки. Род Бо включен в придворную борьбу с момента связи отца будущей императрицы выходца из бывшего царства У 吳 с некой женщиной, которая не являлась его женой или наложницей, из рода вана бывшего царства Вэй. Таким образом, род Бо по мужской линии происходит из У, по женской — из Вэй. Соответственно, женщина из этого рода, связывала элиты двух крупнейших историко-культурных зон: Нижней Янцзы и Великой равнины. Став наложницей императора, она была значительной политической фигурой, которая обеспечивала

диалог и потенциальную возможность заключения *компромиссов* императора с элитами этих областей. Одновременно, она являлась фигурой *влияния* и могла так или иначе обеспечивать *покровительство* своим землякам.

Путь ко двору, рождение наследника. В период гражданской войны 209–202 гг. до н. э., когда вэйским ваном стал Вэй Бао, госпожа Бо по инициативе матери оказалась во дворец *вана* в Вэй, а после его пленения под влиянием представителей вэйской знати, которые занимали высокое положение еще в период Чжань-го, — во дворец Лю Бана. Там она произвела на свет будущего императора Вэнь-ди. Источники насыщены сказочными деталями, в них упоминается дракон, явленный наложнице во сне перед ночью зачатия будущего Вэнь-ди. После его рождения контакты Лю Бана с наложницей прекратились.

Положение при дворе в качестве матери и бабки (*хуан-тайхоу* и *тайхуан-тайхоу*). Период борьбы родов Лю и Люй (195–180 гг. до н. э.) представители рода Бо (наложница Бо, ее сын и ее брат Бо Чжао) пережили вдали от столицы, в северном владении Дай. После прихода ее сына Вэнь-ди к власти в 180 г. до н. э. начинается 25-летний период наибольшего влияния ее как вдовствующей императрицы-матери (*хуан-тайхоу*). А в 157 г. до н. э. при воцарении Цзин-ди она стала вдовствующей императрицей-бабкой (*тайхуан-тайхоу*).

Являясь матерью Вэнь-ди, она консолидировала вокруг себя родственников по линии матери (из земель Вэй). С его воцарением, благодаря ей, влияние вэйской знати на придворную жизнь значительно увеличилось, они получали от нее материальные вознаграждения и титулы знатности уровня *хоу*. В последние два года своей жизни (после смерти сына) она оставалась представителем поколения высшей элиты, заставшей еще период гражданской войны 209–202 гг. до н. э. При ее жизни к власти приходит рожденный уже в иной исторический период ее внук император Цзин-ди. Ее смерть стала важным рубежом, после которого император перешел к активным действиям — изменив формы взаимоотношения с удельной знатью, которое уже через год после ее смерти воплотилось в «мятеже семи ванов».

Все это время вхождение представителей ее рода в придворную жизнь заключалось не в занятии высоких должностей, а в получении титулов знатности. Это тогда все еще было важнее непосредственного продвижения по бюрократической лестнице. Перевод структуры аппарата управления на бюрократические рельсы был только начат при Вэнь-ди.

А. А. Вигасин

Царь царей, Сын божий, Спаситель

Слова, вошедшие в название доклада, составляют титулатуру кушанских царей (например, в надписи Канишки из Рабатака). Титул «царь царей» (бактрийское *βασιλεως βασις*) восходит к Ахеменидам — он отражает структуру мировой державы, состоящей из целого ряда стран. Самый распространенный кушанский титул *deva-putra* (буквально «сын бога»), по всей видимости, также имеет иранские корни. *Devaputra* кажется калькой с бактрийского *βασιλοπορο* (парф. *bṛwḥr*). Слово это отнюдь не всегда указывало на происхождение от некоего бога. Лишь эпические герои считались рожденными от богов (как нередко бывает в фольклоре). Титул *devaputra* упоминается рядом с упоминанием имени действительного отца, того или иного кушанского царя. В древнеиндийских литературных памятниках *devaputra* (палийское *devaputto*) означает некий класс божественных существ — чаще всего, более низких, чем собственно боги (*deva*). В качестве аналогии можно сослаться на слово *rājaputra* (откуда позднейшее раджпут), которое, вопреки очевидной этимологии, не всегда означает «царского сына». Нередко это просто указание на принадлежность к категории знати. На Ближнем Востоке точно так же: в клинописных текстах DUMU.LUGAL иногда указывает на «сына царя», но часто — лишь на человека княжеского происхождения. Отношения между *deva* и *devaputra* (*rājan* и *rājaputra*) подобны тем, которые были между главою семьи и его сыновьями. *Devaputta* — небожители

(как ангелы или *υἱοὶ τοῦ Θεοῦ* — «сыновья Бога» — в Танахе). Этот титул уподобляет царя богам, но не отождествляет его с ними.

Титул «Великий Спаситель» (бактрийское *βωλο στωρυο*), конечно, восходит к греческому *σωτήρ μέγας*. В индо-греческой нумизматике его переводом на санскрит является *trātara*. Индийские цари изображались как воины, которые готовы принести в жертву свое тело (*dehatyāga*) ради защиты подданных, — и в этом смысле их могли называть «спасителями». Но, принимая титул «Спасителя», Кушаны следовали восточно-эллинистическим образцам. При этом буддизм придавал терминологии новые смыслы. В буддийских текстах царь порою приобретал черты религиозного наставника (в то время как в ведийско-брахманской литературе, напротив, подчеркивалась роль правителя как послушного ученика брахманов). Идеальный буддийский царь Ашока давал собственную оценку дхармических текстов и стремился обеспечить подданным путь на Небо. В гандхарском искусстве правители уподоблялись милосердным бодхисатвам, а бодхисатвы изображались в виде кушанских принцев. Поэтому и царский титул «Спаситель» мог указывать не только на защиту от опасностей, но и на помощь в деле религиозного спасения.

Царская титулатура Кушан напоминает новозаветную терминологию того же времени (I–II вв.). Известно, что греческое слово *ἰχθύς* («рыба») ранние христиане толковали как анаграмму: «Иисус Христос, Сын Божий (*θεοῦ υἱός*), Спаситель (*σωτήρ*)». Но в монотеистической религии понятие «Сын Бога» интерпретируется буквально — и появляется миф о непорочном зачатии. Сын Бога рассматривается в качестве «Сына человеческого», Богочеловека, обеспечивающего спасение людей от грехов. Конечно, в первоначальном христианстве Спаситель должен был являться царем из рода Давида — во исполнение слов пророков. Но затем царская тема отходит в тень, ибо «Сын Божий» посредством искупительной жертвы призван спасти весь род человеческий, а не только народ Израиля.

Образ царя-спасителя в Индии после Кушан не имел перспектив, и никто из индийских царей не называл себя «спасителем» (*trātar*). Исключение составляет лишь надпись Гелиодора, в кото-

рой греческий посланец именует царя Бхагабхадру титулом *trātāra*. Уже в эпической традиции титул индо-греческих царей *σωτήρ* получил принципиально иное истолкование: «могучий, доблестный» — именно в этом значении слово *śauṭīra/śauṇḍīra* вошло в индоарийские языки. В Средиземноморье эллинистические представления о божественном царе-спасителе послужили основой для создания мифа о Сыне Божьем и развития идей религиозного искупления. В Южной Азии они лишь при Кушанах отразились в царском культе.

М. В. Грачёв

**Торговля между Японией и Китаем
в раннем средневековье: китайские
«гости» и их восприятие при японском
государевом дворе в эпоху Хэйан**

В отечественном японоведении распространена точка зрения, что в эпоху Хэйан (794–1185) торговые отношения между Японией и Китаем были затруднены, в особенности после того, как 894 г. было отменено посольство в танский Китай. Изучение источников различной видовой принадлежности позволяет предположить, что торговля Японии с Китаем в эпоху Хэйан не только имела место быть, но и представляла собой регулярное явление.

Купцы из Китая формально причислялись к категории «гости» и отношение к ним формировалось под мощным воздействием политической идеологии, становление которой в IX–XII вв. связывалось в первую очередь с созданием в Японии так называемой «малой империи» со всеми присущими ей компонентами. После прекращения официальных отношений Японии с Китаем торговые отношения, тем не менее, продолжались, а китайские купцы неоднократно прибывали в Японию (регулярно по торговым делам в Японии бывали Ван Дуань, Сунь Чжун, Чжоу Вэнь-и, Чжэнь Жэнь-дэ, Чэнь Вэнь-ю и т. д.). Зафиксированы примеры, когда иностранные купцы натурализовались в Японии, получив новый статус. В частности, в 1081 г. купцу Хуан Чжэну было пожаловано новое имя — Оо Хата, а сам он представлен государю Сиракава

(прав. 1073–1086), став в дальнейшем одним из поставщиков императорского двора. Купцы Чжоу Лян-ши и Пань Хуай-цин имели торговые отношения с домами Фудзивара, Абэ и Минамото. Их торговые интересы охватывали не только центральный регион (Кинай), но и периферийные районы. Из Китая японцы пытались заполучить пряности и специи, ароматические вещества, лекарственные средства, красители для тканей, шелковую ткань, редкие породы деревьев, книги, предметы искусства и т. д.

В то же самое время в японских источниках подчеркивалось, что китайские купцы — источник различных опасностей, ибо, имея дело с деньгами, они обладают «лживым сердцем», а потому способны на самые коварные поступки: шпионить, передавать неизвестные хвори японцам, понуждать японцев творить непотребства. Так, в 1077 г. прибывшие из Сун торговцы преподнесли государю Сиракава в качестве дара «барана с двумя головами» (тремя, по другой версии), что первоначально было воспринято, как благостный знак и счастливое предзнаменование. Но вскоре после внезапной и скоротечной болезни в императорской семье скончались сразу два принца. Сунские купцы были обвинены в намеренной «диверсии» и выдворены из страны, получив обратно свой дар. Прибывающих в Японию иностранцев по причине их «инаковости» надлежало возвращать к «согласованности» и «культурности» японского правителя, ибо все иноземцы имеют непреодолимое желание оказаться под сенью преобразующего влияния японского государя, а потому в устремлениях своих «плывут по морям и карабкаются по горам».

В целом, восприятие «гостей» из Китая было разносторонним. С одной стороны, японские придворные публично манифестировали предвзятое, подчеркнуто высокомерное, а порой и надменное, отношение к китайским купцам. С особенной настойчивостью декларировалась неравнозначность японцев и китайцев, что порождало ситуации, когда китайские купцы были вынуждены демонстрировать свое желание относиться к японцам как более высоким по статусу, заискивая, порой, перед японскими властносановными особами. С другой стороны, знатные дома засвидетельствовали свою заинтересованность в тех полезностях, которые сулила торговля с Китаем. Более того, купцы (как и буддийские монахи) за-

частую были посредниками при налаживании межгосударственных отношений.

Подытоживая вышесказанное, надлежит констатировать насущную необходимость преодолеть предубеждения, которые сложились в отечественном японоведении, что стало возможным в силу особенной предпочтительности некоторых специалистов только историко-литературным источникам, ибо применение всего информационного потенциала источникового знания способно существенно скорректировать наши представления об эпохе Хэйан.

Д. В. Деоник, М. Ю. Ульянов

**Основные этапы складывания
этноса хуася (2500–1600 гг. до н. э.):
по данным археологии**

Хуася — конкретизированное понятие, самоназвание древних китайцев; оно встречается в эпиграфических памятниках и других письменных источниках, как и его составляющие — *хуа* и *ся*. С точки зрения языка *хуася* — это восточные сино-тибетцы. Их ближайшие родственники — западные сино-тибетцы, которые проживали в развитой историко-культурной зоне на Верхней Хуанхэ (в районе г. Ланьчжоу) и на Верхней Вэйхэ. Запад Средней Хуанхэ испытывал «археологические импульсы» с Верхней Хуанхэ, но они почти не доходили до Нижней Вэйхэ.

Этнические границы *хуася* в основном соответствуют территории распространения восточных монголоидов. Бесспорная территория расселения *хуася* — это север восточной части Средней Хуанхэ и прилегающая часть запада Средней Хуанхэ, с постепенным расширением на центр и север Великой Равнины. Говоря о существовании этноса, мы имеем в виду существование одной или нескольких близкородственных археологических культур, сменяющих друг друга. Об этом можно говорить с первого этапа раннего бронзового века (2500–2300 гг. до н. э.). К югу от *хуася* расселялись аустрические народы с их более древней государственностью. Они в основном относятся к восточным монголоидам. К северу — менее развитые и не родственные *хуася* носители других археологических культур. На западе мир *хуася* был открыт для

носителей земледельческих культур Верхней Хуанхэ, которые периодически проникали сюда, но не шли дальше Средней Вэйхэ. В бассейне р. Вэйхэ преобладало западное влияние, но это — сравнительно небольшие аграрные области, граничащие с лёссовыми пространствами. Оттуда *хуася* мигрировали прежде всего на восток, и, отчасти — на юг. Этнические перемещения в раннем бронзовом веке шли с запада на восток, но не с юга на север.

Процесс формирования *хуася* началось в позднем неолите, во второй половине 4 тыс. до н. э., и завершился в первой половине 2 тыс. до н. э.

Ок. 3500 г. до н. э. *хуася*, по-видимому, лингвистически отделились от сино-тибетцев. Массовое движение на восток началось с середины 3 тыс. до н. э. К концу 3 тыс. до н. э. наиболее развитым районом умеренного пояса был восток Средней Хуанхэ. *Хуася* заселяли Нижнюю Вэйхэ, часть долины Фэньхэ и в значительной степени — северную часть Востока Средней Хуанхэ (полоса аграрных очагов к востоку от хр. Тайханшань).

До прихода *хуася*, на востоке Средней Хуанхэ везде жили аустрические народы, также как и по соседству — на Шаньдуне. Об этом говорят, например, данные генетических исследований (анализ гаплогрупп): в генотипе всех *ханьцзу* (этнических китайцев) и по сей день существенно преобладают гены, общие для аустрических народов. Таким образом исконное население Востока Средней Хуанхэ — северные группы аустрических народов, занимавшихся суходольным земледелием, вероятнее всего — прото-*хмонги* (кит. *мяо*), народ, близкий к доминирующему этносу Средней Янцзы (в будущем — чусцам). Данные археологии говорят о том, что восток Средней Хуанхэ был менее развит, чем Нижняя Янцзы, Шаньдун и Средняя Янцзы, и более развит, чем запад Средней Хуанхэ. Восток Средней Хуанхэ — северная, наименее развитая окраина аустрического мира.

Хуася поддерживали интенсивные контакты с аустрическими народами Шаньдуна и южной части востока Средней Хуанхэ. Там восточные сино-тибетцы ранее всего проникли в долину Нижней Ло, затем на Среднюю Ло; а более восточное Сушаньское нагорье оставалось аустрическим. В языке *хуася* засвидетельствованы заимствования из различных аустрических языков (есть и обратные заимствования).

К концу первого этапа раннего бронзового века (к 2100 г. до н. э.), то есть позже, чем аустрические народы, *хуася* достигли уровня государственности. В районах их расселения зафиксированы городские поселения, для которых характерны сложная керамика, нефритовые изделия, изображения божеств и металл — бронза (энеолит известен далеко на юге — на Среднем Меконге и далеко на севере — Южная Сибирь).

Основной тип хозяйственной деятельности *хуася* — сухопольное просоводство. Но поскольку до 2200–2100 гг. до н. э. климат, видимо, был более теплым, то они могли быть знакомы и с рисоводством. Тем более, что приморской зоне и в умеренном поясе сложилось несколько мощных рисоводческих очагов — на юге Маньчжурии (долина р. Ляохэ и Ляодунский п-в), в южной части Корейского п-ва и на Японских островах.

Исторически аустрические народы не могли быть здесь сильными конкурентами *хуася*, поскольку последние в основном осваивали нерисоводческие земли, а также для *хуася* на всех этапах истории был характерен высокий демографический потенциал.

Процесс формирования *хуася* как отдельного этноса завершился в первой половине 2 тыс. до н. э. К 1600 г. до н. э. всех *хуася* объединяет важнейший этнокультурный признак — собственный массовый тип керамики: хозяйственные горшки-триподы на полых ножках, являющиеся этническим маркером их как этноса. Эта форма восходит к более ранним аустрическим формам: «двойному» сосуду с такими же ножками; тот, в свою очередь, возник из кувшина-трипода с полыми ножками и ручкой.

Бесспорные преемники *хуася* — это *ханьцзу*, оформившиеся к периоду империи Западная Хань. Переход *хуася* в *ханьцзу* шел примерно с VI в. до н. э. по II в. до н. э.

Периодизация:

3500–2500 гг. до н. э. — выделение восточных сино-тибетцев как этноса.

2500–2100 гг. до н. э. — интенсивные контакты восточных сино-тибетцев на востоке с аустрическими народами, восприятие их социального опыта, к концу периода — формирование государственности.

2100–1600 гг. до н. э. — история ранних государств *хуася*. Освоение нескольких взаимосвязанных очагов на востоке Средней Хуанхэ и на севере и в центре Великой Равнины.

1600–1300 гг. до н. э. — политическое освоение Великой Равнины, начало политического объединительного процесса (Шан, с ок. 1600 г. до н. э.), начало формирования политического единства севера Востока Средней Хуанхэ, центра и севера Великой Равнины, запада Средней Хуанхэ.

Д. А. Комаров

**Значение раздела биографий в структуре
«нормативных историй» (чжэн ши):
на примере *Сунши* «[Нормативной]
истории империи Сун (960–1279)»**

Написание биографий выдающихся людей являлось важной частью китайской традиции историописания. Официальные биографии высших политических деятелей создавались еще при их жизни как при дворе, так и в их родном уезде. Достижения и жизненный путь виднейших политических деятелей фиксировался как в государственном архиве, так и в семейных хрониках. Видимо, на основе этих материалов создавались биографии выдающихся людей, которые входили в состав «нормативных историй».

«Нормативные истории» являются одним из основных источников для изучения многих периодов истории Китая, так как в них была описана событийная история (раздел «Основные записи»), приведены генеалогические данные (раздел «Таблицы»), собрание научных трактатов (раздел «Трактаты») и биографии выдающихся деятелей (раздел «Биографии»).

Сунши («[Нормативной] истории империи Сун (960–1279)») является самой большой из всех нормативных историй. *Сунши* состоит из 496 глав, а общий объем превышает пять миллионов иероглифов. При этом раздел биографий занимает более половины *Сунши* (255 глав). В свою очередь биографии чиновников занимают почти две трети от всего объема биографий (176 глав).

В результате анализа биографий удалось выявить структуру, а также сделать некоторые выводы о роли данного раздела во всем памятнике.

Биографии были необходимым дополнением лапидарного текста «Основных записей». Каждая из биографий чаще всего соотносилась с одним из событий из основного текста и расширяла его. То, что в «Основных записях» было описано одной строчкой, в биографии принимало развернутый вид.

Все повествование строилось вокруг одной персоналии и его клана, однако, обычно историографами выбиралось одно, главное событие в жизни этого человека и в жизни страны, которое являлось своего рода кульминацией биографии. Упоминания о детстве и юношестве главного героя повествования являлись прелюдией к этой кульминации, а все события, которые были в жизни чиновника, так или иначе, трактуются авторами как последствия кульминации.

Важно отметить, что в большинстве случаев предметом описания в биографиях был не сам человек, а его социальная функция. «Китайские *чжуань* являются описанием не индивида, а его действий, определенных той или иной социальной функцией», — пишет В. В. Малявин [1. С. 204–205].

Было установлено, что каждая биография состоит из различных структурных элементов, между которыми, как правило, нет переходов. А анализ лексики и стилей этих фрагментов позволяет определить тип источника, к которому они восходят (государственный указ, материалы судебного разбирательства, официальная биография).

Отсутствие перехода от одной части текста к другой с литературной точки зрения является недостатком памятника, но облегчает вычленение фрагментов, написанных по разным источникам.

Ниже приведем структуру типичной биографии.

Приложение. Общая структура биографии в *Сунши*

Общие данные

- Имя и второе имя чиновника
- Место его рождения
- Перечисление государственных должностей, которые занимали ближайшие родственники чиновника

Если чиновник был из влиятельного клана, в текст могла быть вставлена биография отца или другого старшего родственника в полном объеме или частично.

Детство и юность

- Сведения о том, как учился (чаще всего формализованное: «любил учиться», «с детства знал каноны»)
- Некоторые истории взаимодействия с другими детьми, если это как-то было связано с кульминацией
- Когда получил степень *цзиньши*

Начало карьеры

- Перечисление всех занимаемых должностей
- Начало карьеры — чиновник, добившийся высокого положения, в начале своей карьеры имел достижения в той или иной области государственного управления
- Рассказ о том, как попал в центральный государственный аппарат

Кульминация

Основное событие в жизни чиновника, вокруг которого композиционно была выстроена биография. У одних чиновников кульминация приходилась на середину карьеры, у других — на конец. В *Сунши* кульминация обычно состоит из одной или нескольких сцен, которые описаны максимально подробно. Она описывается живым языком, зрительно, с большим количеством прямой речи и действий.

Завершение карьеры

- Должности, которые были пожалованы к моменту достижения карьеры
- Почетные титулы, которые были пожалованы
- Дата ухода из жизни

Концовка

В финале подводился итог — объяснялось, почему он был выдающейся личностью.

Основная литература

1. *Малявин В. В.* Источниковедение средневекового Китая. М., 1986.

А. А. Крол

**Древности Вади ал-Аллаки по сведениям,
собранным экспедицией Л. М. А. Линана
де Бельфона в 1832 г.**

В 1832 гг. французский инженер Луи-Морис-Адольф Линан де Бельфон (1799–1883) по просьбе правителя Египта Мухаммада Али предпринял экспедицию в восточную пустыню с целью разведать древние и средневековые золотые прииски и договориться с шейхами местных племен союза беджа, чтобы те не чинили препятствий новой разработке месторождений.

Маршрут организованной Линаном де Бельфоном экспедиции пролегал по Вади ал-Аллаки и далее до Джебель Эльба и Красного моря по много раз упоминающемуся в средневековых арабских источниках IX–XII вв. караванному пути, который связывал Асуан и красноморский порт ‘Айзāб (عذاب). Девяностокilометровый участок Вади ал-Аллаки, входивший в зону затопления искусственного озера Насер, был исследован в 1961–1963 гг. экспедицией АН СССР под руководством Б. Б. Пиотровского.

Описание маршрута экспедиции Линана де Бельфона, изданное в 1868 г. в виде книги «Атбей или земли, обитаемые племенами бишарин: география, этнология, золотые прииски», содержит чрезвычайно важную информацию о древней и средневековой золотодобыче на приисках Вади ал-Аллаки, городе Дерехиб, известного по арабским источникам как Вади Аллаки и, возможно, являющегося Береникой Панхризос античных источников, памятниках Джебель Эльбы, а также описание гавани, которая, вероятно, была гаванью порта Айзаб.

К. Д. Никольская

«Скверные вещи» и руки брахмана

1. В драме Шудраки «Глиняная повозка» влюбленная в обедневшего брахмана Чарудатту гетера Васантасена оставляет ему на хранение золотые украшения, а Чарудатта передает их своему другу Майтрее, мотивируя это следующим образом: «Нельзя хранить

во внутренних покоях / То, что носила на себе гетера». Гетера с ритуальной точки зрения — существо нечистое, и потому опасное (см. например: *Manu* IV. 209, 219). Что же касается ее имущества, то оно в полной мере соответствует по степени опасности статусу своей хозяйки. Непонятным в этой ситуации остается одно: драгоценности берет на хранение друг Чарудатты брахман Майтрея. Почему-то для него, в отличие от внутренних покоев дома Чарудатты, имущество Васантасены угрозы не представляет.

2. Тема опасности имущества грешника широко представлена в санскритской литературе. Имущество, обладающее качествами, тождественными качествам его владельца, может причинить вред тому, к кому оно переходит. Совершенно ожидаемым кажется то, что максимальную осторожность должны соблюдать брахманы: ведь именно они *arigā* выступают как наиболее чистые с ритуальной точки зрения члены социума. Представления о том, что чистота брахмана должна оставаться незапятнанной, накладывают определенные ограничения и на брахманский образ жизни, и на требования, предъявляемые к поведению этих «хранителей незапятнанной чистоты». Тексты изобилуют примерами всевозможных ограничений, защищающих чистоту брахмана (*Manu* IV.205, 245; V. 4, 36, 104 и т. д.).

3. Одновременно в источниках встречаются контексты, смысл которых вступает в противоречие с этими требованиями. Так, вопреки всем предосторожностям текст Ману отмечает, что брахман, попавший в беду (*apaṇḍa gataḥ*), может брать дар у любого, т. к. при этом его чистота не пачкается грехом (*Manu* X.102). Таким же противоречием кажется пассаж из «Ашвалаяна-грихья-сутры» (AG I.8.12), в котором рекомендуется рубашку невесты — предмет, представляющий очевидную угрозу ритуальной безопасности (прежде всего, для семьи жениха) — после первой брачной ночи передать брахману. Подобное же предписание обнаруживается и в «Свадебном гимне» «Атхарваведы» (AV XIV.2.41–42). В этих и некоторых других контекстах мы обнаруживаем, что брахману не опасно «брать в руки» то, что представляет очевидную угрозу для любого другого.

4. В источниках, и в самом деле, в сюжетах, не касающихся имущественной проблематики, часто встречается тема неуязвимости брахманов. У Ману говорится: брахман, изучающий эту

шастру (*idaṃ śāstram adhīyāno brāhmaṇaḥ*) и живущий по ее предписаниям не пачкается грехами (*doṣair na lipyate*) (*Manu* I.104). В XI.62 же говорится, что брахман, помнящий Ригведу, освобождается от всех грехов (*sarvaparāiḥ pramucyate*). Иными словами, жречество в древней Индии, обладая сакральным знанием, оказывалось в некоторых ситуациях, опасных для остальных членов социума, под защитой определенных магических сил, делающих его неуязвимым для скверны.

5. Наконец, есть ряд контекстов, позволяющих развить тему. В дхармашастре Вишну говорится, что всегда чиста (*śuddha*) та милостыня, которая передается через брахмана (*Vi*. 23.48). Речь **не идет о даре, получаемом от брахмана**. Брахман выступает лишь как **посредник**. Текст отчетливо демонстрирует: любой предмет материального мира, проходя **через руки** брахмана, претерпевает некие изменения, которые делают его безопасным для всех и каждого. В этой связи стоит обратить внимание еще на один контекст у Ману: штраф, полученный царем от преступника, следует погрузить в воду и передать Варуне **или** (*vā*) отдать добродетельному и ученому брахману (*Manu* IX.244). Речь идет о деньгах, запятнанных великим грехом (*mahāpātaka*). Значит, в этом случае погружение в воду, посвящение Варуне **или** передача брахманам есть не просто способ очищения, а средство, смыывающее великий грех (*mahāpātaka*). Таким образом, оказывается, что статус брахмана не только делает его носителя в некоторых ситуациях неуязвимым по отношению к скверне, но и наделяет его свойствами очистителя, в т.ч. для предметов материального мира. Вполне вероятно, что, в частности, этот факт объясняет, почему украшения гетеры спокойно может взять на хранение брахман Майтрея.

Г. С. Попова

**Особенности служебной лексики
Ши-цзина («Канона песен») как один
из аспектов его датировки**

Ши-цзин 詩經 («Канон песен») — каноническая антология поэтических произведений древнего Китая, входящая в *У-цзин* («Пяти-

каноние») и *Ши-сань-цзин* («Тринадцатиканоние»). Состоит из четырех частей: *Го-фэн* («Нравы царств») — 160 песен, *Сяо-я* («Малые оды») — 74 песни, *Да-я* («Великие оды») — 31 песня, *Сун* («Гимны») — 40 песен.

Традиционная китайская историография временем создания различных произведений данного сборника считает период X–VI вв. до н. э. На основании сопоставления песен *Ши-цзина* с эпиграфическими надписями Западного Чжоу (1027–771) и Чуныцю (770–454) В. М. Крюков сделал вывод о том, что самые древние произведения *Ши-цзина* следует датировать VIII–VII вв. до н. э. [1, с. 322].

При исследовании данного памятника необходимо различать время возникновения входящих в *Ши-цзин* произведений и время их письменной фиксации. В данном случае мы рассматривали только возможное время возникновения песен.

Проведем анализ использования определенных лексических единиц, наличие которых может рассматриваться как датирующий признак, например, конечные частицы, предикатив *жу* 如, личное местоимение *юй* 予 появляются в эпиграфических текстах только в период Чуныцю [1, с. 302–303].

Подсчитаем число характерных для языка конца Западного Чжоу и начала периода Чуныцю местоимений: личных (*во* 我, *юй* 予) и вопросительных (*хэ* 曷, *хэ* 何), объективаторов (*ю* 攸, *со* 所), предикативов (*жо* 若 и *жу* 如), а также появившихся в языке в начале периода Чуныцю конечных частиц (*си* 兮, *и* 矣, *е* 也, *цзай* 哉, *ху* 乎, *янь* 焉).

Выявление конечной поэтической частицы *си* 兮 в первых двух разделах памятника (*Го-фэн* — 46 песен, *Сяо-я* — 10 песен) и незначительное ее присутствие в двух других разделах (*Да-я* и *Сун* — по одному случаю употребления) позволяет сделать вывод о том, что *Ши-цзин* по этому признаку может быть разделен на два основных пласта, первый из которых, вероятнее всего, относится к общинной культурной среде, а второй — к дворцово-храмовой культурной среде [2]. На это также указывает и содержание данных разделов.

Подсчет ранних и поздних аналогов личных и вопросительных местоимений, а также других служебных слов позволил распределить поэтические произведения по следующим периодам:

1) ранний период (встречаются только ранние лексические единицы, характерные для конца Западного Чжоу и относящиеся к концу IX–VIII вв. до н. э.) — 40 песен.

2) переходный период (имеются одновременно более ранние и более поздние аналоги лексических единиц, а также конечные частицы, характерные для начала периода Чуньцю (VIII в. до н. э.)) — 150 песен.

3) поздний период (присутствуют только лексические единицы, характерные для периода Чуньцю (770–454 гг. до н. э.)) — 68 песен.

4) прочие (произведения, не содержащие вышеуказанных лексических единиц) — 47 песен.

Для песен переходного периода также характерно использование в пределах одного произведения более ранних и более поздних аналогов одного и того же понятия, например, личных местоимений *во* 我 и *юй* 予, вопросительных местоимений *хэ* 曷 и *хэ* 何, объективаторов *ю* 攸 и *со* 所, предикативов *жо* 若 и *жу* 如.

Это явление характерно для: 10 песен раздела *Го-фэн*, 7 песен раздела *Сяо-я*, 11 песен раздела *Да-я*, 8 песен раздела *Сун*.

Таблица

Распределение по времени создания относительно друг друга произведений Ши-цзина

Часть	Время создания			
	Раннее	Переходное	Позднее	Прочие
<i>Го-фэн</i>	13 (4,2 %)	68 (22,3 %)	47 (15,4 %)	32 (10,4 %)
<i>Сяо-я</i>	10 (3,2 %)	41 (13,4 %)	13 (4,2 %)	10 (3,2 %)
<i>Да-я</i>	5 (1,6 %)	23 (7,5 %)	3 (1 %)	—
<i>Сун</i>	12 (3,9 %)	18 (5,9 %)	5 (1,6 %)	5 (1,6 %)
Всего	40 (13,1 %)	150 (49,1 %)	68 (22,3 %)	47 (15,4 %)

В таблице за единицу измерения была принята одна песня.

Результаты исследования показывают, что основной массив произведений (150 из **305**) относится к переходному периоду, т. е. приблизительно к VIII в. до н. э. Более ранние песни могут по времени создания восходить к концу IX в. до н. э., более поздние — к VII–VI вв. до н. э.

Уточнение датировки отдельных произведений потребует сопоставление упомянутых в них исторических реалий с эпиграфическими текстами соответствующих периодов.

Основная литература

1. Крюков В. М. Текст и ритуал. М., 2000.
2. Ульянов М. Ю. О понятии «культурная среда» и особенностях создания письменных произведений в период Чуньцю (771–453 гг. до н. э.) // Ломоносовские чтения. Востоковедение: Тезисы докладов научной конференции (Москва, 20 апреля 2015 г.). М.: Издательство Московского университета, 2015. С. 281–283.

М. Ю. Ульянов

Светские церемонии в период Чуньцю (771–453 гг. до н. э.) по данным Чуньцю Цзочжуань: визиты ко дворам чжоуского вана и правителей царств

Изучение исторических реалий, которые позволяют реконструировать различные аспекты «повседневной жизни» изучаемого общества, не менее важно, чем анализ исторических процессов. В культуре древних социумов важнейшее значение имели церемонии — сложный набор обусловленных ритуальными нормами обрядовых действий, наполненных символическим значением, которые совершались в торжественной обстановке в определенной последовательности. Различают церемонии религиозные и светские. Первые решали задачи коммуникации с высшими силами, вторые — между членами социума.

Среди светских выделим категорию придворных, а внутри них — группу, связанную с визитами ко дворам чжоуского вана

и правителей царств. Они, как и съезды (*хуй* 會), занимали центральное место в политической культуре своего времени.

Церемонии проводились в соответствии с правилами (*фа* 法). При дворах государей царств воспроизводились нормы, принятые при дворе чжоуского вана, но постепенно накапливались отличия, а порой некоторые из них нарушались (*шили* 失禮). Подробнее всего описаны церемонии, связанные с визитами, которые наносили друг другу правители царств. Согласно нормам, это следовало делать раз в пять лет. Отказ от выполнения повеления вана прибыть на аудиенцию или от приглашения правителя другого царства воспринимались как оскорбление, преднамеренное нарушение норм воспринимался как политический жест.

Встреча. В знак уважения высшие сановники встречали гостя у границы (*ни юй цзин* 逆于境) и провожали его в столицу. Там проводилась церемония «[встречи в] предместье и [благодарение за] усилия» (*цзяолао* 郊勞), в ходе которого хозяин благодарил гостя за то, что тот приехал. Далее проводилась церемония встречи гостя при входе во дворец, во время которой хозяин одаривал его девятью дарами (*цзюсянь* 九獻), для этого дары раскладывались на дворе (*тинши* 庭實). Гость также раскладывал все привезенные дары (*люйбай* 旅百). Подарки были в виде изделий из нефрита и отрезков шелка (*юйбо* 玉帛). Заключительная часть церемонии встречи — «отказ от нефритового [жезла]» (*цы юй* 辭玉), в ходе которой прибывший правитель или посол вручали нефритовый жезл встречающему в качестве символа готовности подчиниться его воли. Если хозяин желал проявить наивысшую степень уважения, то проводил церемонию «совместного жертвоприношения», предполагавшую совершение обряда *бяньдоу* 饗豆, когда в бамбуковых и деревянных корзинах определенной формы выставлялись жертвенные угощения шести видов. Эта церемония кратко называлась *юцзя* 有加.

Аудиенция (*чао* 朝) — центральное событие визита. Выделяют те, что носили регулярный характер — были привязаны к календарной дате или сезону (весной, в первый месяц года; осенью и пр.) и окказиональный — к конкретному событию (визиту по-

сольства и пр.). Обычный посол аудиенции удостоивался не всегда, но его могли пригласить на **прием** (*цзянь* 見), тогда он мог вести диалог с царем напрямую или через посредника, передавая ему слова своего государя и выслушивая ответы.

На аудиенции собирались «подданные» (*цюньчэнь* 群臣), получившие на то повеление (*мин* 命); у чжоуского *вана* — государи царств (*чжухоу*), у государей царств — правители владений (*дафу*) и др. При личном обращении монарх называл их «дядюшками» (*шифу* 叔父). Прибывшие в обращении друг к другу называли себя «братьями» (*куньди* 昆弟). Когда нужно было обсудить внутренние дела, на аудиенции приглашали «лучших людей царства» (*гожэнь* 國人 и *эрсаньцзы* 二三子), представителей влиятельных, но не знатных социальных групп. Церемонию проводил либо сам государь, либо высший сановник, его доверенное лицо. Порядок размещения определялся родством с родом правителя. Различали равных по статусу (*ши* 適) и не равных, поэтому аудиенции могли сопровождаться местничеством (*чжэнчан* 爭長). Впервые прибывшие ко двору проходили церемонию представления — *цзинь* 覲. Если правитель царства умирал во время аудиенции, то при погребении к посмертному титулу добавлялся один ранг.

Пир — заключительная часть визита. Выделяют: *сян* 享 — пир, заданный чжоуским ваном или государем царства для правителей других царств; *сян* 饗 — пир при дворе *чжухоу*; *янь* 宴 — торжественный прием с приемом пищи для послов, особенно, имевших ранг высшего сановника (*цин*).

Во время пира хозяин и гости восседали на помостах (*тан* 堂). Правитель царства мог подкладывать кусочки еды (*куй* 饋) почетному гостю. Чжоуский *ван* во время пира после «весенней аудиенции» угощал молодым вином (*сян ли* 饗醴).

На пиру диалог между государями царств мог вестись путем декламации од (*фу* 賦), в том числе сохранившихся в разделе «Малые оды» *Шицзина* («Канон песен»). Это позволяло в завуалированной форме выражать важные мысли и передать сокровенные чувства. Если пир был задан для подданных, то те выступали с тостами-здравицами в честь своего государя.

В заключительной части пира приглашенный монарх или кто-то из его окружения, сойдя с помоста, произносил «благодарственную речь» (*цы 辭*), в которой подводил итоги визита. Если принимающий монарх был доволен его результатами, то выказывая уважение партнеру, сходил с помоста и тем самым не только вставал во время произнесения речи, но и становился вровень с оратором. Если прибывшие монархи или послы отказывались от ее произнесения, то это считалось признаком охлаждения.

После нее приглашенный правитель, чтобы подтвердить сказанное, мог, обращаясь к хозяину, сам продекламировать торжественную оду (например, из раздела «Великие оды» *Шицзина*). Это называлось «ответное чтение оды» (*дафу 答賦*).

Финальным обрядом было «вручение прощальных даров» (*цзэнхуй 贈賄*). Чжоуский *ван* после пира одаривал гостей (*цы 賜*) изделиями из нефрита, лошадьми и др. в зависимости от ранга гостя. А государь царства, если во время визита приглашенный монарх признал свое подданство, мог символично одарить его металлом для отливки ритуальной утвари (сосудов и колоколов).

Новая и Новейшая история стран Азии и Африки

Н. Н. Бектимирова

Особенности внешнеполитической стратегии Камбоджи на современном этапе

В соответствии с Конституцией 1993 г. Камбоджи является независимым, суверенным, мирным государством, проводящим политику нейтралитета и неприсоединения. В 53-ей статье Основного закона говорится о том, что Камбоджа придерживается политики мирного сосуществования с соседними государствами и со всеми странами мира, что она не вмешивается ни прямо, ни косвенно во внутренние дела других государств и все проблемы решает мирным путем на основе учета взаимных интересов. В условиях глобализированного мира XXI века правящая элита страны стремится проводить политику нейтралитета в традиционной для кхмеров форме балансирования между вне- и региональными акторами, в первую очередь, между КНР и США, КНР и Японией, КНР и Вьетнамом. Особенность камбоджийской политики балансирования на современном этапе заключается в том, что одним из постоянных элементов выстраиваемой Пном Пенем системы «баланса» выступает Китай.

Связи с КНР занимают особое место среди внешнеполитических приоритетов Камбоджи. Отношения между двумя странами знавали периоды как теснейшей дружбы, так и открытого противостояния. При этом политические элиты Камбоджи всегда придерживались единой точки зрения, которая состояла в том, что, если, американское влияние в ЮВА на разных поворотах истории может увеличиваться или сокращаться, то Китай является важным фактором для стран региона во все времена.

Не раз озвученная представителями внешнеполитического ведомства КНР стратегия Китая в отношении Камбоджи, состоящая в том, чтобы помогать Камбодже поддерживать внутреннюю стабильность, наращивать экономический потенциал и играть большую роль в региональных и международных делах, вполне устраивает премьер-министра Хун Сена. Китай вышел на первое место по объему иностранных инвестиций и официальной помощи развитию Камбодже, на второе — по объему внешнеторговых связей. Камбоджа, со своей стороны, помогает Пекину последовательно отстаивать на международной арене важную для него точку зрения, которая заключается в том, что все спорные вопросы по Южно-Китайскому морю должны решаться на двусторонней основе между заинтересованными сторонами.

Очевидный подъем в последнее пятилетие наблюдался и в камбоджийско-американских отношениях, которые существенно укрепились и расширились, особенно в экономической и военной сферах. По мнению Хун Сена, камбоджийско-американские отношения никогда за весь период независимого развития Королевства не достигали такого расцвета, как в настоящий период. Балансирование между КНР и США, соперничество между которыми за влияние на страны ЮВА особенно возросло в настоящее время, является главной стратегической линией внешнеполитической деятельности страны.

Важнейшее место среди внешнеполитических приоритетов Камбоджи занимает Вьетнам, отношения с которым имеют статус всеобъемлющего стратегического партнерства. Взаимодействие с этим соседним государством является ключевым элементом внешней политики Пном Пеня, особенно в том, что касается достижения и поддержания баланса в отношениях с Китаем. По мнению кхмерских политологов, сохранять подобный баланс, подчас, бывает очень непросто, так как Камбоджа довольно часто попадает в ситуацию «человека, у которого две жены, и обе должны быть довольны жизнью». Однако премьер-министр Камбоджи Хун Сен в течение всей своей длительной политической карьеры уже не раз доказывал свое мастерство супербалансера.

Основная литература

1. Бектимирова Н. Н. Влияние традиционных факторов на внешнюю политику Камбоджи на современном этапе // ЮВА: Актуальные проблемы развития. № 26. М., 2015.
2. Cambodia. Progress and Challenges since 1991. Ed. By *Pou Sothirak, Wade G., Hong M.* Singapore. 2012.

В. С. Бойко

**Афганистан в 1930-е – 1940-е гг.:
модернизационный потенциал,
стратегия и практика развития**

Данное исследование проведено при поддержке
РГНФ (проект «а» 15-01-00440)

В отечественной историографии Афганистана уделяется мало внимания социально-экономическим проблемам, в том числе сюжетам, связанным с историей модернизации этой страны. Между тем, изучение документов из российских и зарубежных (британских, индийских и др.) архивов показывает, что такие задачи ставились и в текущей политике, и в стратегии властей и торгово-промышленных кругов, в том числе в «межконфликтный» период 1930-х – 1940-х гг.

В 1930-е гг. в Афганистане после неудачи реформаторского эксперимента Аманулла-хана, завершившегося гражданской войной и приходом к власти клана мусахибов во главе с бывшим военным министром Мухаммадом Надир-ханом сложилось тяжелое экономическое положение. Купечество, а также торговцы и предприниматели испытывали конкуренцию со стороны индийской (сикхской) общины Афганистана, ориентированной на англо-индийский рынок и представлявшие его торговые группы. В этих условиях большую роль играло сотрудничество с ведущими державами — соседями и партнерами из дальнего зарубежья.

СССР предложил Афганистану заключить торговый договор и ряд других сделок (расширение зоны хлопкопроизводства в Аф-

ганском Туркестане, с последующей продажей советским партнерам всего урожая хлопка, предоставление монополии на продажу нефтепродуктов и монополии на покупку афганского каракуля). Но афганское руководство не торопилось диверсифицировать связи с северным соседом. Беспокойство афганцев, а также англичан, вызвало советское предложение о строительстве моста через Амударью и прокладке по северному Афганистану ответвления от среднеазиатской сети железных дорог — в случае согласия афганцев советская сторона выступала бы и основным инвестором этого стратегического проекта.

В середине 1930-х гг. в Афганистане заметно активизировались Германия и Япония — немцев особенно привлекал северо-восток (Кунар, Нуристан, Бадахшан). Выразителями курса на расширение политико-экономических связей с Германией, в том числе ценой дистанцирования от Англии, были так называемые «молодые» политики — группа в составе принца Наима, Абдул Маджида Забули и др., пользовавшаяся поддержкой короля. Японцы проявляли особый интерес к северным районам и Гератской области Афганистана. Они также выступили с предложением послать в Японию группу афганских студентов на условиях бесплатного обучения и содержания. Американцев больше занимал вопрос об афганской нефти — афганское правительство само добивалось получения американского займа на разработку нефтяных месторождений, но отказалось от заключения соглашения с американцами — в этой и других сферах возобладала установка на создание национальных акционерных обществ (ширкетов) без участия иностранного капитала: к концу 1930-х гг. в Афганистане существовало около 50 ширкетов с общим капиталом более 100 млн афгани. При этом активы крупнейшего ширкета «Асхам-е Насаджи» составляли 51 млн афгани. Это акционерное общество успешно торговало каракулем, сахаром, нефтью, оно впервые ввело выдачу дивидендов. Отраслевые приоритеты экономической программы правительства в 1930-е гг. включали меры по увеличению посевных площадей путем строительства ряда плотин, главным образом в юго-восточных районах Афганистана, но из 7 плотин удалось построить только одну в Логаре оросительной мощностью

в 7 тыс. га. Еще один ресурс развития должны были составить технические культуры — хлопководство и шелководство. Основная нагрузка выполнения хлопковой программы лежала на узбеках — бывших эмигрантах из советской Средней Азии — многие из них имели соответствующий опыт и навыки. Собственно аграрный сектор имел многоукладную конфигурацию — в нем были государственные, частнокапиталистические и другие компоненты: по состоянию на 1940 г. государственные земли составляли 30 %, помещичьи — 30 %, в распоряжении крестьян находились оставшиеся 40 %, причем это соотношение имело региональные особенности — в Кандагарской провинции насчитывалось до 20 % безземельных крестьян. Все еще значительное место в аграрных отношениях занимали натуральные налоги, хотя на севере, где был более распространен наемный труд, доля которого в доходах составляла не более $\frac{1}{8}$ – $\frac{1}{9}$ урожая, причем здесь же более распространенной была и выплата издольщины деньгами. В некоторых областях Афганистана (Герат и др.) сохранялась общинная земля, и налогом облагалась вся община, а не отдельные работники.

Основной задачей промышленности было удовлетворение потребностей страны в хлопчатобумажных тканях и сахаре — именно эти товары все еще занимали основное место в импортных закупках. Эту задачу предполагалось решить за счет строительства текстильного комбината в Пули-Хумри и сахарного завода в Багла-не, что и было сделано в начале 1940-х годов.

Своеобразным и существенным явлением экономической, а подспудно и политической жизни Афганистана в предвоенный и военный период стала деятельность крупнейшего предпринимателя и финансиста А. М. Забули — он фактически через торговую палату определял структуру и масштабы импорта и экспорта, налогов, влиял на арбитражные споры и пр. Забули выстроил целую систему связей и каналов управления своим многопрофильным бизнесом, но главным ресурсом его поддержки выступал королевский клан (премьер-министр Хашим-хан, принцы Дауд и Наим), все члены которого, за исключением военного министра Шах Махмуда, были акционерами Национального банка. Предприимчивость первого афганского олигарха позволила ему решить ряд

крупных коммерческих задач — потеснить в торговле инациональные элементы, и прежде всего пешаварских индийцев, бухарских и иранских евреев. Грабительская практика группы Забули, соединенная с ее финансовой мощью, вызывала недовольство и конкурентов, и продавцов сырья. Все это создавало социальное напряжение, имеющее к тому же этническую окраску. В годы второй мировой войны А. М. Забули находился в Германии, что не помешало ему вернуться впоследствии и в афганский бизнес, и в политику. В годы войны в афганской экономике усилились кризисные явления, но это не помешало ее дальнейшей ширкетизации, однако сохранение семейно-олигархического режима мусахибов обусловило нарастание либеральных настроений и постепенную модернизацию общественно-государственных отношений.

Основная литература

1. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ).
2. National archive of India (Delhi).
3. *Алексеев П. Аграрный вопрос в Афганском Туркестане*. М., 1933.

Е. В. Волчкова

Тоска по погибшей империи: минский лоялизм в китайской живописи второй половины XVII – начала XVIII вв.

Крушение минской империи переживалось ученым сословием не только как политическая катастрофа, но и как серьезное моральное испытание. В этих условиях лоялизм по отношению к погибшей династии в разных его проявлениях — от героической смерти в борьбе до самоубийства по примеру последнего императора Мин, от пассивного сопротивления до тотального эскапизма — рассматривался как наиболее достойный вариант поведения. Образы минского лоялизма, объединявшего т. н. «иминь» — людей, верных старой династии — отразились, в том числе, и в живописном творчестве второй половины XVII и начала XVIII вв.

Одну из наиболее распространенных живописных тем этого времени можно пояснить известным высказыванием Конфуция: «Если [в Поднебесной] нет Дао-Пути, скройся». Образы идеального мира, нетронутого разрушением, где человек высокой нравственности может укрыться от жестокой реальности, отсылают к легендарному «персиковому источнику» поэта Тао Юаньмина (365–427), а также к важным культурным локусам китайской традиции — рекам Сяо и Сян (метафора изгнания), горе Суншань (центральному священному пику, ассоциировавшемуся с неизбежностью императорской власти), озеру Тайху (где странствовал крупнейший художник начала периода Юань Ни Цзань, воплотивший идеал отшельничества в годы монгольского завоевания), горе Хуаншань (одному из любимых мест эстетического паломничества минского времени).

Эскапизм, однако, не в полной мере описывает весь спектр значений, вкладываемых в живопись такого рода. Например, пейзажи Ни Цзяня, которым так любили подражать художники второй половины XVII века, глубоко депрессивны: безлюдное пространство, недостижимый дальний берег, чахлые облетевшие деревья на первом плане картины, символизировавшие малочисленность и угнетенное состояние сознания единомышленников автора. Пейзажи одного из наиболее известных художников ранней Цин У Ли (1632–1718) лишены трагичности и вполне ортодоксальны, однако, при более глубоком анализе становится очевидно, что в них он переосмысляет традиционные китайские философские концепции в христианском ключе, после того, как на склоне лет обрел смысл жизни в этой религии. Гора Хуаншань, в свою очередь, стала для художников южного Китая (прежде всего, для аньхойской школы) символом политического сопротивления: в ходе маньчжурского завоевания здесь укрывались минские лоялисты, здесь в одном из храмов проводились церемонии в честь погибшего последнего императора Мин, эти места были воспеты Хуан Даочжоу, одним из образцов героического самопожертвования, перед своей казнью.

Антицинские настроения, которые невозможно было высказать напрямую, находили выражение в символах и иносказаниях. Цветущая слива мэихуа в снегу читалась как метафора лояльного

подданного Мин, человека несгибаемой морали, в условиях общественной деградации и политической катастрофы. Так же трактовался сюжет «три друга холодной зимы»: мэйхуа, бамбук и сосна. Одним из важных символов протеста становится орхидея, отсылающая к знаменитой картине юаньского художника Чжэн Сысяо (1241–1318); на вопрос, почему на его картине орхидея изображена без корней, в пустом пространстве, тот, как считается, ответил: «Землю украли варвары».

Более явно политическая позиция высказывалась через использование циклических знаков вместо официального цинского календаря для датировки картины, через принятие литературных псевдонимов, обыгрывающих тему лояльности, а также через разнообразные аллюзии на фамилию погибшего правящего дома — Чжу (в переводе — киноварно-красный) и название павшей империи — Мин (светлый). Еще больший простор для выражения предоставляли поэтические подписи к картинам, часто придававшие вполне невинным, на первый взгляд, изображениям глубокий лоялистский подтекст. Мастером такого сочетания нейтрального живописного образа и политизированного поэтического контекста, был, например, Чжу Да (ок. 1626–1705), потомок минского правящего дома, вынужденный постричься в монахи и ставший художником, известным под псевдонимом Бадашань жэнь.

Переживание маньчжурского завоевания как личной или семейной трагедии, в целом, ушло к середине XVIII века, однако увлечение иносказаниями и интеллектуальными кодами, а также их поисками и интерпретацией, осталось. Именно оно стало фоном для одного из наиболее спорных эпизодов общественно-политической жизни этого времени — т. н. «литературной инквизиции», преследовавшей антиманьчжурскую крамолу в интеллектуальном творчестве.

Основная литература

1. Чжунго мэйшу цюаньцзи. Хуйхуа бянь (Полное собрание произведений китайского искусства. Живопись). Т. 9–10. Циндай хуйхуа (Живопись эпохи Цин). Пекин, 1988.

М. И. Гаммал

**Караимская община в Иерусалиме
в XVIII веке**

В современной караимской историографии история караимской общины Иерусалима в Новое время есть область мало изученная. Наше знание о ней сводится, по сути, к нескольким страницам в монографии Джейкоба Манна «Texts and studies in Jewish History and Literature», Vol. II, Caraitica (Филадельфия, 1935). Так, в разделе, посвященном истории караимов Византии и Крыма, обращаясь к переписке между караимскими общинами Крыма и Стамбула о финансовой поддержке иерусалимских караимов, Манн попутно дает развернутую историческую справку о караимах Иерусалима в XVIII веке. Его описание по большей степени относится ко второй трети столетия и базируется на тех, весьма фрагментарных сведениях, что были накоплены в еврейской историографии того времени. Сведения эти могут быть суммированы следующим образом.

В начале XVIII века караимская община Иерусалима в силу своей финансовой несостоятельности прекращает свое существование и оставшееся в городе караимская недвижимость находится под управлением раввинистической общины. Однако уже в начале сороковых годов XVIII века в Иерусалим из Дамаска переселяется семья богатого торговца Самуила бен Авраама ха-Леви, которая и становится основанием караимской общины в Иерусалиме. Уже через несколько лет после переезда от бывшего богатства ха-Леви не остается и следа и караимское присутствие в Иерусалиме возможно лишь благодаря финансовой поддержке общин диаспоры, ведущую роль среди которых играет наиболее состоятельная в финансовом отношении караимская община Крыма. Манн также упоминает о судебном конфликте между караимской общиной с раввинистической по поводу претензий последней на обладание караимской недвижимостью. Манн высказывает предположение, что в восьмидесятых годах Самуил ха-Леви умирает и руководство общины переходит его сыновьям, но община все равно продолжает представлять собой, по сути, одну большую патриархальную

семью. В целом жизнь караимской общины мало чем отличается от жизни остального еврейского населения города: небольшая традиционная еврейская община, обремененная долгами и находящаяся в весьма сложных отношениях с властями и окружающим населением.

В настоящее время благодаря введению в научный оборот двух новых собраний источников, у нас появляется возможность значительно уточнить наше знание об истории караимской общины Иерусалима во второй половине XVIII века. Первая группа источников — это переписка иерусалимской общины с караимами Крыма в XVIII–первой половине XIX вв., что находится в фонде № 182 отдела рукописей и редких книг Российской государственной библиотеки. Вторая группа — это материалы мусульманского суда в Иерусалиме, в которых фигурирует караимская община. Они были опубликованы в переводе на иврит в сборнике «Евреи в исламском религиозном суде. Общество, экономика и общинная организация в XVIII столетии. Документы из османского Иерусалима» (Иерусалим, 1996) под редакцией Амнона Козна.

И хотя общая картина жизни общины не меняется (что и не удивительно), но повышается детализация исторического описания и многие предположения становятся фактами. Более того, нам удастся продолжить историю караимской жизни в Иерусалиме там, где Манн заканчивает свое описание, т.е. с последней трети XVIII века и до первых десятилетий следующего столетия.

У нас есть свидетельства, что караимского присутствия в Иерусалиме еще в 1722 году. Очевидно, что общины не существовало крайне непродолжительный период, не более двух десятилетий, что сделало юридически возможным возврат недвижимости караимским переселенцам из Дамаска уже после 1742 года. Что касается отношений общины с окружающим населением, материал такого рода представлен в документах мусульманского суда в Иерусалиме. Отношения были крайне сложными: многочисленные долги караимской общины имели своим следствием имущественные тяжбы с соседями. Не все эти конфликты находят отражение в материалах суда, часть из них решается во внесудебном порядке. Весьма характерно, что в таких случаях третьей стороной выступают

пает представитель местной элиты (определяемый в караимской переписке как «шейх»), а не османский чиновник.

В целом, перед нами предстает весьма неутешительная картина жизни крохотной общины (в конце XVIII века семья ха-Леви состояла всего из 20 душ): письма в Крым полны подробностей о повышении налогов, поборов со стороны губернаторов, росте цен. Даже если учесть, что подробности такого рода даны с некоторым преувеличением, характерным для литературы данного жанра, все равно мы вынуждены констатировать, что жизнь евреев в Иерусалиме в эпоху поздней Османской империи носила характер выживания на грани нищеты. Ярким и личным свидетельством тому были обстоятельства смерти Самуила ха-Леви — основателя и долгое время главы караимской общины Иерусалима. Он умер в 1776 году в Дамаске, куда переехал незадолго до смерти, не выдержав тягот жизни в Иерусалиме. Очевидной причиной смерти было то, что по дороге в Дамаск он был ограблен бедуинами и лишился всего своего имущества. Психологическое потрясение от насилия и нищета — характерные приметы времени, что делают историческую частность иллюстрацией эпохи.

И. А. Захаренко, А. А. Сорокин

**Историко-политическая картография
Квантунской области России
в Маньчжурии**

Дальний Восток — уникальный регион мира, где в течение более чем трех столетий, начиная с середины XVII в., формировалось трансграничное пространство двух великих держав — России и Китая. Этот значительный временной период имеет чрезвычайно богатую и сложную историю изучения обширного трансграничного пространства, где переплелись политические, экономические, этнокультурные и территориальные интересы сопредельных государств.

Движение русского народа в Сибирь и на Дальний Восток явилось закономерным историческим процессом. Сибирь — это

геополитический базис России, а Дальний Восток — стратегический плацдарм в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Обустройство Россией незамерзающих и защищенных морских портов, постройка самой протяженной в мире железной дороги резко стимулировали российскую торговлю.

Целью исследования является картографическая реконструкция историко-политических событий, происходивших в Квантунской области в период с 1895 по 1905 гг. Исторически сложилось так, что изучаемый регион стал ареной столкновения геополитических интересов великих держав, что наложило свой неповторимый отпечаток на историю формирования российско-китайских отношений. Здесь важным является определение территориальных пределов распространения национальных интересов и обеспечение национальной безопасности России на исторически и геополитически тяготеющих к ней азиатских территориях.

Вся логика исторического развития России во второй половине XIX — начале XX в. привела к тому, что для укрепления своих политических и экономических позиций во внешнем мире, и, в первую очередь в Европе, Россия, как это не парадоксально, постоянно усиливала геополитическую активность в Азиатском трансграничном пространстве, а также изыскивала внутренние ресурсы экономической самоорганизации с опорой на обширный стратегический потенциал Азиатской России.

Исходя из анализа исторического формирования и развития Дальневосточного трансграничного пространства, был сформулирован закон формирования геостратегического пространства: если в определенном месте Земного шара происходит концентрация геополитического поля национальных интересов и фокусируются силы-факторы национальной безопасности, образуются сферы влияния крупнейших и могущественных мировых государств, то геополитическая необходимость формирует трансграничный регион в определенном месте и в установленное время. Знание этого закона дало возможность понять динамику взаимодействия России, Англии, Германии, Японии, Китая в Маньчжурии, выявить противоречия в их взаимоотношениях, а затем исследовать генезис их разрешения.

Проведенное историко-научное и теоретико-методологическое исследование позволило впервые ввести в научный оборот понятие «Стратегическая география и картография» как синтетическое научное направление, объемлющее основные аспекты физической, политической, исторической, социально-экономической, конфессиональной, этнической, военной, культурной географии и картографии, которые обеспечивают принятие геостратегических решений. Это эффективный инструмент для анализа современных процессов и моделирования возможных вариантов их развития, а также достоверного прогноза геополитической обстановки в геостратегическом пространстве и историческом времени.

А. Н. Карнеев

**Феномен «запрещенных книг»
в современном Китае**

Когда 30 декабря прошлого года совладелец книжного магазина Causewaybay Bookstore 铜锣湾书店 в центре Гонконга по фамилии Ли Бо отправился из своего офиса в расположенный в подвальном помещении склад за коробкой книг, он не предполагал, что станет самым известным фигурантом громкого международного скандала, в котором будут замешаны и вопросы издания запрещенных в Китае произведений, и большая политика, и подробности персональной жизни китайского руководства. Когда стало ясно, что муж, отправившийся в подвал за книгами для какого-то явившегося в магазин клиента, пропал, жена Ли Бо обратилась с заявлением в полицию. К тому времени стало понятно, что с Ли Бо произошло что-то нехорошее. На протяжении нескольких предшествующих месяцев в издательстве исчезли без следа еще четыре человека.

Общественность Гонконга сразу же связала исчезновение пяти сотрудников издательства Цзюлюй и книжного магазина с их издательской деятельностью и намерением правоохранительных органов Китая покарать их за неугодные Пекину публикации. Исчезновение же Ли Бо (номинально — гражданин Великобрита-

нии) стало особенно болезненным событием для многих: оно показало, что при новом китайском руководстве в Пекине не существует никаких законодательных или административных преград для наказания лиц, высказывающих те или иные точки зрения на политику материкового Китая. Значит, больше не существует никаких гарантий свободы слова и свободы высказываний, формула «одно государство — две системы» поставлена «делом Ли Бо» под вопрос, или она больше *уже* не действует, хотя по соглашению 1984 г. Китай обязался не демонтировать существующую административно-правовую систему Гонконга как минимум до 2047 г. Помимо разного рода представителей общественности и даже правительства Гонконга, целый ряд официальных представителей нескольких стран высказали озабоченность в связи с исчезновением сотрудников издательства и книжного магазина в Гонконге.

К концу февраля 2016 г. давление западного общественного мнения, а также бурление страстей в самом Гонконге, возможно, начали приносить определенные результаты. Правоохранительные органы материковой части Китая пошли на определенные уступки: были организованы встречи некоторых «пропавших» с представителями полиции САР Гонконг, а также телефонные разговоры с членами семей. В начале марта с.г., возможно не желая создавать негативного фона для очередной «двойной сессии» китайского парламента, власти КНР позволили двум фигурантам «дела о книгоиздателях» вернуться в Гонконг. Однако все это не означает, что в деле о пропавших книжниках пора поставить точку. Наоборот, по мере того, как становятся известными все больше подробностей дела, внимание все больше сосредотачивается на вопросе: что же может означать предпринятая правоохранителями КНР неуклюжая спецоперация, в которой главным мотивом, как казалось многим, была задача предотвратить публикацию низкопробной книги разоблачений подробностей личной жизни руководителя КНР? Постепенно прорисовываются контуры более масштабной задачи, которая, по всей видимости, стояла за операцией по организации «исчезновения» книгоиздателей — начало систематической борьбы против потока «запрещенных книг», издаваемых в Гонконге и находящихся все более широкое распространение среди читающей публики внутри КНР.

Разбору разного рода версий, связанных с феноменом «запрещенной литературы» в современном Китае и посвящено данное сообщение.

И. Н. Литилина

**Типология военных переворотов
в современном Таиланде**

Со времени становления конституционной системы (1932 г.) в Таиланде было совершено 20 государственных переворотов, которые осуществлялись различными военными группировками. То есть военный переворот в современной истории страны превратился в действенный инструмент политической борьбы. В связи с этим интересно попытаться определить типологию переворотов на основании выделения следующих показателей: 1) идеологические установки участников; 2) задачи переворота; 3) результаты переворота.

Анализ данных в соответствии с выделенными параметрами позволяет сделать некоторые обобщения: 1) участников переворотов можно условно выделить на «западников» и «традиционалистов»; 2) перевороты совершались в основном, исходя из диаметрально противоположных задач — развития политической системы в сторону западной модели или же с целью консервации традиционных структур. Первоначально перевороты совершались с целью вестернизации страны (1930-е гг.), затем — архаизации политической системы (1950–1970-е гг.), затем — восстановления западных норм, но на основе традиционности (1980-е гг.), и наконец перевороты 2007 и 2014 гг. были совершены с целью возврата к традиционности; 3) перевороты обычно заканчивались установлением режима той группировки, которая и совершала переворот. Результатом переворота становилась смена элит, различающихся не столько по групповым интересам, сколько по своей идеологической направленности — западнической или традиционалистской. Соответственно и характер складывающейся после перево-

рота политической системы во многом определялся этими установками.

Перевоороты 2007 и 2014 гг. несколько выпадают из подобной схемы — целью является не приведение к власти их исполнителей, имеющих четкие идеологические задачи, а отстранение лидирующей политической силы. То есть исполнители, выполняющие определенный политический заказ, не имеют четких стратегических установок на будущее. Возможно этим несоответствием задач и способа исполнения и объясняется их неэффективность в настоящее время.

Е. Я. Литвинцева

**Карикатура в колониальной Индии
(на примере журнала «Аудх Панч»)**

Индийская карикатура как самостоятельное явление возникла во второй половине XIX века под влиянием британской карикатуристики — в частности юмористического журнала «Панч», основанного в Лондоне в 1841 году. Журнал быстро приобрел популярность в Британской империи и за ее пределами, а стиль его авторов, среди которых в разное время были известные английские художники и писатели, такие как Джон Тенниел и Чарльз Диккенс, превратился в образец для подражания.

Британская Индия не стала исключением. Первыми издателями и редакторами многочисленных журналов, перепечатающих карикатуры из «Панча», были англичане, живущие в Индии. Их издания нередко отличались насмешливым отношением к местному населению и даже расизмом: индийцы в карикатурах представляли дикарями, претендующими на образ жизни «белых».

В 1870-х годах появляется множество иллюстрированных «народных панчей» — сатирических изданий на местных языках: хинди, бенгали, панджаби, урду, гуджарати и др., выпускаемых индийцами. Индийские художники не только копировали «Панч»,

но и создавали собственные рисунки. Такие журналы не переводились на английский, поэтому в большинстве своем оставались недоступными англичанам.

Одним из первых «народных» аналогов «Панча», печатавшим индийских авторов, считается «Аудх Панч» на урду, издававшийся в Лакхнау (Северо-Западные провинции Британской Индии), Мухаммадом Саджадом Хуссейном с 1877 года. Журнал был еженедельным, распространялся по подписке и в розницу, его тираж составлял сначала 250, а потом 500 экземпляров.

Среди сюжетов, затрагиваемых «Аудх Панчем» — события во внешней и внутренней политике и социальной жизни: Русско-турецкая и Англо-афганская войны, приезд в Лакхнау высокопоставленных чиновников колониальной администрации, голод в Кашмире и др., а также быт и нравы индийского общества — в частности, пристрастие индийцев к опиуму.

Стиль журнала одни исследователи считают «вульгарным», а его видение повестки дня называют «общим местом», другие же говорят об «Аудх Панче» как о достойном издании, не боящемся говорить правду, а его авторов хвалят за «хороший вкус». Как бы то ни было, несмотря на небольшой тираж, журнал получил широкую популярность. Это подтверждает, например, сохранившееся свидетельство о жалобах со стороны подписчиков «Аудх Панча»: сотрудники почтовой службы, которые должны были отправлять издание в другие города, вместо этого прятали его у себя и тайне читали, поэтому журнал нередко не доходил до адресатов.

«Аудх Панч» стал заметным явлением в истории индийской политической журналистики и карикатуры, что отмечали уже через четыре года после его возникновения британские власти. Так, в 1881 году в Индии вышел сборник иллюстраций из разных выпусков журнала с пояснениями на английском языке и предисловием, содержащим подробную информацию об издателе и стилистике журнала.

В начале XX века «Аудх Панч» по-прежнему оставался одним из самых читаемых «народных» изданий, а публиковавшиеся в нем карикатуры во многом повлияли на творческую манеру последующих поколений индийских карикатуристов.

Основная литература

1. A Selection from the Illustrations Which Have Appeared in the Oudh Punch from 1877 to 1881. Lucknow, 1881.
2. *Khanduri R. G. Caricaturing Culture in India. Cambridge, 2014.*

О. А. Наливайко**Гэнсаи Мураи и его роман «Куи до:раку»
как отражение вестернизации в Японии
эпохи Мэйдзи**

Гэнсаи Мураи (1863–1927) — главный редактор одной из самых крупных политических газет Японии конца XIX–начала XX вв., предприниматель, успешный писатель, публицист. За свои 63 года Гэнсаи Мураи создал около 40 фундаментальных произведений, более 20 коротких рассказов, а также огромное количество эссе в жанре «дзуйхицу», рецензий и критических очерков. Однако в современной Японии, если его имя и вспоминают, то обычно как автора «гастрономического» романа «Наслаждение от приёма пищи» («Куи до:раку», 1903).

Роман можно назвать важным источником для исследования различных аспектов повседневной жизни, но особенно культуры питания в эпоху Мэйдзи. В романе автор обращает внимание на такие темы, как вопросы этики и застольного этикета, проблемы современного воспитания и образования, размышляет о разных видах одежды, о правильном питании и гигиене, а также дает подробное руководство по правильному использованию новомодных кухонных принадлежностей. Целью романа было приобщить читателя к западной цивилизации на примере знакомства с западной кухней — более современной и практичной, не отказываясь от японской традиционной культуры питания, а умело сочетая японские и европейские ингредиенты.

Политические, военные и социально-экономические реформы, проводимые правительством Мэйдзи, затронули все сферы общественной жизни, а также способствовали изменению не только бы-

товой стороны жизни японцев, но и исконно японских традиций и обычаев. Изменения коснулись и такой, казалось бы специфической области, как кулинария. Так, кулинарные тексты, где освещались европейские рецепты, стали пользоваться особым спросом среди поваров и работников ресторанов в кварталах, где жили европейцы; среди предпринимателей, собирающихся открыть заведения, где можно было бы отведать европейские блюда; и просто среди тех, кто хотел понять европейскую культуру посредством дегустации традиционных европейских блюд. В период Мэйдзи тексты кулинарного жанра впервые стали печатать в периодических изданиях (газетах, журналах), что также свидетельствует об их популярности и своевременности. Иными словами, кулинария как неотъемлемый элемент культуры претерпела изменения и продолжала развиваться в новых условиях. Именно этот процесс и отражен в сочинении Гэнсаи Мураи, который выбрал основной темой своего произведения эту область повседневной культуры, так как она была доступна и интересна максимально широкому кругу японцев.

Большая популярность «Куи до:раку» в эпоху Мэйдзи может свидетельствовать о чрезвычайной актуальности этого произведения в период вестернизации. Для процесса вестернизации в Японии на ранних этапах (конец XIX – начало XX века) характерно заимствование преимущественно внешних форм, копирование западного стиля жизни. В романе «Куи до:раку» автор знакомит японского читателя именно с повседневным, бытовым проявлением иноземной культуры. Таким образом, сама личность Гэнсаи Мураи и его произведение «Куи до:раку» можно назвать ярким примером использования механизма заимствования и трансформации инокультурных форм и явлений, выработанных японской культурой еще с глубокой древности.

Основная литература

1. Japanese Foodway. Past & Present. Ed. by Eric C. Rath and Stephanie Assmann. University of Illinois Press, 2010. 290 с.

2. *Мураи Гэнсаи*. Куи до:раку (Наслаждение от приёма пищи). Токио: Иванами сётэн, 2005. В 2-х тома: 1 том — 590 с., 2 том — 568 с.
3. *Куруиwa Хисако*. Куи до:раку-но-хито Мураи Гэнсаи (Мураи Гэнсаи — человек, который написал книгу «Наслаждение от приёма пищи»). Токио: Иванами сётэн, 2004. 427 с.

О. В. Новакова

**ХII-й съезд КПВ: через прошлое
к будущему**

В общественно-политической жизни Вьетнама произошло крупное событие пятилетия — с 21 по 28 января 2016 г. прошел XII съезд правящей Коммунистической партии Вьетнама (КПВ). Съезд подвел итоги 30-летия развития страны после провозглашения политики «обновления» в 1986 г., а также работы партии и выполнения планов пятилетки 2011–2015 гг., определил направления развития страны на следующие пять лет.

На съезде было обновлено партийно-государственное руководство. Делегаты избрали Центральный комитет партии и новый состав Политбюро ЦК (обновлен на $\frac{2}{3}$ и расширен до 19 человек). Генеральный секретарь ЦК Нгуен Фу Чонг избран на второй мандатный срок (на пять лет). Съезд также вынес свои рекомендации по кандидатурам президента, премьер-министра и председателя Национального собрания, которые придут на смену действующим. Будущие руководители страны должны быть утверждены на эти посты в ходе летней сессии Национального собрания СРВ. Сегодня они входят в состав Политбюро и занимают высокие позиции в партийно-государственном аппарате, соответственно министра общественной безопасности, вице-премьера и зам. председателя Национального собрания.

1500 делегатов от 4,5 млн членов КПВ избрали новый состав ЦК партии и Политбюро ЦК. Следует отметить, что радикальная смена поколений в руководящем звене КПВ прошла на основе её

длительной и тщательной подготовки, при соблюдении демократических процедур. Это помогло сохранить единство партии, обеспечить преемственность и принципиальную неизменность её внутренней и внешней политики. В этом заключается главный успех XII съезда КПВ.

Исходя из давних традиций, руководители КПВ и государства представили свои многочисленные поздравления различным общественным организациям Вьетнама по случаю наступления Нового года по лунному календарю (Tết, 06/02/2016).

Президент СРВ Чыонг Тан Шанг и партийная делегация центральных партийных органов посетили с рабочим визитом 6 февраля южные провинции Донгтхап и Лонган (в дельте Меконга) и поздравили местные власти и население с Новым годом. 5 февраля Президент СРВ посетил партийные комитеты госпредприятий центрального подчинения и поздравил всех с новым годом по лунному календарю.

Президент Национального собрания 5 февраля посетил этнические комитеты и другие рабочие комиссии Национального собрания, поздравив сотрудников с Новым годом. Нгуен Тхиен Нян, член Политбюро, президент Отечественного фронта Вьетнама по случаю нового года принял в Ханое 5 февраля президента Совета епископов Вьетнама, архиепископа г. Хошимина Буи Ван Дока.

Соглашение о Транстихоокеанском партнерстве (ТТП) — важнейшее событие в АТР. И дело не только в торговле. Для Вьетнама самое главное — сближение с США и, как следствие, — вступление в Транстихоокеанское партнерство (ТТП).

Вьетнамская политическая система остается очень закрытой. Но итоги XII съезда говорят о том, что был сделан выбор в пользу сохранения консенсуса. Вьетнамский политический стиль — это поступательное, равномерное движение. Компартия, владеющая во Вьетнаме монополией на власть, не любит резких перемен, но все согласны, что реформы необходимы. Вопрос в темпах их проведения.

В. В. Орлов

**Проблемы легитимности арабских
государств (2010-е годы)**

Бурные события «арабской весны» 2011–2012 гг. и последовавшие кризисные события в Ливии, Сирии, Йемене, Ираке поставили тему государства и государственности в центр всех дискуссий о судьбах Ближнего Востока и Северной Африки. Действительно, еще в 90-х годах XX в. и начале 2000-х годов арабские страны (Ирак, Алжир, Египет, Тунис) столкнулись с проблемой низкой дееспособности государства и недостатка его легитимности на взгляд населения. Правящие верхушки большинства арабских стран на протяжении второй половины XX в. пытались возмещать свою институциональную и идеологическую слабость либо за счет кооптации в состав госструктур оппозиционных племенных, этнических, религиозных или социальных групп, либо, наоборот, за счет прямого насилия и подавления политической активности масс, ограничения демократических инициатив и недопущения даже зачатков гражданского общества. Тем более что такого рода активность, инициативы и зачатки, как правило, появлялись на местной политической арене в обличье исламистских (нередко радикальных и экстремистских) движений.

В этом отношении «арабская весна» не принесла в политическую жизнь региона ничего нового. Она лишь отчетливо обнажила глубокую слабость взаимосвязи между государственными структурами и населением арабских стран. С одной стороны, в 2010-х годах мы наблюдаем конфликтную мобилизацию ряда арабских обществ, массовое перевозбуждение, сопровождающее пробуждение целых социальных групп после десятилетий инертности и «рантьеизма», то есть отказа от политических требований в обмен на сохранение уровня жизни. Этот своеобразный «невроз революции» за последние годы отнюдь не находит выхода в политической жизни Египта и Туниса и ведет к хаосу в общественных настроениях и неустойчивости политических пристрастий. Так, свержение в 2011 г. законно избранного президента М. Х. Мубара-

ка и легитимизация режима «Братьев-мусульман» не помешали значительной части населения приветствовать свержение ставшего законным президента М. Мурси военными кругами в 2013 г. и легитимизацию правления нынешнего президента АРЕ А. ас-Сиси. С другой стороны, сами арабские государства на протяжении 2010-х годов в разной степени начали терять монополию на использование насилия и осуществление контроля за территориями. Это особенно заметно на примере Сирии и Ирака, где всего за три-четыре года возросли действенность и амбиции террористических структур, претендующих на создание альтернативной государственности и успешно бросающих вызов национальной армии и силам правопорядка.

Современное ослабление легитимности арабских государств провоцируется и разностью в понимании национальной суверенности, наблюдающейся в мировом сообществе. Наряду с классической «непрозрачной» трактовкой суверенности (суверенитет неизблем и все, что происходит в границах государства, полностью является его внутренним делом) США и ООН все больше обращаются к «прозрачной» трактовке этого понятия (суверенитет основан на контракте государства с народом, и если государство массово применяет насилие к населению, его суверенитет утрачивает силу). Подобные подходы к суверенитету фактически отрицают легитимность любого (даже законно избранного) режима, неугодного правительствам НАТО. Они дают возможность под предлогом борьбы с терроризмом, распространением оружия массового поражения и т. п. вторгаться в пределы арабских государств, устанавливать на их территории «бесполетные», «демилиитаризованные» и пр. зоны, ограничивать полномочия суверенных правительств и властей на местах — то есть вести открытое вмешательство во внутренние дела этих стран.

Нарастающее на Ближнем Востоке и в Северной Африке размывание веберовского понимания государства (как единственного органа общества, правомочно применяющего силу) диалектически связано с низким уровнем легитимности большинства арабских режимов. Ведь неспособность тех или иных арабских правительств

разрешать проблемы населения с помощью гражданских механизмов, слабость государственного присутствия в периферийных провинциях арабских стран побуждает население обращаться к негосударственным структурам (бандформированиям, этническим группировкам, исламистским структурам) за защитой и хотя бы минимальным пакетом государственных услуг. А это обстоятельство, как показывают события последних лет, очень быстро приводит этих незаконных и криминальных «актеров» к псевдогосударственному статусу. Так, за последние годы ИГИЛ обеспечивает (несомненно, варварскими методами) общественный порядок на контролируемых им территориях, вкладывает средства в общественные больницы и школы, поддерживает работу городских служб, почты, ретрансляторов мобильной связи и т. п. Пусть этот порядок полон произвола, но он дает истосковавшемуся по стабильности населению надежды на выживание и являет собой кустарную форму социального контракта, объективно способствуя легитимизации исламистских сообществ.

Соответственно, неизбежная в ближайшие десятилетия перестройка арабской государственности вынужденно станет крупным социальным экспериментом. Либо в его ходе будут созданы сравнительно малозатратные и относительно эффективные государственные службы и осуществлено значительное участие общества в управлении государством, либо внешние и внутренние конкуренты будут подрывать и без того небезупречную стабильность государств региона и тем самым частично оспаривать их легитимность.

И. А. Петров

**Перспективы Хайдарабада в свете
создания нового индийского штата
Телангана**

Республика Индия имеет сложное административно-политическое деление, причём процесс создания новых субъектов федерации на

сегодняшний день не завершён. Наоборот, всё сильнее проявляются тенденции к реорганизации старых и образованию новых штатов в современной Индии. Нередко процессы штатообразования затрагивают статус крупных столичных городов, в том числе рассматриваемый нами Хайдарабад.

В истории становления политической карты индийского государства можно выделить несколько этапов. Так, крупнейшие преобразования имели место в 1950-х и в 1960-х гг., при этом в основе создания новых штатов лежал лингвистический принцип, который был решающим вплоть до начала 1990-х гг. Затем на передний план стали выдвигаться права малых народов и историко-культурных областей на самоопределение. С началом 2000-х гг. важнейшую роль начинают играть экономические факторы. В 2010-х гг. начался новый виток развития индийского федерализма, и связан он, прежде всего, с движением за образование штата Телангана. Данный этап примечателен тем, что в основе требований создать новые штаты (речь идёт о 30 возможных субъектах) лежит комплекс разнообразных вопросов.

До 1948 г. Телангана являлась исторической областью в составе княжества Хайдарабад, и её административным центром был город Хайдарабад. В 1956 г. территория бывшего княжества была разделена между другими индийскими штатами, и Телангана, жители которой говорили на языке телугу, была объединена с другими телугуязычными областями, в результате чего появился штат Андхра-Прадеш со столицей в городе Хайдарабад. Телангана и другие регионы Андхра-Прадеша значительно отличались друг от друга в культурном и экономическом плане, что объяснялось разной историей развития данных областей. Всё это дало повод жителям Теланганы выдвинуть требования создать отдельный штат, причём эти призывы стали звучать активнее с конца 1960-х гг. В 2009 г. движение за Телангану вступило в новую фазу, что было связано с деятельностью лидера партии Телангана Раштра Самити (ТРС, «Национальный комитет Теланганы») Чандрашекхара Рао. Во многом благодаря его борьбе 3 октября 2013 г. индийское прави-

тельство приняло решение о разделении Андхра-Прадеша на две новые административно-территориальные единицы — штаты Телангана и Андхра-Прадеш. Хайдарабад был объявлен общей столицей сроком на десять лет. Пока Хайдарабад сохраняет свой статус в качестве столицы двух штатов, типологически его можно сравнивать с городом Чандigarх, который является общей столицей штатов Пенджаб и Харьяна.

На сегодняшний день существуют три различных варианта развития Хайдарабада, которые непосредственным образом завязаны на статусе Теланганы. Во-первых, на ближайшие десять лет Хайдарабад был объявлен столицей новых штатов Телангана и Андхра-Прадеш. Это время потребуется на решение финансовых проблем двух штатов, точнее, на разделение общего имущества, а также на развитие новой столицы Андхры (одним из главных претендентов на это звание является Виджаявада). Во-вторых, часть жителей Теланганы выступают за то, чтобы Хайдарабад стал столицей лишь их штата, однако такой сценарий не очень выгоден Андхра-Прадешу. Хайдарабад представляет собой крупнейший финансовый, политический и образовательный центр, поэтому для лидеров Андхры их участие в жизни города является важным. В-третьих, некоторые политические лидеры Хайдарабада предлагают добиться для городской агломерации статуса союзной территории, и, учитывая ресурсы, возможности города и место его в индийской экономике, данный вариант представляется обоснованным. В данном случае новый статус позволит развивать территорию, подконтрольную Управлению городского развития Большого Хайдарабада, ускоренными темпами.

Основная литература

1. *Кашин В. П.* Штатомания в Индии: опыт Теланганы и Гуркхаленда / Бхарат Ятра. М., 2013. С. 85–106.
2. Committee for Consultations on the Situation in Andhra Pradesh. Report. New Delhi, 2010.
3. The Andhra Pradesh Reorganisation Bill, 2013. // www.aplegislature.org

А. Л. Сафронова

**«Княжеский фактор» в процессах
административной реорганизации
штатов современной Индии**

Проблема интеграции княжеств в результате деколонизации Южной Азии и образования двух доминионов — Индийского Союза и Пакистана — решалась в соответствии с положениями Закона о независимости, который включал в себя определение порядка передачи политической власти от князей центральным органам власти обоих доминионов. Вхождение княжеств в Индию или Пакистан зависело от волеизъявления их правителей и проходило в основном на конфессиональной основе. В период с 1947 по 1949 г. более 500 княжеств (из общего числа, приближавшегося к 600) присоединились к Индии. Одни княжества вошли в состав Индии как административные единицы, управляемые непосредственно из центра, либо в старых административных границах, либо объединенных в союзы княжеств, другие — образовали федеральные единицы — союзы княжеств или отдельные федеральные провинции в старых границах, третьи — объединились с соседними провинциями, образовав там отдельные округа. В новых провинциях, представлявших собой союзы княжеств или отдельные княжества, были проведены выборы в законодательные органы и созданы правительства.

Интеграция княжеств, таким образом, была связана не только с непосредственным присоединением территорий княжеств к Индии, но и с кардинальным преобразованием системы управления: на смену традиционному княжескому правлению приходили демократические институты власти; она не только перекроила границы между государствами и внутри них, но и изменила представления о государственном устройстве у населения княжеств, приближавшегося в 1947 г. к 100-миллионному рубежу.

Процесс интеграции княжеств с доминионом в целом ряде регионов был затруднен и встретил сопротивление, вплоть до вооруженного. Наиболее сложная ситуация сложилась в княжествах Хайдарабад, Джунагадх и Джамму и Кашмир. Если введение ин-

дийских войск в течение года решило проблему присоединения первого и второго, то положение на территории третьего остается нерешенным на всем протяжении последующего периода независимого развития Индии. По Конституции 1950 г. в Индии создавалось 3 группы штатов с различным правовым статусом: группа «А» — бывшие провинции Британской Индии; группа «В» — бывшие княжества (Джамму и Кашмир, Хайдарабад, Майсур, Траванкур-Кочин, Пепсу — Patiala and East Punjab States Union, Мадхья-Бхарат, Саураштра, Раджастхан, Виндхья-Прадеш); группа «С» — бывшие главнокомиссарские провинции, т.е. провинции, не имевшие самоуправления. Многие князья получали должности раджпрамукхов, губернаторов провинций. Потребности осуществления программ национального развития выдвигали на повестку дня вопрос о реорганизации административно-политической структуры, сложившейся в колониальный период, и не отражавшей новой системы связей регионов. Процесс воплощения в жизнь этнолингвистического построения административно-политической системы в Индии, начавшийся в середине 50-х годов, растянулся в дальнейшем на десятилетия. Проводившиеся в стране административные реформы на этнолингвистической основе приводили к разрушению прежних границ княжеств, к «растаскиванию» их по разным штатам (например, княжество Хайдарабад оказалось разделенным по нескольким штатам — Карнатака, Андхра-Прадеш, Махараштра). Это объективно способствовало постепенному лишению князей их властных полномочий не только де-юре, но и де-факто.

В 1956 г. должности раджпрамукхов были упразднены, однако отдельные князья сохранили за собой места в законодательных ассамблеях штатов, участвуя в электоральном процессе. Являются ли представители княжеских династий в Индии реликтовыми группами, изживающими свой статус — «князьями без княжеств», «унесенными ветром», или же они успешно интегрировались в современную структуру индийского общества, став составной частью ее верхней страты? Растворились ли территории бывших княжеств в новых административных единицах или прежние границы продолжают существовать «в умах» населяющих их людей, продолжающих жить по прежним стереотипам?

Новый виток борьбы за перекраивание границ штатов и выделение самостоятельных административных единиц из территорий, узаконенных ныне действующей Конституцией 1950 г., начался со вступлением Индии в XXI столетие. Современная Индия насчитывает 29 штатов, 7 союзных территорий, включая столичный округ Дели. О своих претензиях на статус штата заявляют еще около 30 регионов и исторических областей. Если перекраивание внутренних границ, начиная с 1956 г. было связано с этнолингвистическими факторами, то «штатомания» в Индии сегодня вызвана экономическими причинами, порожденными реформами 1991 г. Однако в этом процессе просматривается и стремление потомков княжеских родов воссоздать на карте современной Индии некогда принадлежавшие их родам территории, на которых они сохраняют свое влияние де-факто, несмотря на формальную ликвидацию княжеств в период 1947–1949 гг. Представители княжеских династий в большей степени склонны к участию в общественно-политической деятельности на региональном уровне, распространяющемся в масштабах их прежних владений, нежели к подключению к политике в общеиндийском масштабе.

Е. К. Симонова-Гудзенко

**Карты Гёги — модель изображения
японского архипелага на восточноазиатских
и европейских географических картах
XV–XVIII вв.**

Самые ранние известные карты японского архипелага получили свое название по имени буддийского монаха Гёги босацу (668–741).

Первое упоминание выдающегося монаха как автора карты страны, встречается в собрании мифологических, ритуальных и доктринальных традиций буддийской школы Тэндай XIV в. *Кэйран сюёсю* [1, 2, 3]. Этим же временем датируются самые ранние из известных сегодня карт Гёги, *Сёмёдзи-нихон дзу*¹ (1305) и *Нин-*

¹ далее в тексте Сёмёдзи-дзу.

*надзи-нихон дзу*² (1305–1306). Они сохранились частично, причем в *Сёмёдзи-дзу* — юго-западная часть архипелага, а в *Ниннадзи-дзу* — северо-восточная. На *Сёмёдзи-дзу* изображены 3 больших острова Хонсю, Сикоку, Кюсю, ряд небольших островов и зарубежные страны, реальные и вымышленные. Таким образом, она является картой мира. *Ниннадзи-дзу* представляет исключительно Японию, более точно северо-восточную часть острова Хонсю. Однако даже если представить, что в то время японцы еще не знали земель и стран к северо-востоку от Хонсю, а утраченная западная часть могла включать зарубежные страны, то в отличие от *Сёмёдзи-дзу* на карте никак не выражено отношение к внешнему миру. На *Сёмёдзи-дзу* изображена змея, олицетворяющая Божество Моря (Оватацуми-но ками) или/и охранительное буддийское божество, в функции которого входило управление водой, дождем и тучами. Она опоясывает японские острова, символизируя идею особенności Японии, как божественной страны, и защищая от незнакомого враждебного мира.

Карты Гёги, созданные в Японии в начале XIV в., отражали представления о самой себе и своего места в мире.

Одно из первых изображений японского архипелага по модели карт Гёги, кроме японских, обнаруживается на корейской карте мира *Кангнидо* (1402), считающейся самой ранней картой мира, созданной мастером Восточной Азии. Первая печатная карта Японии также принадлежит корейскому автору, Син Сукчу, 1471. Она вошла в комплект карт архипелагов Японии и Рюкю, включенных в его книгу «Описание стран Восточного моря». Общая карта архипелага, а также карты восточной и западной частей страны сделаны по модели карт Гёги.

В китайской картографии, вероятно, до 1530 г. господствовало изображение японского архипелага в виде небольшого овального острова, что символизировало принадлежность страны к варварской периферии и её незначительность. В 1530 г. Сюэ Чжун в «Трактате о Японии» (1530) изобразил японский архипелаг по модели карт Гёги.

² далее в тексте *Ниннадзи-дзу*.

Первые сведения об островах японского архипелага, их количестве, расположении и форме европейские картографы получали из рассказов купцов, мореплавателей, миссионеров, посетивших Китай. Причудливые изображения Японии на европейских картах XV — первой половины XVI вв. отражали традиционные представления о стране, существовавшие в Срединной империи долгие века. Изменение изображения японского архипелага на китайских картах нашло отражение и на европейских (Бартоломеу Велью (1561) и Ф. ван Дурадо (1568), однако опосредованное знание все еще приводило к существенным искажениям. Совершенствование изображения архипелага стало возможным лишь после непосредственного знакомства европейских мастеров с японскими островами и, вероятно, с существовавшими картами типа Гёги (карта Морейры-Ортелиа-Тейсейры, 1595).

Второй расцвет карт Гёги относится к XVII–XVIII вв., когда далекую островную страну открывают европейцы. Знакомство картографов Восточной Азии с европейскими картами способствует взаимовлиянию традиций изображения: в Японии появляются карты Исигава Рюсэн (XVII–XVIII вв.), в Корее — атласы «чонхад» (XVIII–XIX вв.), а в Китае карты типа «Селден» (XVII в.).

Оба периода распространения карт Гёги соответствуют времени открытия «большого» мира японцами и далекого архипелага «большим» миром, впервые — после попыток монгольских нашествий и вторично — после появления европейцев на архипелаге. Созданная в Японии в XIV в. модель изображения японских островов была использована, как мастерами Кореи и Китая, так и Европы, и просуществовала на географических картах до XIX в.

Основная литература

1. *Lucia Dolce*. Mapping the „Divine country”: Sacred Geography and International concerns in Medieval Japan // *Korea in the Middle: Korean Studies and Area Studies: Essays in Honour of Bondewijn Walraven*. Ed. Remco E. Breuker. University of Leiden, 2007. P. 289–311.
2. *Unno Kazutaka*. Cartography of Japan / *The History of Cartography: Cartography in the Traditional East and Southeast Asian Societies*. Ed. by D. Woodward and J.B. Harley. Chicago: University of Chicago Press, 1994. P. 367.

3. *Кинда Акихиро, Уэсуги Кадзухиро*. Нихон тидзу си (История японских карт). Токио: Ёсикава кобункан, 2012. С. 53–58.

К. М. Тертицкий

**Сведения о России начала XVIII века
в донесениях властей китайских
приграничных территорий**

Изучение истории международных отношений и межкультурных контактов часто ставит перед исследователем вопрос о том, насколько были информированы друг о друге их участники. Это, в свою очередь, требует анализа сведений об имевшихся в их распоряжении возможностях получения данных о противоположной стороне, использовавшемся при этом инструментарии и наличии самого стремления к получению такой информации. В случае с цинским Китаем, длительное время ограничивавшим внешние связи и пребывавшим в своего рода самоизоляции, вопрос о содержании информационных контактов с соседями стоит особенно явно. Частично ответить на него позволяют документы местных органов власти. Важные сведения, например, содержатся в донесениях военных губернаторов Хэйлунцзяна, составленных в правление Юнчжэн (на престоле с 27.XII.1722 по 8.X.1735 гг., правление по календарю с 5.II.1723 по 11.II.1736 гг.) в период с сентября 1724 года по сентябрь 1729 года.

Анализ этих документов показывает, что цинскими властями тогда использовались разнообразные и типичные для таких ситуаций способы сбора информации: фиксация содержания бесед с иностранцами, оказавшимися на территории Китая по дипломатическим и торговым делам, допрос перебежчиков, а также сбор сведений при посещении сопредельной территории.

Цинские власти интересовала информация о войнах, которые вела или собиралась вести Российская империя, о правящей династии и о жизни простолюдинов. В результате ими были получены сведения о войне России со Швецией; ее отношениях с Турцией и

Джунгарией: браке Петра с будущей Екатериной Первой и отношении к ее правлению жителей России; деле царевича Алексея; возможном, а затем реально состоявшемся наследовании престола его сыном Петром Алексеевичем; произошедшей в России реформе прически и костюма; неблагоприятных погодных условиях, плохих урожаях и массовом падеже скота в Забайкалье в конце 1720-х; переброске войск из Забайкалья вглубь России и т. д. Разумеется, все эти сведения были ограничены познаниями тех россиян, которые ее сообщали. В них имеются и ошибки, которые, однако, порой интереснее верно изложенной информации.

Сопоставление данных о России, представленных в этих донесениях, со сведениями, имевшимися в Китае в последующее правление Цяньлун, показывает, что в дальнейшем познания цинских чиновников в этой сфере ждала деградация. Это нетрудно заметить, сравнив, например, тексты донесений с отчетом Г. Ф. Шарина (опубликован А. Н. Хохловым), случайно оказавшегося на территории Цинской империи в 1778 г. и неоднократно допрашивавшегося там. Так, в ходе допроса в Палате по делам вассальных территорий (Лифаньюань) в Пекине, проводившие его чиновники могли спрашивать Шарина о том, «теперь в Российском Государстве царствует Государь или Государыня», чем кончилась недавняя война с Турцией и не находится ли Россия «в подданстве у немцев», демонстрируя весьма скудные познания о положении дел в соседней империи.

Причинами произошедшего, очевидно, были продолжение политики сворачивания связей с католической церковью (и через нее с Европой) после реформ, предписанных Папским престолом миссионерам в Китае, длительное отсутствие серьезной внешней угрозы после разгрома Джунгарии и формальное доминирование Китая в регионе, а также обычный для китайского истеблишмента того времени цивилизационный синоцентризм, не предполагавший сколь-либо серьезного интереса к делам «варварской» периферии. В целом, во второй половине XVIII в. цинский Китай уже не только не смог приобрести новые сведения об окружающем мире, как это происходило в начале столетия, но и постепенно снижал свой

уровень знаний о нем. Печальные итоги этого процесса весьма явно проявились во время военного конфликта с Великобританией в следующем веке.

А. Л. Филимонова

**Милитаристские настроения в Пакистане
последнего десятилетия: тенденции
и перспективы**

Армейские структуры исторически играли значительную роль во внутривластной жизни Пакистана: из 68 лет существования государства 33 года прошли под властью военных режимов. Уход отставного генерала Первеза Мушаррафа с поста президента в 2008 г., по мнению общественности, знаменовал собой не только восстановление гражданского правления, но и добровольное самоустранение военных с политической арены.

И действительно, начавшийся с этого момента этап государственного развития характеризуется бесперебойным функционированием демократических институтов в соответствии с парламентско-представительной системой. Сформированное в 2008 г. правительство Пакистанской народной партии (ПНП) впервые в истории Пакистана смогло удержаться у руля весь положенный ему пятилетний срок, и передача власти в 2013 г., опять же впервые, осуществилась в результате выборов.

Однако 2013 г. был отмечен еще одним важным событием: должность командующего армией занял генерал Рахиль Шариф, сменивший на этом посту генерала Ашфака Первеза Кайани. Перестановка в военном руководстве положила начало потенциально далекоидущим процессам. Формально командующий армией назначается президентом по представлению премьер-министра и ответственен перед федеральным правительством; однако на деле он, по сути, единолично решает все вопросы, хотя бы в какой-то мере связанные с функционированием армии. В его ведении находится значительное число административных, экономических и информационных ресурсов. Соответственно, от личности командующего

армией во многом зависит, какую роль армия играет в пакистанском обществе.

Рахиль Шариф, в отличие от своего предшественника, изначально уделял огромное внимание общественному мнению и приложил усилия для того, чтобы популяризировать образ армии. Значительно активизировалась деятельность Межведомственного агентства по связям с общественностью — армейского структуры, снабжающей пакистанские СМИ новостями о деятельности военных и координирующей весь поток публичной информации, связанной с армией. Сам командующий армией стал публичной фигурой: он активно присутствует в социальных сетях, общается с рядовыми пакистанцами и высказывается на злободневные темы в СМИ.

Кроме того, Рахиль Шариф не побоялся взяться за две наиболее болезненные для пакистанцев темы — то есть террористическую угрозу и проблему Кашмира. Начиная с 2014 г. контртеррористическая деятельность армии значительно активизировалась. Ярким примером этого стала операция «Зараб-и Азб» («Резкий удар»): она была развернута на афгано-пакистанской границе 15 июня 2014 г. и уже привела к сокращению числа терактов в Пакистане более чем в два раза.

При этом военное руководство неоднократно давало понять, что начатая им борьба с терроризмом не затронет боевые организации, которые действуют в Джамму и Кашмире и выступают против любых притязаний Индии на этот регион. Более того, Рахиль Шариф, сам кашмирец по происхождению, открыто назвал Кашмирский вопрос «нерешенным».

Избранная Рахилем Шарифом линия поведения привела к резкому росту его популярности: народное обожание, которым он окружен, периодически выходит за разумные пределы. В результате постепенно изменяется имидж армии: он все больше приближается к образцу, предложенному военными администраторами предшествующих периодов. Это делает перспективу установления в Пакистане военного режима вполне вероятной: дальнейшее развитие событий станет следствием политической игры между гражданскими властями и армейским руководством, в которой позиции военных изначально весьма сильны.

К. А. Фурсов

**Железные дороги в Большой Игре
и Новой Большой Игре в Центральной
и Южной Азии: сходства и различия
геополитической роли**

Почти с самого появления железнодорожный транспорт ввиду его огромного военно-стратегического и экономического потенциала стал важным инструментом геополитики. Одними из регионов, где эта роль проявилась ярко, являются Центральная и Южная Азия. Железные дороги сыграли ключевую роль в классической Большой Игре между Российской и Британской империями XIX – начала XX в., а с рубежа XX–XXI вв. занимают видное место в витке геополитического противостояния, именуемого Новой Большой Игрой. Рассмотрение значения железных дорог в контексте геополитических концепций Х. Маккиндера, А. Е. Вандама (Едрихина), К. Хаусхофера, Н. Спикмэна помогает лучше понять логику борьбы за контроль над двумя регионами Азии и прогнозировать её дальнейшее развитие.

Применение железных дорог в качестве орудий геополитики в ходе двух «раундов» борьбы в Азии имеет как общие черты, так и специфические особенности.

К сходствам геополитической роли железных дорог относятся:

1. Стремление одного из игроков поставить Центральную Азию под военно-политический и экономический контроль с помощью железных дорог.
2. Большее или меньшее железнодорожное присутствие теллурократической державы Хартленда в Центральной Азии и стремление держав(ы) Римленда и / или Внешнего полумесяца вытеснить её из региона, в том числе средствами транспортной геополитики.
3. Географический вектор железнодорожного наступления в направлении с севера на юг.
4. Фактор железных дорог Южной Азии в качестве инструмента сдерживания северного соседа.

Однако различий в роли железных дорог как инструмента геополитики между двумя противостояниями больше:

1. Состав игроков — железнодорожных держав.
2. Направленность железнодорожных стратегий в Центральной и частично Южной Азии.
3. Суть железнодорожной стратегии держав Римленда в Центральной Азии.
4. Позиция игроков по поводу интеграции железнодорожного транспорта с морским.
5. Степень проникновения транспортной системы геополитического конкурента в Южную Азию.
6. Наличие или отсутствие контроля над Южной Азией как сегментом Римленда со стороны талассократической державы Внешнего полумесяца.
7. Место железных дорог в транспортной геополитике в целом.

Сходства и различия роли железных дорог в Большой Игре и Новой Большой Игре свидетельствуют: геополитика, с одной стороны, отличается удивительной преемственностью, а с другой, не развивается линейно и «вбирает в себя» появляющиеся новые факторы. Последнее говорит о многократном усложнении геополитики к XXI в. в условиях глобализации с точки зрения как количества (появление ряда новых игроков, освоение некогда безлюдных пространств), так и качества (появление принципиально новых экономических интересов в сфере энергетики и добывающей промышленности, развитие новых видов транспорта и вооружений).

Рассмотрение борьбы в Евразии в контексте железнодорожной геополитики ставит под сомнение незыблемость классической схемы Х. Маккиндера, так как поднимает проблему геополитической принадлежности КНР. Если «отец геополитики», писавший в эпоху упадка Цинской империи, однозначно отнёс Китай к Римленду, то в корне изменившиеся позиции этой страны к XXI в. и её поведение в евразийской геополитике наводят на мысль о частичном отнесении её к зоне Хартленда или по меньшей мере о её попытках частично стать этой зоной.

Анализ роли железнодорожного транспорта в обеих Больших Играх позволяет сделать вывод об ускорении их темпов прямо пропорционально осуществлению масштабных транспортных проектов как геополитических лучей. При этом не столь важно, реальна угроза для соперника (как в случае китайского «Экономического пояса Шёлкового пути» для США) или эфемерна (как в случае российской Закаспийской военной железной дороги для Британской Индии). Каждый геополитический шаг одной из сторон почти автоматически приводил к ответному шагу другой (а сегодня нередко — и других). Поэтому нынешнее соревнование за политическое влияние, экономические ресурсы и военные базы в Азии имеет тенденцию к дальнейшему обострению.

В. И. Шлыков

**Идеологическая эволюция турецкого
национализма: феномен Партии
националистического движения**

В докладе представлены результаты исследования идеологической эволюции турецкого национализма в контексте политического процесса в Турции 1960-х–1980-х гг. на основе детального анализа трансформации идеологических платформ Республиканско-крестьянской национальной партии (РКНП) и ее преемницы — Партии националистического движения (ПНД). Разные подходы к определению основных характеристик турецкого национализма и использованию каналов для национальной индоктринации отражали особенности эволюции турецкого национализма как части политической идеологии и практики, предопределив постепенную его трансформацию от секулярной к религиозно-консервативной модели.

Роль Партии националистического движения (ПНД) и её лидера, одного из руководителей военного переворота 27 мая 1960 г. и бывшего члена Комитета национального единства (КНЕ), Аль-

парслана Тюркеша в дестабилизации политической ситуации в стране и нагнетании напряженности во Второй республике (1960–1980), приведшей в конечном счёте к военному перевороту 12 сентября 1980 г., весьма велика.

31 марта 1965 г. Тюркеш вместе с 9 соратниками, бывшими членами КНЕ, вступили в Республиканско-крестьянскую национальную партию (РКНП). Данная акция представляла собой заявку на активное участие в политической жизни и возможный возврат к власти. После краткого периода внутрипартийной борьбы «варяги» достигли своей цели, осуществив своего рода «рейдерский захват»: на съезде партии, состоявшемся в августе 1965 г., Тюркеш был избран лидером РКНП, позднее переименованной в ПНД, и оставался во главе националистической политики в Турции вплоть до своей смерти в 1997 г.

В течение этого периода (1965–1980) произошли ощутимые изменения в националистическом дискурсе партии. Националистическое движение было неоднородным, включая в себя различные направления, отличавшиеся каналами индоктринации и продвигавшие разные модели национализма. Идеология кемалистского национализма, первоначально избранная ПНД, трансформировалась в период с 1965 по 1980 г. по мере изменения характера основных драйверов националистической политики в Турции (за счет усиления религиозного характера националистического дискурса).

После возвращения членов «группы четырнадцати» из вынужденной ссылки борьба за власть в Турции стала жесткой. Тюркешу удалось получить существенную поддержку среди слушателей военных училищ националистической ориентации, привлечённых пантюркистскими идеалами. Тюркеш не выступал с широким призывом к массам, но тем не менее к нему проявлялся растущий интерес со стороны студенческих и других организаций гражданского общества, также объединившихся вокруг националистических лозунгов.

На съезде РКНП в 1967 г. А. Тюркеш провозгласил в качестве «национальной доктрины» девять принципов т.н. «девять лучей»,

преподносимых как необходимые для возвышения турецкой нации. Это было развитие идей, сформулированных ещё в 1965 г. Нуманом Эсином и Музаффером Оздагом и воспринятых РКНП. Они выступили инициаторами национально-корпоративистского взгляда, подчёркивающего важность национального развития и ключевое значение экономической независимости. Националистическая идеология в программе РКНП 1965 г. фокусировалась на вопросах культуры, нация определялась так: «всякий, кто называет себя турком, ощущает себя турком, является турком». «Турецкость» обуславливалась «осознанием принадлежности к турецкой нации», «любовью к турецкой культуре, желанием жить как турок и лояльности к турецкому государству». Тюркеш и его соратники были едины в желании продвигать общепринятый светский национализм, помогавший им держаться вместе вплоть до 1968 г. В то время Тюркеш был согласен с этими взглядами, утверждая, что руководство РКНП хочет «нести знамя кемализма, т. к. он является единственным решением для существующих проблем страны».

В период между 1965 и 1967 гг. руководство РКНП было твёрдо намерено не демонстрировать какую-либо связь с политическим исламом и остерегалось от использования исламских символов. Однако Тюркеш и ряд его сторонников поменяли свои взгляды на ислам после того как они стали активно участвовать в политическом процессе; признаки перемен появились на съезде партии в 1967 г., где Тюркеш призвал присутствующих следовать заветам Корана, которому турецкий народ следовал до сегодняшнего дня.

Чувство разочарования бывших членов КНЕ возросло, когда они столкнулись с политизацией ислама в рядах своей партии, возможность которой они жестко отвергали. Вдобавок руководство РКНП начало рекрутировать университетскую молодёжь, которая оспаривала секулярный национализм, продвигавшийся этими бывшими офицерами.

Проведение политического курса в русле кемалистского национализма в партии, которая становилась всё более привлекательной для молодёжи порождало серьёзную напряжённость среди

руководства партии. В конечном счете, в 1968 г. пять бывших членов КНЕ объявили о своём выходе из РКНП, заявив, что они не могут больше участвовать в политическом движении, склоняющимся к «крайне правому флангу».

В отличие от своих политических коллег Тюркеш быстро реагировал на изменяющуюся идеологическую конъюнктуру и несколько раз посетил факультеты университетов, где выступил с лекциями по национализму и другим актуальным политическим вопросам. Он выражал простую идею: студенты университета должны пробудиться и выступить против социализма, импортированного из зарубежья, как против чуждой идеологии, нацеленной на разрушение турецкого национального единства и религии и занять своё место в рядах националистического движения.

В 1969 г. по мере распространения студенческого движения по стране и усиления идеологического антагонизма между правыми и левыми начало быстро расти националистическое движение. Стремительный количественный рост ультранационалистических ячеек «серых волков» (*ülkü ocakları*) и других националистических организаций стал возможным с изменением в идеологии партии и составе руководства, произошедшем на съезде в 1969 г. ранее упомянутые отставки изменили баланс сил в РКНП накануне съезда, на котором будут приняты новое название и партийная эмблема. Молодые националисты, симпатизировавшие идеям консервативного национализма, ведомые образованными идеологами из Университетского общества культуры (*Üniversiteliler Kültür Derneği*), оказались в состоянии создать более прочные связи с руководством и занять ключевые роли в структуре партии.

В период с 1977 по 1980 гг. число ультранационалистических ячеек «серых волков» (*ülkü ocakları*) быстро росло благодаря, главным образом, росту насилия внутри страны и сопутствовало этому процессу, молодые националисты стали более независимыми в своей идеологической ориентации. В эти годы выделялась кристаллизация идеи «идеалистического ультра-национализма», которая приписывала отличительную идентичность националистическим активистам; большинство публикаций по поводу этого концепта было написано консервативно-националистическими идеологами и некоторыми лидерами в «очагах идеала». Политиче-

ские лозунги, призывающие молодых националистов выполнить священную миссию и отмечать коллективные мероприятия, стали появляться в националистических публикациях. Это новое понимание национализма было особенно превалирующим в журналах и материалах, публиковавшихся лидерами «очагов идеала», некоторые подзаголовки этих публикаций были: «Победа принадлежит несущим знамя ислама» и «Готовы ли люди умереть на пути Аллаха».

Фактически этой волне религиозности «снизу» потворствовало партийное руководство в своих политических выступлениях и на неформальных встречах с молодыми активистами. Более того, А. Тюркеш с успехом создал впечатление того, что он твёрдо соблюдает религиозные обряды и в 1977 г. отправился в Мекку для совершения хаджа. Молодым националистическим активистам, желавшим посетить религиозных лидеров, было позволено сделать это, и даже сам Тюркеш расширил свои контакты с религиозными деятелями, включая шейхов суфийских тарикатов. То, что ислам теперь занял почётное место в националистическом дискурсе ПНД конца 1970-х гг., подтверждается тем фактом, что в 1979 г. на партийном съезде Тюркеш назвал путь национализма ПНД «путём Аллаха».

Переход из ПНС в ПНД перед парламентскими выборами 1977 г. Неджипа Фазыла Кысакюрека самого главного критика кемалистских реформ с 1940-х гг. породил моральный подъём среди молодых националистов. Накануне выборов 1977 г. он выступил с «Обращением к турецкой нации» и заявил о своей поддержке ПНД: «Альпарслан Тюркеш показал, что единственной духовной опорой является»... Я вместе с этим сообществом, внутри которого горит огонь ислама».

До 1969 г. Тюркеш был откровенным сторонником кемализма и, естественно, лаицизма, но по мере приближения парламентских выборов он изменил направление и стал делать упор на том, что ислам является частью национального наследия турок. Для самого Тюркеша, хотя и совсем не обязательно для его последователей, это был чисто тактический ход, предназначенный для улавливания голосов.

П. В. Шлыков

**Европеизация или девестернизация:
поиски модели общественного развития
Турции в 2000-е гг.**

Последние полтора десятилетия Турция переживает серьезные перемены. Они касаются административно-политической системы, разных сторон общественной жизни, и соотношения гражданского и политического в общественных практиках. Основные черты социально-политической трансформации Турции 2000-х гг. хорошо различимы на разных ярусах общественной жизни — это и формирование новой правящей элиты с доминантой религиозно-консервативных взглядов и ревизионистским настроем по отношению к кемалистскому наследию, и утрата военной элитой политической субъектности в сочетании с институциональным отчуждением армейских структур от процесса выработки политических решений, и сдвиги в подходах к Кипрскому вопросу и проблеме курдов, и новые правовые рамки свободы слова, и новое законодательство в сфере прав этноконфессиональных меньшинств, и тенденции роста политического самосознания и участия гражданского общества, и ревизия устоявшегося баланса пределов толерантности и ксенофобии.

Переживаемые Турцией перемены по-разному объясняются политологами и экспертами. Одна из наиболее распространенных аналитических моделей — стремление свести общественно-политическую трансформацию Турции к производным процесса евроинтеграции. Турция не одно десятилетие состоит во многих общеевропейских международных организациях, накопила большой опыт активной деятельности в таких структурах как НАТО и Совет Европы, ОЭСР и ОБСЕ, Европейский банк реконструкции и развития. Это обстоятельство, казалось бы, должно было способствовать благоприятной реализации проекта евроинтеграции и вступления в ЕС — значительная часть состоящих в ЕС стран в течение многих лет являются партнерами Анкары по НАТО, Совету Европы и другим аналогичным структурам и должны, по идее, поддерживать устремления Турции в ЕС. Ведь согласно кон-

цепции институциональной социализации, пытающейся объяснить многообразие практик международных организаций в деле продвижения демократии, государства, особенно новые или переходящие к демократии западного типа, социализируются в мировом сообществе наподобие того, как социализируется индивид. Следуя этой логике членство государства в одной международной организации должно формировать «правильную» модель политического поведения, которая способствует дальнейшему включению его в орбиту связанных международных структур. В случае взаимоотношений ЕС и Турции эта логика не сработала, и многолетняя успешная политическая социализация Турции в ключевых международных организациях не принесла ей заветного членства в ЕС, а последние годы не спасает даже от роста напряженности во взаимоотношениях с Брюсселем.

Несмотря на отчуждение Турции, столь явно проявившееся в рамках переговорного процесса с Брюсселем, участие Турции в таких структурах как НАТО, ОЭСР, ОБСЕ и ЕБРР в целом всегда оценивалось как достаточно продуктивное. Если посчитать суммарную длительность членства Турции в наиболее значимых общеевропейских международных организациях — НАТО (с 1952 г.), Совет Европы (с 1949 г.), ОБСЕ (с 1973 г.), ОЭСР (с 1961 г.), Европейский таможенный союз (с 1995 г.), ВТО (с 1995 г.), ЕБРР (с 1991 г.), Западноевропейский союз (с 1992 г.), Европейское космическое агентство (с 2004 г.), то по этому показателю Турция немалого уступит странам «старой Европы» (Франции, Германии, Италии, Великобритании) и обгонит Швецию, Австрию, Испанию, Финляндию, не говоря уже о Польше, Словакии, Латвии и других странах Центральной и Восточной Европы. Конечно, в этих статистических показателях невозможно отразить качественные характеристики активности участия страны в деятельности конкретной организации, равно как и пассивность самой структуры (например, ЗЕС по сравнению с НАТО или СЕ). Однако эти цифры тоже весьма красноречивы. Турция обладает сопоставимым по длительности опытом членства в наиболее важных общеевропейских структурах — Совет Европы, ОЭСР, ОБСЕ и НАТО — со странами-основателями ЕС — Францией, Бельгией, Германией, Италией. Примечательно, что Турция входила в число стран-основателей

Совета Европы, ОБСЕ и ОЭСР, однако в НАТО Анкару приняли лишь в 1952 г. ФРГ вступила в НАТО еще позже — в 1955 г., и в Совет Европы вошла только в 1950 г. Получается, что у Турции формально больший опыт членства в общеевропейских институтах, чем у Германии. Эти факты давно уже стали лейтмотивом публичных выступлений турецких политиков, отстаивающих право Анкары на членство в ЕС, подобно тезису о культурной инаковости Турции для Европы, навязшему в зубах европейских политиков.

Год от года Турция наращивает свой опыт работы в общеевропейских международных организациях, что при этом слабо коррелирует с уровнем поддержки ее европейских амбиций. Однако у столь продолжительного процесса международной социализации Турции есть еще одно важное измерение — внутривластное: насколько повлияло разноплановое сотрудничество с западными международными организациями на характер политического развития Турции и вектор общественной трансформации?

Членство в главных общеевропейских международных организациях, ориентированных на стандарты «хорошего» или эффективного управления, т. е. наличие транспарентности и отчетности, верховенства права и активного участия граждан в политической жизни страны, не помешало Турции стать чемпионом по количеству военных переворотов среди европейских стран (в 1960 г., 1971 г., 1980 г. и условно в 1997 г., когда под давлением военных законно избранное правительство Неджметина Эрбакана было вынуждено уйти в отставку).

В области защиты прав человека — еще одной важной составляющей западной демократии и одной из базовых ценностей всех европейских международных организаций — Турция за годы членства в общеевропейских структурах не смогла добиться существенного прогресса. В 2006 г. правозащитная организация “*Human Rights Watch*” резко критиковала Анкару за чрезмерное применение силы при разгоне демонстраций курдов, примеры полицейского произвола, пытки заключенных, умаление прав курдов на использование родного языка, а в докладе 2014 г. — за необоснованное расширение полномочий полицейских, ограничения свободы слова и собраний, злоупотребления в использовании закона

о борьбе с терроризмом. До сих пор так и не упразднена печально известная ст. 301 Уголовного кодекса, предусматривающая наказание за оскорбление органов государственной власти и национальных чувств, по которой в свое время были осуждены и нобелевский лауреат Орхан Памук, и известный журналист Грант Динк. Единственное, что удалось сделать — внести изменения в текст статьи, заменив в 2008 г. оскорбление «турецкости» (*Türkçülük*) на оскорбление «турецкой нации», и ввести процедуру обязательного утверждения соответствия преступления и статьи со стороны министра юстиции. В этом же ряду — развертывание репрессий против политических оппонентов и рост числа «узников совести» и «государственных преступников» в 2008–2013 годах и другие очевидные отступления от принципов либеральной демократии, масштабы которых даже обеспокоили Еврокомиссию.

С точки зрения социализации в рамках международных организаций нерешенность проблемы Кипра — тоже пример сбоя во внедрении норм западной демократии и нарушение принципа взаимоуважения в рамках общеевропейских структур. Ведь Анкара не признает Республику Кипр несмотря на то, что обе страны состоят и, по идее, должны сотрудничать в рамках и ООН, и Совета Европы, и ОБСЕ, и ЕБРР. Неслучайно «кипрский вопрос» формально стал одним из фундаментальных преград на пути Турции в ЕС.

Однако наряду с примерами ограниченности влияния международных организаций на демократическое развитие Турции существуют сферы, в рамках которых удалось достичь видимого прогресса. В частности, это ревизия военно-гражданских отношений. Политическая активность военной элиты изначально входила в число черт национальной политической культуры, от которых необходимо было избавиться в рамках внедрения норм западной демократии. Западные политики никогда не скрывали своей досады по поводу многочисленных случаев вмешательства военных в политику.

Исторически взаимоотношения Турции с европейскими структурами в целом и ЕС в частности развивались по сложной траектории. Поэтому и динамика влияния ЕС на процесс демократизации и либерализации общественно-политической жизни в Турции отличается волнообразным характером.

Хельсинкский саммит ЕС 1999 г., на котором Турция получила официальный статус страны-кандидата, можно считать не только важной вехой в отношениях Анкары и Брюсселя, но и отправной точкой для роста влияния ЕС и европейских институтов на внутривластическую повестку дня в Турции. Статус страны-кандидата сам по себе представлял мощный побудительный импульс для проведения демократических преобразований и доведения существующих общественных, правовых и политических институтов до европейского уровня. Однако реализация дорожной карты реформ, сверстанная в соответствии с Копенгагенскими критериями, оказалась под угрозой свертывания уже к середине 2000-х гг., когда формально были заморожены едва начавшиеся переговоры о вступлении Турции в ЕС, а сама политика кондициональности Брюсселя, традиционная в отношении стран-кандидатов, стала стремительно терять доверие в глазах как простых граждан, так и политической элиты Турции. Несмотря на это реформы, которые условно можно обозначить очередной волной «европеизации» (поскольку цивилизационная модель Европы выступала отправной точкой преобразований для Турции начиная с «эпохи тюльпанов» XVIII в.), не были приостановлены. Они лишь приобрели сегментарный характер, сохранив прежнюю динамику там, где это было выгодно действующей власти. Сложившуюся начиная с середины 2000-х гг. ситуацию нельзя объяснить инерцией переговорного процесса с ЕС, очевидно, что административно-политические преобразования 2000-х гг. — не только производная политики кондициональности, а процесс, детерминированный комплексом внутренних факторов. Если рассматривать новую волну европеизации не только как программу политической «революции сверху», но и как ответ на запрос общества на либерализацию, то ключевыми драйверами реализации реформ, может выступать именно гражданское общество и его институты (неправительственные организации, бизнес-ассоциации, независимые СМИ, политические партии и т. д.).

Политология

Т. Е. Арсанова

Роль ЮНЕСКО в современных условиях

Начиная с 2010 года мощные социально-политические протесты в арабских странах перенесли «настроения арабской весны» по территории, пожалуй, всего региона, превратив мирную жизнь населения в состояние гражданской войны как, например, в Сирии, или в ее ожидание. Террористические акты на российском самолете в небе Египта, в Париже, Брюсселе, уничтожение российского военного самолета Турцией и др., выдвигают на передний план борьбу с международным терроризмом. Главная задача в современных условиях — сохранение мира стабильным и безопасным, что в свою очередь является необходимым условием устойчивого поступательного развития.

Мировое сообщество серьезно озабочено ростом террористической активности, многочисленностью жертв, расширяющейся географией деятельности террористов — сегодня это Россия, США, Япония, Пакистан, Алжир, Израиль, Египет, Турция, Албания, Индия и т. д. Отмечая взаимодействие международных террористических центров и организаций, мы ищем ответ на вопрос: почему это стало возможным и как этому противостоять? Сегодня радикальные исламисты устраивают массовые расстрелы, грабят и уничтожают историческое наследие Ближнего Востока, пытаются переписать историю и скрыть ее доисламский период. Так, по данным ЮНЕСКО, «за последние десять лет более 15 значительных памятников материальной культуры были уничтожены из-за военных действий или напрямую разрушены боевиками». По этой при-

чине выдвигается задача сохранения и защиты культурных ценностей на всем мировом пространстве. В этой связи представляется возможным говорить о необходимости повышения роли международных организаций и возрастающей роли ЮНЕСКО в том числе. Проекты ЮНЕСКО отражают ее роль как ведущего учреждения в области образования, науки, культуры и коммуникации.

Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) была создана 16 ноября 1945 г. и ее штаб-квартира располагается в Париже, Франция. В ЮНЕСКО насчитывается 195 государств — ее членов, 588 неправительственных организации поддерживают официальные отношения с ЮНЕСКО — это свидетельствует о широте, как минимум, географического представительства рассматриваемого учреждения. Устав ЮНЕСКО был принят на Лондонской конференции в ноябре 1945 г. и вступил в силу 4 ноября 1946 г. после сдачи на хранение актов о его принятии 20 подписавшими его государствами. Россия вступила в ЮНЕСКО 21 апреля 1954 года. Следует отметить, что на протяжении всего последующего периода это направление считалось важным в нашей внешней политике.

Главная цель ЮНЕСКО заключается в том, чтобы содействовать укреплению мира и безопасности путем расширения сотрудничества народов в области образования, науки и культуры в интересах обеспечения всеобщего уважения, справедливости, законности и прав человека, а также основных свобод, провозглашенных в Уставе Организации Объединенных Наций. Основными принято считать четыре направления деятельности ЮНЕСКО: образование, наука, культура и коммуникация.

Следует отметить, что если ранее мы анализировали тенденции глобального развития исключительно в финансовой и экономической сферах, то сегодняшний анализ невозможен без учета социально-культурного фактора в глобализации. Исследование любой сферы без указанного фактора не даст комплексного представления о происходящем.

Основу деятельности ЮНЕСКО составляют равноправие всех государств, уважение существующего многообразия культур, единственный путь решения возникающих проблем — перегово-

ный процесс, диалог. Поэтому в условиях глобализации мы отмечаем возрастающую роль ЮНЕСКО.

ЮНЕСКО остается в современных условиях единственной межправительственной организацией системы ООН, которая обладая специфическим инструментом и уникальной возможностью взаимодействия в культурно-гуманитарной области, может существенным образом влиять на концептуальное содержание и механизм культурно-гуманитарного сотрудничества, что в свою очередь отразится на развитии отношений и контактов между странами.

Основная литература

1. Устав ЮНЕСКО, ЮНЕСКО, Франция, 2002.
2. Бажанов Е. П., Бажанова Н. Е. Международные отношения в XXI веке. International Relations in the XXI Century / Е. П. Бажанов, Н. Е. Бажанова. М., 2011.
3. Воспоминания дипломата / Канаев Н. М. М.: Международные отношения, 2006.
4. М'Боу А. М. Время народов: сборник статей. Пер. с фр. / М'Боу А. М. М.: Международные отношения, 1985.

Н. А. Ахтамзян

«Беженец» — «слово года» 2015 в Германии

Общество немецкого языка ежегодно объявляет «Слово года». В прошедшем году из 2,5 тысяч претендентов жюри выбрало десять наиболее популярных и отражающих «хронику года». Победителем — «Словом года – 2015» стало слово «Беженец» (Flüchtlinge).

В Германии существует несколько ведомств, занимающихся проблемами иностранцев, переселенцев и беженцев, главным из которых является Федеральное ведомство по миграции и беженцам (BAMF). Однако немецкие политики ведут речь о предоставлении убежища (Asyl). А это совсем другие (на порядок меньшие) цифры, чем то количество людей, которые уже прибыли и продолжают прибывать в Европу.

Это расхождение между отчетами официальной статистики и реально наблюдаемым процессом вызвало дискуссию в немецком обществе по поводу терминов «беженцы», «ищущие защиту», «соискатели убежища», «приезжие», «мигранты».

Убежище предоставляется тем, кто у себя на родине подвергается преследованию «на основе расы, религии, национальности или принадлежности к определенной социальной группе или из-за своей политической позиции». В то же время, общее бедственное положение (нужда, гражданская война, стихийные бедствия или безработица) не являются причинами предоставления убежища. Включение права на убежище в Основной закон ФРГ (Конституцию) объясняется как «результат исторического опыта политического преследования в период нацизма».

В Германии существует развитое законодательство о беженцах и мигрантах, которое постоянно совершенствуется: речь идет об упрощении, ускорении процедуры получения убежища, о расширении полномочий BAMF.

Количество прибывших в Германию беженцев в 2015 г., по оценкам, составило 1,2 млн человек. Только в ноябре 2015 г. в Германию въехало столько же людей, сколько в 28 стран ЕС за первую половину 2014 г. Роковой считают фразу Меркель «Мы справимся!» (она замыкает десятку рейтинга «слов года»), якобы, пригласившую всех желающих.

Новогодние события в Кельне (Taharrush gamea — «групповое сексуальное приставание к женщинам в общественном месте») подлили масла в огонь не столько антиисламской и антиарабской, сколько антигерманской истерии в Европе и мире.

Нападки на Меркель как внутри блока ХДС/ХСС, так и вовне объясняются началом предвыборной кампании 2016–2017 гг. Проблема миграции, точнее — кризис беженцев, стал удобным поводом для «свержения» нынешнего канцлера и расширения присутствия во власти правых популистов и националистов. Наиболее последовательные сторонники и опора канцлера в политике относительно беженцев — социал-демократы. Именно они фактически вырабатывают политическую линию, ее идеологическое обоснование.

Проблема вызревала и нарастала постепенно, и готовиться к ней в Европе, в т. ч. в Германии, стали заранее. После спада 2001–2006 гг. начался «пошаговый подъем» количества прибывающих в Евросоюз. В 2013 г. лидером среди стран происхождения соискателей убежища в Европе стала Сирия (более 50 тыс. чел.). В 2013 г. ФРГ вышла на первое место в пятерке принимающих стран-лидеров (109,5 тыс. заявлений об убежище).

В 2014 г. Турция стала самой большой принимающей страной в мире с 1,59 млн беженцев (в т. ч. миллион сирийцев). Страны Ближнего Востока и Северной Африки приняли 3 млн. беженцев, в т. ч. — 2,2 млн сирийцев. Количество беженцев в Европе в 2014 г. достигло 3,1 млн чел. Таким образом, лавина хлынула в 2015 г. в Европу, когда ближневосточный регион оказался переполнен и уже не мог «вместить» и обустроить всех бегущих от войн и конфликтов, голода и безработицы.

Новый старт общеевропейской политики в отношении беженцев предполагает сокращение скорости миграции (для создания условий лучшего приема и интеграции мигрантов), обеспечение эффективного контроля морской границы ЕС, заключение соглашения с Турцией и оказание ей финансовой помощи, международную борьбу с причинами наплыва беженцев (прекращение гражданской войны в Сирии, победа над ИГИЛ, инвестиции в улучшение условий жизни в Турции, Иордании и Ливане), корректное (равномерное) распределение нагрузки в Европе. Германия рассчитывает, что первичное распределение беженцев будет происходить в Турции. Поэтому она оценивается как ключевая страна на западно-балканском пути.

Принципиальная позиция Германии: отказ от «жесткого верхнего предела» количества принимаемых. Обеспечивать процесс приема предполагается с помощью большего управления, порядка и контроля. Европейские ценности: гуманная политика в отношении беженцев, достижение открытости границ в Европе, солидарность в решении вопроса. Опыт распределения беженцев по квотам внутри страны Германия предлагает распространить в странах ЕС.

Таким образом, несправедливы и необоснованны упреки кабинету А. Меркель в отсутствии или неразвитости законодательст-

ва, недостаточности или непродуктивности осуществляемых мер. Вызывает уважение готовность Германии в лице ее руководителей «ответить на вызов поколения», восхищает искренность намерений и последовательность, с которыми немецкие власти берутся за разрешение проблемы.

Основная литература

1. Das Bundesamt in Zahlen 2014. Asyl, Migration und Integration. Bundesamt für Migration und Flüchtlinge, 2015.
2. UNHCR Global Trends, 2014.
3. [http://www.auswaertiges-amt.de/DE/Aussenpolitik/GlobaleFragen/Fluechtlinge/...](http://www.auswaertiges-amt.de/DE/Aussenpolitik/GlobaleFragen/Fluechtlinge/) — МИД ФРГ.

Н. С. Кулешова

Миграции в современных политических условиях

Особенность современного этапа развития заключается в том, что миграции, являясь массовым процессом, влияют не только на социально-экономическую, демографическую и другие сферы жизнедеятельности, но и на политическую сферу, на политические процессы странового, регионального и глобального уровня. Однако, исследование миграций изолированно в каждом аспекте, без связи с политическими процессами не позволяет достигнуть понимания сути сложившейся миграционной ситуации в целях формирования адекватной миграционной политики. Многие из современных исследователей, разделяя позицию евроцентризма, делают вывод об объективно-необходимом уничтожении самобытности и национального своеобразия, другие же рассматривают этнокультурную проблематику, как одну из современных социальных опасностей, мешающих глобализации в интересах «Золотого миллиарда».

Конечно, людям разных национальностей гарантирована свобода перемещения, право свободно селиться и создавать семьи, где они сочтут желательным для себя. Смешение людей разных рас, народов и религий — должно по логике служить созданию проч-

ных многообразных общностей. Чем больше окажется смешанных семей, тем более богатым, многообразным и стабильным станет наше общество, а главное — менее конфликтным. В идеале хотелось бы мирного сосуществования разных народов, религий и культур в одной стране. Но приходится согласиться, что концепция «мультикультурализма» провалилась как и теория «плавильного котла».

Сегодня тема миграции сотен тысяч беженцев из стран Ближнего Востока и Северной Африки стала одной из основных. По данным Frontex, агентства Европейского союза по безопасности внешних границ, более 500 тысяч мигрантов добрались до границ Евросоюза уже в течение первых восьми месяцев 2015 года. Рекорд был зарегистрирован в августе, когда 156 тысяч человек пересекли границу европейских государств [1]. За годы военного конфликта в Сирии, имеющего многомерный характер и продолжающегося с марта 2011 года, количество сирийских беженцев только в Турции и соседних арабских странах достигло 5 117 282 человек по состоянию на август.

Страна	Количество беженцев из Сирии
Турция	2 138 999
Ливан	1 196 560
Иордания	1 400 000
Ирак	247 861
Египет	133 862
Итого:	5 117 282

В миграционных процессах главным остается вопрос управления, от решения которого напрямую зависит экономическая и социальная основа государства, национальная идентичность, национальная безопасность.

Миграции населения являются системным явлением в структуре общества. С одной стороны, они обеспечивают его устойчи-

вое функционирование, с другой — являются мощным фактором воздействия на локальном, региональном и макросоциальном уровне.

Долгое время господствовавшая гипотеза о спасении мировой экономики с помощью трудового потенциала из развивающихся стран сегодня превратилась в глобальную проблему, дестабилизирующую экономику и жизнь целых государств. По этой причине мы отмечаем, что ЕС столкнулся с одним из самых крупных за последнее время политических кризисов, что подтверждает и специальный экстренный саммит, посвященный обсуждению сложившейся миграционной ситуации. Как следствие, сразу же возник тезис о возможности распада ЕС.

По оценкам экспертов ООН, общая численность беженцев в странах ЕС в 2015–2016 годах превысит 1,2 млн человек.

Миграционный кризис в Европе уже назвали «самым большим испытанием со времен Второй мировой войны». В страны ЕС хлынул неконтролируемый поток мигрантов, количество которых в 2015 году составило, по самым скромным оценкам, не менее 350 тыс. человек. Из них около трети — беженцы из Сирии (120 тыс. человек). Однако, в реальности столько беженцев оказалось на территории только трех стран — Италии, Греции и Венгрии, в действительности же приток людей гораздо больше. Причиной огромных потоков мигрантов послужили обострение обстановки в ряде стран Ближнего Востока и Северной Африки.

Агентство Европейского союза по безопасности внешних границ Frontex [1] выделяет несколько основных маршрутов нелегальной миграции в страны Евросоюза: западноафриканский маршрут; западно-средиземноморский маршрут; центрально-средиземноморский маршрут; Апулия и Калабрия; круговой маршрут из Албании в Грецию; западно-балканский маршрут; восточно-средиземноморский маршрут.

Совершенно очевидно, что никакой экономический рост не стоит разрушения социальных основ государства, никакие «заботы» о национальной идентичности не оправдывают нарушения прав человека, и, что не менее важно — гуманные идеи не должны служить обоснованием для перераспределения богатств от тех, кто их создает, к тем, кто способен лишь этим пользоваться.

Геополитические изменения в современном мире создают новые факторы и формируют новые причины для активизации миграций. Неизбежность происходящего приводит к новым волнам миграции, которые имеют кроме общих проблем беженцев и специфические черты для данного периода времени и страны. Все это оказывает влияние на политическую жизнь в регионах и странах, напрямую или косвенно задействованных в миграционных процессах.

Внешняя и внутренняя миграция в условиях глобализации имеют существенные политические последствия. В этой связи определение роли и места миграции в современном политическом процессе, их взаимосвязи и прогнозной динамики представляется чрезвычайно важной задачей, что делает также необходимым выявление и анализ факторов формирования мотиваций к миграции, определение механизмов запуска самих миграционных процессов, учет специфики политизации миграционных процессов в современных государствах с целью совершенствования миграционной политики, а также исследование особенностей взаимодействия современных миграционного и политического процессов на всех уровнях.

Основная литература

1. URL: <http://frontex.europa.eu/trends-and-routes/central-mediterranean-route/>

Е. А. Кутовая

Государства Юго-Восточной Азии и проблема борьбы с терроризмом

Нарастающая острота и злободневность проблемы терроризма во многом обусловлены тем, что возникший в последнее время вакуум власти в ряде государств Ближнего Востока и Северной Африки стимулировал образование зон анархии, которые активно заполняются не только исламистами из числа представителей местного населения, но и десятками тысяч воюющих боевиков, прибы-

вающих в зону действия «Исламского государства» (ИГИЛ), запрещённого в России, из других стран, в том числе европейских и азиатских.

Юго-Восточная Азия представляет важную часть исламского мира. В этих странах проживает 240 млн приверженцев ислама. Индонезия — страна с самым многочисленным мусульманским населением в мире. В Индонезии исповедует ислам 87 % населения, в Малайзии — 60 %, в Брунее — 67 %. В Брунее и Малайзии ислам является официальной религией. В Сингапуре, на Филиппинах и в Таиланде процент мусульманского населения соответственно — 14 %, 5 %, 4 %.

В целом ислам в Юго-Восточной Азии характеризуется как умеренный, большинство населения ЮВА — приверженцы ислама суннитского толка.

Сегодня ИГИЛ превратилась в грозную военную силу на Ближнем Востоке. В рядах террористической армии воюют выходцы из 80 стран. Растёт число приезжающих воевать на стороне ИГИЛ из стран АСЕАН, преимущественно из Индонезии, Малайзии, Филиппин, Таиланда. В отрядах ИГИЛ есть граждане Сингапура, а также представители других стран ЮВА. В планы ИГИЛ входит создание своего крыла на территории ЮВА с включением Индонезии, Малайзии, Брунея, Филиппин, Тимор-Леште.

В поддержку ИГИЛ в настоящее время высказалось 19 исламистских организаций Индонезии, 5 исламистских организаций Малайзии и 3 — на Филиппинах. По словам министра обороны Сингапура, за последние три года ИГИЛ удалось расширить число своих последователей в Индонезии, Малайзии и Сингапуре в больших объёмах чем Аль-Каида за 10 лет после событий 11 сентября 2001 г. в США. Представители служб безопасности стран ЮВА выражают серьёзную обеспокоенность тем, что по возвращении с Ближнего Востока боевики останутся верными идеям ИГИЛ и будут выступать в пользу формирования халифата в этом регионе.

Исламский терроризм и радикализм не являются новыми явлениями для Индонезии. В 1993 г. была официально оформлена *Джемаа Исламия* — самая крупная организация, которая называ-

лась филиалом Аль-Каиды, хотя в действительности прямая принадлежность индонезийских исламских экстремистов и террористов к сети, контролируемой и финансируемой Аль-Каидой, не доказана. Главной целью своей деятельности Джемаа Исламия считает создание исламского государства в Юго-Восточной Азии как составной части единого исламского халифата в мировом масштабе. На её счету целый ряд взрывов, проведённых на территории Индонезии в 2002, 2003, 2004, 2005, 2009 гг. Бывший лидер Джемаа Исламия Абу Бакар Баашир, находящийся в заключении, заявил о поддержке ИГИЛ и призвал радикалов присоединяться к движению. Малайзийская газета «Утусан Малайзия» (6 февраля 2016 г.) называет имена трёх индонезийцев, занимающих высокие посты в ИГИЛ. Это Бахрумшах, Абу Джандал и Бахрун Наим.

Самой опасной экстремистской организацией в Индонезии является *Муджахиddин Индонесиа Тимур*, насчитывающая несколько сот человек. Её главу Абу Вардаха (Сантосо) называют одним из ответственных за подготовку и организацию шести взрывов, прогремевших в Джакарте в январе 2016 г. Представители ИГИЛ взяли на себя ответственность за этот теракт.

Другие мусульманские организации страны — отколовшаяся от Джемаа Исламия — *Джемаа Анишарут Таухид*, «*Ласкар джихад*», *Маджелис Муджахидин Индонесиа*, *Фронт защитников ислама*, *Хизбут Тахрир Индонесиа*, *Совет муджахедов Индонесиа*, *Аль-Каида Индонесиа в Аче* и др.

Филиппинская организация *Абу Сайяф* видит своей долгосрочной целью создание единого халифата, включающего Юг Таиланда, территории Калимантана, архипелага Сулу и филиппинский остров Минданао, где большинство населения исповедует ислам. В 2014 г. новый лидер Абу Сайяф Иснилон Тотони Хапилон принял присягу на верность ИГИЛ. Организация насчитывает 200–400 человек и представляет собой самую воинствующую исламскую организацию страны, поддерживая тесные связи с Аль-Каидой.

Сегодня возникает реальная угроза исламизации Юга Таиланда, что отвечает интересам радикальных исламистов, действующих на территории Индонезии, Малайзии и Филиппин.

Поддерживая в целом усилия мировой общественности в борьбе с терроризмом, каждая из стран Юго-Восточной Азии вносит в этот процесс свою специфику. Представители Индонезии и Малайзии традиционно заявляют о необходимости проявлять сдержанность и умеренность, отражением чего является, например, выдвижение малайзийской идеи создания Глобального движения умеренных, которую поддержали на саммите страны АСЕАН в апреле 2015 г.

В то же время самым жёстким антитеррористическим законодательством в странах Юго-Восточной Азии на сегодняшний день обладают Малайзия, Сингапур и Вьетнам. После последнего теракта в Джакарте в 2016 г. власти Индонезии также пошли по пути ужесточения антитеррористических законов.

Борьба с терроризмом в регионе ведётся и на многосторонних площадках таких, как Региональный форум АСЕАН (АРФ), Восточноазиатские саммиты (ВАС), Совещание министров обороны стран-членов АСЕАН с диалоговыми партнерами (СМОА+).

Позиция государств Юго-Восточной Азии по вопросам антитеррористической борьбы во многом совпадает с позицией Российской Федерации. Об этом свидетельствуют, в частности, результаты прошедшего в январе 2016 г. в Москве 3-го заседания российско-индонезийской Рабочей группы по противодействию международному терроризму, на котором были зафиксированы общие подходы к ИГИЛ. Российская Федерация и Республика Индонезия договорились о наращивании контртеррористического сотрудничества на ключевых международных площадках, включая ООН, АТЭС, АРФ, Диалоговое сотрудничество Россия–АСЕАН. Во время рабочего визита секретаря Совета Безопасности РФ Н. П. Патрушева в Индонезию и Таиланд в феврале 2016 г. речь также шла о налаживании сотрудничества между соответствующими ведомствами этих стран. Итоги подобных встреч закладывают хорошую базу для совместной борьбы против терроризма и экстремизма. Эта трудная и тяжелая борьба, безусловно, потребует длительных усилий и многое будет зависеть и от взаимодействия различных государств мира.

И. А. Романова

Мировоззренческие оценки современной японской молодежи сквозь призму социологических опросов

Ключевым ресурсом в развитии японского общества и государства всегда был и остается «человеческий фактор». Молодое поколение японцев представляет собой в целом его значимый потенциал. Через какое-то время молодым японцам придется решать важные вопросы социально-экономического и политического развития страны, таким образом, определяя судьбы Японии. Как отмечал японский исследователь Ёсихито Карибэ, «политическое будущее Японии в целом зависит от формирования нового поколения элиты, которая будет в полной мере учитывать национальные интересы, эффективно отвечать на внутренние и внешние вызовы и в то же время оставаться выразителем интересов широких масс граждан».

Социологические опросы, фиксируя различные мнения в обществе, позволяют создать общую картину мнений, в значительной степени отражающую и мировоззрение японской молодежи. Формат тезисов не позволяет всестороннего освещения проблемы. Ограничимся лишь некоторыми оценками молодых японцев по ряду социально-политических вопросов. Данные приводятся по результатам социологического опроса, проведенного в ноябре-декабре 2013 г. Канцелярией кабинета министров Японии среди японских юношей и девушек, а также среди молодых людей в 6 зарубежных странах (США, Великобритания, Германия, Франция, Швеция и Корея) в возрасте 13–29 лет. Выборка составила 1000 человек.

Отношение к собственной стране:

На вопрос: «Вы гордитесь собственной страной? Если да, то чем именно?» — молодые японцы ответили следующим образом: «общественной безопасностью» — 67,5 %, «историческим и культурным наследием» — 61,5 %, «культурой и искусством» — 48,4 %, «наукой и технологиями» — 43,8 %, «уровнем и качеством жизни»

— 32,5 %. Другие возможные ответы включали в себя: «социальная стабильность», «образовательные стандарты», «спорт», «чувство единения среди граждан», «религия». Однако в процентном соотношении эти ответы не превысили отметки в 30 %. Характерно отметить, что «международной активностью» страны гордятся всего лишь 5 % японцев.

Гордость за страну, желание ей послужить:

1. «Я горд, что являюсь жителем своей страны» — заявили 70,4 % молодых японцев.

2. «Я бы хотел послужить своей стране» — такое пожелание высказали 54,5 % опрошенных **в Японии**. В данной группе основное число составили японцы с высшим образованием, меньшее число — временно-занятые, не полностью занятые, работающие по контракту, безработные. Характерно, что это — самый высокий показатель среди ответов на аналогичный вопрос в других странах. Так, на этот вопрос положительно ответили: в Швеции — 53,7 %, Германии — 49,7 %, Франции — 44,8 %, Корею — 43,2 %, США — 42,4 %, Великобритании — 40,6 % респондентов.

Вас интересует текущая политика Вашего государства?

В Японии на этот вопрос положительно ответили — 50,1 %. В Германии — 69,0 %, Корею — 61,5 %, США — 59,4 %, Великобритании — 55,8 %, Франции — 51,8 %, Швеции — 46,4 % участников опроса.

Возможность участия и вовлеченность в процесс принятия политических решений:

Среди **японских участников опроса** мнения распределились следующим образом: «мнения молодежи должны учитываться при формировании политики, особенно касающейся молодежных программ» — 67,7 %, «в качестве индивида у меня нет власти влиять на правительственные решения» — 61,2 %, «я бы хотел быть вовлеченным в решение социальных вопросов с целью улучшения общества» — 44,3 %, «как индивид я хочу активно участвовать в процессе принятия решений во благо своей страны и моего общества» — 35,40 %, «я не хочу быть вовлеченным в решение общественных вопросов, потому что они слишком сложные» — 31,3 %.

Степень удовлетворенности обществом, в котором Вы живете:

В Японии о своей «удовлетворенности» заявили 31,5 % респондентов, в Германии — 72,1 %, Швеции — 56,9 %, Великобритании — 54,7 %, США — 44,6 %, Корее — 35,1 % респондентов.

У вашей страны — прекрасное будущее:

С такой оценкой **в Японии** согласились 28,7 %, в Швеции — 67,8 %, Германии — 66,3 %, Великобритании — 59,6 %, США — 57,0 %, Корее — 43,1 %, Франции — 36,0 % молодых людей.

Социальные проблемы в вашей стране:

В Японии первые строчки заняли такие ответы, как: «трудно найти работу и много безработных» — 56,7 %, «не последовательная политика» — 52,2 %, «тяжелая работа не оценивается по заслугам» — 48,8 %, «при формировании политики мнение молодежи не учитывается» — 40,5 %, «доход не соответствует высококвалифицированной работе» — 40,2 %. В других странах, за исключением Кореи, большинство молодых людей в качестве основной «социальной проблемы» в своей стране назвали — «большой разрыв между богатыми и бедными».

Факторы успеха:

В Японии ответы распределились следующим образом: «индивидуальные усилия» — 34,0 %, «индивидуальные таланты» — 25,3 %, «удача и случай» — 17,2 %, «статус и происхождение» — 7,4 %, «образование» — 6,6 %. «Индивидуальным усилиям» отдали свое предпочтение в Германии — 46,6 %, Франции — 38,4 %, Швеции — 36,0 %, США — 35,5 %, Великобритании — 29,3 % молодых людей. В Корее большинство — 42,6 % — заявило, что основным «фактором успеха» является «статус и происхождение». За «индивидуальные усилия» высказались — 20,3 %, а за «индивидуальные таланты» — 18,0 % молодых корейцев.

Взгляд на место Вашей страны в мире:

Как чувствуют себя Ваши сограждане в условиях глобализации? (в какой степени они подготовлены к глобальным перспективам, насколько хорошо понимают и знают культуру, историю, социально-политическое развитие собственной страны и других

стран? Испытывают ли уважение к основополагающим духовным ценностям? Согласны ли мирно сосуществовать вместе с другими народами и культурами? Готовы ли выполнять свою роль в качестве членов глобального сообщества?).

В **Японии** утвердительно на этот вопрос, а именно — «готовы» — ответили 24,3 %, в Германии — 69,6 %, Швеции — 61,0 %, Великобритании — 56,5 %, США — 49,3 %, Франции — 35,9 %, Кореи — 34,1 %.

Какая политика сможет лучше подготовить граждан для взаимного сосуществования в условиях глобализации:

В **Японии** большинство респондентов ответили: «направленная на укрепление контактов с иностранными гражданами» — 42,0 %, «поддержку и обеспечение обучения за рубежом» — 32,6 %, «углубленное изучение культуры и истории других стран» — 29,4 %.

В США и Великобритании — «изучение иностранного языка в детстве» — соответственно 34,6 % и 30,8 %. В Германии и Швеции: «поддержка и обеспечение обучения за рубежом» — соответственно 39,5 % и 36,4 %. Во Франции: «углубленное изучение культуры и истории других стран» — 45,6 %.

Место Японии и японцев в мире и мировом сообществе:

Представление о Японии:

В **Японии** большинство молодых людей выбрали следующие ответы: «безопасная для жизни страна» — 54,6 %, «научно и технологически развитая» — 52,1 %, «с блестящими культурой и искусством» — 51,4 %. В других странах Японию представляют, прежде всего, как «научно и технологически развитую», «с блестящими культурой и искусством» и «экономически благополучную» страну.

Представление о японцах:

Молодые японцы видят своих сограждан «вежливыми» — 55,7 %, «серьезными и ответственными» — 50,8 %, «трудолюбивыми, преданными работе и учебе» — 45,7 %.

В США и Великобритании считают японцев, прежде всего, «интеллигентными» — соответственно 47,6 % и 38,7 % — и «тру-

долюбивыми, преданными работе и учебе» — соответственно 38,8 % и 33,1 %.

В Германии, Швеции и Франции большинство молодых людей считают японцев «трудолюбивыми, преданными работе и учебе» — соответственно 59,2 %, 56,3 % и 45,3 %.

В Корее доминировали негативные оценки. Японцев считают «тщеславными и самодовольными» — 43,5 %, «нельзя доверять им, не говорят, что думают на самом деле» — 39,0 %, «высокомерные и надменные» — 28,4 % корейцев.

Итак, на основе представленных данных можно сделать следующие выводы:

1. Большинство молодых японцев гордятся своей страной и готовы служить ей, в частности, более активно участвуя в процессах формирования политики и механизмах принятия политических решений.

2. «Трудолюбие», «преданность работе и учебе» остаются одной из общественных ценностей, которые разделяют и молодые японцы.

3. Индивидуальные ценности все больше проникают в японское общество, в определенной степени «размывая» групповое сознание.

4. Показатель «удовлетворенности» обществом среди молодых японцев — самый низкий, в сравнении с аналогичным показателем в других странах. Среди причин разочарования можно назвать «неопределенное будущее Японии», «образование», «чувство разобщенности среди сограждан», скептическое отношение к возможности влиять на проведение политики.

5. Молодые японцы пока не очень готовы к вызовам глобализации — самые низкие показатели среди участников опроса из других стран. Однако они готовы работать в этом направлении.

Основная литература

1. Чугров С. В. Изменения в национальном сознании в зеркале опросов общественного мнения. — Япония после смены власти. М., 2011. С. 96.
2. International Survey of Youth Attitude, 2013. Cabinet office of Japan, June 2014. URL: <http://www8.cao.go.jp/survey>

А. А. Сергеева

**Китай и китайская научная диаспора:
опыт, проблемы и перспективы**

Проблема «утечки мозгов» представляется актуальным вопросом для многих, особенно развивающихся стран. Существует мнение, что в настоящее время в условиях недостатка территориальных, водных, энергетических и прочих ресурсов руководство КНР придерживается стратегии демографической экспансии во избежание перенаселения. Однако, несмотря на избыточные трудовые ресурсы, дефицит квалифицированных и высококвалифицированных кадров ощущим в КНР во многих сферах занятости. Поэтому важнейшим направлением политики руководства КНР стало привлечение ценных научных кадров. В КНР обсуждение данной проблемы началось с конца 80-х гг. и продолжается до настоящего времени, однако вектор данного обсуждения поменялся. В связи с усиливающейся глобализацией и свободой перемещения по всему миру, китайское правительство делает упор не на репатриацию и восстановлении или получении гражданства КНР, а на привлечении в свободном режиме высококвалифицированных специалистов в качестве ресурса для дальнейшего экономического и социального развития Китая в XXI в.

Изучение и анализ китайского опыта говорит о том, что руководством КНР в диаспоральной политике накоплен богатый опыт по разработке и реализации программ по привлечению высококвалифицированных кадров из числа зарубежных китайцев. При этом, как показывает практика, эти программы рассчитаны как на граждан КНР (*хуацяо*), так и на иностранцев китайского происхождения (*хуажэнь*), и не требует обязательного принятия гражданства КНР при условии участия в данных программах. Продолжается поиск особых форм сотрудничества, которые позволили бы представителям китайской диаспоры работать в КНР (с официальным признанием их высокого статуса), не возвращаясь туда на постоянное жительство, читать краткие курсы, руководить исследовательскими программами, набирать аспирантов и докторантов. К тому же следует учитывать их потенциал в качестве механизма

«мягкой силы», так называемых «знатоков Китая». Многочисленными высокобюджетными программами КНР подкрепляет политическую волю пекинского руководства в деле возрождения и вывода китайской науки на мировой уровень, чем обусловлено выделение адекватного финансирования, достаточно эффективный контроль за ее расходованием, активное повсеместное внедрение инноваций. Руководство КНР выдвинуло следующие пожелания к представителям китайских эмигрантов и зарубежных этнических китайцев. Во-первых, им нужно стать «мощным резервом» по продвижению трансформации и развития экономики Китая и более широко участвовать в выстраивании нового характера национальной экономики. Во-вторых, важно сформировать «радужный мост» общего выигрыша и сотрудничества между Китаем и зарубежными странами в области экономики и занять более активную позицию в продвижении инициатив формирования экономического пояса Шелкового пути и морского Шелкового пути XXI-го века, международных производственных мощностей и сотрудничества в области производства оборудования. В-третьих, следует создавать «новый имидж» для китайских торговцев по всему миру.

В целях эффективного взаимодействия со своей диаспорой в КНР создана широкая нормативно-правовая база, разработаны и внедрены широкомасштабные программы по привлечению высококвалифицированных кадров, в том числе и представителей китайской диаспоры, независимо от гражданства.

Вместе с тем, несмотря на наличие определенных успехов, реализация правительственных инициатив выявила целый ряд проблем, касающихся функционирования системы академической науки в целом, особенно в отношении организации научной работы, другой ряд проблем связан с особенностью социально-политической структуры страны и общественных отношений в частности.

Основная литература

1. Цяову гунцзо янцзю (Изучение работы с зарубежными соотечественниками)//2014.№2.С.12.
2. Сайт Жэньминь жибао. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2015/0707/c31521-8916480.html>

А. Л. Стрёмовская

**Реализация концепции устойчивого
развития в Японии**

В настоящее время во многих странах актуальным вопросом стала реализация концепции устойчивого развития. «Под устойчивым понимается такое развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности» [1; 124]. Реализация концепции устойчивого развития предполагает серьезные социальные и экономические преобразования. При этом большое значение придается защите природных ресурсов и окружающей среды [3]. 25 сентября 2015 года Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию о целях и задачах по реализации данной концепции до 2030 года [2].

Во всем мире предпринимаются меры по обеспечению устойчивого развития. Так, например, в Японии многие действия направлены на защиту и повышение качества окружающей среды. В частности, С. Хсу, М. Наои и В. Жан отмечают значительное снижение загрязненности воздуха в Японии, особенно в 1970-е и начало 1980-х гг. [4]. Для повышения чистоты воздуха правительство и местные органы власти в Японии, прежде всего, ограничивают источники загрязнения. Кроме того, в Японии существует широкомасштабная система мониторинга загрязнения воздуха. Другая проблема в Японии — доступность водных ресурсов и качество воды. Для решения данной проблемы на 2014 год было установлено свыше 2 тысяч станций в Японии для осуществления контроля за качеством воды рек, озер и водоемов [4].

Помимо этого, с целью повышения энергосбережения продвигается производство и использование «возобновляемых источников энергии» [4].

Для обеспечения охраны природных ресурсов в Японии создаются различные парки. Так, на 2014 г. Япония насчитывала «29 национальных парков, 56 «квази-национальных» парков» и 312 парков, подконтрольных префектурам. В Японии есть также

4 природных объекта, охраняемых ЮНЕСКО [4]. Предпринимаются и другие меры для защиты окружающей среды.

Среди серьезных социальных проблем в Японии — бедность и неравенство. С. Хсу, М. Наои и В. Жан отмечают рост бедности и социального неравенства после длительной рецессии в 1990-е годы. Рост бедности связан с изменениями в структуре населения: ростом числа родителей-одиночек, занятых неполный рабочий день и лиц с непостоянной занятостью, а также увеличением доли пожилых людей с более низким доходом. Среди мер по борьбе с бедностью: предоставление пособия по безработице на срок до 330 дней; социальная помощь, направленная на обеспечение прожиточного минимума, а также помощь бездомным [4]. Правда, как пишут С. Хсу, М. Наои и В. Жан, социальная помощь была подвержена критике в связи с тем, что она охватывает только 20 % нуждающихся семей [4].

Ряд проблем наблюдается и на рынке труда в Японии. Одна из них — более длинный рабочий день по сравнению с большинством европейских стран. Вместе с тем, С. Хсу, М. Наои и В. Жан пишут о постепенном сокращении рабочего дня в Японии по сравнению с 1980-ми годами [4]. Еще одна проблема — половое неравенство в зарплате (у мужчин более высокая зарплата). По мнению С. Хсу, М. Наои и В. Жан, частично эта проблема связана с различием в трудовом стаже между мужчинами и женщинами в Японии [4]. Данная проблема пока не решена.

С целью трансформации поведения населения для обеспечения устойчивого развития идеи и ценности данной концепции продвигаются в Японии и в образовательной среде [5].

В целом, согласно С. Хсу, М. Наои и В. Жан, Япония может служить примером для других стран по улучшению «эффективности энергосбережения, снижению загрязненности окружающей среды, повышению качества образования и улучшению питания» [4]. Частично, по мнению С. Хсу, М. Наои и В. Жан, успех Японии определяется «статусом инноватора». При этом, «некоторые проблемы Японии, включая бедность и неравенство, могут быть связаны с продолжающимся замедлением темпов экономического развития» [4].

В заключение, следует отметить, что наибольшие успехи в реализации концепции устойчивого развития в Японии наблюдаются в области защиты окружающей среды. При этом, остаются нерешенными такие серьезные социальные проблемы как бедность и социальное неравенство.

Основная литература

1. Гизатуллин Х. Н., Троицкий В. А. Концепция устойчивого развития: новая социально-экономическая парадигма // *Общественные науки и современность*. 1998. №5. С. 124–130.
2. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 25 сентября 2015 г. 70/1. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года.
3. Sustainable Development – Concept and Action. UNECE. URL: http://www.unece.org/oes/nutshell/2004-2005/focus_sustainable_development.html
4. Hsu S., Naoi M., Zhang W. *Lessons in Sustainable Development from Japan and South Korea*. Palgrave Macmillan, 2014. Kindle edition.
5. United Nations Decade of Education for Sustainable Development (2005–2014). Japan Report. The Interministerial Meeting on the “United Nations Decade of Education for Sustainable Development” October, 2014.

Языкознание

О. Г. Акинина

Арабское образование и террористические угрозы

1. Нарастающие в последнее время террористические угрозы с Ближнего Востока все чаще связывают с религиозным воспитанием и образованием мусульман. Ведь известно, что многие мусульмане, вступившие в ряды ИГИЛ и других террористических организаций, сделали это под влиянием проповедей в мечетях со стороны радикально настроенных служителей культа. Возникает закономерный вопрос: есть ли связь между мусульманской (в частности, арабской) системой образования и терроризмом. Этим вопросом задаются сейчас не только на Западе, но и в самих арабских странах. Данной теме была посвящена статья Сами Лисмира, недавно появившаяся в Интернете на странице «Русийа ал-йаум» (Russia Today). Автор отмечает, что деятели культуры и политики в арабских странах, хотя и признают, что методы обучения несут определенную ответственность за появление терроризма и радикальных взглядов, особенно в молодежной среде, однако система образования не является основным фактором распространения данных явлений.

2. Обвинения в адрес арабских государств и требования пересмотреть методику религиозного образования были выдвинуты США еще в 2001 г. после террористических атак 11 сентября. На эти требования откликнулись страны Персидского залива и другие арабские государства. Например, марокканский монарх поручил правительству пересмотреть религиозные учебные программы на разных уровнях преподавания. Была разработана целая государственная программа на период до 2030 г., в которой излагалась стра-

тегия реформирования системы образования и научных исследований. Особое внимание в данном документе было уделено исламским ценностям и толерантности с целью воспитания молодого поколения на принципах веротерпимости и сосуществования с различными другими культурами. Таким образом, умеренность политических или религиозных учений ислама начала позиционироваться как барьер на пути экстремизма.

3. Президент Египта Абд ал-Фаттах ас-Сиси также в числе основных приоритетов внутренней политики назвал реформу образовательной системы, которая в госсекторе включает в себя арабское светское и религиозное образование, а в частном представлена британскими, американскими, русскими, японскими, турецкими и другими учебными заведениями: университетами и школами. В частности, египетский президент обратил особое внимание на японскую систему образования, как с точки зрения нравственных установок, так и с позиций высокой профессиональной подготовки учащихся.

4. Пересмотр подходов к вопросам образования (особенно под влиянием Запада), будучи, безусловно, своевременным и насущным, таит в себе вместе с тем опасность утраты арабами самобытности и национальной идентичности. Неслучайно один из арабских аналитиков Сулайман Ибрахим ал-Аскари отмечал, что арабская самобытность находится в настоящее время «между молотом вестернизации и наковальней экстремизма». Например, давление Европы и, в частности, Франции, на арабские страны Северной Африки в плане пересмотра системы религиозного образования исторически было свойственно колониальным государствам. С другой стороны, разрастание зоны арабских территорий, находящихся под влиянием экстремистских идей, не может не настораживать и сами арабские государства. Однако географическая принадлежность членов радикальных террористических организаций является довольно обширной. Например, в рядах ИГИЛ воюют представители около 80 государств (в том числе европейских). Эти люди в большинстве своем получали образование не в арабских религиозных учебных заведениях.

5. Очевидно, истоки экстремизма и терроризма следует искать не только и не столько в образовании. Вследствие «арабской вес-

ны» во многих арабских странах были разрушены государственные институты, и молодежь, как наиболее активная часть общества, была брошена на выживание, превратившись в маргинальные группы. Пытаясь обеспечить свою жизнь, найти в ней свое место и занятие, молодые люди часто под влиянием социальных сетей оказываются втянутыми в экстремистские организации, одержимые политическими амбициями, а не решением экономических и социальных проблем.

6. Нет сомнения в том, что существует тесная связь между образованием и формированием коллективного общественного сознания людей. Однако имеются факторы, которые могут разрушить то, что было заложено школой. К таким факторам относятся: нарушение прав граждан, маргинализация молодежи и отсутствие условий для ее развития и самореализации. Реформа сознания и его очистка от деструктивных идей зависит не только от изменений в системе образования и обучения, но и от всеобъемлющего реформирования государственной политики в арабском мире и его восстановления после потрясений «арабской весны».

Е. Н. Белых

**Прагматический потенциал лексических
средств в турецком политическом дискурсе
устного публичного выступления**

Важным вопросом является прагматический отбор лексических средств при составлении текста устного публичного выступления, где актуальным является учет аудитории.

Понятие прагматики связано с именами таких ученых, как Ч. Пирс, У. Джеймс, Ч. Моррис. Прагматика актуализирует свое внимание на тех же вопросах, что и традиционная стилистика. По замечанию Ю. С. Степанова, «прагматика это выбор языковых средств из наличного репертуара для наилучшего выражения своей мысли или своего чувства, выражения наиболее точного, или наиболее красивого, или наиболее соответствующего обстоятельствам»

[1, 15]. Прагматика включает в себя широкий круг вопросов, связанных с говорящим субъектом, адресатом, их взаимодействием в процессе коммуникации, определенной ситуацией общения [2, 390].

По мнению многих лингвистов, важная роль в прагматике отведена именно рецептору т. е. аудитории, которая воспринимает информацию из выступления докладчика, а в данном случае из выступления политического лидера в устном публичном выступлении.

В турецком политическом дискурсе ярко проявляется прагматический отбор докладчиком языковых средств в устном публичном выступлении. Выбор языковых средств зависит от того, перед какой аудиторией выступает политический деятель.

В турецком политическом дискурсе устного публичного выступления можно выделить следующие аудитории, в выступлениях перед которыми существует свой определенный набор языковых средств, которыми пользуется политический деятель:

1. Турецкая молодежь — женская часть населения — парламент Турции — аудитория, проживающая на юге Турции.

2. Европейские страны — страны арабского мира — тюркоязычные страны — международные саммиты и форумы.

При выступлении перед лидерами арабских стран, обсуждении вопросов, связанных с арабским миром, в речах политиков наблюдается активное использование арабизмов, персизмов и религиозной лексики. Таким образом, реализуется компонент «свой» в системе «свой-чужой».

При выступлениях на международных саммитах, заседаниях с участием представителей европейских стран, в официальных речах турецких лидеров во время визитов в европейские страны наблюдается большое количество заимствованной лексики из европейских языков, акцентирование внимания на тезисе «Турция — мост», «Турция — связующее звено в цепи» для всех стран мира.

В устных публичных выступлениях перед народом Турции, перед избирателями в текстах речей наблюдается наличие арабизмов, паремий, религиозной лексики.

Определенный набор лексических средств в устном публичном выступлении политического лидера является особым инстру-

ментом воздействия на аудиторию с целью повлиять на видение политической ситуации и изменить в нужном для политического лидера русле отношение к актуальной ситуации и информации.

Основная литература

1. Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии и искусства. М.: Наука, 1985. 336 с.
2. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая российская энциклопедия, 1998. 685 с.

М. П. Берзигиярова

Дефектные числовые парадигмы имен в «Книге» Сибавайхи

Субстантивная категория числа в литературном арабском языке представлена граммемами единственного, двойственного и множественного числа. Первое в арабской грамматической традиции системное описание числовых форм имен предложено уже в самом раннем из дошедших до нас грамматических трактатов — в «Книге» Сибавайхи (VIII в.).

Это описание включает детальную характеристику формообразования, семантики и функционирования числовых форм. Формы дв. и мн. числа рассматриваются при этом как производные от имени ед. числа самостоятельные слова, встроенные в словообразовательный ряд *ism nisba* (имя относительное) — *ism muthannā* (имя удвоенное) — *jam' bi-l-wāw wa-n-nūn* (множественное на wāw-nūn) — *ism taṣghīr* (имя уменьшительное) — *ism mukassar* (ломаное множественное).

Одновременно между числовыми формами существует жесткая связь, выделяющая их из большого деривационного ряда и объединяющая в малый парадигматический ряд на основе очевидного критерия — количественной характеристики называемых объектов. Парадигматический характер ряда обеспечивается следующими параметрами:

- числовые противопоставления тотальны (за исключением сравнительно редких случаев арабских *singularia tantum*);
- числовые значения обязательны к выражению по умолчанию;
- в общем случае постулируется невозможность сочетания двух числовых сем в одной грамматической позиции, что обеспечивается самим деривационным механизмом.

Для каждого отдельно взятого имени возможность иметь полную числовую парадигму является своего рода гарантом того, что число выступает для такого имени в своей основной функции — указания на единичность, двойственность и множественность дискретного объекта. Запрет на образование форм дв. и мн. числа имен вводится в следующих случаях:

1. Любые имена, которые уже имеют в своем составе кумулятивный показатель числа/падежа (харфы *wāw/yā'* для правильного мн. числа, *alif/yā'* для дв. числа), не могут образовывать ни форм дв., ни форм правильного мн. числа [2: 95]. В эту категорию включаются имена собственные, имеющие в своем составе десемантизированный показатель дв. или мн. числа; числительное *ithnān* «два» и числительные — названия круглых десятков, оканчивающиеся на харфы *wāw-nūn* (*'ishrūn* «двадцать» и т. д.). Подобные имена не образуют форм дв. и мн. числа в связи с запретом дублировать падежное значение. Показательно, что при этом не вводится явного запрета ни на дублирование числовых значений, ни на совмещение в одной словоформе разных числовых значений.

2. Формы ед. числа со значением собирательного множества не образуют плюралис, но могут иметь дв. число в одном из вторичных его значений: *tamr* «финики» — *tamrān* «два различных сорта фиников»; *ibil* «верблюды» — *ibilān* «два стада верблюдов» [2: 202].

3. Формы мн. числа, словообразовательная модель которых совпадает с какой-либо моделью ед. числа, могут образовывать плюралис, но не дв. число [2: 202]. Так, от слов *abyāt* «байты», *anyāb* «клыки» образуется множественное от множественного: *abāyūt* «множество байтов», *anāyīb* «множество клыков». Такая

форма является способом выражения субъективной оценки говорящим исходного множества как очень большого. Собственно численное значение исходного множества при этом никак не меняется. По сути, речь идет лишь об акцентировании уже заложенной в именах типа *abyāt* семы множества, о своего рода гиперболизации множества.

При этом множественное типа *abyāt*, указывая на некоторое количество дискретных объектов, формально способно образовать двойственное число, однако семантика плюрального имени не допускает этого. Семы двойственности и отдельного множества оказываются несовместимы.

Основная литература

1. Сибавайхи. Китаб. Т. 2. Каир: Булак, 1317 г. х.

Е. Ю. Бессонова

К проблеме восприятия перфектных значений японских глаголов со вспомогательным глаголом *иру*

Формы на *тэ иру* — формы длительного вида глаголов, у большинства переходных неопределенных глаголов соответствуют собственно континуативному значению (*кайтэ иру* «пишу/пишет/пишут», *бэнкё: -ситэ иру* «изучаю/изучает/изучают»): действие продолжается в данный момент. Восприятия значения длящегося действия не вызывает затруднения при обучении японскому языку. Значительно труднее у изучающих японский язык происходит освоение перфектного значения формы на *тэ иру*. Перфект образуется от значимого глагола, форма которого на *тэ/дэ* обозначает завершенное действие, при этом сама форма подчеркивает именно незавершенность или состояние. Например, *китэ имасу* — «пришел куда-л., где и находится в данное время», при этом важным является именно «факт присутствия» в момент вербального обозначения ситуации. Грамматически глагольность перфектных форм в японском языке очевидна, в перфекте сохраняются глагольные признаки, модели управления и примыкания.

Являясь видовременными глагольными формами, перфектные формы японских глаголов не адъективируются грамматически, но семантически во многих примерах обозначают состояние и воспринимаются изучающими японский язык носителями русского языка как прилагательные (*футоттэ иру* «толстый», *ясэтэ иру* «худой», *ёгорэтэ иру* «грязный») или как совмещающие в себе признаки глагола и прилагательного причастия (*хадзиматтэ иру* «начавшийся», *хаиттэ иру* «вошедший, вступивший»). Еще одна проблема восприятия перфектной формы глаголов связана с временной семантикой. Формы на *тэ иру* представляют собой формы настоящего/будущего времени, но в переводе на русский язык часто переходят в семантику прошедшего времени (*хадзиматтэ иру* «начался»).

Отдельно рассматривают переводы, где семантика значимого японского глагола в предложении на русском языке не проявляется (например, значимые глаголы *хадзимару* «начаться» и *куру* «приходить» в следующих предложениях *Эйга га хадзиматтэ иру*. «Фильм идет». *Анна-сан га дайгаку ни китэ иру*. «Анна сейчас в университете»). Перфектное значение глагольных форм на *тэ иру* воспринимается носителями языка как следующий этап после этапа завершения действия, в цепочке «прошедшее время — перфект» (*хадзиматта* — *хадзиматтэ иру*, *кэккон сита* — *кэкконситэ иру*). Отмечается, что наибольшее затруднение в использовании перфектных форм связано у изучающих японский язык не с построением данных форм или пониманием при прочтении японского текста, а с использованием перфекта в речи на японском языке, что отражает «естественность-неестественность» речи в целом.

Основная литература

1. Алпатов В. М., Аркадьев П. И., Подлесская В. И. Теоретическая грамматика японского языка. Книга 1, 2. — М., 2008.
2. Головин И. В. Грамматика современного японского языка. — М., 1986.
3. Нечаева Л. Т. Японский язык для начинающих. Часть II. — М.: Московский Лицей, 2010.
4. 小川芳男. 日本語教育辞典. 日本語教育学会編. — 東京: 大修館書店, 1997.

С. А. Быкова

**«Нео-диалекты» в японском языке
и их отличие от «новых диалектов»**

На протяжении нескольких последних десятилетий в японском языкознании закрепился и широко употребляется термин «новые диалекты», введённый выдающимися диалектологами Сибата Такэси и Иноуэ Фумио. В отличие от традиционных территориальных диалектов, которые существовали и продолжают существовать в японской языковой системе с ранних периодов развития японского государства до наших дней, «новые диалекты» представляют собой явление, сочетающее в себе признаки и территориальных, и социальных диалектов. В случае «новых диалектов» новые грамматические и лексические диалектальные формы впервые фиксируются в речи молодого поколения населения, т. е. определённой социальной группы общества (социальный диалект) различных префектур аналогично прочим территориальным диалектам, а затем распространяются по всей стране.

В отличие от «новых диалектов» нео-диалекты, *нэохо:гэн*, являются сугубо территориальными разновидностями японского языка аналогично традиционным диалектам. Нео-диалекты распространены на какой-либо одной территории и при этом, несомненно, представляют собой новые диалекты (отсюда морфема *нео* в их названии), как и «новые диалекты» *синхо:гэн*. Однако в сущности эта новизна в сравнении с традиционными диалектами, пожалуй, единственная общая для обеих разновидностей диалектов характеристика, а морфема *нео* в названии употребляется специально для различения этих двух типов новых территориальных диалектов. В современной Японии чётко различаются ситуации использования стандартного, а правильное, общего, языка, и территориальных диалектов. Если формы общего языка используются преимущественно в официальной обстановке, то формы территориальных диалектов употребляются в неформальных ситуациях общения. К концу 80-х годов прошлого столетия в ряде регионов страны стала проявляться тенденция употреблять местные диалектальные формы в речи на стандартном (общем) языке, и, напротив, в речи на диалекте использовать формы стандартного языка.

Основной, но не единственной особенностью этих новых диалектов является то, что грамматические особенности соответствующих, т. е. распространённых на данной территории, традиционных диалектов, соседствуют в пределах одной словоформы с формами общего языка. Так постепенно сформировался некий промежуточный территориальный вариант языка, который сочетает формы стандартного языка и территориального диалекта одновременно, но в то же время не может быть отождествлен ни с общим языком, ни с традиционным территориальным диалектом. В 1988 г. для дифференциации подобных диалектов от «новых» впервые был употреблён термин *нэохо:гэн*, нео-диалект.

Одним из наиболее распространённых нео-диалектов является диалект этого типа, на котором говорят в западной части о-ва Хонсю, традиционной территории действия диалектов западной ветви, так наз. *Кансай хо:гэн*. Более того, здесь нео-диалект распространён в Киото и Осаке, признанных центрах западной ветви диалектов японского языка. Так, в Осаке в речи на традиционном диалекте употребляются ранее не использовавшиеся в местном диалекте слова и формы стандартного японского языка: междометие *са*, союз причинно-следственной связи *кара*, деепричастная форма на — *ттэ* глаголов, заканчивающихся в словарной форме на два гласных звука, вместо традиционной формы с ассимиляцией (*омоттэ* вместо *омо:тэ*). В нео-диалекте Осаки фиксируются отрицательные соединительные глагольные формы типа *ясумэнкутэ* «не отдыхая», где вместо форманта *на* стандартного языка употребляется местный диалектальный вариант *н*.

В качестве другого яркого примера подобного симбиоза стандартных и диалектальных форм в этом же диалекте можно привести изменения, наблюдаемые в отрицательной форме глагола *куру* «приходить». Простой отрицательной форме этого глагола стандартного языка *конай* в Кансае традиционно соответствовали формы *кэ:хэн*, *ки:хэн*, *кэ:хэн*, *кияхэн*, *ки:хин*. Нетрудно заметить, что ни в одном из приведённых вариантов отрицательных форм указанного глагола не фигурирует слог *ко* в начале словоформы, обязательный для стандартного японского языка.

В последнее время в Осаке, Кобэ и Киото получила распространение форма *ко:хэн*, где слог *ко* соседствует с традиционным

диалектальным *хэн* вместо стандартного *най*. Подобное сочетание форм стандартного языка и диалектальных рассматривается как явление нео-диалекта. Проведённые японскими диалектологами анкетные обследования употребления новых диалектальных форм убедительно свидетельствуют, что молодое поколение жителей Западной Японии предпочитает употреблять формы, аналогичные *ко:хэн*, в противоположность старшему поколению, продолжающему употреблять чаще всего *кэ:хэн*.

Нео-диалекты получают распространение по всей территории Японии. Свои нео-диалекты функционируют на территории префектур Акита, Аомори, Хёго и т. д. При этом носители языка зачастую уверены, что говорят на стандартном языке, и не замечают, что в их языке смешаны нормативные формы стандартного японского языка и диалектальные формы. На настоящем этапе развития японской языковой системы предсказать будущее нео-диалектов невозможно, но однозначно можно утверждать, что это новое явление в системе диалектов японского языка.

Л. В. Васильева

Анкетирование как способ выяснения языковой ситуации

Анкетирование или опросы общественного мнения как способ сбора для последующего анализа статистической информации по тем или иным вопросам широко используется в разных науках, например, в социологии, психологии и т.п. В Японии эта форма выяснения общественного мнения по самым разным вопросам весьма популярна.

Один из основных государственных органов языковой политики Японии — Подкомиссия по вопросам родного языка Агентства по культуре Министерства образования, культуры, спорта, науки и технологий, начиная с 1995 года, ежегодно проводит анкетирование по вопросам японского языка (*Кокуго ни кансуру ёрон тё:са*). Цель каждого такого анкетирования ежегодно с небольшими вариациями формулируется в преамбуле: помимо отноше-

ния носителей к состоянию языка в целом и к происходящим в нем изменениям в частности, для каждого опроса отбирается несколько конкретных тем, которые вызывают наибольший интерес у специалистов или являются самыми обсуждаемыми в обществе. Полученные результаты затем обрабатываются и используются в качестве базовых справочных материалов для определения направлений работы органов языковой политики, а также обязательно публикуются и широко обсуждаются.

В каждом исследовании принимает участие около 3000 человек (с 2005 года число респондентов увеличено до 3500, чтобы количество корректных ответов превышало 2000). Для участия в анкетировании отбирают постоянно живущих в стране мужчин и женщин старше 16 лет из 210 выбранных статистическими методами поселений разного типа (деревня, поселок, небольшой или крупный город) в разных регионах, наиболее точно отражающих состав населения страны. Затем из проживающих там потенциальных участников слепым методом отбирают по 15 человек и с каждым проводят устное индивидуальное интервью. Такой строго регламентированный отбор позволяет дать достаточно объективную картину языкового сознания и поведения, уловить тенденции языковых изменений, а также четко сформулировать, например, ожидания носителей языка, связанные с усилиями, предпринимаемыми органами языковой политики в связи с теми или иными языковыми явлениями.

Хотя анкетирование как метод сбора информации для анализа вопросов, связанных с языком, активно использовался специалистами и до 1995 года, именно ежегодные опросы, объединенные общей темой, а именно состоянием родного языка на момент проведения исследования, дают возможность изучать изменения в языковой ситуации в динамике. Кроме того, именно с этого времени при составлении анкет большое внимание уделяется выбору тех тем, которые интересуют или волнуют носителей языка, тогда как в период с конца 1940-х по начало 1990-х годов органы языковой политики, в основном, проводили хоть и крайне необходимые, но не имевшие такого широкого отклика в обществе реформы, связанные с формированием и упорядочиванием норм стандартного языка. Самые обсуждаемые в обществе или самые заметные язы-

ковые явления становятся темами для анкетирования неоднократно, ежегодно в течение какого-то периода времени или каждые несколько лет, и в докладах с результатами всегда дается сравнение с цифрами из прошлых исследований.

Такие последовательные и подробные наблюдения за динамикой языковых процессов и отношения к этим процессам общества дают достаточно полное и четкое представление о состоянии языка и позволяют регулировать языковую политику, например, в сфере обучения японскому языку и как родному, и как иностранному. Открытые для всех желающих, а не только для узких специалистов, результаты ежегодного анкетирования по вопросам родного языка, во-первых, создают у носителей языка ощущение, что их мнения и суждения услышаны и не оставлены без ответа, и, во-вторых, снижают вероятность неприятия обществом изменений норм стандартного языка, когда они необходимы.

А. Ю. Вихрова

Метод трансплантации в языках различной типологии (применение в языках изолирующего строя)

Метод трансплантации — это применяемый в экспериментальной фонетике метод, позволяющий проанализировать, как устроена просодическая и фонетическая система языка. В настоящее время просодические модели, создаваемые в процессе синтеза речи, становятся всё более замысловатыми, однако до сих пор нередко встречаются неточности, погрешности, которые можно списать на разницу между искусственной (синтезированной) и естественной (человеческой) речью. Трансплантационный метод может помочь частично решить эту проблему.

Технология метода трансплантации основывается на идее копирования интонации и показателей длительности с уже имеющегося *донорского* отрезка звучащей речи в фонетическую транскрипцию такого же отрезка. Полученная таким образом *обогащенная фонетическая транскрипция*, в дальнейшем может использо-

ваться в качестве исходных данных для синтеза речи, в обход лингвистических и просодических моделей. Результатом такого синтеза является высококачественная искусственная речь.

Процесс просодической трансплантации для одного предложения, а именно, *обогащенной фонетической транскрипции*, включает в себя несколько основных шагов. Во-первых, запись предложения, начитанного диктором, выбранным в качестве «донора просодии». Далее, создание фонетического представления. После речевого анализа, голосовой сигнал сегментируется и маркируется, причем показатели длительности звучания фонем в этой сегментации не учитываются. Далее, естественный контур частоты основного тона стилизуется и заменяется перцептивно эквивалентным ему линейным отрезком. Этот стилизованный контур целиком определяется позициями и регистровыми характеристиками его контрольных точек. В конце, фонетическое представление, показатели длительности звучания фонем и интонационные контрольные точки монтируются в *обогащенную фонетическую транскрипцию*.

Данный метод используется и для сравнения сегментной и просодической информации в восприятии звучащей речи, в частности языковых акцентов. Здесь задача метода состоит в том, чтобы наложить просодические характеристики носителя языка на просодические характеристики не носителя и наоборот. Данный метод применялся в ряде экспериментов и исследований, проведенных за последнее десятилетие, в которых его название менялось («просодическое клонирование», «просодическая трансплантация»), однако механизм оставался неизменным, основанным на речевом ресинтезе и алгоритме TD-PSOLA (Time-Domain Pitch-Synchronous-Overlap-and-Add).

С помощью метода трансплантации проводятся эксперименты над сегментными и суперсегментными единицами фонетической системы языков различной типологии. Например, недавнее исследование системы гласных звуков верхнего ряда в кхмерском языке, основной задачей которого было выяснение того, являются ли гласные фонемы *и* и *о* разными фонемами или вариантами одной фонемы.

Для проведения трансплантационного анализа из исходных пар слов были вычленены гласные *и* и *э* и с помощью программы Adobe Audition их поменяли местами. Таким образом, были получены новые, *искусственно созданные слова*, с этими гласными.

Предложения с исходными словами были начитаны диктором. Затем из данных предложений вычленены исходные слова и с помощью программы Adobe Audition вмонтированы *искусственно созданные слова*. Далее, носителям кхмерского языка было предложено прослушать предложения с исходными словами, а затем те же самые предложения, но с *искусственно созданными словами*. Результатом исследования стал вывод о том, что гласные *и* и *э* являются разными гласными.

М. В. Воронцова

**Анализ основных признаков
немецкого менталитета в стихотворении
К. Тухольского “Das Ideal”**

Одной из основных характеристик при описании национального менталитет является восприятие пространства. Психология определяет восприятие пространства как один из признаков функционирования сознания человека. Сходство в восприятии пространства у целого народа является одним из признаков единого социального стереотипа, сформировавшегося в его историческом прошлом. Что является определяющим фактором — язык или история? Ответ на этот вопрос дает сравнение менталитетов немецкоязычных народов, которые при достаточной однородности языка обнаруживают много различий в историческом развитии, что не могло не повлиять на формирование у них различного восприятия пространства.

Исторические предпосылки формирования особого восприятия пространства у немцев следующие: самое позднее в истории Европы образование национального государства (70-е годы XIX века), длительное существование раздробленных малых государств (в начале XIX века на территории современной Германии было око-

ло 30 маленьких государств). Этим определяется специфика восприятия пространства у немцев — ощущение узости пространства и тесноты, отсутствие стремления к расширению своего «горизонта», закрытость внешнего и внутреннего мира. Пространство всегда воспринимается как малое. Такое восприятие — следствие жизни многих поколений в маленьких городах-государствах, долгий период раздробленности территории Германии (в течение 8 веков).

Курт Тухольский (1890–1935) в своем стихотворении “Das Ideal” (1927), описывая идеал немецкого бюргера, достаточно точно отразил его восприятие пространства. Идеалом для немцев является жизнь в малом тесном пространстве, где все необходимое находится рядом, «за углом»: вилла, перед которой находится Балтийское море, а за ней Фридрихштрассе — одна из центральных улиц Берлина, при этом из ванной видна гора Цугшпитце, которая находится на юге Германии в Альпах. В доме будет 9 или 10 комнат (а не огромные залы), терраса, сад на крыше, библиотека — все, что надо для жизни, предстает в непосредственной близости, но только в воображении.

Сам стиль жизни будет «сельско-светский», скромный, простой, что лишний раз подтверждает, что Германия была сельской страной. В Германии не было имперского королевского двора с его стремлением к роскоши и излишествам. Прагматизм как качество национального характера имеет свои истоки в крестьянском прошлом Германии и в протестантской этике.

Еще одной чертой немецкого менталитета, точно подмеченной К. Тухольским, является тяготение немецких бюргеров к земле, что опять-таки объясняется крестьянским прошлым народа. Идеал — это одиночество и «жужжание шмелей», охота на природе, созерцание природного ландшафта.

Курт Тухольский, будучи художником, достаточно четко отразившим свое время, воспроизвел в этом стихотворении как идеал фактически основные черты восприятия пространства немецкими бюргерами: пространство малое, тесное, узкое. При этом во второй части стихотворения он говорит об утопичности этого идеала как своеобразной иллюзии восприятия в современном мире.

А. В. Громова

**Типология порядка слов в диалектах
Фарса (на примере дахлеи)**

В качестве теоретической основы для данной работы была взята модель описания, примененная в двухтомной «Типологии иранских языков» [1] и, ранее, в [2]. Персидский, курдский, гиляки и 12 других идиомов исследуются на предмет корреляции параметров, предложенных в классической работе [Dryer 1992], с порядком SOV vs. SVO. Подчеркивается, в частности, что в отношении базового порядка слов персидский находится сейчас в переходной фазе от SOV к SVO [3, Р. 19; 1, Р. 128].

Первая модель, исторически характерная для новоперсидского языка, сохраняется в литературном языке и официальном стиле и поддерживается в системе образования. Вторая модель доминирует в разговорном лексико-грамматическом регистре, которым ограничена сфера использования большинства диалектов и языковых разновидностей Ирана, включая практически не изученный дахлеи. Кроме одноименного селения, этот диалект распространен в Хосроу-Абаде, Бальяне и других селениях неподалеку от Казеруна; общее число носителей дахлеи стремительно сокращается, в самой деревне Дахле, согласно национальной переписи 2011 г., осталось 215 жителей.

Как показывает анализ предложений, опубликованных в [Salāmi 2004], по большинству параметров порядок слов в дахлеи аналогичен персидскому.

К примеру, относительная клауза (придаточное определительное предложение) следует за определяемым существительным: *baček=i ke miḡiri* ‘ребенок, что плачет’, ‘ребенок, который плачет’ *ребенок=ART который плакать.PRS.3SG*

Притяжательное определение в виде именной группы следует за определяемым существительным: *kākā A:mað* ‘брат Ахмада’ *брат Ахмад*; *čāl-e goješk* ‘гнездо птиц’ *гнездо-EZ птица*; *mehmunnavāzi mardom-e unjo* ‘гостеприимство местных людей’ *гостеприимство народ-EZ там*

Обстоятельство образа действия предшествует глаголу-сказуемому: *heyli dard miku* ‘очень болит’ очень боль делать.PRS.3SG

Глагол-связка следует за именной частью именного сказуемого, выраженного именной группой: *garmtarin fasl-e sāl=e* ‘является самым жарким временем года’ горячий-SPLT сезон-EZ год=быть.PRS.COP.3SG

Определяемое существительное предшествует адъективному определению: *ādam-e doḡuḡu* ‘лживый человек’ человек-EZ лживый; *sanduq-al-e čuyi* ‘деревянные сундуки’ сундук-PL-EZ деревянный

Демонстратив стоит в препозиции к существительному: *i ādam-a* ‘этот человек’ этот человек-DET

Наречие предшествует прилагательному: *ye kami bextar* ‘немного лучше’ один немного лучше

Подчинительный союз предшествует адвербиальной клаузе: *vaxt=i kučak beḡa* ‘когда ты был маленьким’ время=ART маленький быть.PST.2SG. Подчинительный союз предшествует и относительной клаузе (хотя может опускаться).

Артикль стоит в постпозиции относительно именной группы: *se si-yal-e qešang=i* ‘какие красивые вещи’ какой вещь-PL-EZ красивый=ART

Глагол-сказуемое в постпозиции относительно подлежащего: *kākā=mu nimišu a maressa* ‘Мой брат не пойдет в школу’ брат=ENCL.1PL идти.PRS.3SG в школа. Следует отметить, что дахлеи, как и персидский, допускает опущение личного местоимения в позиции подлежащего (pro-drop).

Числительное предшествует существительному: *da: sāt* ‘десять часов’ десять час; *do tā kākā* ‘два брата’ два штука брат

Притяжательная клитика следует за существительным (именной группой): *baček=et* ‘твой сын’ ребенок=ENCL.2SG

Основной глагол следует за вспомогательным глаголом “мочь”: *šumu=tu nimiša i kar-a bokoni* ‘вы не можете этого сделать’ вы=ENCL.2PL мочь.PRS.NEG.3SG этот дело=DET делать.SBJV.2PL. Основному глаголу предшествует и глагол «хотеть».

Прямое дополнение, выраженное именной группой, предшествует глаголу-сказуемому: *si se una nemišnāsa?* ‘Каким образом ты его не знаешь?’ для что он знать.PRS.NEG.2SG; *dar maven* ‘Не

закрывай дверь' дверь закрывать.IMP.NEG.2SG; ya rārč=i ō hā ma
'Дай мне стакан воды' один стакан=ART вода давать.IMP.2SG я

Отличия наблюдаются в следующих моментах: в дахлеи косвенное дополнение (обстоятельство), выраженное предложной группой, может находиться и в постпозиции, и в препозиции относительно глагола-сказуемого; прилагательное следует за эталоном сравнения, выраженным именной группой (в персидском возможна и пре-, и постпозиция). Помимо выделительного артикля, в дахлеи существует постпозитивный показатель определенности, который может оформлять не только прямое дополнение (как персидский послелог *gā*), но и подлежащее. Следовательно, в отличие от персидского языка, в дахлеи есть только предлоги. Однако способы выражения категории детерминации, как и вопрос структуры глагольных словоформ (и анализ параметров соотношения аффиксов и основы, отрицания и основы, а также порядка следования основного и вспомогательного глагола), является темой отдельного исследования.

Основная литература

1. *Dabir-Moghaddam M.* Radešenāsi-ye zabānhā-ye irāni. Vol. 1-2. Tehrān, 1392 (2013).
2. *Dabir-Moghaddam M.* Word Order Typology of Iranian Languages // The International Journal of Humanities. Vol. 8. № 2. 2001. P. 17–23.
3. *Dryer M.* The Greenbergian word order correlations // Language. Vol. 68. № 1. P. 81–138
4. *Salāmi A.* Ganjine-ye guyeššenāsi-ye Fārs. D. 1. Tehrān, 1383 (2004).

К. И. Долотин

К проблеме имитационного моделирования коммуникативного процесса в дискурсе

Предварительная информация.

GPSS: (General Purpose Systems Simulator — общецелевая система моделирования) язык программирования, используемый для имитационного моделирования систем (в основном, массового обслуживания). Разработан в 1961 г.

Назначение системы: имитационное моделирование сложных дискретных и непрерывных систем. Области применения: системы массового обслуживания (Q-схемы).

Модель: содержит описание в виде последовательности операторов (блоков).

Транзакция: (сообщение) динамический объект, который создаётся в процессе эксперимента в определённых точках модели, продвигается через блоки и затем уничтожается.

Отчет моделирования сформирован в определенных полях и колонках:

- поля START TIME и END TIME указывают моменты модельного времени начала и конца моделирования;
- поле BLOCKS указывает количество блоков, составляющих модель (в данном примере блоки GENERATE и TERMINATE, QUEUE и DEPART, SEAZE и RELEASE, EDVANCE);
- поле FACILITIES указывает количество устройств обслуживания заявок (транзакций), присутствующих в модели.

В колонке UTIL. указывается коэффициент использования устройства:

- доля модельного времени, в течение которого оно было занято и др. (подробнее см. терминологию по материалам Интернета).

Проблема имитационного моделирования коммуникативных процессов в дискурсе связана с поиском динамических объектов механизма речевой коммуникации, которые в первом приближении адекватно отражают ее в реальных условиях. В качестве таких объектов (транзакций) предлагается использовать поток импульсов квазисегментной структуры речевого сигнала [1]. В качестве временных задержек в каналах обслуживания транзакций предлагается использовать множества временных длительностей импульсов квазисегментных структур речевых сигналов (КСП) дикторов (N) как участников того или иного дискурса $\{t_2\}_i$, где $i = 1$,

2, 3, ...N. В качестве временных интервалов между транзакциями предлагается использовать значения длительностей текущих периодов в КСР $\{T_i = t_1 + t_2\}$, где $\{t_1\}$ — длительности пауз между импульсами в КСР.

Оценка значимости среднестатистических величин t_2 и T_i для моделирования коммуникативных процессов в дискурсе проверялась на модели многоканального устройства с неограниченными входными очередями в каждом канале обслуживания запросов (транзакций). Например, было обнаружено, что с увеличением интервалов поступления транзакций на вход модели уменьшается при постоянном времени обслуживания загрузка обслуживающих устройств. При увеличении времени обслуживания загрузка обслуживающих устройств увеличивается при постоянном входном потоке. При постоянстве величин входного и выходного потоков транзакций в канале их обслуживания для модели, рассматриваемой в статье, было обнаружено, что с увеличением числа каналов в модели уменьшается их загрузка. Экспериментально посредством имитационного моделирования дискурса было найдено число участников дискурса, равное четырем, когда коэффициент их загрузки был оптимальным (0,7–0,8).

Основная литература

1. Бархударова Е. Л., Долотин К. И. К проблеме изучения русской звучащей речи в лингводидактическом контексте // Язык. Сознание. Коммуникация. Вып. 47. К юбилею профессора М. В. Всеволодовой. М., 2013. С. 45–57.

А. М. Журавлева

История языковой политики Швейцарии

Швейцария как страна с четырьмя официальными языками представляет большой интерес для ученых и политических деятелей в области языковой политики. Официальными языками считаются немецкий, французский, итальянский и ретороманский. Главными характеристиками швейцарской языковой политики являют-

ся: 1) принцип территориальности; 2) принцип свободы языка; 3) децентрализация. Согласно первому принципу, все аспекты общественной и политической жизни граждан определенной территории (общины, кантона) производятся на официальном языке данной территории. Языковое территориальное деление также происходит с оглядкой на автохтонное население данной территории, особенно в многоязычных общинах и кантонах. Однако, в частной жизни швейцарцы могут использовать любой язык, о чем гласит принцип свободы языка. Третья характеристика — децентрализация — означает, что официальные языки в кантонах назначаются исключительно кантональными властями, федеральная власть обычно не имеет права вмешиваться в языковую политику кантонов [2].

Для понимания причин такой политики необходимо обратиться к истории формирования языкового многообразия Швейцарии, всегда находившейся на стыке языковых границ [1, р. 3]. Изначально страна сформировалась в 1291 г. как союз трех кантонов (Ури, Швиц и Унтервальден), обещавших друг другу помощь в случае внешней угрозы. И первые кантоны, и присоединившиеся впоследствии, были немецкоязычными. Первым франкоязычным кантоном можно считать Фрибур (присоединился в 1481 г.). Однако, несмотря на то, что большинство населения в кантоне было и остается франкоязычным, в качестве официального языка Фрибур выбрал немецкий, вероятно, чтобы выразить солидарность и сблизиться с немецкоязычной Швейцарией. Если Фрибур присоединился на равных правах, то территории франкоязычного кантона Во и италияязычного кантона Тичино были завоеваны в результате военных кампаний в XV–XVI вв. Также много территорий присоединилось в 1803 и 1815 гг. Последним стал франкоязычный кантон Юра, отделившийся от Берна в 1979 г.

Следует пристальнее взглянуть на историю взаимодействия языковых групп населения в двуязычных кантонах Фрибур, Вале и Берн и трехязычном кантоне Граубюнден. Несмотря на популярное представление о Швейцарии как о стране, где мирно живут разноязычные народы, в истории многоязычных кантонов наблюдаются языковые конфликты, а также дискриминирующая языковая политика.

Таким образом, в настоящем докладе будет представлен не только обзор современной языковой политики Швейцарии, но и проанализированы исторические предпосылки такой политики. Будут освещены и перспективы швейцарской политики. В условиях повышенного интереса к исследованиям европейской языковой политики, исследования в области швейцарской не теряют своей актуальности.

Основная литература

1. *Pap L.* The Language Situation in Switzerland: an updated survey // *Lingua*, 1990. № 80. P. 109–148.
2. *Papaux A.* Droit scolaire et territorialité des langues: bilan critique de la jurisprudence récente du tribunal fédéral // *Revista de Llengua i Dret*, 2003. № 40. P. 149–184.
3. *Weilenmann H.* Die vielsprachige Schweiz. Basel, Leipzig: Im Rhein-Verlag. 1925. 301 p.

Б. А. Захарьин

Методология Панини и ранняя грамматика языка телугу

Различия между фузионно-синтетическим санскритом, охарактеризованном Панини в его грамматическом трактате «Восьмикнижие», и агглютинативно-аналитическим дравидийским телугу, описанию грамматической структуры которого посвящена грамматика «Украшение языка Андхры», созданная в 13 в. поэтом и ученым Кетаной, являются весьма значительными. Тем не менее, несмотря на временные, пространственные, структурные и генетические линии раздела между означенными языками, именно труд Панини стал той методологической основой, на базе которой Кетана создал на телугу первую грамматику родного языка. «Украшение языка Андхры» написана стихами, демонстрирующими различные комбинации размеров, принятых в традиционной поэзии на старом телугу.

«Восьмикнижие» Панини представляет собой довольно редкий для языковых работ тип «грамматики говорящего», прибли-

жающийся к стандартам порождающих грамматик. Его труд предполагает такое производство конкретного языкового высказывания когда в качестве отправной точки процесса выступает осмысляемая говорящим опора на реальную ситуацию, после чего производится селекция лексем и грамматической конструкции, соответствующих этой ситуации, и выполняются необходимые операции морфонологического и фонетического характера; в итоге в «выходном» сегменте коммуникативной цепочки появляется грамматически и фонетически правильное высказывание, в дальнейшем воспринимаемое и декодируемое слушающим. При этом Панини сознательно реализует в своей работе требования экономности, непротиворечивости и полноты и тем самым предлагает пользователям почти идеальную грамматику одного языка, демонстрирующую стандарты дескрипции, вершины теории и эталоны лингводидактики.

Особо замечательными достижениями Панини считаются: разработанные им правила *сандхи* (т. е. комбинаций фонем на морфных стыках) и правила чередований гласных и согласных в корнях и аффиксах; классификация сложных слов, рассматривавшихся как морфологизованные производные разнотипных словосочетаний; двусоставная теория падежа, предполагавшая соответствия между фиксированным набором функциональных ролей и упорядоченным множеством падежно-числовых комбинаций вместе с выражающими их флексиями.

Кетана выстроил свою грамматику телугу, методологически опираясь на принципы, выработанные Панини в отношении санскрита. Труд «Украшение языка Андхры» состоит из пяти частей. В первой из них автор знакомит читателей с системой фонем языка и с используемыми для их обозначения буквами алфавита. Здесь же приводится пятичленная классификация лексем телугу и отдельно рассматриваются правила фонемно-графемного перекодирования от санскрита к телугу при заимствовании в последний санскритских слов и морфем. Во второй части излагаются морфонологические правила *сандхи* и чередований в морфемах телугу, иллюстрируемые конкретными языковыми примерами. Третья часть всецело посвящена падежной системе имен телугу и соот-

ветствующим падежно-числовым маркерам. Автор, демонстрируя общее знакомство с ролево-падежной системой Панини, выстраивает свое описание как «грамматику слушающего» и поэтому в основном характеризует поверхностные падежные комплексы имен телугу. Четвертая часть, излагающая принципы классификации сложных слов, методологически является полной калькой соответствующего описания у Панини. В наименьшей степени влияние Панини сказывается на последней, пятой, части работы, в которой анализируются проблемы глагольной системы телугу, весьма существенно отличающейся от таковой санскрита.

Предельно лаконичная (в ней всего менее двухсот строк), но максимально насыщенная информационно грамматика Кетаны послужила эталоном для ряда позднейших сочинений аналогичного типа, тем самым оказавшись весьма значимым событием в становлении и развитии лингвистической саморефлексии у носителей телугу.

М. В. Зиза

Лингвистический корпус в практике преподавания иностранного языка

Формирование устойчивой иноязычной коммуникативной компетенции является основной целью и задачей программы по иностранному языку в вузе. Немаловажным аспектом в этом плане является развитие многообразных лексических навыков для участия в профессиональном дискурсе на иностранном языке. Важную роль в этом играет процесс отбора специализированных лексических единиц и составление корпуса профессиональной лексики на изучаемом языке.

По мнению ряда методистов [1], значимость изучения лексических единиц для овладения иностранным языком не менее значительна, чем роль грамматики. Именно с помощью лексики можно более точно передать непосредственный предмет мысли, т. к. лексика обладает номинативной функцией. Кроме этого, она помогает отразить как реальную действительность, так и воображае-

мую. Поэтому для того чтобы будущий профессионал мог адекватно понимать и семантически четко и правильно выстраивать свою письменную и вербальную речь, он должен соответствовать нормам и образцам изучаемого языка. В этой связи возникает необходимость в интенсификации использования лингвистического корпуса в обучении иностранному языку, т. к. именно такой источник лексического норматива является единственно эталонным.

По определению известного лингвиста Д. Кристала [2], лингвистический корпус является сборником зафиксированных в языке использований лингвистических единиц, а также письменных текстов, которые можно взять за основу лингвистического описания. Материал собирается на основе эмпирических данных, анализируется их структура, а сделанные выводы объясняют особенности структуры языка. В этой связи существует мнение [3], что корпус, это минимизированная модель языка. Тексты, составляющие корпус, относятся к различным жанрам, стилям, периодам, и авторам. Обработка данных осуществляется компьютером, поэтому любой корпус размещается на электронном носителе. Для обработки больших массивов текста с последующим выявлением в них закономерности используется специальная программа — конкорданс. По команде эта программа выдает определенное количество фрагментов текстов, где употреблены, запрашиваемые единицы. Корпусный менеджер — специализированная поисковая система, которая ищет необходимые данные в корпусе, делает их статистику и предоставляет пользователю в удобной для него форме.

Корпусная лингвистика широко применяется в области методики обучения иностранным языкам. При этом важным является тот факт, что меняется дидактическая составляющая. Репродуктивный (пассивный) подход обучающихся языку сменяется на проблемный подход, когда студент активно использует речевые и мыслительные умения в процессе формирования речевых навыков. Другим важным моментом корпусного формата признано считать, что лексические единицы находятся в своей естественной контекстной форме, что дает возможность их всесторонне изучать и анализировать. Большое практическое значение имеет и возможность дифференцированного подхода к реализации профессиональ-

ной релевантности владения языком. Так будущие экономисты могут сконцентрировать свое внимание на терминологии, а переводчики — на лексических единицах. Специальные корпуса дают возможность лингвистам и филологам изучить различные средства связи в языке, регистровые различия текстов.

Применение корпусной лингвистики стало возможным в связи с возникновением определенных компьютерных программ, которые могут обрабатывать большие пласты лексики. В связи с этим, практическое значение имеет хорошая подготовка преподавателя в плане владения соответствующими компьютерными программами, а также передача своих знаний учащимся, параллельно мотивируя их на самостоятельную работу по созданию и расширению корпуса профессиональной лексики (data-driven learning).

Основная литература

1. *Кокорева А. А.* Корпус параллельных текстов в обучении иностранному языку // Вестник ТГУ. Вып. 2 (118), 2013. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/korpus-parallelnyh-tekstov-v-obuchenii-inostrannomu-yazyku>
2. *Рогова Г. В., Рабинович Ф. М., Сахарова Т. Е.* Методика обучения иностранным языкам в средней школе. М.: Просвещение, 1991. 287 с.
3. *Crystal David.* A Dictionary of Linguistics and Phonetics [Text] / David Crystal, 2003. URL: <http://credoreference.com.proxy.uchicago.edu/book.do?id=4503>

В. Б. Иванов

Вершинное маркирование и падежи в иранских языках*

Изафетная конструкция (ИК) в юго-западных иранских языках (персидском, таджикском, дари), как правило, имеет прямой порядок: первый компонент, при котором ставится изафетный показатель, является вершиной (определяемым словом). Второй компонент — распространяющий, например: перс. *gol-e sorx* *роза-IZF красная* (*красная роза*); *dom-e sag* *хвост-IZF собаки*. Поскольку

* Исследование поддержано грантом РГНФ №13–04–12016в

маркер ставится при вершине, оформленное маркером слово нельзя назвать падежной формой, и, соответственно, в персидскую грамматику нельзя ввести категорию падежа. Маркер не обладает свойством отделимости, т. е. между ним и словом нельзя вставить другое слово, значит, он является аффиксом. А поскольку он всегда самый последний в словоформе (суффикс множественного числа ставится перед ним), он не отличим от флексии.

Существуют, однако, немногочисленные модели, когда в той же изафетной конструкции первый компонент является распространяющим, а вершиной является второй, например: *tak-e deraxthā* *один-IZF деревья (одиночные деревья)*, *hod-e man sam-IZF* *я (я сам)*, *baqiye-ye ānhā* *остальной-IZF они (остальные из них)*. Вершина в словосочетаниях такого рода может диагностирована по крайней мере тремя способами:

а) критерием опущения: вершину в отличие от зависимого нельзя опустить, не разрушая предложения (1, с. 87), например, в предложении *tak-e deraxthā=RĀ kāštīm* *один-IZF деревья=RĀ посадили (мы)* можно удалить слово *tak* *один*;

б) постановкой в предложение в позицию подлежащего с последующим согласованием со сказуемым; тот компонент, с которым оно согласуется является главным, например, в предложении *hod-e man midānam sam-IZF* *я знаю* сказуемое согласуется со словом *man* *я*.

в) заменой синонимичным оборотом, но с прямым порядком изафетной конструкции и с тем же значением, например, *sāyer-e kaštihā* *остальной-IZF корабли (остальные корабли)* → *kaštihā-ye digar* *корабли-IZF остальной (остальные корабли)*.

Для такого рода обратной изафетной конструкции с зависимым маркированием в юго-западных иранских языках, в принципе, можно было бы ввести понятие изафетного падежа. Но надо ли это делать? Что мы выиграем? Пока в этих языках падежи никто не определяет.

В северо-западных иранских языках (мазандеранском (МЯ) и гилякском (ГЯ)) подавляющее большинство исконных изафетных конструкций построены обратным способом. В них также маркируется первый компонент, который здесь является распространяющим. Он может выражаться любой именной частью речи: су-

существительным, прилагательным, местоимением, числительным. Традиционно оформленные маркером -е/-э имена в этой позиции полагают формой родительного падежа. Если в отношении существительных это представляется логичным: маз. *Nosayn-e ketāb Хусейн-IZF книга (книга Хусейна)*, то для прилагательных — маз. *xār-e ketāb хороший-IZF книга (хорошая книга)* — это выглядит натяжкой. Натяжка здесь в том, что прилагательное надо поставить в родительный падеж, чтобы связать с именительным падежом существительного в атрибутивном словосочетании, при отсутствии категории падежа у прилагательного.

Помимо этого, в МЯ и ГЯ функционируют многочисленные заимствования из персидского в виде изафетных словосочетаний и фразеологизмов, которые имеют фонетически тот же маркер -е/-э, но при вершине. Для введения обоих видов подобных словосочетаний в единую систему предлагается трактовать маркер -е/-э не падежным окончанием, а изафетным показателем как для северо-западных, так и для юго-западных языков. Разница будет заключаться только в том, что в юго-западных языках мы будем иметь дело с вершинным маркированием, а в северо-западных — с зависимостным. Тогда в первых порядок слов в изафетной конструкции будет прямым, а во вторых — обратным. Лингвистически образованные носители МЯ и ГЯ сами иногда называют свой изафет обратным. В языках обоих типов маркер связи находится в пределах слова, так что мы имеем дело с синтетической формой.

Другой косвенный падеж, который традиционно определяют в МЯ и ГЯ, это винительно-дательный. Он маркируется послелогом -ге/-гā/-ā/-а/-ε ← -а ← *-га ← *-gā ← *-rādiy *для, ради*, общим для юго- и северо-западных языков, например: гил. *Mohsən=a buɣoftəm Мохсен=RĀ сказать.PST.1SG Я сказал Мохсену*. Для того, чтобы доказать его отделимость, можно воспользоваться заимствованными из персидского конструкциями, распространяемыми вправо, например, гил. *Hato=ki juloxānə məsjəd-ə šāh=a farəs-ə... Когда=что фасад(-IZF) мечеть-IZF шах=RĀ достигать.PST-3SG Когда он подошёл к фасаду мечети шаха...* В последнем примере послелог отделён двумя словами от того слова, к которому относится (*juloxānə фасад*). Он обладает отделимостью и, соответственно, формирует аналитический падеж.

В традиционном описании северо-западных иранских языков есть три падежа: один прямой (именительный) немаркированный и два косвенных: синтетический родительный и аналитический винительно-дательный. В описании каждого косвенного падежа имеется ряд натяжек и несоответствий общей теории.

Вместо падежей для МЯ и ГЯ предлагается беспадёжная система с обратным изафетом и послелогом. В этом случае получается единая система описания грамматики для юго- и северо-западных иранских языков без натяжек, несмотря на различия:

а) в порядке слов в атрибутивном сочетании (в северо-западных определение + определяемое, а в юго-западных определяемое + определение);

б) в типе маркирования (в северо-западных зависимостное, а в юго-западных вершинное).

Основная литература

1. Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. М., 2001. 798 с.

О. А. Иванова

Метафорические репрезентанты беженцев в немецких СМИ

Нестабильность мировой политики, изменения, затрагивающие интересы и безопасность стран, становятся одной из причин активного использования метафор в СМИ. Можно проследить периоды «метафорических бурь», которые активно изучаются и описываются лингвистами [1, с. 137]. Не стала исключением и тема непрерывно прибывающих в Германию беженцев. Цель данного исследования — определить основные модели, используемые в качестве метафорических репрезентант беженцев в немецких СМИ в период с сентября 2015 по февраль 2016 года, и выяснить позицию компетентных западных лингвистов по их употреблению в связи с остро стоящим вопросом политкорректности. Материалом исследования являются статьи из журналов „Spiegel“, „Stern“, „Focus — online“. Актуальность исследования объясняется ролью

метафор в категоризации и концептуализации мира. Количество найденных примеров — 186.

Лидирующую позицию занимает сравнение беженцев с определенным видом природных катастроф: потоком (Flüchtlingsstrom), приливом (Flüchtlingsflut, Asylantenflut), лавиной (Lawine), волной (Flüchtlingswelle). По показателям базы данных прессы (von Gruner) слово Flüchtlingsstrom использовалось за это время в общей сложности почти 2000 раз. Поскольку данная модель — природные катаклизмы (сфера-источник — неживая природа) — не является одушевленной, то некоторые западные лингвисты (Рут Водак, Пехам) говорят об обезчеловечивании (Entmenschlichung) и обезличивании (Entpersonalisierung) беженцев в прессе, об обострении реальности языком. Человек пока бессилён управлять разбушевавшимися стихиями. Сравнения беженцев с природными явлениями только усиливает в сознании людей страх перед катастрофой и неуправляемостью ситуацией.

Второе место занимает модель «Армия»: натиск бедных (Ansturm der Armen), нападение на границу (Ansturm auf die Grenzzäune), количество беженцев взрывается (die Flüchtlingszahlen explodieren), противники просящих убежища (Asylgegner), осажденные центры по приему беженцев (belagerte Aufnahmezentren), обостряется положение на восточной границе (Lage an den Ostgrenzen verschärft), инвазия (Invasion), крепость Европа (Festung Europa). Тем самым транслируется состояние войны, напряженности между лагерем «своих» и «чужих», пришлых.

Небольшую часть в высказывании некоторых политиков и журналистов (напр., британского премьера Дэвида Кэмерона) имеют сравнения из сферы-источника животных — насекомых — сравнение с роем (Schwarm), использование глагола, который употребляется при описании движений насекомых — ползать (kriechen). Все это вызывает определенные аналогии с нацистскими представлениями о второсортных людях.

В докладе анализируется критика со стороны лингвистов, министра юстиции Германии, главы организации „Pro Asyl“, которые настоятельно рекомендуют не использовать вызывающие отрицательные коннотации метафоры, так как они формируют сознание читателей: порождают страх, негативизм по отношению ко всем

беженцам и мигрантам. Взамен предлагается использовать численные показатели и нейтральные композиты — движение беженцев (Flüchtlingsbewegung), миграционное движение (Migrationsbewegung), приток беженцев (Flüchtlingszuzug). Некоторые лингвисты, однако, полагают, что уже десятилетия использования «водной» метафоры является обычным средством выражения образности, а значит, их употребление уже можно не рассматривать как нечто проблематичное. По мнению Лакоффа и Джонсона, лишь наличие новых метафор позволяет увидеть что-либо в другом свете, создает «эффект фокусирования», и тогда они обладают значительной силой, способной изменить представление о действительности. Используемые выше наиболее употребительные метафоры не имеют в своем построении новых, ранее неисследованных моделей. Метафоры из сфер «воды» и «войны» обладают прагматическим потенциалом опасности, из сферы «животные» — уничтожения.

Основная литература

1. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: монография / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2003. 248 с.
2. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. Пер. с англ. / под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

О. Н. Каменева

Лексико-семантическая группа со значением 'красный' в турецком языке

Красный цвет можно отнести к семантическим универсалиям, поскольку у большинства народов он ассоциируется с двумя природными элементами — кровью и огнем. В турецкой национальной традиции красный цвет является цветом радости, торжества, красоты, любви и в то же время олицетворяет величие, силу и власть.

Лексико-семантическая группа со значением 'красный' в современном турецком языке (СТЯ) представлена тремя лексемами:

al, *kızıl*, *kırmızı*. С целью уточнения семантики цветообозначений (ц. о.) на материале литературных произведений был проведен анализ сочетаемости лексем с определенными семантическими группами объектов, т. е. объектами живой и неживой природы, элементами внешности человека, его физиологического и эмоционального состояния, артефактами. Настоящее исследование позволило описать семантические поля ц. о., обозначить их области пересечения и расхождения и прийти к выводу, что ц. о. *al*, *kızıl* и *kırmızı* являются квазисинонимами, т. е. словами близкими по значению, но не способными заменить друг друга во всех контекстах.

Лексемы *al* и *kızıl* зафиксированы уже в древнетюркском языке и представляли собой разные цвета или, по крайней мере, разные оттенки красного цвета: ц. о. *al* воспринималось как более теплый оттенок красного по сравнению с ц. о. *kızıl*.

Лексема *al*, предположительно, алтайского либо индоевропейского происхождения. Ц. о. *al* ассоциируется с кровью: *yüzünü kan bas-* = *yüzünü al bas-* ‘покраснеть’. В СТЯ употребление *al* ограничено фразеологизмами, которые являются отражением обрядов и традиций турецкого народа или представляют собой эпитеты, характерные для языка художественной литературы.

Лексема *kızıl* в своем цветовом значении в СТЯ сочетается только с объектами природы и в большинстве случаев соответствует ц. о. *рыжий* в русском языке. Ц. о. *kızıl* чаще всего ассоциируется с огнем. Происхождение лексемы *kızıl* возводят к тюркской глагольной основе *qız-* = ‘делаться горячим, накаляться, раскаляться’, отсюда происходят переносные значения *kızıl* ‘злой, гневный’. После 1917 года лексема *kızıl* стала использоваться в качестве эквивалента русского *красный* ‘революционный, коммунистический’. *Kızıl Ordu* ‘Красная Армия’, *Kızıl Kmerler* ‘красные кхмеры’.

Лексема *kırmızı* древнеиндийского происхождения, заимствована из арабского языка и происходит от названия червя, из которого изготавливали соответствующий краситель. Вероятно, первоначально означала не цвет, а способ окрашивания. Необходимость в назывании цвета, приобретенного искусственно, с помощью красителя, привела к заимствованию нового слова. В СТЯ ц. о. *kırmızı* обладает широкой сочетаемостью как с объектами природы, так и

с артефактами, что позволяет отнести его к категории основных цветообозначений.

Список литературы

1. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996.
2. *Дыбо А. В., Михайлова Т. А., Норманская Ю. В.* Основные цветообозначения в кельтских языках // Московский лингвистический журнал. 2002. Т. 6, № 1. С. 7–53.
3. *Laude-Cirtautas I.* Der Gebrauch der Farbbezeichnungen in den Türkdialekten. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1961.

Е. В. Клюкина

Интеллект-карты в контексте обучения иностранным языкам

Создатель методики запоминания, творчества и организации мышления «карты ума (памяти)» (англ. mind maps) Тони Бьюзен популярен как автор книг, касающихся мозга, духовного интеллекта, памяти, креативности и скорости чтения.

Что же подтолкнуло его к созданию этой методики? Будучи студентом, Тони заинтересовался тем, как можно интенсифицировать работу мозга и памяти. В своей книге «Супермышление» Тони пишет: «Как и другие мои сокурсники, я пребывал в состоянии, известном любому среднестатистическому студенту: растущее осознание того, что по мере роста учебной нагрузки твой мозг все более сдает позиции перед высокими требованиями к мышлению, творческому подходу, памяти, умению решать задачи, анализировать и «сочинять» в ходе письменных работ. Как и другие, я все чаще сталкивался с тем феноменом, когда отдача от учебной работы падает, несмотря на прилагаемые усилия, а временами и вовсе кажется нулевой. Парадокс заключался в том, что, как мне казалось, чем больше я конспектировал и учил, тем хуже был результат!» [1].

Не найдя литературы по этому вопросу, он стал пытаться методом проб и ошибок искать свои методики, начав с простейших, на первый взгляд, приемов. Например, конспектирование с добав-

лением всего двух цветов в графику представления материала более чем в два раза улучшило мнемонические характеристики его конспектов и, что еще важнее, внесло элемент развлекательности в процесс учебы.

По мнению Бьюзена, в принятой ныне стандартной системе ведения конспектов есть несколько основных недостатков, среди них: потеря ключевых слов, трудности с запоминанием информации, потеря времени, отсутствие стимулирования творческих сил мозга, как результат — потеря интереса и мотивации.

Методика интеллект-карт основана на теории радиантного мышления. «Интеллект-карта, которая является прямым приложением и формой графического выражения радиантного мышления, всегда строится вокруг центрального объекта. Каждое слово и графическое изображение становятся по определению центром очередной ассоциации, а весь процесс построения карты представляет собой потенциально бесконечную цепь ответвляющихся ассоциаций, исходящих из общего центра или сходящихся к нему. Хотя интеллект-карта строится на плоскости, например, листе бумаги, она представляет собой трехмерную реальность — в пространстве, времени и цвете» [1].

Интеллект-карта имеет четыре существенные отличительные черты: а) объект внимания/изучения сосредоточен в центральном образе; б) основные темы, связанные с объектом внимания/изучения, расходятся от центрального образа в виде ветвей; в) ветви, принимающие форму плавных линий, обозначаются и поясняются ключевыми словами или образами. Вторичные идеи также изображаются в виде ветвей, отходящих от ветвей более высокого порядка и т. д.; г) ветви формируют связанную узловую систему.

По мнению создателя методики, интеллект-карты можно использовать в самых разных сферах жизни как деловой, так и личной. И, конечно, в образовании, как учителем, так и студентами — при подготовке презентаций и выполнении письменных работ, при чтении литературы любого характера и объема; преподаватель может использовать интеллект-карты как для планирования материала урока или семестра, так и для составления экзаменационного материала. Существуют опробованные методики применения

интеллект-карт и в ходе обучения иностранному языку на материале учебника.

«Как любая новая вещь, воспринимающаяся как нечто необычное, красочное или забавное, разноцветная и причудливая карта позволяет намного легче запоминать предложенный лексический материал по теме. В создании подобных карт задействуется воображение, творческое и критическое мышление, и все виды памяти: слуховая, механическая, зрительная, что позволяет изучить большее количество материала за ограниченное количество часов, предусмотренных на курс. Процесс составления интеллект-карт способствует развитию личностных качеств студентов, заставляя их мыслить по-новому, естественно, творчески и непринужденно, максимально используя оба полушария головного мозга» [2].

Основная литература

1. Бьюзен Т. Б. Супермышление / Перевод с англ. Е. А. Самсонов. Худ. обл. М. В. Драко. 2-е изд. Мн.: ООО «Попурри», 2003. С. 304–54.
2. Нежведилова Л. А. Применение интеллект-карт при обучении английскому языку студентов I–II курсов неязыковых вузов // Молодой ученый. 2015. №8. С. 1009–1012.
3. URL: <http://thinkbuzan.com/how-to-mind-map/>

Н. Крнета

«Дискриминационные» определения женщин в японском языке

В современной социолингвистике существует мнение, что в различных языках мира в большей или меньшей степени происходит дискриминация образа женщины. Особенно активно подобную точку зрения продвигают представители так называемой «феминистской лингвистики», которая возникла в 60-е гг. XX века и продолжает развиваться и в наше время. Ее сторонники считают, что язык отражает мужское видение мира, вследствие чего в некоторых случаях образ женщины, отражаемый в языке, получает отрицательный оттенок, либо возникает неравенство значений и кон-

нотаций, в зависимости от того, используется ли слово, обозначающее мужчину или женщину. Негативные тенденции особенно четко отражаются в лексиконе языка.

Исследователи приводят целый ряд слов и выражений, обозначающих женщин, которые в большей или меньшей степени являются дискриминационными. Например, понятия «человек» и «мужчина» отождествляются в ряде языков, в том числе и в японском. Выражение *отоко-ни нару* обозначает помимо буквального «стать мужчиной», еще и «стать взрослым». *Онна-ни нару* имеет только прямое значение «стать женщиной». Исходя из этого, некоторые лингвисты считают, что само слово *онна* «женщина» следует исключить из словарного состава японского языка, как дискриминационное, а вместо него использовать нейтральное *дзёсэй*. Существуют слова, которые на уровне своей семантики являются дискриминирующими. Например, *бусу* «некрасивая (страшная) женщина», *урэнокори* «старая дева» (букв. «нераспроданные остатки (товара)»). Иные слова становятся таковыми в контексте. Например, *Ути-но онна-но ко-ни икасэмасу*. «Отправлю свою девочку» (начальник о подчиненной).

По мнению представителей феминистской лингвистики, в языке отражается распределение ролей и профессий по половому признаку. Например, иероглиф со чтением *фу* передающий значение «взрослая женщина», «замужняя женщина» состоит из двух элементов — один обозначает собственно «женщину», а второй — «метлу». Этот иероглиф также подвергается критике как дискриминирующий женщину, закрепляющий за ней роль домохозяйки. Еще в начале 90-х гг. в рамках движения за равные права мужчин и женщин слово *фудзин* «женщина», которое записывается с использованием упомянутого иероглифа *фу* и второго иероглифа *дзин* «человек», было почти повсеместно заменено на нейтральное *дзёсэй*, в том числе и в сочетаниях и названиях общественных организаций и профессий. Например, в слове *фудзинсё:бо:кан* «женщина-пожарник», элемент *фудзин* был заменен на *дзёсэй*. Слово, обозначающее мужа *сюдзин* записывается двумя иероглифами — «главный» и «человек», а жену *окусан* — иероглифом «глубь», «сзади» и суффиксом вежливости *сан*. Приведенные примеры также показывают, что в языках с иероглифической пись-

менностью, в которых отдельные графические элементы ассоциируются с определенными значениями, возникают дополнительные сферы выражения, в которых проявляется дискриминация по половому признаку.

Необходимо отметить, что со временем слова, которые прежде воспринимались как нейтральные в некоторых случаях приобретают отрицательный оттенок и начинают восприниматься как дискриминирующие. В качестве примера можно привести слово *обасан* «тетя», фамильярное обращение к женщине среднего и старшего возраста. В словарях приводится, что данное слово является фамильярно-дружественным, но в наше время оно чаще используется для выражения легкого презрения по отношению к неухоженной, не следящей за собой женщиной средних лет.

В современном мире люди перемещаются все более активно, все большее число людей учит иностранные языки. В данной ситуации возникает феномен, когда сами носители языка не воспринимают некое выражение как дискриминирующее, но для людей другой культуры, воспитанных в духе иных ценностей, они кажутся таковыми. Примером может послужить японское выражение *хакоири мусумэ* букв. «дочка из коробочки». В Японии оно обозначает хорошо воспитанную девушку, родители которой о ней заботятся и ограждают от любых опасностей и испытаний. В исследованиях отмечается, что часть студентов из Европы и Америки, изучающих японский язык, воспринимает данное выражение как унижающее достоинство женщин. Согласно их мнению, подобное отношение к девушкам, как и само слово следует упразднить.

Дискриминация в языке по признаку пола — явление многоплановое, требующее особой осторожности при изучении. При выяснении того, унижает ли какое-либо слово достоинство человека, которого оно обозначает или на которого указывает, большую роль играет субъективный фактор.

Основная литература

1. Накамура М. «Сэй» то нихонго — котоба-га цукуру онна то отоко (Гендер и японский язык — образ женщины и мужчины, создаваемые языком), Нихонхосюпанкёкай, 2007.

В. В. Лебедев

**Чем и как информируют о времени две
основные формы арабского глагола:
«прошедшая» *māḏīn* и «подобная»
muḏāḡī — в арабской языковедческой
традиции, «совершенное время»
и «несовершенное время» — в арабистике?
(Вопросы теории арабской грамматики)***

1. Место двух основных глагольных форм в арабской временной системе: глагольная подсистема (*rasama/yarsum^u l-walad^u* ‘Рисовал/рисует мальчик’), противопоставленная именной подсистеме (*al-walad^u rassām^{um}* ‘Мальчик — художник’) арабской временной системы.

2. Морфологические позиции двух основных глагольных форм — носители информации о времени и связанных с ним значениях: 1) гласный второго корневого сегмента (харфа) первой основы (*rasaama*); 2) гласный второго корневого сегмента (харфа) второй основы (*yarsum^u*); 3) гласный компонент третьего корневого сегмента (харфа) второй основы (*yarsum^u, yarsum^a, yarsum^o*); 4) префиксальный сегмент (харф) второй основы (*yarsum^u*).

2.1. Второй корневой сегмент (*‘aun ‘al-ḡī*) и информация о времени, действии и структуре глагольной основы.

2.2. Третий/четвертый корневой сегмент (*lām ‘al-ḡī*) и информация о времени и самодостаточности/не-самодостаточности глагольной словоформы.

Семиотическая функция арабского именного и глагольного словоизменения: теория арабского словоизменения проф. Г. М. Габучана

Семантическая функция арабского глагольного словоизменения: временная определенность/временная неопределенность (Лебедев В. В. Ломоносовские чтения 2013).

2.3. Префиксальный сегмент (*ḡarf zā’id*) и информация о субъекте глагольного действия и структуре глагольной основы.

*Памяти Заслуженного профессора Московского Университета Г. М. Габучана (1926 – 2005).

Почему и от кого «скрывается» местоименный субъект (*damīr mustatir*) глагольного действия второй основной глагольной формы?

3. «Явление» и «сущность» в арабской морфологии и арабской грамматической традиции.

С. М. Макаева

Культурные аспекты фразеологических оборотов английского языка, содержащих имена собственные и географические названия

Наименование чего-либо — один из базовых речевых актов. Присвоение чему-либо имени — это своего рода освещение окружающих нас явлений повседневной жизни.

Имена собственные складываются в систему, тесно связанную с культурой той страны, в языке которой они используются. Едва ли возможно подвергнуть сомнению тот факт, что имена собственные играют огромную роль в человеческом общении, являясь знаками культурной, лингвистической, географической, этнической и социальной идентичности. И таким образом, частое употребление имен собственных в идеоматических оборотах показывает связь языка и культуры во фразеологии.

Интересно отметить, что английские фразеологические обороты (как, впрочем, и встречающиеся в любом другом языке) можно поделить на три типа по степени легкости понимания людьми, для которых английский язык не является родным. Первый тип — так сказать, «интернациональные» фразеологизмы, — это английские фразеологизмы с именами собственными, имеющие, к примеру, мифологическое, библейское или литературное происхождение, а также связанные с известными всем историческими личностями или событиями. Такие фразеологизмы легко доступны для понимания иностранцем — например, *“to meet one’s Waterloo”* — «потерпеть поражение», дословно «встретить свое Ватерлоо».

Другие, тоже литературного, мифологического, исторического и так далее происхождения, но связанные именно с *английской*

культурой, литературой или историей, реже встречающиеся в других языках, перешедшие в них из английского, иностранцу понять уже сложнее. Например, "*a Mrs. Grundy*" — «миссис Гранди» (персонаж романа Т. Мортонa, олицетворяющий мнение света в вопросах приличия).

Фразеологические обороты третьего типа вообще трудны для понимания без помощи идиоматического словаря. Как правило, такие фразеологизмы связаны с реалиями повседневной жизни и складываются на основе разговорной речи. К примеру, сленговое "*on one's Jack*" — «один, в одиночку», или "*the man on the Clapham omnibus*" — «человек с улицы».

Личные имена, встречающиеся во фразеологизмах, имеют множество источников. Мы можем обнаружить их в многочисленных фразеологических оборотах библейского и мифологического происхождения ("*doubting Thomas*" — «Фома неверующий» — скептик, человек, отказывающийся верить чему-либо без неопровержимых доказательств; "*Achilles' heel*" — «ахиллесова пята» — чье-то слабое, уязвимое место), связанных с классическим наследием ("*Brave men lived before Agamemnon*" — «Жили храбрецы и до Агамемнона», т.е. даже забытый подвиг остается подвигом), а также в оборотах, пришедших из литературных текстов ("*like Hamlet without the prince*" — дословно «как Гамлет без принца», то есть что-то, лишенное самой сути), песен, массовой культуры ("*Colonel Blimp*" — «полковник Блимп», «крайний консерватор», «твердолобый» — персонаж газетных комиксов 30-х годов), сленга и других источников, например, связанных с повседневной жизнью людей. Иногда происхождение фразеологических оборотов связано с реальными людьми (например, "*Hobson's choice*" — «отсутствие альтернативы, возможность выбора из нескольких равно невыгодных вариантов», по имени некоего Гобсона, содержателя платной конюшни в Кембридже в XVI веке, который обязывал своих клиентов брать только ближайшую к выходу лошадь). В некоторых случаях источник происхождения фразеологического оборота может быть неизвестен (например, "*to live the life of Riley*" — «жить припеваючи», «как сыр в масле кататься»).

Географические названия, используемые во фразеологизмах, могут быть названиями мест в Великобритании и на конти-

ненте (“*in Queer Street*” — «в финансовом затруднении»: “*Queer Street*” ассоциируется с лондонской Carey St., на которой в XIX в. располагались суды, констатирующие банкротство; “*to build castles in Spain*” — «строить воздушные замки»), в восточных странах, имеющих отношение к колониальному прошлому Британии (“*from China to Peru*” — то есть «где угодно, в любой точке мира»), названиями мест, связанных с классическим наследием (“*to fiddle while Rome burns*” — дословно «играть на скрипке, пока Рим горит», заниматься пустяками перед лицом серьезной опасности).

Разумеется, многие фразеологизмы с именами собственными не так уж часто употребляются в устной и письменной современной речи — например, те, что имеют отношение к классическому наследию. Фразеологизмы же более разговорного типа, ведущие происхождение из реалий повседневной жизни и разговорной речи, вполне употребительны.

Основная литература

1. Pierini, Patrizia. Opening a Pandora's Box: Proper Names in English Phraseology. *Linguistic online* 36, 2008.
2. Sušinskienė, Solveiga. Personal and Place Names in English Phraseology. *Acta humanitarica universitatis Saulensis*, 2009.
3. Kipfer, Barbara Ann. *Phraseology: Thousands of Bizarre Origins, Unexpected Connections, and Fascinating Facts about English's Best Expressions*. Sourcebooks, Inc., 2008.

Ю. Ф. Музыченко

О лексических минимумах для преподавания китайского языка в российских школах

Рост интереса к китайскому языку в системе школьного образования заставляет заново и иногда с новой стороны посмотреть на многие традиционные проблемы преподавания китайского языка, в частности, на проблему лексического минимума.

Проблемой лингвистических основ преподавания китайского языка китайское языкознание занимается уже более века. Факто-

рами, существенно усложнявшими решение этой проблемы на ранних этапах, были непростая социолингвистическая ситуация и дискуссия о будущем иероглифического письма в Китае.

В настоящее время по мере распространения путунхуа и отказа от экспериментов в области письма, проблему лексического минимума китайского языка можно считать решенной в общих чертах, но не в деталях, которые как раз и представляют основную проблему для преподавания китайского языка иностранцам и особенно в процессе разработки контрольно-измерительных средств его результатов.

При отсутствии одобренных Минобрнауки программ и учебников китайского языка в качестве официальных источников для составления лексического минимума в качестве таковых обычно принимают либо словарь отечественных учебников китайского языка, либо китайские лексические минимумы YCT и HSK Канцелярии по распространению китайского языка при правительстве КНР.

Зарубежные (некитайские) школьные учебники включают в себя от 1300 до 2800 лексических единиц.

Если посмотреть данные частотных списков, то такого объема лексических единиц достаточно для покрытия около 80 % текстов: 1000 наиболее частотных слов разговорного языка покрывают 84,78 текста, а 3000 слов покрывают 80,47 % текстов корпуса Вэйбо (далее KB <http://lwc.daanvanesch.nl>). Существенный разброс объясняется тем, что в KB представлены все функциональные стили и тематики микроблогов, а также тем, что он включает большое число имен собственных, которые не учитывались в других частотных списках.

Дальнейшее увеличение объема списка не дает существенного прироста покрытия текста: в случае с KB удвоение объема списка с 2500 до 5000 увеличивает покрытия текста лишь на 6 % (с 78,7 % до 85,01 %).

Таким образом, объем (около 2000 ед.) словаря самого распространенного в РФ учебника «Практический курс китайского языка» (А. Ф. Кондрашевский и др. М., 2005–2012) находится во вполне приемлемом для школы диапазоне. Однако словарь этого учебника не оптимален как с точки зрения статистики (суммарное

покрытие ок. 56 % текста), так и с точки зрения покрытия речевых ситуаций (отсутствуют, например, слова 明白 大概 算 干吗 骗 撞 其它 千万 其实 到底 解决 好像. *Здесь и далее полный список примеров доступен на странице <http://hanzi.help/lexicon/list.html>*).

В основе списка HSK — статистический подход, в связи с чем многими он и до сих воспринимается как список наиболее употребительной лексики китайского языка, что справедливо.

Однако в процессе «сокращения» списка 1992 года (8822 единиц) до его современного состояния (5000 единиц) авторы в ряде случаев отказываются от принципа частотности в пользу формального / «орфографического» подхода: например, присутствия в списке знаков 有 и 的 оказалось достаточно для удаления из списка местоимения «некоторый» 有的 (по той же причине в список не включены 今年 人民 常常 人们 日报 工程 大学 以后 听说).

Список YCT, где 604 единицы обеспечивают 46 % покрытие по KB, может рассматриваться в качестве примера удачного баланса частотности и тематической ценности слов для реальных ситуаций общения.

Еще один важный момент — проблема имен собственных, которые в силу специфики китайского письма имеют нетривиальную орфографию. Это ставит перед нами более широкую задачу локализации списка.

Например, 17 из 100 наиболее частотных знаков-транскрипций (по результатам анализа 12853 российских топонимов китайских словарей имен собственных) отсутствуют в HSK (耶 罗 伊 洛 尼 戈 萨 赫 涅 梅 韦 茨 兹 帕 穆 卢 佐 坎).

Таким образом, лексический минимум китайского языка для преподавания в школе должен представлять собой не один список, а их систему:

1) список частотной лексики разговорного языка (односложные и многосложные единицы) объемом не более 1200–1500 единиц. Источники — корпусы, YCT и отбор по тематическим классификационным схемам;

2) градуальный список 1500 частотных иероглифов (в том числе транскрипционные знаки). Источники — китайские иероглифические минимумы, ономастические словари;

3) список 2500–3000 частотных слов языка письменных текстов (публицистика). Источники — корпус на базе электронных СМИ и информационных онлайн ресурсов (напр., Baike Baidu).

Е. М. Напольнова

**Языковые инструменты
идентификации человека и животных
(на материале турецкого языка)**

Человек идентифицирует себя прежде всего как высшее живое существо. По каким параметрам может проводиться такая идентификация? Степень идентификации человека с объектами живой и неживой природы различна для разных древних культур и может находить отражение в современной национальной культуре и языке. «Эволюционно-видовая идентификация тесно связана с архетипами и «эволюционной памятью». В первобытных культурах это создаёт прямые утверждения самоидентификации, связанные с религиозным и семейно-клановым уровнями: я — орёл, я — волк и т. д. В западной культуре такие ассоциативные связи редко выходят на поверхность, однако в некоторых ситуациях и состояниях они также играют свою роль» [2].

Турецкий язык признаёт наличие двух нематериальных субстанций, несущих в себе жизненное начало — *can* и *ruh*. Их понимание отличается от европейских *душа* и *дух*, *soul* и *spirit* и др. Древние верования, зафиксированные в современном турецком языке, отчасти восходят к шаманским представлениям о том, что при рождении в тело человека разными богами вкладывается до пяти «душ», в момент смерти разлетающихся в разные стороны [1, с. 25–26]. *Ruh* представляется невидимой бессмертной нематериальной субстанцией, присущей только человеку, покидающей тело после смерти и способной существовать вне тела (*ruh çağır-* ‘вызывать духов’). *Can* обозначает невидимый воображаемый орган, присущий человеку и животным и безусловно необходимый для жизнедеятельности организма. *Can* связан с повседневными потребностями организма, является сгустком жизненной энергии и центром некоторых физических ощущений (напр., боли). Смерть

трактуются как отделение *can* от тела. *Can-li*, т. е. 'имеющими душу', признаются как люди, так и животные.

Вопросительные местоимения *kim* 'кто' и *ne* 'что' проводят границу между людьми и другими объектами иначе: *kim* соотносится лишь с человеком, а *ne* — с животными и неживыми объектами.

Турецкие названия органов и частей тела человека и животных в большинстве случаев совпадают. Специфичны для животных: *yün* 'шерсть', *post* 'шкура', *toynak* 'копыта'. Кроме общих с животными *baş* 'голова' и *kalp* 'сердце', у человека признаётся наличие *kafa* 'голова' и *yürek* 'сердце', наделённых виртуальными функциями.

Специальные лексемы для обозначения особей разных полов в турецком языке имеются только для некоторых, имеющих чёткие половые признаки и предназначенных для использования с разными целями животных (*koyun* 'овца' — *koç* 'баран', *inek* 'корова' — *boğa* 'бык' и др., ср. русск. *кот* — *кошка* и др.).

Использование глаголов *dur-* 'стоять', *yat-* 'лежать', *otur-* 'сидеть', *koş-* 'бежать' возможно главным образом в отношении человека.

Положительными коннотациями в турецком обладают названия хищных животных и самцов-производителей, а отрицательными — названия животных, разводимых для употребления в пищу.

Взгляд на животных определяет низкую степень идентификации человека и животных в турецкой культуре, что, без сомнения, обусловлено спецификой основного способа производства в древнетюркском обществе, где животные рассматривались прежде всего как основа благосостояния и главный источник пищи. По этой причине в турецкой культуре нет сказок о животных, не распространены обращения-субституты личного имени с использованием названий животных.

Основная литература

1. Алексеев Н. А. Шаманизм тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск, 1984.
2. Щербаков М. А. Модель уровней самоидентификации личности. URL: http://www.ipd.ru/articles/ident_article.shtml

Д. М. Насилов

**Языковые проблемы в государстве
Караханидов**

При современном состоянии изучения истории тюркских языков весьма трудно проследить процесс их образования и развития в ранние периоды. Теперь всё с большей определенностью выясняется, что древнейшие известные нам памятники тюркской письменности в отношении языка неоднородны и отражают особенности диалектов, существовавших в эпоху появления этих памятников.

Особая языковая ситуация сложилась в мусульманском государстве Караханидов, где единственной господствующей религией стал ислам. Благодаря этому обстоятельству существенно менялись социальные роли вариантов языка и, следовательно, социальные оценки, понятия языковой нормы и престижного стиля, функции литературного тюркского языка и другие языковые факторы в обществе.

Здесь оформлялась своя разновидность тюркского литературного языка произведений мусульманской культуры, с большим числом заимствований из арабского и персидского языков. Религиозных текстов на тюркском языке создавалось очень мало по причинам религиозных запретов. Поэтому необычайно низкой была роль и функциональная нагрузка религиозного стиля, а шире развивался стиль собственно художественной литературы, преимущественно поэзия.

В процессе сложения язык литературных произведений впитал в себя традиционную огузо-уйгурскую основу некогда престижного древнеуйгурского языка, которая, несомненно, воспринималась как уйгурская в целом: ведь этническая основа в обеих частях государства Караханидов была общей. Литературный язык, возникнув на опорном диалекте, — это был карлукско-уйгурский обиходно-разговорный язык в столичных центрах государства (Кашгар, Баласагун) — продолжал свою собственную жизнь, всё более отдаляясь от своей основы, ибо произведения широко не распространялись среди народа.

В «Диване тюркских языков» Махмуда Кашгарского, памятнике XI в., представлена очень сложная картина диалектального разнообразия тюркских языков, сложившаяся к этому периоду, но во многом близкая их современному состоянию, современной группировке.

Л. Т. Нечаева

**Особенности употребления союза СИ
в японском языке**

Как известно, в японском языке связь между однородными сказуемыми, сочиненными предложениями может осуществляться различными способами, в том числе и с помощью союзов и союзных имен [1, 199].

Если рассматривать соединительные союзы в сложносочиненных предложениях, то к ним в современной грамматике относят только союз СИ [1, 199].

Соединительные союзы используются для выражения одновременно или последовательно происходящих событий, явлений действительности. Рассмотрим подробнее значения и употребление союза СИ.

Союз СИ передаёт значения соединения, перечисления. В некоторых случаях союз СИ может передавать значение причины, которая более слабо выражена, чем при употреблении союзов НОДЭ, КАРА.

Союз СИ «и» употребляется после глаголов, прилагательных, имен со связкой, имеющих позицию сказуемых. Союз СИ употребляется для обозначения действий, происходящих в одно и то же время, или событий, ситуаций, объединяемых говорящим на основе каких-либо параметров. Этот союз **не обозначает последовательность** совершения действий. Союз СИ «и» употребляется только после сказуемых в заключительной форме.

Союз СИ употребляется в разговорной речи, редко встречается в письменной. Обычно употребляется после простых форм глаголов, прилагательных, связки в форме ДА, например:

Соно тамэ-ни сё:хи-га тэйтай-ситэ ору си, сорэкара дзю:таку то:си-но ноби мо хидзё:-ни сукунай. Из-за этого потребление уменьшилось, и рост инвестиций в жильё очень небольшой.

Бэнгоси-но нака-ни ва ватаси-то онадзи кангаэката-о суру хито мо о:й си, мимпо: гакуся-но нака-ни ва «дзидай сакуго да» то цуёку хантай-суру хито мо иру. И среди адвокатов много было тех, кто думал, как я, и среди специалистов по гражданскому праву были люди, кто выступал категорически против, считая, что это ошибка времени.

Сорэ ва Синсукэ-ни тоттэ, маттаку муэн-но сэкай датта си, мата, икоку-о каймамиру ё:на сизэки-на ко:кэй дэ мо атта. Это был для Синсукэ мир, не имеющий к нему никакого отношения, а также возбуждающее зрелище, как будто он подсматривает в чужой стране.

Однако в вежливой речи союз СИ может употребляться и после формы на МАСУ, например:

Корэ ва то:дзэн-на кото датта то омоимасу си, сорэ ва сорэнари-но ими-га ару кото-дэ атта то омоимасу. Я думаю, что это было правильно, думаю, что и то имело какой-то смысл.

При этом вежливые формы сказуемых могут не употребляться во всех предложениях, употребляясь только в последнем, превращая всё выражение в вежливое высказывание, например:

Сё:гакко:-но горо-ни ва сёкубуцу хяккатэн-о цукуру ё:на сизото-о яри-тай то омоттэ ита си, тю:гаку-но токи-ни ва кэн-кю:ся-ни нари-тай то омоттэ имасита. В начальной школе я собирался создать что-то вроде ботанического универмага, в средней школе хотел стать исследователем.

Союз СИ может употребляться один раз, два раза, несколько раз в одном сложносочинённом предложении, например:

Сикёку-но кадзу-о фуясанакутэ ий си, ко:докурё:-о ясуку осэру кото мо дэкиру си, хэнсю: хо:син мо тоситэки-на сэн-дэ то:сэру. Можно не увеличивать число отделений, можно сделать дешёвой стоимость подписки, можно ориентировать деятельность редакции на город.

Хаха ва ёку «хидзэни ва хаиру си, касидаорэ ва най си, тэ ва ёгорэнай си, коно сё:бай-но доко-га ки-ни иранай но ка» то иттэ

ита. Мать часто говорила: «Деньги зарабатываем каждый день, долгов нет, руки не пачкаем, чем же не нравится эта торговля?».

В предложениях с союзом СИ часто употребляется частица МО, причем в разных вариациях — в двух предложениях, только во 1-м или только во 2-м предложении. Эта частица подчеркивает похожесть описываемых ситуаций, например:

Химандо-га такаку нару то, то:нё:бё:-но хассэйрицу мо такаку наримасу си, кэttö: корэсутэро:ру атаи мо агаримасу. Когда степень ожирения повышается, то появляется и диабет, и уровень холестерина становится высоким.

Хаясэ-сан мо хэн датта си, кэнка дэмо сарэта. И Хаясэ-сан был странный, даже влезал в драки.

Союз СИ может употребляться вместе с союзными словами СОРЭ-НИ, САРА-НИ, СОНО УЭ-НИ, стоящими в начале второй части предложения и вносящими дополнительные значения «кроме того», «также», «к тому же», например:

Карэ ва мукаси-ёри дзibun-га суки-ни наттэру си, сиавасэ-со: да си, отицуйтэ иру си, сорэ-ни иссё-ни итэ, масумасу таносий нингэн-ни наттэ имасу. Он стал себя любить больше, чем раньше, явно счастлив, спокоен, к тому же, находясь в кругу людей, стал весёлым человеком.

Ситагаимаситэ, мокудзай-но сэйсан тою: моно-га хидзё:-ни хицүё:-дэ годзаимасита си, сара-ни ва гайдзай-га мада амари ю:ню: дэкиру дзё:кё:-дэ годзаимасэн дэсита нодэ, кокумин-но мокудзай дзю:ё:-ни наримасита. Следовательно, чрезвычайно необходимо производство лесоматериалов, к тому же поскольку невозможно обеспечить достаточного количества импортных лесоматериалов, то возникла потребность в собственном производстве.

Дзангё:-но мимавари ва накатта си, соно уэ цукаса мо сюдзин-ни хаяку каэру ё:-ни кото ва, итта кото-га най дэсу. Говорят, не проверяли сверхурочную работу, к тому же не было случая, чтобы начальник сообщал хозяину, что рано ушли домой.

После союза СИ может стоять союзное наречие МАТА «также», например:

Сорэ ва, ёри гэндзицүтэки дэ ару си, мата ирё: хокэн сэйдо-ни канситэ-но ганъи-о мотиуру. Это более реально, а также может иметь значение в системе медицинского страхования.

Делая вывод по употреблению союза СИ, можно сказать следующее.

1. Союз СИ имеет значение соединения.
2. Союз СИ употребляется в основном в разговорной речи.
3. Союз СИ обычно употребляется со сказуемыми, имеющими простые формы, но в вежливой речи возможно употребление форм на МАСУ, возможно употребление МАСУ только в последнем предложении.
4. Союз СИ употребляется для обозначения действий, происходящих в одно и то же время, или событий, ситуаций, объединяемых говорящим на основе каких-либо параметров.
5. Союз СИ не обозначает последовательность совершения действий. Он передаёт только значение соединения.
6. В предложениях, соединённых союзом СИ, часто употребляется частица МО.
7. Союз СИ может употребляться вместе с союзными словами СОРЭ-НИ, САРА-НИ, СОНО УЭ-НИ, вносящими значение «кроме того», «также», «к тому же».
8. После союза СИ может стоять союзное наречие МАТА.
9. В письменной речи предложение не может закончиться союзом СИ, но такое возможно в разговорной речи.

Основная литература

1. Алпатов В. М., Аркадьев П. М., Подлесская В. И. Теоретическая грамматика японского языка. Книга 2. М.: Изд-во «Наталис», 2008.

М. В. Порхомовский

Использование особенностей разговорной речи в турецких пословицах

Особенности, присущие разговорной речи, в турецких пословицах проявляются в смещении значения глагольных грамматических форм, а также в синтаксисе. Под смещением значения понимаются случаи употребления формы не в обычном, присущем ей значении,

а в других значениях, как правило, не свойственных этой форме в рамках основного ядра языковой системы.

В рамках смещения значения наклонения в пословицах условность может передаваться изъявительным наклонением, а изъявительное наклонение — желательным:

Buldun (=bulduysan) bir börek, sahibi nene gerek? (Если нашел пирожок, зачем тебе нужен его хозяин?);

Kimse bilmez, kim kazana (=kazanır) kim yiye (=yer) (Никто [заранее] не знает, кто получит выгоду, а кто ей воспользуется).

При смещении значения аспекта вопросительно-утвердительная форма может передавать значение отрицания или невозможности, а вопросительно-отрицательная форма — утверждение:

Eşek hoşaftan ne anlar? (=bir şey anlamaz) (Что понимает осел в компоте? (ничего не понимает));

Sakal bıyığa denk olmayınca berber ne yapsın? (=bir şey yapamaz) (Если борода к усам не подходит, что может сделать парикмахер? (=ничего не сможет сделать));

Yağmur yağsa kış değil mi? (=kıştır) — Kişi halini bilse hoş değil mi? (=hoştur) (Если дождь идет, разве [сейчас] не зима? (=зима) — Если человек знает свои возможности, разве это не здорово? (=здорово)).

Некоторые пословицы существуют в двух вариантах — в одном из них утвердительно-вопросительная форма используется в экспрессивно подчеркнутых отрицательных по смыслу предложениях, в другом — используется непосредственно отрицательная форма, в которой уровень экспрессии значительно ниже:

Kuş darıdan kaçır mı? (Разве птица улетит с просяного поля?) — Kuş darıdan kaçmaz (Птица с просяного поля не улетит).

При синтаксическом анализе корпуса турецких паремий удалось вычленить употребление в них следующих особенностей, которые характерны для разговорной речи:

1. В турецких пословицах широко представлено отсутствие замещения синтаксической позиции. Незамещенными могут оставаться позиции подлежащего, сказуемого и прямого дополнения:

Komşuda [yemek] pişer, bize de düşer (У соседа готовится [еда] — и нам перепадет);

İncir babadan, zeytin dededen [kalır] (Фиговое дерево [переходит] от отца, а оливковое — от деда);

Buldum bilemedim, bildim bulamadım (Нашел — не оценил, оценил — не нашел).

2. В пословицах часто встречается выделение слов с помощью повторов:

Bal bal demekle ağız tatlı olmaz (Оттого, что скажешь [несколько раз] «мед», во рту сладко не станет).

3. В пословицах можно найти примеры с парным замещением синтаксической позиции, в основном позиции сказуемого, благодаря чему достигается определенный стилистический эффект:

Meyil verme evliye, eve gider unuttur (Не люби женатого, вернется домой, забудет [тебя]).

4. Отдельные предложения могут выступать в роли членов предложения, образуя придаточные бессоюзные предложения, которые при определенных ограничениях на лексическое заполнение глагольного сказуемого (глаголы мысли) составляют особенность турецкой разговорной речи, что находит свое отражение в пословицах:

Türk ata binince bey oldum sanır (Турок, сев на коня, считает себя господином).

Н. Г. Румак

**Синонимия ономатопозитических
слов японского языка**

Применение компонентного анализа позволяет разложить значение ономатопозитических слов на отдельные составные элементы — семы (этот подход частично использован в «Словаре употребления звукоподражательных и звукоизобразительных слов» Т. Атода и К. Хосино, 1995 г.). Так, например, в значении единицы БИСЁБИСЁ (НУРЭРУ) «промокнуть насквозь» можно выделить семы «тактильное ощущение», «влажность», «содержание жидкости внутри», «избыточность» и так далее. Благодаря наличию нескольких сем и системности ономатопозитических слов [2] можно

предположить существование у этого класса лексических единиц синонимичных рядов, где все члены ряда будут иметь некоторое количество общих (интегральных) сем и при этом отличаться друг от друга, как минимум, одной дифференцирующей семой.

«Словарь синонимов с примерами» О. Эндо и др. (2004 г.) приводит, в частности, следующий ряд синонимичных онематопоэтических единиц: ГУСЁГУСЁ (НУРЭРУ) «мокрый, хоть выжимай» (о промокшем настолько, что вода выступает на поверхность), БИСЁБИСЁ (НУРЭРУ) «промокнуть насквозь», БИСЯБИСЯ (НИ НУРЭРУ) «быть затопленным, быть покрытым жидкостью», БИТЯБИТЯ (НИ НУРЭРУ) «залит водой» (о большом количестве жидкости на поверхности). Также к этому ряду добавляются единицы со сходным значением: ГУССЁРИ (НУРЭРУ) «насквозь промокнуть», БИССЁРИ (НУРЭРУ) «сильно промокнуть» (структурные варианты приведённых выше единиц), СИППОРИ (НУРЭРУ) «пропитаться водой» (акцент на содержании воды внутри) и устаревшая единица СИТОДО (НИ НУРЭРУ) «промокнуть насквозь».

Все единицы в этом ряду описывают «намокшее/промокшее» (интегральные семы «влажность», «избыточность», «тактильное ощущение»); все, кроме ГУСЁГУСЁ, описывают «намокшую от пролитого поверхность» (сема «распространение по поверхности»); только БИТЯБИТЯ описывает намокшее полотенце (дифференцирующая сема «содержание в ткани»); только ГУСЁГУСЁ (и реже БИСЁБИСЁ) описывает «мокрое от слёз лицо» (дифференцирующая сема «поверхность тела»). Для ГУССЁРИ также указывается соотнесение с одеждой, тканью, однако структура единицы подразумевает акцент на состоянии; БИССЁРИ может также указывать на мокрую поверхность тела; СИППОРИ делает акцент на содержание воды внутри. Таким образом, в значениях единиц выделяются как интегральные семы, так и дифференцирующие, что и определяет существование данного синонимического ряда.

Сходные по значению онематопоэтические единицы можно объединить в семантические поля. Например, перечисленные выше единицы входят в семантическое поле «ощущение влажности» наряду с ДЗУБУДЗУБУ НИ НУРЭРУ «быть мягким из-за большо-

го содержания жидкости», а вместе с БАСЯБАСЯ ХАНЭРУ «разбрызгиваться с плеском» и т. п. объединяются в семантическое поле с общим значением «звук воды». Однако в пределах семантического поля синонимичность онomatопозитических единиц нужно проверять методом субституции (взаимозаменяемость в тождественном контексте).

Значение онomatопозитических слов можно передать и лексикой, не относящейся к онomatопее. Так, «Словарь синонимов» при объяснении значения онomatопозитических единиц употребляет выражение ХИДОКУ НУРЭРУ «сильно промокнуть», а О. А. Фролова приводит такие пары, как ПЭКОПЭКО СУРУ и ХЭЦУРАУ со значением «расшаркиваться», БУЦУБУЦУ ИУ и ГУТИ-О КОБО-СУ со значением «ныть, жаловаться» и т. п. [2]. В подобных случаях соответствующие элементы значения могут содержаться в глаголе либо перераспределяться между глаголом и зависимыми словами.

При сопоставлении онomatопозитической лексики в различных регионах обнаруживаются, например, такие территориальные синонимы как ЭКАЭКА ИТАМУ (преф. Иватэ), СИКАСИКА ИТАМУ (преф. Киото) и ТИКУТИКУ ИТАМУ (стандартный язык) «колющая боль» (Такэда).

Таким образом, синонимические отношения можно наблюдать как «внутри» онomatопозитической лексики, так и между онomatопеей и нейтральной лексикой — то есть, синонимия онomatопозитических единиц может быть как лексической, так и стилистической (вероятно, к стилистической синонимии нужно отнести также и территориальную).

Основная литература

1. Такэда А. Как-то раз в кабинете пациент сказал врачу (АРУ ХИ СИН-САЦУСИЦУ-ДЭ КАНДЗЯ-ГА ИСЯ-НИ ИИМАСИТА). URL: http://onomatopelabo.jp/medical/column/column2_1/column_01.html (дата обращения 05.03.2016).
2. Фролова О. А. Онomatопозитические слова японского языка в функции экспрессивной характеристики человека и их системные связи // Системные отношения на разных уровнях языка. Новосибирск, 1988. С. 65–70.

В. Б. Сафронова

**Жуаль — базилектальная разновидность
квебекского французского**

Жуаль — это социолект французского языка, сформировавшийся среди квебекского рабочего класса в Монреале. С тех пор, как этот социолект во второй половине XX века получил общественное признание благодаря ряду квебекских писателей, в частности, Альберу Лабержу, термин «жуаль» использовался некоторыми авторами для обозначения всех форм квебекского французского, распространённых как в провинции Квебек, так и по всей Канаде. Однако вне Монреаля этот термин не прижился для обозначения лингвистического наследия Квебека, и лингвисты стали употреблять термин «жуаль» в значении базилектальной разновидности Квебекского французского, распространённой в Монреале.

Повсюду, где французский язык является родным языком населения, в Квебеке существуют две формы этого языка: письменный французский язык, он же «международный», и устный французский язык, которым, в сущности, является квебекский французский, более или менее выраженный в зависимости от культурной и социальной принадлежности говорящего. Жуаль является базилектальной разновидностью квебекского французского языка, а значит, имеет те же характеристики, что и последний.

Фонологические, лексические и морфосинтаксические особенности жуаля во многом совпадают с наречиями Франции, распространёнными на севере Бордо и на западе Парижа. В частности, /a/ заднего ряда произносится больше как открытая о /ɔ/ по сравнению с а переднего ряда /a/), также, имеет места дифтонгизация (как в слове «fête»). Особенности произношения (например, moi как /mwe/), союзные словосочетания (например, «à cause de» вместо «parce que»), выражения вроде «gamasseux d'sous» вместо «avare» в квебекском французском имеют то же происхождение и чаще употреблялись во французской речи XVII века, чем сейчас.

Появление этих особенностей объясняется историческими событиями. Жители современного Квебека — потомки французских колонистов, которые прибыли в Новый Свет до Великой Француз-

ской революции и привезли с собой парижское койне, которое являлось языком межнационального общения путешественников XVII века.

Лексика жуаля значительно обогатилась за счёт заимствований из английского языка (например: «le muffler» вместо «le silencieux» или «faire sûr» вместо «veiller à ce que»). Эти заимствования и кальки объясняются тем, что недалеко от Квебека живёт много англоговорящих граждан.

Жуаль — по сути своей устный диалект, и потому у него нет устоявшихся норм письменной речи.

Термин «жуаль» впервые появился в 30-ых годах XX века или чуть раньше и распространился по всей франкоговорящей Канаде. Тогда словом «жуаль» насмешливо называли тех, кто вместо «cheval» (лошадь) говорил «joual» — иногда из-за необразованности, иногда по привычке, иногда из-за желания говорить именно так.

Десятилетиями люди стеснялись своего языка, однако в дальнейшем жуаль стал символом национального самоутверждения благодаря произведениям писателя Альбера Лабержа (в частности, его роману «La Scouine», 1918 г.), песням поэта-композитора Робера Шарлебуа («Fu Man Chu», написанной в 1972 г.), монологам юмориста Ивона Дешампа и словарям квебекского французского языка Леандра Бержерона.

С тех пор язык населения Квебека стал значительно разнообразнее. Изменения как в устной, так и в письменной речи жителей Квебека произошли благодаря Тихой революции и Rapport Parent документу, серьёзно повлиявшему на становление системы обязательного общего образования в Квебеке в 60-е годы XX века.

Некоторые продолжают ассоциировать жуаль с нижним уровнем просторечия, как это делал журналист Андре Лорандо. Крайнее возмущение этим социолектом можно найти в эссе Жана-Поля Дебьяна «Les Insolences du frère Untel» (1960), а позже в памфлете Жоржа Дора «Anna brailé ène shot» (1996).

Хотя период национального самоопределения и оказал положительное влияние на мышление жителей Квебека, жуаль часто воспринимали как нечто вроде изъяна в лингвистической картине страны, причём такой точки зрения придерживались учёные, писа-

тели и журналисты именно Квебека, а не других стран. Однако широкое распространение этого социолекта лишь укрепило ошибочное мнение о том, что жуаль — единственный язык в провинции Квебек.

Основная литература

1. *Desbiens Jean-Paul*. Les insolences du frère Untel. Montréal: Editions de l'homme, 1960.
2. *Petit dictionnaire du joual au français*. Montréal: Editions de l'homme, 1965.

М. В. Софронов

Посессивная конструкция в древнекитайском языке

Основой исследования древнекитайского языка эпохи западной династии Чжоу являются эпиграфические тексты на бронзовых предметах. Возможности изучения древнекитайского языка по этим надписям ограничены по многим причинам, из-за которых в настоящее время их содержание скорее понято, чем расшифровано. Хорошо известное содержание и основные черты языка синхронных надписям классических текстов Шаншу «Книги истории» и Шицзина «Книги стихов» являются важными дополнительными источниками изучения языка надписей.

Посессивная конструкция древнекитайского языка, представленная как в языке надписей, так и в языке классических текстов, является одним из его характерных признаков и стала источником развития таких конструкций в последующей истории китайского языка. Ядром семантики посессивной конструкции является посессивность, на периферии которой располагаются значения признаков ее центрального члена. В грамматике порядка слов древнекитайского языка для образования посессивной конструкции достаточно простого левого примыкания определения к определяемому. В конструкции 天子休 тянь цзы сю «Дар Сына Неба» сю 休 «дар» является ее центром, а 天子 тянь цзы «Сын Неба» является индивидуальным признаком дара. В грамматике служебных слов

для этого используются маркеры посессивной конструкции синтаксически связанные с центральным членом. При оформлении центрального члена маркером притяжения конструкция приобретает вид: *тянь цзы цзюэ сю* 天子阙休 «дар Сына Неба» (букв. «Сын Неба его дар»).

В языке надписей на бронзе в этой функции регулярно выступают 之, 其, 若, 阙. Маркеры 若 и 阙 встречаются только в надписях, причем последний в особой графической форме. В языке классических текстов состав маркеров шире. В разнообразном по содержанию тексте Шицзина, представлены маркеры 其, 彼, 斯, 思 之, 阙.

Посессивная конструкция древнекитайских классических текстов описывает родственные отношения лица, выступающего в качестве его центрального члена: 朕其弟 (Шаншу, Кан Гао) «Мой младший брат», букв. «Мой его младший брат», или партитивные отношения тела и его части: чжун сы юй 螽斯羽 (Шицин, Чжоу нань) «Крылья саранчи», букв. «саранча, ее крылья». Формально эти конструкции полностью соответствуют посессивной конструкции в языке надписей на бронзе.

Лицо и число маркированного центрального члена в посессивной конструкции древнекитайского языка не учитываются. В приведенном выше примере говорящий (Кан Ван) выступает как 1 лицо, однако в притяжательной конструкции используется общий маркер для любого лица. В Шицзине находится единственный пример, когда 2 лицо обладателя признака указано непосредственно прономинативным существительным: 青青子衿 (Шицин, Чжэн фэн) «Ярко зелен твой воротник». К посессивной конструкции древнекитайского языка в некоторых диалектах современного китайского языка, как представляется, восходит современная посессивная конструкция, где на месте древнекитайского маркера находится местоимение 3 лица: Лао Ван та де 老王他爹 «Отец Лао Вана», букв. «Лао Ван его отец». Ее семантика ограничена главным образом отношениями родства, иногда отношением неочуждаемой принадлежности.

Судя по последующему развитию семантики маркеров древнекитайской посессивной конструкции, содержательно они свя-

заны с притяжательными местоимениями. В языке надписей и в классических текстах их основное назначение состоит в образовании посессивных конструкций, прямые указания на знаменательные значения маркеров отсутствуют. При этом важно, что указательные местоимения *цзи* 兹 древнекитайского языка надписей на бронзе и *цы* 此 классических текстов в качестве маркеров не выступают.

Это означает, что в этих текстах значения маркеров посессивности не связано с местоимениями. При такой вполне четкой специализации возникает вопрос, почему для описания одного посессивного отношения потребовалось столько маркеров. Это явление древнекитайской грамматики можно попытаться объяснить тем, что каждый из маркеров определенным образом связан с планом выражения или с планом содержания центрального слова. В надписях и классических текстах их связь с семантикой центрального слова не прослеживается, поэтому наиболее вероятным остается предположение, что выбор посессивного маркера зависит от фонетической структуры центрального слова.

Функции посессивных маркеров не ограничены конструкциями притяжания, состоящими из имен существительных с именными и качественными определениями, они присутствуют также в предикативных конструкциях, где признак субъекта описывается через предикаты — прилагательные. Стих *бэй фэн ци лян* 北风其凉 (Бэйфэн) «Северный ветер холоден», букв. «Северный ветер, его холодный» представляет собой предикативную конструкцию с предикатом — прилагательным. Ее грамматическим оформлением является маркер *其*, который указывает, что признак «холодный» такого явления природы как северный ветер рассматривается как неотъемлемый. Точно так же описываются постоянные признаки отдельных предметов с помощью другого маркера *сы* 斯: *цзо се сы* и *цзе сзе сы* 柞櫟斯拔 (Да я, Хуан-и) «(Листва) дубов и платанов изобильна»; *сун бай сы дуй* 松柏斯兑 (Там же) «(Стволы) сосен и кипарисов прямы».

Древнекитайские маркеры притяжания продолжают существовать в классическом древнекитайском языке, наследнике древнекитайского языка эпохи династии Чжоу в другой синтаксиче-

ской функции. Маркеры 其 и 之 выступают здесь как служебные слов, образующие именную атрибутивную конструкцию, но в некоторых случаях они способны выступать как самостоятельные указательные местоимения 3 лица. В словарных определениях классического древнекитайского языка служебное слово 其 рассматривается как притяжательное местоимение «его, того». Маркеры 彼, 斯, 阙 в словарных определениях рассматриваются как общеуказательные местоимения 3 лица: «тот, этот», «то, это». В тексте они приобретают синтаксические любые падежные значения по правилам грамматики классического древнекитайского языка.

Вопрос семантики маркеров древнекитайского языка состоит в том, являются ли маркеры сами по себе указательными местоимениями древнекитайского языка или специализированными служебными словами для обозначения грамматического отношения притяжания. По этому поводу можно высказать предположение, что грамматическая форма притяжания, не связанная с притяжательными местоимениями, возможно, присутствовала в том историческом состоянии китайского языка, которое не засвидетельствовано в письменных памятниках и в определенной форме продолжала существовать в языке надписей. Прониминативное значение маркеров, засвидетельствованное в классическом древнекитайском и далее в современных диалектах китайского языка, возможно, является результатом лексикализации древнекитайской грамматической формы притяжания.

М. В. Тихонова

Почему сегодня стоит учить немецкий язык?

Эпоха длиной в 250 лет, когда немецкий был языком писателей, философов, политиков и ученых, близится к своему завершению. Немецкий язык сдает свои позиции в пользу английского языка во всех областях общественной жизни.

Еще в первой половине XX в. ученые разных стран мира регулярно читали научные статьи на немецком языке. Доля немецко-

го языка в научных публикациях сегодня ничтожно мала: естественные науки — около 1 %, общественные науки — около 7 %.

И все-таки немецкий язык становится все более привлекательным для изучения.

Немецкий язык является рабочим языком ЕС. Он по-прежнему востребован в СМИ, в сфере международной торговли, образования, туризма, коммерческой рекламы и книгоиздания. Немецкий актуален для целого ряда академических дисциплин.

Около 229 млн человек говорят сегодня по-немецки, 128 млн — регулярно. Приблизительно 104 млн считают его своим родным или вторым родным языком (10 место в мире). Немецкий язык имеет статус национального или регионального официального языка в семи европейских государствах: в Германии, Австрии, Швейцарии, Лихтенштейне, Люксембурге, в восточной части Бельгии, в Италии, в провинции Больцано-Боцен — Южный Тироль. Носители немецкого языка проживают также в США, Канаде, Южной Америке, Южной Африке, Австралии и России.

Профессор Университета Дуйсбург-Эссен (Германия), германист, специалист в области социолингвистики Ульрих Аммон считает, что привлекательность языка зависит в большей степени от экономического потенциала его носителей, а не от их количества [1].

С учетом макроэкономических показателей сообщество носителей немецкого языка занимает в мировом рейтинге уже 4 место [1], уступив языковым сообществам носителей английского, китайского и испанского языков. В этом смысле знание немецкого языка дает возможность воспользоваться экономическими преимуществами стран, где говорят по-немецки, получить доступ к передовым образовательным технологиям и обрести больше шансов на рынке труда.

По количеству учащихся немецкий следует за английским, китайским и французским.

Эксперты отмечают снижение интереса к изучению немецкого языка в странах Европы, СНГ (2010 г. — 2,3 млн, 2015 г. — 1,5 млн), Балтии и Скандинавии. Однако в Латинской Америке, в странах Юго-Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанского региона, Ближнего Востока и Африки число тех, кто изучает немецкий, по данным Института им. Гёте, последовательно растет.

В Индии немецкий язык изучали в 2010 г. — 18 550, в 2014 — 107 000 человек. В Индонезии увеличение числа учащихся составило 75 % (общее число — 187 000). В Египте количество учащихся удвоилось и составило 250 000.

В 2010 г. насчитывалось 119 стран, в которых немецкий преподавался в качестве иностранного в средней школе (13,4 млн учащихся — 87 %). В 117 странах его преподают в высших учебных заведениях. 15,4 млн человек изучают немецкий как иностранный по всему миру, из них 9,4 млн — в Европе.

В настоящее время ведется преподавание немецкого языка как иностранного в 1 800 школах по программе «Школы: Партнеры будущего» (600 000 учащихся) и в 140 немецких школах в 72 странах. Институт им. Гёте имеет 160 представительств в 94 странах, 1000 координационных центров в 127 странах. На языковых курсах Института им. Гёте в 2015 г. обучалось 228 528 человек.

Владение английским языком на высоком уровне сегодня в цене. Но для установления деловых связей и поддержания контактов, для осуществления успешной деловой коммуникации знание немецкого языка является дополнительным преимуществом.

Основная литература

1. *Ammon U.* Welche Rolle spielt Deutsch international? // DEUTSCHLAND.de. Stand: 03.04.2010. URL: <https://www.deutschland.de/de/topic/wissen/bildung-lernen/welche-rolle-spielt-deutsch-international> (Abgerufen am 23.02.2016).

Е. Г. Фролова

Об истории изучения синтаксиса тагальского языка

Тагальский синтаксис стал предметом научного изучения, начиная с XVI в., когда испанские монахи составили первые описания тагальского языка. Они были построены по образцам описаний европейских языков и не могли отразить своеобразие тагальского предложения.

С начала XX в. американские лингвисты заинтересовались филиппинскими языками, в том числе тагальским. Среди их работ

следует выделить «Тагальские тексты с грамматическим анализом» Л. Блумфилда (1917 г.) и «Граматику тагальского языка» Ф. Р. Блейка (1925 г.), которая до сих пор может служить источником сведений по многим практическим вопросам применения тагальского.

Позже американские исследователи (Чарльз Ли, Сандра Анне-ар Томпсон и др.) занялись изучением бинарной предикативной конструкции в тагальском языке, пытаясь осмыслить и описать ее с точки зрения порождающей и реляционной грамматики.

Синтаксис тагальского языка исследовали и российские ученые, однако они, как правило, ограничивались описанием основных моделей предложения. Среди их работ следует упомянуть брошюру «Тагальский язык» Л. И. Шкарбан и Мануэля Круса (1966 г.), где перечислены основные типы простых и сложных предложений в тагальском языке. В 1975 г. Г. Е. Рачков публикует статью о придаточных определительных, а в 1977 г. статью о служебном слове *ау*. Он приходит к выводу, что это служебное слово является единственным показателем актуального членения в тагальском языке, хотя чуть раньше И. В. Подберезский в своей статье «Двусоставное предложение в современном тагальском языке» (1971 г.) доказывал, что актуальное членение в тагальском языке выражается двумя служебными словами: *ang* и *ау*. В 1989 г. выходит в свет статья Л. И. Шкарбан о порядке слов в тагальском языке, а в 1995 г. ее монография «Грамматический строй тагальского языка», где автор уделяет основное внимание структуре слова и частям речи, но кратко описывает и основные способы синтаксической связи, бинарную предикативную структуру и порядок слов. Она подчеркивает, что тагальский язык отличается повышенной близостью двух уровней членения предложения (актуального и синтаксического), подчинением синтаксического функционирования частей речи коммуникативным структурам.

Ведущие филиппинские лингвисты (Теодоро Льямсон, Риккардо Ноласко и др.), получившие образование, как правило, в университетах США, стали продолжателями американских лингвистических традиций и описывают тагальское предложение, исходя из принципов порождающей грамматики.

В результате исследования тагальского синтаксиса так и остаются на уровне теоретических определений роли членов бинарной предикативной структуры, неисследованы способы введения разных видов обстоятельств, управления дополнениями, способы присоединения придаточных предложений и многое другое. Изучение этих вопросов остро необходимо для описания и практического использования тагальского языка и могло бы помочь определению функций синтаксических показателей и в базисных предложениях, потому что анализ тагальских текстов показывает, что эти показатели функционируют и на уровне простого, и на уровне сложного предложения. Таким образом, синтаксис тагальского языка требует отдельного рассмотрения и описания, которое может внести вклад и в общее языкознание.

И. В. Фролова

**Языковое оформление презентаций
на немецком языке: тенденции**

Презентации стали одной из самых распространённых и востребованных форм публичного выступления в практике учебной и профессиональной коммуникации. Оформление текста презентации на немецком языке следует определённым тенденциям, обоснованным и подкреплённым данными специальных научных исследований устной речи. Устная речь подчиняется собственным закономерностям, отличающимся от закономерностей письменной речи, поэтому работа над текстом устного выступления требует знаний этих особенностей. При отборе лексико-грамматических средств, в других аспектах (стилистика, региональные особенности немецкого языка) необходимо учитывать множество факторов восприятия немецкоязычного текста на слух и навыков говорения, декламации.

Несмотря на большую долю информационной составляющей, тексты не ограничиваются функцией информирования слушателей. Аудиторию ещё необходимо заинтересовать, придать выступ-

лению интерактивный характер, особенно, если целью презентации является представление собственной идеи, планов или проектов. В этом случае специально отобранные языковые средства направлены на привлечение внимания публики. Язык текстов становится доступнее и убедительнее для слушателя. При выборе лексико-грамматических конструкций на первый план выйдут более простые структуры, сократится количество сложных синтаксических, пассивных конструкций и т. д.

В лексике мы увидим более осторожное применение специальных терминов или их разъяснение для недостаточно подготовленной аудитории, отказ от канцеляризованных, преувеличенных форм вежливости и пр. Латинизмы или узкоспециальные востоковедные термины в зависимости от темы и степени подготовленности аудитории могут быть заменены на немецкие слова (например, Halsschlagader вместо Karotis; Hexerei, Zauberei вместо Atharvaveda). Практический выбор языковых средств направлен на упрощение текста, а для выступающего — на его свободное воспроизведение. За рамками остаются слова, характерные исключительно для письменной речи (Papierwörter), или так называемый «номинальный стиль» (Nominalstil) с преобладанием субстантиваций. Подобные конструкции и лексические единицы затрудняют понимание текста и не способствуют контакту с аудиторией. Образные выражения (Leseratte und Bücherwurm, Wüstenschiff, Bauchtanz, Zeitschleife), особенно если они появляются в теме, а также фразеологизмы любой типологии, напротив, принимаются слушателями с заинтересованностью и повышают мотивацию выступающих.

Ещё одной важной тенденцией составления текста стала большая доля креативных элементов на всех этапах подготовки и проведения презентации. Начиная от темы до заключительных слов благодарности за внимание, тексты предполагают разнообразие форм. Например, они могут составляться по образцу рекламных (с использованием соответствующих лексических и стилистических языковых средств), как справочно-статистические (с множеством сравнительных придаточных предложений) или в форме рекомендаций, советов (для таких текстов требуются специальные грамматические конструкции, K11). Для демонстрации и описания фотографий, наглядных пособий и пр. необходим особый

эмоциональный фон, творческий подход к выбору языковых средств, позволяющих ярче представить материал (например, огромный набор прилагательных, степени сравнения, существительные с уменьшительными суффиксами и др.).

Содержание презентаций становится более информационно привлекательным, тексты менее формализованными, язык проще и свободнее, а само устное выступление более убедительным, более естественным, более личностноориентированным.

М. П. Фролова

**Опыт использования технологии
«театрализация» как метода развития
иноязычной компетенции**

Основной целью обучения иностранному языку является формирование иноязычной коммуникативной компетенции, то есть способности и готовности осуществлять иноязычное межличностное и межкультурное общение.

Особенность уроков иностранного языка заключается в том, что они дают возможность моделировать реальные и многообразные ситуации общения, способствуют формированию культуры общения и помогают общему речевому развитию студентов.

Сегодня в сфере образования идет поиск новых технологий, способствующих модернизации процессов обучения, и возможностей перехода к новому мышлению и творчеству. Одной из таких технологий может быть театрализация (драматизация) как элемент учебного процесса, которая способствует расширению кругозора обучаемых, развитию их креативного мышления и творческой активности.

Идея использовать театрализацию возникла при изучении специальной лексики, когда требовалось выбрать методику, чтобы вызвать у студентов интерес к основным понятиям юриспруденции и способствовать их усвоению правовой лексики. Было решено инсценировать отрывок из романа Харпер Ли «Убить пересмешника», а именно тот, в котором детально описывается судебный процесс. Выбор был не случайным, т. к. в это же время сту-

денты работали с этой книгой на занятиях по внеклассному чтению.

Объектом этого педагогического проекта были студенты 3–4 курсов ИСАА МГУ уровня C1–C2.

Предмет исследования: процесс формирования иноязычной коммуникативной компетенции студентов неязыкового вуза средствами театральной деятельности.

Использование театрализации при обучении иностранному языку ставит перед собой ряд общих целей: а) формирование навыков общения на иностранном языке; б) умение пользоваться иностранным языком для достижения своих целей; в) выражение мыслей и чувств в реально возникающих ситуациях общения; г) воспитание активно-творческого и эмоционально-эстетического отношения к слову через подготовку и постановку спектакля.

Цели данного проекта состояли также в: а) создании дополнительной возможности для общения студентов на изучаемом языке путем вовлечения их в деятельность, направленную на овладение правовой лексикой; б) формировании иноязычной коммуникативной компетенции средствами театральной деятельности.

Этапы театральной деятельности: 1) знакомство с автором, произведением было осуществлено в рамках занятий по внеклассному чтению, включая работу по снятию языковых трудностей; 2) распределение ролей в соответствии с языковой подготовкой, артистическими способностями, памятью, эмоциональностью; 3) написание сценария роли: каждый исполнитель писал свою роль самостоятельно (вне занятий); 4) первая читка — общая, с комментариями по поводу содержания написанного сценария, с определением характеров действующих лиц и личного отношения к исполняемой роли; 5) индивидуальные репетиции в формате «преподаватель — исполнитель» — акцент на правильном понимании текста и произношении, обсуждение поведения на сцене, жестов, интонаций; 6) индивидуальные репетиции в формате «партнер — партнер» — акцент на взаимодействии и взаимопонимании; 7) общая репетиция: обсуждение мизансцен, режиссерские замечания преподавателя — акцент на актерской игре исполнителя; 8) генеральная репетиция; 9) представление перед публикой, снятое на видео.

Важными элементами в применении театрализованных постановок в педагогике являются: а) приобретение навыка работать в команде; б) взаимодействие студентов не только с педагогом, но и друг с другом приводит к доминированию и большей активности студентов в процессе обучения; в) фактор свободы — студенты, перевоплощаясь в персонажа, раскрепощаются, что позволяет снизить стресс при обучении.

Понимая, что при всей своей творческой сущности прием театрализации является лишь средством достижения цели обучения, не стоит забывать, что «основной закон» творчества заключается не только в результате, но и в самом процессе.

Основная литература

1. Театрализация как методика преподавания иностранных языков. URL: <http://mydocsx.ru/9-63792.html> (дата обращения: 14.11.2015).
2. Пыркова Т. А. Театрализация в формировании лингвистической компетенции // Потенциал современной науки. 2014, № 7.

Л. В. Хохлова

Выражение конативных значений в хинди и панджаби

В докладе рассматриваются морфосинтаксические средства, используемые в двух западных индоарийских языках — хинди и панджаби — для описания ситуаций, которые не могут иметь продолжения. Такие ситуации бывают контролируемыми, предполагающими неудачные попытки субъекта завершить действие, и неконтролируемыми, в случае непредвиденной остановки процесса на пути к завершению. В данной работе рассматриваются преимущественно грамматические средства выражения конативных значений, связанных с целенаправленными попытками субъекта привести совершаемое действие к предполагаемому результату.

В хинди и панджаби, как и во многих языках мира, одним из типичных средств выражения конативных значений является аорист от предельных глаголов. Простые формы аориста не мар-

кированы по признакам «завершенность-незавершенность действия», «реализованные — нереализованные изменения объекта».

В индологической литературе прочно утвердилось мнение, что формы аориста от так называемых «интенсивных глаголов», образованных сочетанием основы смыслового глагола с частично десемантизированными «легкими» глаголами «брать», «давать», «приходить», «уходить», «падать», «подниматься», «садиться» и некоторыми другими, во всех случаях маркированы по признакам «завершенность действия» и «реализованные изменения объекта».

В докладе будут описаны ситуации, в которых вопреки распространенному мнению аорист от интенсивных глаголов может обозначать незавершенное действие или частичные изменения объекта. Это возможно при описании гомогенного процесса, который может быть прерван в любом месте и продолжен в дальнейшем, при этом изменения объекта происходят постепенно.

Говорящий, очевидно, оценивает такую ситуацию как позитивную, считая, что субъект к данному моменту выполнил положенную ему часть действия, а оставшееся действие может выполнить в будущем сам субъект или кто-то другой.

Употребление интенсивного глагола невозможно в том случае, когда описываемое глаголом действие предполагает лишь подготовку к изменению состояния объекта, при этом сам переход в новое состояние осуществляется моментально. Предикаты типа «объяснять, убеждать, уговаривать», содержащие в своем значении конативный компонент, также блокируют употребление аориста от интенсивных глаголов в значении незавершенности действия.

Помимо форм аориста, для выражения конативных значений в хинди и панджаби используются также специальные синтаксические конструкции:

1) конструкции, содержащие неизменяемое перфективное причастие от переходного глагола в форме м.р. мн.ч. и финитную форму непереходного коррелята того же глагола. Субъект причастия от переходного глагола оформляется генитивным послелогом;

2) полипредикативные конструкции, содержащие редуцированное имперфективное причастие в качестве зависимого предиката и глагол *√rah* 'оставаться' в качестве основного предиката;

3) полипредикативные конструкции, содержащие редуцированное деепричастие в качестве зависимого предиката и глагол *√haag* 'быть побежденным', 'терпеть поражение' в качестве основного предиката;

4) сложносочиненные предложения, где в первой клаузе употребляется «причастие намерения» с суффиксом *vaalaa*, вторая клауза соединяется с первой союзом *ki*.

Основная литература

1. Липеровский В. П. Глагол в языке хинди. М., Наука, 1984.
2. Плунгян В. А. Антирезультатив: до и после результата // Исследования по теории грамматики. Вып. 1: Глагольные категории. М., 2001. С. 50–88.
3. Hook P. E. The Compound verb in Hindi, The University of Michigan, 1974.

Ж. С. Хулхачиева

Структура современного учебника киргизского языка для студентов- регионоведов

Преподавание иностранного языка в современную эпоху, требует качественно новый подход к методике обучения, к целям обучения, его содержательному наполнению. Акцент переместился на активное соизучение языка и культуры, на решение проблем межкультурной коммуникации и реализацию основной стратегической цели. Все это, несомненно, требует создания учебников нового поколения «коммуникативно-индивидуализированного типа, в которых технология обучения коммуникативной компетенции должна быть подчинена индивидуальным особенностям овладения иностранным языком обучающихся, их коммуникативным потребностям» [2, с. 137], а также отражающих сегодняшние реалии действительности с учетом диалога культур и понимания культуры как всечеловеческого достояния.

Изучение иностранного языка не может ограничиваться его знаковой системой в силу того, что он несет в себе информацию

о культуре, истории, реалиях и традициях страны изучаемого языка. Для этого необходим личностно-ориентированный подход к обучающемуся, так как он является «активным получателем и потребителем информации, самостоятельным субъектом, решающим в процессе обучения ряд последовательно поступающих проблемных задач, познавая и осмысляя новую для себя действительность» [3, с.151]. Отсюда в основу концепции учебников и учебных пособий нового поколения ставится целесообразность и необходимость создания условий для реализации активной роли изучающего иностранные языки.

При составлении учебников и учебных пособий авторам необходимо учитывать актуальность социокультурных и межкультурных знаний, способствующих формированию вторичной языковой иноязычной картины мира.

Важным представляется сопоставление языковых картин родного и изучаемого языка, так как это наиболее выпукло отражает своеобразие мира, отраженного в изучаемом (в нашем случае кыргызского) языке.

Авторам следует учесть, что при подготовке учебников необходима «диагностика когнитивных особенностей в естественных условиях учебного процесса; определение взаимосвязей когнитивных факторов с эмоциональными, мотивационными, сопровождающими учебный процесс; дифференциация обучения в зависимости от когнитивных особенностей обучаемых; выбор методов обучения в зависимости от когнитивных особенностей обучающего и стиля обучаемого; выявление эффективных стратегий деятельности» [1, с. 75] и др.

Все вышеназванные задачи были учтены в двуязычном учебнике «Кыргызский язык для стран СНГ» (М., ИПК МГЛУ «Рема», 2012), изданного в Московском государственном лингвистическом университете при поддержке Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ, основными методическими принципами которого явились: 1) принцип учета родного языка и опоры на родную лингвокультуру и 2) принцип межкультурного взаимодействия.

Учебник предназначен для лиц, продолжающих изучение кыргызского языка на базе сформированных элементарных навы-

ков общения на кыргызском языке на территории СНГ, таким образом, он может послужить своего рода мостом между странами, входящими в состав Содружества, развивая и укрепляя при этом их научное, культурное и социальное сотрудничество.

Цель издания — сформировать у обучающихся межкультурную коммуникативную компетенцию, которая позволит им успешно общаться с носителями изучаемого языка, понимать и принимать культурно-специфические формы поведения представителей другой культуры для достижения взаимопонимания в процессе межкультурного диалога.

Основная литература

1. Волкова Л. Б. Межкультурная интерференция в процессе изучения иностранного языка. Коммуникативный и когнитивный аспекты // Мир русского слова. 2006, № 2. С. 74–77.
2. Вятютнев М. Н. Теория учебника русского языка как иностранного (Методические основы). М.: Изд-во «Русский язык», 1984. 143 с.
3. Любимова Н. В. Когнитивно-дискурсивная парадигма и ее лингводидактическая реализация // Германистика: состояние и перспективы развития: материалы международной конференции. М.: МГЛУ, 2005. С. 151–155.

Литературоведение

Е. О. Акимушкина

**Эволюция жанра *шахрашуб*
в персоязычной поэзии XVII века:
творчество Сайидо Насафи (ум. 1711)**

В настоящем сообщении рассматривается специфика эволюции жанра *шахрашуб* в персоязычной поэзии постклассического периода (XVI–XVII вв.), основной акцент сделан на произведениях, написанных в этом жанре Сайидо Насафи (ум. между 1707 и 1711 гг.), одним из выдающихся поэтов Мавераннахра. Различные аспекты творчества Сайидо Насафи привлекали и продолжают привлекать внимание значительного числа исследователей, в особенности в Таджикистане (С. Айни, Б. Гафуров, А. М. Мирзоев, Н. Б. Хасанпур). Нас же, в первую очередь, интересует, какое место стихи Сайидо в жанре *шахрашуб* занимают среди других произведений, созданных в этом жанре на персидском языке в XI–XVII вв., — произведений Масуда Сада Салмана (1046–1121), Санаи Газневи (ок. 1048–1130), Мехсити Ганджави (XII в.), Абд ур-Рахмана Джами (1414–1492), Калима Хамадани (Кашани) (ок. 1593–1650) и других поэтов.

На основании анализа творчества Сайидо Насафи можно предположить, что он, создавая свой цикл произведений в жанре *шахрашуб*, возвращается к «концепции» Масуда Сада Салмана, знаменитого представителя газневидской поэтической школы и фактически основоположника жанра *шахрашуб* в персоязычной поэзии: Сайидо восхваляет и описывает красоту и атрибуты профессиональной деятельности не только ремесленников и «работников сферы услуг», но и других жителей города (см. произведения, посвященные сыну шейха, нищему, курильщику опиума и др. (2,8 % от общего числа)). Но возвращается он на качественно ином

витке, творчески переработав достижения своих непосредственных предшественников и выступая новатором в области топики, формы и отчасти метрики.

Так, Сайидо Насафи значительно расширил набор профессий (в его Диване поименовано более 200 профессий, характерных для средневекового города), что резко увеличило общий фонд мотивов *шахрашуб*. Кроме того, если его предшественники создавали в жанре *шахрашуб* большей частью кыта и рубаи, то Сайидо одним из первых персоязычных поэтов перенес мотивы *шахрашуб* в жанровую форму *фард* (одиночный бейт), сделав его основной жанровой формой для мотивов *шахрашуб* в своем творчестве. В Диване Сайидо представлено в общей сложности 370 произведений в жанре *шахрашуб*: фард (330), рубаи (20), маснави (17), газели (3) (здесь не учтены произведения, в которых мотивы *шахрашуб* играют второстепенную роль). Причем, среди его фардов, написанных в жанре *шахрашуб*, доминируют не классические фарды, в которых оба полустишия-мисра не рифмуются, и форма которых зафиксирована в поэтологических трактатах (см. например, определение жанровой формы фард в поэтологическом трактате Хусайна Ваиза Кашифи XV века), а фарды, в которых полустишия-мисра рифмуются (около 98 % от общего числа фардов в Диване Сайидо). Справедливости ради, отметим, что такого рода фарды не являются новацией Сайидо, они встречались в персоязычной поэзии и ранее (см., например, фарды в Диванах Фаррухи Систани (ум. 1037), Манучихри Дамгани (ум. 1040/41), Саади Ширази (нач. XIII — 1292), Камала Худжанди (ум. ок. 1400/1401)).

Вслед за Масудом Садом и Калимом Кашани, Сайидо Насафи разрабатывал мотивы *шахрашуб* в жанровой форме поэмы-маснави, что привело к созданию ее новой жанровой разновидности. Так, Диван Сайидо содержит раздел «Маснави», в котором представлены 8 произведений, посвященных восхвалению красоты и мастерства представителей «третьего сословия» (бакалейщика, мясника, пекаря и др.). Все эти произведения обладают четкой композиционной структурой с однотипной концовкой: поэма завершается обращением к виночерпию с просьбой принести вина (2–3 бейта). Заметим, что такой мотив — один из канонических способов оформления концовки произведения, и он совершенно не

обязательно указывает на то, что данное произведение является «Саки-нама» («Поэма виночерпия»).

Влияние Сайидо Насафи на персоязычную поэзию Индии представляется нам весьма значительным, и, как показывают наши наблюдения, именно его произведения в жанре *шахрашуб* оказали серьезное влияние на развитие этого жанра в поэзии урду, система жанров и жанровых форм которой во многом является производной от персидской.

К. Е. Барабошкин

Формирование литературной мысли Китая на рубеже древности и средних веков (III в. до н. э. – III в. н. э.) (Лу Цзя, Ян Сюн, Ван Чун, Цао Пи)

На протяжении долгого времени в древнем Китае литературе отводилась лишь утилитарная роль, которая во многом исходила из идеи Конфуция о воспитательной функции литературы: *«Песни (Шицзин) могут воздействовать внушением. В них можно отыскать наглядные примеры, они учат общительности, помогают выразить негодование; способствуют вблизи служению родителям, а в отдалении — государю»* [1, с. 116].

Такого рода ситуация начала меняться лишь только к концу древности — в эпоху Хань. Как пишет И. С. Лисевич, всю эту эпоху можно охарактеризовать иероглифом *синь* (новый), он состоит из графем «топор», «дерево» и «устанавливать», то есть указывает на вырубку чего-то старого, и становление нового. Здесь очень кстати приходятся слова Лу Цзя (240–170 гг. до н. э.) о радикальном характере такого «нового» подхода, когда тот говорит о вырубке дерева: «смерть была необходима, так как лишь “благодаря топору дровосека [они] явили [миру] красоту узора”» [2, с. 200].

Лу Цзя был одним из первых, кто в своём трактате «Новые изречения» попытался соединить некоторые идеи конфуцианства, моизма и даосизма. Кроме того, он пересмотрел отношение к древности и современности: «Дао близко, и нет нужды углуб-

ляться в древнее и далёкое. Овладей главным — и успех обеспечен!»; «Алчущим далекого нельзя упускать близкого. Тому, кто приводит в движение тень, нельзя забывать о [собственной] позе» [2, с. 201].

Эти мысли на страницах трактата «Образцовые речи» развивает и Ян Сюн (53 г. до н. э. – 18 г. н. э.). Схожие мысли появляются и в трактате Хуань Таня (43 г. до н. э. ~ 50 г. н. э.) «Новыми суждениям».

Ван Чун (I в. н. э.) подводит определённый итог рассуждениям своих предшественников в трактате «Весы суждений» и почти цитирует их: «Далеко — это не то же самое, что близко, услышать — это не то же самое, что увидеть» [3, с. 1754]; Мыслитель критикует людей, которые «верят в фальшь давнего и отдалённого и пренебрегают реальностью близкого и современного» [3, с. 1256].

Окончательное же формирование целостной литературной теории происходит у Цао Пи в третьем веке нашей эры, который, по большей части опираясь на мысли и обобщения рассуждений предшественников Ван Чуном, сводит все высказывания воедино в главе «Рассуждения о литературе» трактата «Рассуждение о классическом».

И общих мест, подобных рассуждениям о древности и современности, можно увидеть у всех вышеперечисленных мыслителей, которые представляют собой звенья в цепи становления литературной мысли Китая. Среди них стоит выделить Ван Чуна, который явился большим звеном в данной цепочке. Он сумел не только обобщить мысли предшественников, но и на деле прийти ко многим новым открытиям, которые были успешно развиты последующими мыслителями.

А потому вопрос о месте этих мыслителей и их общего влияния на переход в понимании *вэнь* как литературы в широком смысле слова к «изящной словесности», представляется чрезвычайно интересным, и заслуживает отдельного детального исследования.

Основная литература

1. Семененко И. И. Изречения (Луньюй); Приложения. М.: Тетра – Книжный клуб, 2009.
2. Лисевич И. С. Литературная мысль Китая. М.: Наука, 1979.

3. Юань Хуачжун, Фан Цзячан Перевод «Весов суждений» в трёх томах. Переводы известных древнекитайских сочинений. Гуйян: Издательство Гуйчжоу Жэньминь Чубаньшэ, 1993.

Л. О. Башеленишвили

**Домостроительство святости
в памятниках древнегрузинской
агиографической литературы**

Целостная система домостроительства святости, подробно изложенная в раннехристианской аскетической литературе, в полной мере реализовалась в сочинениях древнегрузинских агиографов. Модель домостроительства святости для агиографа является тем каркасом, в котором христианские добродетели используются как несущие конструкции, и в образе каждого святого подвижника они высвечиваются с «неожиданной» стороны. «Образное, искусное описание» в сочинениях древнегрузинских писателей противопоставлено «истинному, безыскусному свидетельствованию без вымысла».

Добродетель в агиографии является *жанровым термином*, и без изложения её стяжения невозможно создать образ-идею внутреннего человека — главного героя агиографической повести. Образ-характер, в современном смысле этого понятия, в агиографии не может быть воплощён по определению, поскольку духовный писатель «рисует» *словесную икону, а не портрет* святого. Он, с одной стороны, отвергает излишнюю психологизацию образа подвижника, а, с другой стороны, «дозволенными» средствами передает неповторимость личности своего главного героя, мастерски избегая привычные клише и шаблоны.

В домостроительстве святости, согласно Гиорги Мерчуле (X в.), особое внимание уделяется стяжению девства, икономии которого агиограф осуществляет в своей повести «Житие святого Григола Хандзтэли» (IX в.) на примере не только главного героя, но и второстепенного персонажа монаха Матойя. «Преуспешную благодать девства» стяжал и блаженный Матой, подвизавшийся в женском монастыре Мэре в достоинстве священника. Подвиг

блаженного Матойя являлся для агиографа наглядным примером успешного домостроительства целомудрия. «В течение сорока лет священничества отца Матойя в Мэре никто от него не слышал ни праздного слова, ни бесполезного ответа, ибо Господь говорит: «За каждое праздное слово, которое произносят люди, им придётся дать ответ в тот день расплаты» [1, с. 241].

Следуя учению вселенских учителей прп. Григория Богослова (329–379) и Василия Великого (ок. 330–379), Гиорги Мерчуле так оценивает подвиг блаженного Матойя: «И этот стяжал совершенную благодать девства не только в одном хранении тела, но и душою, и словом, и слухом, и оком [1, с. 241].

Для грузинских агиографов и, в частности Гиорги Мерчуле, дева должна быть целомудренна языком, поскольку языком тоже можно блудить; ухом — поскольку скверну можно слушать и пасть; глазом, потому что можно возбудиться и согрешить; ртом, ибо можно есть безмерно и быть чревоугодником — всеми органами чувств грех вторгается в человека. Преподобный Матой просветился, соблюл девство и языком, и слухом, и словом. Для сравнения: святитель Василий Великий пишет: «Дарование девства заключает в себе ни то одно, чтобы воздержаться от деторождения, но весь образ жизни, и сама жизнь, и нравы должны быть девственны во всяком занятии безбрачного, показывая нерастленность. Можно и словом соблюсти, и оком прелюбодействовать, и слухом оскверниться» [2, с. 264]. Гиорги Мерчуле приводит воспоминания деканиссы Тэместии о блаженном Матойе: «В течение сорока лет в мою бытность в чине деканиссы и сорока лет священничества Матойя в Мэре он ни разу не коснулся кадилом даже моей руки». Так, икономия девства, наряду со смиренномудрием и любовью составляют основу домостроительство святости в древнегрузинских агиографических сочинениях.

Основная литература

1. ПДГАЛ — серия «Памятники древнегрузинской агиографической литературы» в 4 томах / под ред. акад. И. Абуладзе. Тбилиси. 1967. Т. 1. (на груз. языке)
2. Древние иноческие уставы, собранные святым Феофаном Затворником. Издание Спасо-Преображенского Валаамского монастыря. М., 1994.

А. Г. Гурия

Кабир Тагора: опыт анализа перевода

«Песни Кабира» (*Songs of Kabir*) в переводе Рабиндраната Тагора вышли в Нью-Йорке в 1915 году и неоднократно переиздавались впоследствии. Этот перевод считается классическим и действительно передает очень многие особенности оригинала. Однако любой сокращенный перевод антологии стихов уже в силу необходимости отбора не тождествен оригиналу. Кроме того, когда за перевод берется крупный поэт, личность переводчика накладывает отпечаток на итоговый текст, даже если (как в данном случае) перевод прозаический. Доклад посвящен именно сравнению сборника «Песни Кабира» как с другими переводами Кабира на английский язык (антологиями под ред. Линды Хесс и под ред. Нирмала Даса), так и со сборником стихов самого Тагора «Гитанджали» в его английской версии (1913). Прежде всего, отметим форму перевода. Текст Кабира — это именно песни, с рефренами и ритмической организацией, они довольно объемны. Перевод — прозаический, без рефренов или указания на их наличие; кроме того, многие стихи есть явно отрывки гимнов, а не воспроизведение их целиком. Из этого можно сделать вывод, что антология «Песни Кабира», с ее ограниченным объемом, задумывалась как ознакомительный, а не исчерпывающий перевод, и главной целью ставилось отражение основных идей поэзии Кабира, а не ее формальных особенностей.

Во-вторых, в переводе сильно смягчена полемическая, сатирическая составляющая, неотъемлемая часть наследия Кабира. Средневековый поэт-бхакт едко издевается над ортодоксами, как индускими, так и мусульманскими; он стремится внушить людям мысль о необходимости самим искать истину в своей душе, о невозможности подменить эту истину внешним соблюдением обрядов и о равенстве всех людей перед Богом. У Тагора эта тема звучит в очень мягком, либерально-лирическом ключе, без какого-либо ехидства и пафоса презрительного осуждения. Причины, вероятно, две: гармоничное, миротворческое мировоззрение самого Тагора и попытка вписать творчество Кабира в общечеловеческое культурное наследие, никого не принижая и не ущемляя. Начало

XX века — время широкого увлечения восточными мистическими течениями среди мыслящих людей Запада, попытки примирить восточные и западные достижения духа и даже обосновать их глубинное единство, вплоть до тождества.

В-третьих, в тагоровском варианте сильный акцент сделан на образ влюбленной женщины, находящейся в разлуке с мужем или же новобрачной, еще не научившейся служить ему и радовать его. У Кабира изначально, видимо, этот образ присутствовал как периферийный, один из многих других для передачи отношений человеческой души с Богом. Но уже в Средневековье под влиянием кришнаитской поэзии, особенно бенгальской, этот образ и связанный с ним круг мотивов выходит едва ли не на первый план. Для Тагора психологический рисунок таких взаимоотношений души и божества — основной (ему посвящена огромная доля сборника «Гитанджали», опубликованного незадолго до «Песен Кабира»). Кроме того, в английском тексте местами заметно влияние Библии, вероятно, неизбежное при попытке подобрать верный стиль для передачи текста Кабира. Впрочем, прямых заимствований крайне мало и использованы они с большим тактом. Эти и другие особенности перевода подробно рассмотрены в докладе.

Основная литература

1. Songs of Kabir. Tr. Rabindranath Tagore. NY, 1915.
2. Rabindranath Tagore. Gitanjali. Song Offerings. London, 1913.
3. The Bijak of Kabir. Tr. Linda Hess and Shukdev Singh. NY: Oxford University Press, 1983.
4. Songs of Kabir from the Adi Granth. Tr. Dass, Nirmal. SUNY Press, 1991.

Ю. С. Ершова

Композиция психологического триллера индонезийской писательницы Секар Айю Асмара «Запретная дверь»

Секар Айю Асмара — одна из представительниц литературного течения *sastra wangi* («благоухающая, ароматная литература») в Индонезии, получившего широкое распространение в 2000-х го-

дах. Писательниц, создающих литературные произведения в рамках этого течения, волнует положение женщин в обществе, они поднимают некогда табуированные темы секса и насилия (в том числе насилия в семье), полигамии, измены, отношений вне брака и вообще свободных отношений.

Секар Айю Асмара написала несколько романов, но именно роман «Запретная дверь» имел оглушительный успех и был экранизирован в 2009 году.

Героями произведений писательницы часто оказываются дети из неблагополучных семей, а также одинокие беременные женщины или те, кому пришлось сделать аборт. Есть у нее и герои, страдающие различными умственными отклонениями. Секар Айю Асмара утверждает, что пишет о тех вещах, о которых не пишут другие. Книгой, раскрывающей многие из этих тем, стал роман «Запретная дверь», жанр которого может быть определен как психологический триллер.

Роман делится на три отдельные истории, каждой из которых посвящено несколько глав. Повествование постоянно переключается с одной истории на другую, их сюжеты пересекаются лишь в самом конце произведения:

1. История от лица ребенка, от которого читатель узнает о жестоком обращении с ним со стороны родителей. Довольно неприятные описания, порой с ужасными и отталкивающими подробностями, отражают эстетику отвратительного, актуальную для современной литературы. Эта сюжетная линия заканчивается тем, что замученный ребенок убивает обоих родителей.

2. История о скульпторе по имени Гамбир и его жене Талиде, карьеристке, одержимой манией самосовершенствования. Их брак хранит три тайны: дверь в студии Гамбира, которую ему запрещено открывать; сексуальные отношения Талиды с друзьями Гамбира; использование героем настоящих эмбрионов в скульптурах, изображающих беременных женщин. Когда Гамбир узнает о внебрачных связях своей жены, он убивает ее и любовников, затем он открывает запретную дверь в студии. Гамбир и весь окружающий его мир пропадают во вспышке яркого белого света.

3. История журналистки по имени Ранти. Она встречается с молодым вдовцом и однажды обнаруживает, что он — один из тех

отцов, которые жестоко обращаются с собственными детьми. Также Ранги пишет статью о мужчине, который сошел с ума из-за того, что в детстве стал жертвой жесткого отношения со стороны родителей и провел в психиатрической клинике уже восемнадцать лет. В конце романа выясняется его имя — Гамбир. История о скульпторе — всего лишь плод его фантазии.

Другим важным композиционным компонентом наряду с переплетением трёх линий становится прием повтора отдельных фраз и предложений на протяжении всего романа «Запретная дверь». Прием служит не только для «визуального» оформления глав и указания, к какой именно истории относится очередная глава, но и наделяется определенным смысловым значением, работая в качестве своего рода мантры для героев. Подобная композиция определенно выстраивалась автором намеренно, и можно сделать вывод, что Секар Айю Асмара преуспела в создании сложного и интересного сюжета и композиции, что во многом предопределило успех романа. В свою очередь, это помогло привлечь внимание читателей к важным социальным проблемам, затронутым в произведении.

Ж. Р. Зидан

Путешествие как осмысление истории своей страны на примере книги-мемуаров Луиса 'Аввада «Воспоминания студента заграницей»*

Луис 'Аввад — египетский филолог, писатель и мыслитель XX века (1915–1990). В книге «Воспоминания студента заграницей» он описывает годы своей учебы в университете Кембридж в Великобритании. Луис 'Аввад не был типичным студентом-иностранцем из восточной страны: он родился в христианской семье среднего достатка (в отличие от других студентов, египтян из зажиточных мусульманских семей).

В предисловии к мемуарам, 'Аввад описывает историю своей рукописи книги «Воспоминания студента заграницей», которая была им утеряна, а спустя много лет нашлась, после того как ее

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ № 16-34-01055.

отрывок был опубликован в египетской газете. Автор закончил свои мемуары в 1942 году, но опубликованы они были лишь в 1965. 'Аввад хотел опубликовать мемуары сразу, но они не прошли цензуру египетского министерства культуры, так как англичане были представлены в данной книге не в лучшем свете, что могло нанести ущерб отношениям Англии и Египта во время Второй мировой войны.

Продолжая традицию в написании произведений жанра *рихла*, герой и автор произведения начинает повествование с описания отъезда из страны, а точнее бюрократические проблемы, в связи с которыми ему было сложно получить стипендию и уехать. Уже на данном этапе автор отсылает нас к истории Египта и перечисляет факторы, повлиявшие на рост бюрократии в образовательной среде.

Мы видим, что с одной стороны, молодой египтянин хочет как можно дольше жить в Англии, поэтому делает запрос на получение и магистерской, и докторской степени. С другой стороны, родился 'Аввад в 1915 году, то есть во время протектората Великобритании над Египтом, поэтому отношения к англичанам как к колонизаторам все равно остается в подсознании автора. В этой связи интересно проследить осмысление истории его родины во время пребывания в Англии.

По прибытию в Кембридж 'Аввада поселили жить с семьей Мерсер. Глава семьи служил в Египте во время демонстраций 1919 г. Во время службы он потерял зрение. В этот момент и начинаются внутренние противоречия египтянина. С одной стороны, ему жалко англичанина, с другой стороны, он не может себе представить жизнь в доме человека, который убивал его соотечественников.

В начале 1940 года 'Аввад покинул университет, так и не закончив диссертацию по причинам, которые нам до сих пор неизвестны. Одно из предположений заключается в том, что в связи с началом Второй мировой войны была урезана стипендия. Но в своих «воспоминаниях» 'Аввад пишет только о том, что это было его личным решением.

В предисловии к своим воспоминаниям автор осознанно включает свое произведение в ряд произведений жанра *рихла*,

сравнивает с лучшими образцами («Описанием Парижа» шейха ат-Тахтави, с «Книгой о жизни и приключениях Фарйака» Ахмада Фариса аш-Шидьяка). Но 'Аввад делает важную оговорку: повествование в его мемуарах ведется не на литературном арабском языке, а на египетском диалекте, что сближает его с соотечественником Байрамом ат-Туниси, который первым написал произведение в жанре *рихла* на диалекте. Таким образом, они подчеркивают свою египетскую идентичность, выделяются среди арабов из других стран.

Основная литература

1. لويس عوض. أوراق العمر... سنوات التكوين. مكتبة مدبولي. القاهرة. 1989.
2. لويس عوض. مذكرات طالب بعثة. الكتاب الذهبي. 1965.

Б. С. Зулумян

Саят-Нова: от Средневековья к Новому времени

Великий армянский поэт Саят-Нова — Арутин Саядян, крупнейший представитель армянской литературы XVIII в. (1712/1722–1795). Его творчество увенчало все лучшее, что создал поэтический гений народа за восемь веков развития со времен Григора Нарекаци. Он продолжил традиции армянской авторской светской лирики — Констандина Ерзнкаци, Ованеса Ерзнкаци, Ованеса Тлкуранци, Нагаша Овнатана, народного песнетворчества. В то же время Саят-Нова творил в системе восточной ашугской импровизаторской школы, по праву пользуясь славой «царя поэтов» (его псевдоним так и трактуется).

В принятой периодизации армянской литературы Саят-Нова завершает этап Позднего средневековья. Необходимо подчеркнуть, что его творчество в свою очередь открывает литературу Нового времени, в его поэзии впервые во весь рост встает личность, противостоящая власти, косному окружению, несправедливому миру. Поэт — свободный человек, не зависящий от обстоятельств и социального положения. Саят-Нова создал непреходящие творения не только на родном армянском языке, но и на других: грузин-

ском, тюркском и персидском — последние два общепринятые в то время языки ашугских соревнований.

Саят-Нова родился в Тифлисе, в бедной ремесленнической христианской семье, при крещении получил имя Арутюн (Арутин на тифлисском диалекте) Саядян. В одной из своих тюркоязычных песен Саят-Нова пишет: «Саят-Нова в вере тверд, он армянин». В Давтаре, сборнике стихов, написанных рукой поэта, он отмечает: «...споспешествованием святого Карапета научился играть на каманче, чонгури и амбуре». Саят-Нова, по единодушным свидетельствам современников, был несравненным музыкантом и певцом с чарующим голосом. Саят-Нова стал придворным поэтом Ираклия II, пользовался покровительством царя, любовью народа и ценителей поэзии, в то же время был гоним придворными, клеветниками и завистниками. Именно с него началась традиция грузинского ашугства, так как до этого времени при дворе было принято петь на фарси — наиболее распространенном языке персидской ашугской школы.

Для творчества Саят-Новы характерны самобытность музыкального языка, сочетание армянского мелоса с ритмическими элементами музыкальных традиций других народов Востока. Лишенная излишней цветистости, повторов, нанизывания эпитетов и сравнений, поэзия Саят-Новы несет в себе большой эмоциональный заряд, чувства его предельно сгущены, а драматизм жизненных коллизий доходит до трагической безысходности.

Саят-Нова и в поэзии и в жизни защищал достоинство человека и его право быть самим собой. Он с гордостью носил звание простолюдина, не сгибал головы ни перед кем. Впервые честь и достоинство становятся высшей ценностью вне зависимости от социального положения: «Нет, Саят-Нова, не раб ты, с робким взглядом! И царя, пред кем все пали, ты не знаешь!».

Для поэта есть высшие ценности: «Святых целей три: возлюби перо, Возлюби письмо, книги возлюби». Он называл себя «слугою народа»: «Я тот, кто чтит судьбою обойденных». Его фигура исполнена возвышается над косным и тщеславным окружением, он понимает значение и смысл своего творчества: «Не всем мой ключ гремучий пить: особый вкус ручьев моих! Не всем мои писанья чтить: особый смысл у слов моих!».

Изгнание поэта связывают с любовью к сестре Ираклия II Анне Батонишвили (Г. Асатур, П. Севак, Г. Бахчинян). Трагическая любовь наложила отпечаток на его судьбу. Великий поэт вписал в поэтическую историю любви народов Востока свою неповторимую страницу. Любовная лирика Саят-Новы является одним из откровений многовековой армянской поэзии. Образ его прекрасной возлюбленной жизненен и возвышен одновременно. Любовь его не знает преград, страсть поглощает его целиком: «Ты огонь, одежда твоя огонь, Как мне вынести эти огни?» Богат и красочен язык поэта. Это кисть художника, накладывающего краски густыми, пастозными тонами. Образы крови, огня становятся поэтическими доминантами, которые выражают предельный драматизм столкновения возвышенного духа поэта с обыденностью.

Звание поэта выше всех, он глашатай правды, нужд и борений человека, возвышающим душу. Творчество Саят-Новы стоит у истоков романтической поэзии XIX в., где тема «поэт и общество, поэт и толпа» имеет ключевое значение.

Творчеством Саят-Новы завершается эпоха средневековой армянской поэзии и открывается новая литературная эпоха, в центре которой стоит человек, сознающий свою индивидуальность и чувства как уникальные, а любовь и честь для него — высшие ценности.

О. В. Карева

**Полистилевой абсурд в романе Хасана
Али Топташа «Тысяча грустных радостей»**

Хасан Али Топташ (р. в 1958 г.) — один из ведущих турецких писателей-постмодернистов «второй волны». Его роман «Тысяча грустных радостей» (Bin Hüzünlü Haz, 1998), за который в 1999 г. он был удостоен престижной литературной премии имени Джеветы Кудрета, считается самым известным произведением автора. Роман вписывается в парадигму постмодернизма с её «революцией знака» («мир как текст», мир знаков/симулякров с пустыми означающими), с полицентризмом и «философией множества», «иг-

раизацией» и изменением повествовательных стратегий, с новыми эстетическими/антикаллистскими категориями — жестокость, телесность, абсурд и др. Х. А. Топташ воплощает художественный замысел посредством шизоаналитических стратегий, которые «размывают» сюжет, устраняют из действия диалог и выводят на первый план языковую игру, отягощённую «потокм сознания». Это позволяет писателю сосредоточить внимание на мучительном процессе саморефлексии героя.

Повествование в романе ведется от первого лица: в первой части — от имени романного персонажа Алааддина, а в остальных восьми — от имени неизвестного рассказчика, выполняющего функции автора. Персонаж и автор переходят друг в друга, что в постмодернистской поэтике свидетельствует о таком художественном феномене, как «смерть автора».

Фабула «Тысячи грустных радостей» сводится к тому, что рассказчик находится в поисках некого Алааддина, психика которого деформируется под воздействием новой усложненной реальности, проявившейся в связи с расширением интернетгоризонта и телевизионного вещания. В результате просмотренных телепередач с изображением кровавых расправ над жертвами, жестоких сцен убийств с расчленением в ванне женских тел и т.п. Алааддин обуреваем желанием совершить убийство, которое он в конечном итоге и осуществляет. Он убивает изменившую ему Татарскую девушку. На поиски убийцы Татарской девушки — Алааддина — бросается романский рассказчик. Сначала он попадает в мотель «Ром», который с виду напоминает спичечный коробок, но по своей вместительности оказывается подобный диску CD-ROM, а затем — в бескрайний лес. В лесу ему навстречу попадают люди, роющиеся в мусорной куче в поисках еды, безработные отцы, матери, потерявшие своих детей, «кислотные» дети. Мимо него проходят Красная Шапочка и серый волк. На его глазах шумная толпа из сорока разбойников, вооруженных саблями, скрывается в пещере. Рассказчик видит Дон Кихота, который собирается сразиться с ветряными мельницами. Кроме того в лесу обитает гигантское насекомое величиной в человеческий рост. Наконец, рассказчик нападает на след Алааддина. Но поиски обрываются по непонят-

ной причине: то ли убийца принял облик убитой, то ли надел женскую одежду жертвы и скрылся. В конце романа рассказчик случайно встречается глазами с человеком, которым оказывается Аллааддин.

В романе Х. А. Топташа цитируются в травестийно-пародийной форме произведения мировой художественной культуры — сказки «Тысяча и одна ночь»; народная сказка «Красная шапочка и серый волк» в литературной обработке Шарля Перро; роман «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанческий» Мигеля де Сервантеса; повесть Франца Кафки «Превращение» и др. Писатель искусно обыгрывает стилистику американского психоделического телесериала Девида Линча «Твин Пикс» и нашумевшего фильма Ремиджо Дель Гроссо «Урсус и татарская девочка».

Аппелируя к различным культурным кодам, Х. А. Топташ включает читателя в игру с ними. Эта игра воздействует на читательское подсознание, позволяя погрузиться в абсурд реальности. Параллельно в романе постоянно подчеркивается, что мы имеем дело с миром текста («...мир, в котором жизнь непостижимым образом превращается в игру, в фантазию, преодолев всяческие границы, перемешивается с реальностью, мир, который наполнен прекрасной ложью, не имеющей ни рода, ни племени, и где все существует лишь на словах и который убит этими же словами...»), который можно сконструировать и изменить тем или иным способом. Автор предлагает множественность прочтений своего творения: как аллегория отношений человека и общества, как бытовую историю, как триллер, как волшебную сказку. Используя постмодернистский прием полистилистики, он использует логику абсурда в качестве своеобразного доказательства глубокой патологичности современного общества потребления.

Основная литература

1. Репенкова М. М. Вращающиеся зеркала. Постмодернизм в литературе Турции. М., 2010.
2. Скоропанова И. С. Русская постмодернистская литература. М., 2007.
3. Hasan Ali Toptaş Bin Hüzünlü Haz. İstanbul, 2009.

Е. С. Кукушкина

**К вопросу о преемственности
жанра путевых заметок в малайской
литературе**

Фигура Абдуллы бин Абдул Кадира Мунши (1786–1854) постоянно привлекает к себе внимание малайстов. Значимость его вклада в местный литературный процесс никогда не оспаривалась: просветитель, стремившийся приобщить земляков к достижениям западной цивилизации, жесткий критик отсталости своей страны, он долго рассматривался как зачинатель малайской мемуаристики и путевого жанра. Так же одно время было принято полагать, что Абдулла опередил свое время и потому оставался одиноким первопроходцем, у которого практически не было ни предшественников, ни последователей.

В дальнейшем выяснилось, что произведения, имевшие мемуарные черты, а также ранние образцы путевых заметок появились в малайской беллетристике до создания автобиографической «Повести об Абдулле» (1838) и «Истории плавания Абдуллы» (1849). В научный оборот был введен литературный материал, свидетельствовавший также о том, что путевой и автобиографический жанры не исчезли во второй половине XIX века после кончины Абдуллы.

Более устойчивым оказалось представление о человеческом одиночестве писателя, о скептическом отношении к нему малайцев, от которых его отделяло многое: арабо-тамилское происхождение, восхищение британцами, сотрудничество с миссионерами, критика малайцев и их правителей. Кроме того, высказывалось мнение, что роль Абдуллы Мунши искусственно преувеличивались колониальными исследователями. Казалось бы, в XX в. с подъемом национализма в Малайе его творчество совсем теряло актуальность.

Тем не менее, знакомство с довоенной малайской прозой не дает оснований с этим согласиться. Примером может служить

произведение Шамсуддина Саллеха (1905–1977) *Зерцало общения в нашем мире* (1940), печатавшееся серийно в одной из газет как «рассказ», однако объемом скорее соответствующее повести. Именно большой объем позволил автору развить многоходовый сюжет, вначале имеющий черты [авто]биографического повествования, а затем — путевых заметок.

В первой части автор излагает историю главного героя, многие события жизни которого находят параллели в биографии самого Шамсуддина. В определенный момент герой вынужден отправиться странствовать, — описание его путешествий составляет вторую часть произведения. Наряду с явно вымышленными деталями и сюжетными линиями, *Зерцало...* содержит много достоверных сведений о посещаемых героем местах, вызывая прямые ассоциации с «Повестью о плавании Абдуллы». Более того, часть маршрута, которым следует герой Шамсуддина, совпадает с маршрутом Абдуллы. Обоих писателей интересует положение и образ жизни местного населения, оба настроены сильно критически и высказывают соображения относительно способов улучшения положения дел.

Как националист Шамсуддин Саллах максимально далек по убеждениям от англофила Абдуллы. При этом оба они одним из главных средств решения проблем видят в просвещении местного населения. Учительный пафос произведений автора XX в. органично реализуется в жанре, которому столетием ранее придал разработанную форму его предшественник. Биография и путевые заметки позволяют проиллюстрировать авторскую концепцию, что в равной степени важно для обоих литераторов. Неслучайно черты этих жанров также обнаруживаются в творчестве ряда современников Шамсуддина. Таким образом, влияние наиболее крупного литератора переходного периода в развитии малайской словесности непосредственно сказывается уже в эпоху современности. Жанровые особенности автобиографической и путевой литературы оказываются востребованными для художественной реализации идеологически нагруженного замысла.

В. Г. Курочкин

**Проблематика интерпретации
Дневника сновидений Мёэ**

Мёэ (1173–1232) — выдающийся монах школ Кэгон и Сингон, объединивший космологию и схоластику первой с ритуальной практикой второй. Его кисти принадлежит более 50 работ, написанных в самых разнообразных жанрах: философские трактаты, руководства по медитации, путевые записки, пророчества, кодексы поведения, письма, полемические произведения, дневник снов и др. Характерной особенностью Мёэ было единство проповедуемого и практикуемого в повседневной жизни. Мёэ оставил большое поэтическое наследие в жанре вака. Как автор вака он был удостоен высочайшей оценки Фудзивара Тэйка, непрекаемого авторитета в мире поэтического искусства классической Японии. Вака Мёэ также цитирует Кавабата Ясунари в своей Нобелевской лекции «Красотой Японии рождённый», где Мёэ назван «певцом луны».

Мёэ вел дневник сновидений на протяжении 40 лет с 1191 по 1231 г. Традиция записи сновидений в Японии была уже давней к концу XII века.

Проблематика интерпретации данного памятника как целостного произведения связана:

- с небольшой историей его изучения на родине;
- отсутствием до недавнего времени полного перевода на современный японский язык (1981 г. — сокращённый перевод, выполненный Дзюн Кубота и Акихо Ямагути [1]. 2015 г. — комментированный перевод Исао Окуда, Таэ Хирано и Кенити Маэгава [2]);
- наличием нескольких источников хранения (Храм Кодзандзи и пр.);
- отсутствием или утратой точной датировки частей дневника;
- утратой знаков или невозможностью понимания значимых частей текста;
- авторскими рисунками (символы), пометками неустановленного характера.

Помимо структурно-исторического подхода к изучению памятника, популярной стала попытка психологического осмысления, сделанная в 1995 году психологом и психиатром, родоначальником японского юнгианства Хаяо Каваи (1928–2007) [5].

Особенно стоит отметить книгу писателя и коллекционера изящных искусств Ширасу Масако (1910–1998) «Достопочтенный Мёэ» [4], в которой произведена попытка поэтического осмысления памятника.

Философский подход к изучению дневника, а также и остальному творчеству Мёэ (поэзия вака и т. п.) обязан Кэнити Маэгава [3]. Именно эта работа позволяет понять ландшафт его жизни, где объединены практика буддийского монаха с творчеством поэта и автором дневника сновидений.

Основная литература

1. *Дзюн Кубота, Акихо Ямагути*. Литературное собрание Мёэ. Иванами бунко, 1981.
2. *Исао Окуда, Таэ Хирано, Кэнити Маэгава*. Комментированный перевод Дневника сновидений Мёэ. Бэнсэй, 2015.
3. *Кэнити Маэгава*. Философское изучение Мёэ. Ходзокан, 2012.
4. *Ширасу Масако*. Достопочтенный Мёэ. Коданся, 1992.
5. *Хаяо Каваи*. «Жизнь и сны Мёэ». Коданся, 1995.

С. В. Никольская

От первого лица: образ автора в современной китайской прозе

Для правильного восприятия художественного произведения важно учитывать, кто и как ведет повествование. Образ автора это и концентрированное воплощение сути произведения, и образ создателя художественного текста, возникший в сознании читателя. Это понятие больше относится к сфере восприятия, чем материального выражения, а сам образ творится на базе структуры текста. Большие возможности для понимания соотношения образа автора с личностью писателя и разными типами повествователей дают произведения, написанные от первого лица.

Повествование от первого лица не только дает возможность показать внутренний мир героя, расставить нужные эмоциональные акценты, но и создает трудности. Автор не может поведать о событиях, свидетелем которых не был, должен присутствовать во всех ключевых сценах, рисовать картины через зрительные ощущения «я».

Дневники, записки, письма — наиболее распространенные формы такого повествования, и китайские писатели прибегают к ним. С конца XX в. дневники и письма утрачивают актуальность, но всё чаще появляются произведения малой и крупной формы, написанные от первого лица.

Хотя «я» — заявка на тождество нарратора и автора, не всегда удается составить представление о самом писателе. Как же отражается писатель в зеркале творчества? Вариантов несколько. Во-первых, повествование от имени автора-персонажа. Ярким примером является творчество Сань Мао, особенно сборник «Рассказы из Сахары». Сань Мао не надевает маску вымышленного героя, а от собственного имени ведет разговор с читателем. В бессюжетной прозе «саньвэнь» к такому же приему прибегает Ван Сяобо, который стремится передать прежде всего личные чувства и эмоции, а уж потом нарисовать портрет человека своего поколения.

Еще один вариант повествования от имени автора-персонажа можно увидеть в творчестве эссеиста и очеркиста Ши Кана. Повествователь находится на периферии фабульного пространства, в основном говорит о других. Его невидимое присутствие постоянно ощущается в тексте, но о личности писателя создается лишь общее впечатление.

Интересный вариант повествования от имени героя-рассказчика выбирает Чи Цзыцзянь. Её «Сказки Северной деревни» написаны от лица семилетнего ребенка, отправленного на время к бабушке. Писательница находит оптимальный вариант — рассказ уже выросшего героя о событиях десятилетней давности. Стил повествования постоянно меняется. Мы слышим речь то героя-рассказчика, то автора, мнение которого не всегда совпадает с мнением этого рассказчика.

Роман той же Чи Цзыцзянь «На правом берегу реки Аргунь», в котором речь идет о жизни, быте, нравах, обычаях и верованиях

эвенков, тоже написан от первого лица. С первых страниц романа формируется образ героя-рассказчика. 90-летняя старейшина племени, самой природой наделенная мудростью, — полуреальный, полуфольклорный персонаж, которому позволено видеть то, что другим не дано, поэтому рассказанное не подвергается сомнению. Герой-рассказчик повествует об уже свершившихся событиях, а сам автор предстаёт наблюдателем и исследователем, стремящимся показать всё во времени и пространстве. Как писатель же, стоящий вне структуры текста, Чи Цзыцзянь так и остается для читателя загадкой.

В произведениях, написанных от первого лица, автор может предстать воплощением триединства «писатель-автор-повествователь», что дает читателю возможность понять его как личность.

Иногда автор не стремится до конца раскрыться перед читателем. Он как наблюдатель создает определенное настроение, которое формирует представление о его личности.

Специфический герой-рассказчик позволяет писателю скрыться под маской, стать посредником между героями произведения и читателем, но остаться для него *terra incognita*.

Е. А. Оганова

Суфийские мотивы в современной турецкой драматургии

В современной турецкой литературе суфийские мотивы отчетливо прослеживаются как в драматургии, так и в прозе. Впервые они нашли свое отражение в романе нобелевского лауреата Орхана Памука «Черная книга» (1985–1989), где автор в аллюзивной форме переходит от прямого поиска — пропавшей возлюбленной главного героя — к поиску бога, поиску счастья человеком внутри себя и в мире, что коррелирует с основными суфийскими постулатами.

Пик интереса к суфийской проблематике приходится на первую декаду XXI в., когда появляется целый ряд романов, в которых авторы непосредственно обращаются к суфийским идеям. Характерно, что их создатели — популярные, и, как принято гово-

рять, самые «высокорейтинговые» авторы, произведения которых издаются рекордными для Турции тиражами. Это, прежде всего, конкурирующие между собой романы Ахмеда Умита «Врата тайн» (2008) и Элиф Шафак «Любовь» (2009), а также роман Искендера Палы «Ода» (2011), посвященный жизни суфийского поэта Юнуса Эмре.

В драматургии наиболее интересными в этом отношении являются пьесы Реджепа Бильгинера «Мевляна» (2001) и Озена Юлы «Шемс! Не забывай!» (2008). Последней пьесе и посвящено настоящее сообщение.

В основе данной пьесы авторская интерпретация жизни великого суфийского мыслителя Джелялеddина Руми (XIII в.) в период после его разлуки с другом и наставником Шемси Тебризи. При том, что взаимоотношения Шемса и Руми окружены различного рода преданиями, наставник Руми — лицо историческое. Взгляды Шемси Тебризи представляли собой соединение постулатов мусульманского нормативного богословия, братства каландарийа и школы Абу Йазида Бистами. Он отрицал любые культовые и религиозные предписания, не признавал религиозных различий между людьми, утверждая, что сущность любой религии есть вера в Бога, а не ее ритуальные отправления. Встреча с Шемси Тебризи коренным образом изменила жизнь и мировоззрение Дж. Руми: все события, переживаемые им после таинственного исчезновения Шемси Тебризи, рассказанные в многочисленных легендах, выглядят как результат душевного слома, круто изменившего жизненный уклад Руми. Руми признает Шемса своим наставником, вместе с другими его послушниками участвует в суфийских радениях, а впоследствии переносит их в стены медресе, что до него никогда не практиковалось.

Авторская стратегия в пьесе «Шемс ... не забывай» О. Юлы проявляется уже в самом предисловии, где он лукаво сокрушается: «К сожалению, в этой пьесе нет ни Мевляны, ни Шемса», их образы складываются из воспоминаний других персонажей. В пьесе изображен период после загадочного исчезновения Шемса.

Персонажами пьесы являются Незнакомец, два сына Дж. Руми — Султан Велед и Алааддин, приемная дочь Кимья, жена Керра Хатун и Тавус Хатун, от лица которой ведется повествование.

Пьеса написана, как указывает сам О. Юла, «опоэтизированным волшебным языком». В пьесе нет действия как такового, и, видимо, задумкой автора, обратившегося к такой форме изложения, было еще раз апеллировать к поэзии как основному средству выражения философии суфизма, что неоднократно отмечалось исследователями суфизма и суфийской литературы (Е. Э. Бертельс, М. Л. Рейснер и др.). Словесная ткань пьесы тесно соприкасается с художественно-изобразительным рядом, с характером перемещения персонажей по сцене. По замыслу драматурга, опоэтизированные диалоги персонажей сопровождаются иллюстрацией картин, выполненных в стиле «эбру», персонажи передвигаются так, как будто исполняют ритуальный суфийский танец «сема», который традиционно сопровождал суфийские радения, и пр.

Из диалогов героев мы узнаем, что Дж. Руми испытывает страшную тоску в связи и исчезновением Шемса, он заперся у себя в комнате и уже много дней не выходит оттуда, не желает ни с кем видаться. Преданная ему жена Керра Хатун и сын Велед, зная, что тело Шемса уже семь дней покоится на дне колодца, пытаются скрыть от Дж. Руми правду (кто убил Шемса в пьесе не говорится, однако в ряде источников, посвященных жизни Дж. Руми, открыто указывается, что к смерти Шемса был причастен Алааддин).

В пьесе нет никаких прямых характеристик, данных Шемсу со стороны других персонажей, нет также и комментариев персонажей по поводу взаимоотношений Дж. Руми и Шемса. Единственным, кто отчетливо не принимает Шемса и считает его источником всех бед, постигших его семью и его лично, является младший сын Руми Алааддин: девушку, в которую Алааддин был влюблен и которая отвечала ему взаимностью, — приемную дочь Дж. Руми Кимью — Дж. Руми отдает замуж за Шемса в надежде удержать его возле себя. Как известно, Кимья через некоторое погибает, в пьесе О. Юлы присутствует ее дух, который беседует с Алааддином и призывает его не держать зла на отца и на Шемса.

Те или иные идеи суфизма постоянно мелькают в пьесе, будучи вложенными в уста разных персонажей, все отношения между ними измеряются силой любви ученика и учителя — Дж. Руми и Шемса.

К. Т. Осипова

**Вкус литературной эпохи:
средневековые арабские ученые
о еде и питье**

Арабская гастрономическая культура складывалась под сильным влиянием греко-римской и персидской кулинарных и пиршественных традиций, тем самым образуя сложный межкультурный сплав. Каждая кулинарная традиция обладала своим узнаваемым аудиторией набором текстов, знаков, вкусов. Греческую, персидскую и арабскую культуру роднило отношение к пиршеству как пространству, где в доверительной атмосфере может быть высказана истина. В то же время такое собрание регламентировалось жесткими нормами поведения и порядком организации коммуникации между собравшимися.

Сборники рецептов и руководства по кулинарному мастерству активно составлялись в IX–X вв. Это были трактаты на стыке *адаба*, медицины и диететики. Из них до нас целиком дошел только труд IX в. Ибн Саййара ал-Варрака «Китаб ат-табих».

Представление о других народах в значительной мере формировалось на основе предпочитаемой ими пищи и напитков. Так, известный арабский филолог Ибн ал-Му‘тазз (ум. 296/908), предлагает классификацию народов согласно видам вина, которые пользуются среди них популярностью: «Самыми искусными в вине были греки: они выбирали красное вино за [усиление циркуляции] крови. Персы любили золотистое вино за цвет, сладость и схожесть с пламенем. А вот арабы лучше кого бы то ни было воспели вино и его качества». Подобные описания помогают реконструировать достоинства и недостатки, приписываемые народам, с которыми контактировали средневековые арабы.

Вино и еда были отправной точкой многих диспутов за столом, а поэтические мотивы, связанные с достоинствами качественной пищи, работали на мультисенсорное эстетическое наслаждение от пиршества.

М. Л. Рейснер

**Жанровые типы рамочных текстов
в персидской классической поэзии
(X–XV вв.)**

В теории литературы имеется два различных толкования понятия «рамочный текст». В общем смысле — это «эстетическая дистанция» между миром произведения и первичной реальностью». В более узком терминологическом смысле под *рамочным текстом* подразумевается совокупность компонентов (имя или псевдоним автора, заглавие, подзаголовок, эпиграф, авторские предисловия, примечания), графически отделенных от основного текста. Это второе значение и служит основой настоящей работы, в которой представлены различные типы рамочных текстов, характерные для определенных жанров персидской классической поэзии.

Начнем с заглавий эпических произведений. В персидской классической литературе им отводится роль жанрового маркера. Тип названия, представляющий собой композиты со словом *нама* («книга»), восходит еще к доисламскому периоду (например, пехлевийское сочинение «*Арта Вираз намак*» — «Книга о праведном Виразе»). Он указывает на героический, историко-философский или дидактический характер сочинения — «Шах-нама» Фирдоуси, «Гиршасп-нама» Асади Туси, «Искандар-нама» Низами. Название, состоящее из мужского и женского имени с соединительным союзом или, редко, без оно, указывало на то, что произведение принадлежит к любовно-романическому эпосу. Таких названий известно множество. Вот лишь некоторые: «Вис и Рамин» Фахр ад-Дина Гургани, «Хосров и Ширин» и «Лайли и Маджнун» Низами, «Йусуф и Зулейха» и «Саламан и Абсал» Абд ар-Рахмана Джами.

В XII в. появляется особая группа арабоязычных названий, объединяющая философско-дидактические и аллегорические касыды и поэмы. Основоположителем традиции таких заглавий выступил Санаи, автор первой великой суфийской поэмы «Сад истин» (*Хадикат ал-хакаик*). Его перу принадлежат и первые касыды с названиями, например, «Молитва птиц» (*Тасбих ат-туйур*). Эти названия построены по единой грамматической схеме (слово в ед.

числе + артикль *ал* + слово во мн. числе). Таким образом, эти заголовки объединяет тексты двух разных жанровых форм, сигнализируя об их философско-дидактическом или аллегорическом содержании.

В персидском классическом эпосе рамочные тексты занимают значительное место. Сама структура поэмы (*маснави*) любой тематической разновидности предполагает развитую авторскую интродукцию. В одной из вводных глав сочинитель касается причин написания поэмы, выбора сюжета, отношения с предшественниками, если история уже была объектом поэтической обработки.

В касыде и газели также имеются рамочные тексты, выполняющие и важные композиционные задачи. Прежде всего, к рамочным текстам в обеих жанровых формах следует отнести стандартные концовки с упоминанием литературного имени автора (*тахаллус*). В касыде такое завершение не может считаться основным, а в газели оно становится регулярным и выступает как один из жанровых признаков. Литературное имя поэта часто упоминается в контексте самовосхваления (*фахр*), являясь одновременно и способом вычленения значимых элементов структуры произведения. Если вернуться к принципам оформления концовки стихотворения, то в качестве особого типа рамочного текста можно выделить упоминание поэтом названия жанровой формы, в которой создано произведение. Такой способ завершения встречается и в касыдах, и в газелях, и в кыт'а. Контекстом таких упоминаний также может служить самовосхваление поэта.

Исследование показало, что рамочные тексты в персидской классической поэзии развивались по мере становления литературного канона и были тесно связаны с «жанровым образом автора» (Л. Я. Гинсбург). Это определило их содержание, маркирующие и структурные функции в произведении, а также нормативные способы их словесного оформления.

Основная литература

1. Гинсбург Л. Я. О лирике. 2-е изд., доп. Л., 1974.
2. Рейснер М. Л. К проблеме сравнительного изучения иранской и арабской поэтики (характеристика категории «тахаллус») / Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. 1983, № 4. С. 54–64.

3. Чернец Л. В., Семенов В. Б., Скиба В. А. Рамка / Школьный словарь литературоведческих терминов. 4-е изд., доп. М.: «Просвещение», 2013. С. 128–135.

М. М. Репенкова

**Поэтика турецкого дамского романа
на примере творчества Джанан Тан**

Дамский (розовый, любовный) роман — один из ведущих жанров турецкой массовой литературы. Он во многом копирует стиль американских мелодраматических романов, создающихся по принципу экрана (глянцевого журнала, плаката, фильма, комикса и т. п.). Структура подобных произведений, в которых автор говорит с читательницами от лица коллективного женского «я», предполагает плоскостное восприятие действительности — изображение повседневной жизни в бытовых деталях, призванных вызывать иллюзию достоверности происходящего. В трогательно-сентиментальных жизненных историях о любви со счастливым концом, психологизация и поэтизация внешнего (интерьер, одежда, аксессуары) сочетается с разбросанным по отдельным эпизодам романтическим пафосом, что и составляет основу дамской «эстетики грёз».

Одновременно турецкий дамский роман задаёт образ реальности, близкий национальной читательской аудитории, отражает стереотипы национального массового сознания. Типовой иллюстрацией данного жанра являются романы Д. Тан (р. 1951) «Пирайе» (Piraye, 2003) и «След» (İz, 2012), в которых особый интерес привлекают национальные жанроспецифические особенности.

Романы Д.Тан монологичны. В них господствует точка зрения главных героинь, которые ведут повествование, по-своему организовывая художественное время и пространство. Основное содержание занимает описание душевных переживаний Пирайе («Пирайе») и Верды («След»), связанных с их семейной жизнью. Если западный дамский роман венчает обязательный хэппи-энд, то в турецком любовном романе такой финал не является жёстко обя-

зательным. «Розовая» краска размывается у Д. Тан «чёрной», когда муж Пирайе Хашим, не выдержав разрыва с любимой женой, бросается под пули соседа-фермера и погибает. Сама же Пирайе занимает место умершего отца в его частном стоматологическом кабинете и осуществляет успешную профессиональную карьеру. Так своеобразно реализуется мифологема Золушки: была обычной домохозяйкой — стала востребованным врачом.

Смерть любимого отца (известного адвоката Ведата Караджана) фактически разрушает семейную жизнь Верды, которая ведёт последнее дело отца и одновременно расследует причины его самоубийства. В процессе расследования Верда знакомится с адвокатом противоположной стороны Вуралом Тюркоглу и влюбляется в него. С большим трудом мужу героини Бюленту удаётся отговорить её от развода, но вернуть семейное счастье у супругов не получается. Отсутствие благополучия в браке компенсирует профессиональная состоятельность героини. В ходе расследования Верде удаётся узнать, что её богатые подзащитные (семейство Арсланлы) — люди бесчестные, имеющие на своём счету несколько убийств, шантажировали Ведата Караджана преданием огласке его внебрачных связей в случае отказа от процесса, что и подтолкнуло его к самоубийству. Верда не желает пятнать своё честное имя, отказывается от ведения дела и огромных денег. Таким образом, в обоих романах линия социального роста героинь налицо. Это отражает смену ценностных ориентиров в турецком массовом сознании. Стереотип успешной турецкой женщины связывается Д. Тан с её профессиональной деятельностью, причём предпочтение автор отдаёт творческим профессиям (частный врач, адвокат).

Характеры героев-мужчин в романах Д. Тан традиционны. Они интерпретируются на уровне неизменных амплуа — сильные, властные, надёжные. Обычно мужья старше героинь (они становятся для жён учителями, в том числе и в искусстве любви). Герои-мужчины представлены в ореоле богатства, высокого положения в обществе. Д. Тан стремится добиться правдоподобия в наборе позитивных качеств, сосредоточенных в одном человеке. Поэтому она делает героев-мужчин выходцами из общества, мало

знакомого читательницам и самим героиням. В «Пирайе» Хашим является представителем древнего и богатого семейства землевладельцев из города Диярбакира, образ жизни которых потрясает героиню своей патриархальной традиционностью. В «Следе» Бюлент представляет журналистскую среду Стамбула, чьи вольные нравы чужды Верде.

В обоих романах используется специфическая форма освоения реальности. В них мир чётко делится на будничные (дом, работа, магазины) и внебудничные (любовные встречи в отелях на фоне экзотической природы), с которыми связаны романтические линии произведений. Романические путешествия призваны, как правило, примирить героев после размолвки. Грани романтического в романах разнообразны, поскольку герои живут или стремятся жить в мире красоты. Это проявляется в мечтательной созерцательности Пирайе и Верды. Обе героини мечтают о большой и светлой любви, о принце на белом коне, образ которого отмечен печатью таинственности.

Романы Д. Тан не лишены шаблонности и формульности, проявляющихся в следовании образцам западного дамского романа с его тематическим и сюжетным схематизмом (разработка образа новой Золушки — профессионально состоявшейся современной женщины, для которой успех на работе, уважение коллег становятся зачастую важнее личного счастья). Существование подобных аналогий обусловлено как сменой аксиологических ориентиров современного мира вообще, так и изменениями в жизни турецкого общества в частности. С другой стороны, шаблоны и формулы корректируются у Д. Тан национальной художественной традицией, в которой любовные истории испокон веков завершались несчастливым слезливым концом, а эротическая составляющая во взаимоотношениях влюблённых затухала.

Основная литература

1. Купина Н. А., Литовская М. А., Николина Н. А. Массовая литература сегодня. М., 2010.
2. Tan C. Piraye. İstanbul, 2013.
3. Tan C. İz. İstanbul, 2014.

Я. И. Родионова (Куницкая)

**Поэма «Сват-нама» Хушхал-хана Хаттака
(XVII в.): между дневником путешествия
и политической инвективой**

Поэма «Сват-нама» Хушхал-хана Хаттака — политического деятеля и основоположника литературы на языке пушту — является одним из самых оригинальных произведений автора, ярко демонстрирующих его творческую манеру. Рассказ Хушхал-хана о поездке в провинцию Сват содержит многочисленные сведения различного характера: политического (информация о лидерах племен), исторического (события того времени), географического (местоположение, климат и т. д.) и социального (уклад жизни и быта). В связи с этим, поэма привлекает внимание широкого круга исследователей и, в первую очередь, специалистов по истории и этнографии Афганистана. В филологических работах поэма используется, в основном, в качестве материала для реконструкции достоверной биографии автора. Примерами подобных исследований могут служить статья советского афганиста В. В. Кушева «Поэма Хушхаль-хана Хаттака «Сват-нама» как автобиографический источник» и исследования знатока пуштунской классики М.С. Пелевина.

Литературоведческие аспекты анализа поэмы «Сват-нама» как памятника словесности, созданного на первом этапе становления литературы на языке пушту, по существу на данный момент затронуты не были. Этот доклад стремится показать специфику поэмы в свете проблемы рецепции традиции персидской классической литературы в творчестве Хушхал-хана Хаттака. Ключевым здесь является вопрос жанровой природы поэмы, поскольку в «Сват-нама» поэт наиболее ярко проявляет индивидуально-авторские возможности преобразования канонических жанровых моделей.

Хотя в большинстве работ поэма характеризуется как дневниковые записи, «Сват-нама» демонстрирует преемственность по отношению сразу к нескольким жанровым разновидностям традиционной словесности:

- географической литературе, берущей свое начало в арабской прозе;
- персидской придворной поэзии, в особенности XI–XII вв., во всем разнообразии ее тематических вариантов;
- персидской назидательной поэзии, созданной представителями религиозных течений;
- биографической литературе разных типов.

Такие специфические черты поэмы как композиционная дискретность, стилистическая и содержательная неоднородность свидетельствуют о том, что «Сват-нама» скорее тяготеет к мемуарам с элементами «публицистических очерков» нежели непосредственно к дневниковым записям.

Мемуарная структура поэмы приводит и к усилению авторского начала: «Сват-нама» наполняется реальными историческими и этнографическими деталями, фактами авторской биографии и эмоционального настроения сочинителя. При этом Хушхал-хан применяет метод тенденциозного отбора как к фактам собственной жизни, так и к жанровым приемам подачи материала в поэме. Этот отбор направлен на реализацию ключевого идеологического посыла поэмы: призыва к борьбе за освобождение пуштунов от власти Великих Моголов.

Вследствие такого замысла в поэме широко представлены мотивы политической инвективы, тяготеющие к форме памфлета: критика социального поведения различных племен, сатира на идеологических и литературных противников автора. Кроме того, подобная полемическая направленность обуславливает и свободное проникновение в поэму национальных афганских элементов: категорий племенного кодекса чести *пуштунвалай*, фольклорно-эпических клише и т.д.

Таким образом, Хушхал-хан Хаттак создает «Сват-нама» на основе разнородных жанровых элементов, объединенных авторским замыслом и личностной позицией. Сформированное жанровое сращение, характеризующееся значительной долей индивидуально-авторских новаций, отвечает общему представлению сочинителя о просветительских задачах поэзии как базиса воспитания идеального представителя единого афганского народа.

Основная литература

1. Khushhaal-khan Khattak Armaghaan-e Khushhaal. Pashto Tolana, 1966. С. 1017-1034.
2. Кушев В. В. Поэма Хушхаль-хана Хаттака «Сват-нама» как автобиографический источник // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XXII/2. М.: ГРВЛ, 1989.
3. Пелевин М. С. Афганская литература позднего средневековья. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. С. 176–187.

А. Р. Садокова

Жанры японской несказочной прозы

Устная народная проза любого народа, согласно классификации, принятой в отечественной фольклористике, делится на три группы — сказочная проза, несказочная проза и небылицы. При этом самую большую группу представляет несказочная проза, включающая, как минимум, такие жанры, как легенда, предание, быличка и бывальщина. Легенды — это рассказы с явно выраженным религиозным содержанием; они направлены на поддержание религиозного культа любого уровня. Предания призваны выполнять краеведческую функцию, и пробуждают в слушателе гордость за свой край — за его историю, за людей, за красоту и необычность местного рельефа и пейзажа. Былички и бывальщины же повествуют о демонологических персонажах, с которыми рассказчику пришлось якобы встретиться самому или же он слышал об этом от кого-то авторитетного с точки зрения народного знания лица.

Однако при всем разнообразии функций, которые выполняют произведения названных жанров несказочной прозы, все их объединяет одно: установка на достоверность. И в этом принципиальное отличие несказочной прозы от прозы сказочной, у которой явно выражена установка на вымысел. То есть любые произведения несказочной прозы призваны убедить слушателя в том, что рассказанная история — это чистая правда, чему рассказчик всегда найдет массу подтверждений: покажет камень, который «с тех пор тут лежит», приведет достаточное количество исторически достовер-

ных фактов, обратит внимание на реально существующее название деревни, горы или реки.

Таких историй немало в фольклоре любого народа, но в японской традиции они являются определяющими, что представляется вполне закономерным. Дело в том, что, будучи горной страной, Япония всегда была трудна для передвижения и «жизнь за горой» представлялась нередко как недостижимая и нереальная. Это способствовало повышению внимания к событиям и людям, проживающим в пределах досягаемости и как следствие — к появлению большого числа народных повествований, связанных с героями, культурными достижениями и природными объектами небольшой по размеру территории, то есть «своей» деревни или «своего» района.

Для обозначения этих народных повествований в японской науке используется термин *дэнсэцу*. И хотя словари переводят его как «легенда», с точки зрения нашей науки, термин *дэнсэцу* многозначен и понимается как «несказочная проза», потому что к жанру *дэнсэцу* в японской фольклористике относятся и легенды, и предания, и былички.

Конечно, японская классификация выглядит иначе: в ее основе лежит не функциональное назначение текста, а его содержательная сторона. При этом в современной японской науке известно довольно большое число классификаций *дэнсэцу*. При всех различиях, они имеют много общего. Классификации, как правило, насчитывают от десяти до двадцати разделов. Например, в разных вариантах выделяются повествования о великанах, о синтоистских и буддийских божествах, о великих монахах и святых, о домах, храмах и сокровищах, а также подробно рассматриваются природные объекты. В отдельные группы любая из классификаций выделяет повествования о воде (о реках, прудах, непроточных водах), о камнях (в том числе об утесах и скалах). При этом тексты о горах и о склонах всегда представлены в двух отдельных группах, никак не связанных с группой «Камни». Также есть самостоятельная группа народных повествований о горячих источниках и их чудодейственной силе.

В зависимости от района Японии те или иные группы народных повествований-*дэнсэцу* являются определяющими, но самыми

распространенными можно считать топонимические предания, а также синтоистские и буддийские легенды локальных храмов.

О. А. Сапожникова

**Творчество С. Буяннэмэха:
новая драматургия монголов XX в.**

С. Буяннэмэх (1902–1937) по праву считается первым монгольским драматургом и театральным режиссером в XX в. С его именем связана история создания нового монгольского театра и драматургии в августе 1921 года (почти сразу после победы Народной революции). В арсенале театрального кружка, перед которым стояла задача развития нового для монголов вида искусства, не было ничего, кроме опыта «домашних» представлений, которые, в свою очередь, имели два источника: китайские музыкальные спектакли и религиозные мистерии.

Записей большинства первых постановок театрального кружка не сохранилось. Известно, что долгое время ставились китайские пьесы или разыгрывались сказки в виде диалогов нескольких актеров на сцене. Первую оригинальную пьесу «Краткая история последнего времени или Сандо амбань» С. Буяннэмэх написал и поставил в 1922 г. Она была посвящена изгнанию из Монголии последнего наместника маньчжурского императора Сан-До. В пьесе была отражена реальная историческая ситуация: без разрешения маньчжурского *амбана* (наместник) монгольские *ноены* (князья) не могли решить ни одного вопроса. Все это привело к тому, что во время революции 1911 года Сан-До был с позором изгнан из Монголии, а страна, освободившись от иностранного гнета, стала автономной, духовным и светским правителем был избран Богдыхан Джебдзундамбахутухта. Пьеса пользовалась большим успехом и была по своей сути политической сатирой.

В 1928 году репертуар театрального кружка пополнился еще тремя оригинальными пьесами: «Ночной орел», «Юноша богатырь Тэмуджин» (*Баатар хөвгүүн тэмүүжиний түүх*) и «Марал и Шар».

Две из трех пьес принадлежали С.Буяннэмэху. «Юноша богатырь Тэмуджин» и «Марал и Шар» (*Марал Шарын жүжиг*) стали не только свидетельством достижения нового уровня в театральном искусстве, но и пользовались большой популярностью у зрителей. С. Буяннэмэху удалось создать произведения, равных которым в Монголии еще не было.

С. Буяннэмэху выпала роль просветителя. Он, как и все просветители, признавал активную общественную роль искусства, отстаивал поучительное значение театральных постановок. Его волновали не столько исторические события, происходящие в стране, сколько люди, которые стали жертвами феодального и религиозного гнета. Аратам, находящимся в плену алчных и нечестных феодалов и лам, посвящены две его пьесы под названиями «Пути трех ядов» (*Гурван хорын хүлээс*) и «Ночной Злой черт» (*Шөнийн буг*), написанные в 1930-е годы. Тексты пьес изданы не были.

Благодаря влиянию традиций русского театра росло мастерство монгольских драматургов и актеров. В 1933 году было принято решение продемонстрировать успехи монгольского театра на Международной олимпиаде революционных театров в Москве. Выбор пал на пьесу С. Буяннэмэха под названием «Темная власть» (*Харанхуй засаг*), которая заняла особое место в его творчестве. В произведении рассказывается о тяжелой судьбе монгольского народа дореволюционной Монголии. «Темная власть» считалась одним из лучших произведений монгольской драматургии того времени. Конкуренция на Международной олимпиаде была серьезная: за первое место боролись 26 театральных коллективов. Пьеса С. Буяннэмэха имела большой успех и удостоилась первой премии.

Вклад С. Буяннэмэха в развитие театрального искусства и драматургии Монголии огромен и бесценен: он не только стал автором первых монгольских пьес, но и был успешным режиссером и актером. Благодаря его незаурядному таланту появился монгольский театр и за непродолжительный срок приобрел свой уникальный национальный колорит.

В. В. Сафронов**Египетская литературная критика XX в.:
Саляма Муса**

Литературная критика египетских обновителей представлена тремя именами — Таха Хусейна, Аккада и Салямы Мусы. Последний отличался наибольшим радикализмом.

Саляма Муса родился в 1887 г. Более 50 лет занимался сочинительством и распространением гуманистических и научных представлений, выступая с левых политических позиций, оказав серьезное влияние на формирование молодого поколения.

Среди наиболее известных работ «Свобода мысли и ее последователи в истории», «О жизни и литературе», «Теория эволюции и происхождение человека», «Литература для народа», «Путь славы для юношества».

Саляма Муса находился под воздействием идей Ницше, опубликовав книгу «Пришествие сверхчеловека». Годы его жизни в Париже связаны с увлечением коммунистической газетой «Юмани́те», время проведенное в Англии, связаны с увлечением фабианским социализмом Герберта Уэлса и Бернарда Шоу, а также марксизмом.

В 1921 г. основал Египетскую социалистическую партию.

Сотрудничал с различными периодическими изданиями.

Обостренный интерес к поиску социальной справедливости Салямы Муса оказал влияние на тематику романов будущего лауреата Нобелевской премии по литературе, крупнейшего египетского прозаика Нагиба Махфуза.

И. И. Семененко**Комментарий в литературной теории
Чжу Си**

В средневековой китайской поэтике основным критерием, по которому определялась литературность произведения, было наличие

словесного «украшения» *вэнь* 文, или, иначе говоря, отточенность стиля. Литература, собственно, и отождествлялась с этой *вэнь*. Крайние конфуцианские моралисты считали вредной ее для словесности. Но с древности в китайской поэтике нередко преобладала средняя линия в отношении украшенного слова. К ней в какой-то степени был близок один из крупнейших средневековых китайских мыслителей Чжу Си (1130–1200). Принимая метафору Чжоу Дуньи (1017–1073) о литературе *вэнь* как «повозке», в которой «перевозят путь», он в то же время объяснял их соотношение растительной аналогией с различными частями дерева: «Путь — это корень и ствол литературы, а литература — это ветви и листья пути».

Под путем *дао* он понимал принцип *ли* — высшую категорию своей философии. *Ли*, проявляясь абсолютно во всем, обязательно воплощается и в *вэнь*. Уже одна такая неразрывная связь с *дао* обуславливает необходимость литературы для его передачи. Поэтому Чжу Си не мог пренебрегать словесной красотой, но ставил ее в зависимость от основных правил своей поэтики: (1) необходимость для литературного творчества «уяснения принципа» *мин ли*; (2) такое «уяснение» достигается только при «пустоте и покое» *сюй цзин* сердца в соответствии с неоконфуцианским положением: «сохранять небесный принцип, уничтожать человеческие желания», равнозначные эгоистическим эмоциям; (3) передача *дао* подразумевает наряду с сообщением смысла и определенную выразительность, образность — здесь Чжу Си в историческом споре между Су Ши и Сыма Гуаном о значении иероглифа *да* в изречении Конфуция: «От речи требуется только выразительность» *Цы да эр и* встает на сторону Су Ши, который, в отличие от своего оппонента, считал, что «словесная красота проистекает уже от самого акта успешной передачи» (Иероглиф *да* может означать не только передачу одного смысла сообщения, но и его выражение, то есть выразительную передачу, обладающую некоторой образностью, красотой формы); (4) эта передача как спонтанное самовыражение без специальной работы над словесной красотой: «Если беспечно занимаются учением, чтобы уяснить принцип, то са-

мопроизвольно высказываются и создают прекрасные произведения», по примеру «благородных мужей древности», которые и, «не обучаясь поэзии, были к ней способны». Хотя Чжу Си высоко ценил подражание древним образцам, он не считал его необходимым в момент творчества, когда правилам следуют вполне безотчетно.

Такую естественную, непреднамеренную красоту слова он допускал и для экзегезы: «[Что касается] комментариев, [то] в древних комментариях (*чжу*) не создавали словесных украшений, но [они] были прелестны. Прелестней всего было то, что в каноне приводили только толкования по фразам и не отходили от его смысла. И так же [поступали] во вторичных комментариях (*шу*). А современные люди, поясняя книги, стремятся создавать [в них] словесные украшения и добавляют еще риторические пояснения, всеми способами плодят сомнения. Поэтому хотя их произведения можно читать, но они далеки от смысла канона. Учитель Чэн (Чэнцзы) свой “Комментарий к ‘[Канону] перемен’ ” тоже сделал словесно украшенным и написал много толкований. Поэтому современные читатели уже больше не читают текста канона, а читают только комментарии, и [это] не побуждает людей мыслить».

Рассмотренные положения поэтики Чжу Си не представляли чего-то абсолютно нового. Их источники можно найти в предшествующей китайской поэтике. Но новым в них было то, что ими создавалась, наряду с «литературной ортодоксией», ортодоксальная поэтика. В соответствии с ней снималась какая-либо принципиальная разница между литературой и экзегезой. Они одинаково служили передаче *дао*-принципа. А «правильность» передачи уравнивала их в отношении словесной красоты. Различие между ними становилось, по существу, чисто формальным. Этому способствовало и то, что в традиционной китайской поэтике не проводилось достаточно четкого разграничения между литературными и нелитературными видами неповествовательной прозы *сань-вэнь*. Для Чжу Си, который придавал первостепенное значение комментированию, экзегеза фактически становилась одним из главных жанров понимаемой в таком широком смысле прозаической литературы.

Основная литература

1. *Lynn Richard John*. Chu Hsi as Literary Theorist and Critic // Chu Hsi and Neo-Confucianism / Ed. by Wing-tsit Chan, Honolulu: University of Hawaii Press, 1986.
2. *Чжуцзы юйлэй* («Речи Учителя Чжу по разделам») / Сост. Ли Цзиндэ. Пекин: Чжунхуа шуцзюй чубаньшэ, 1986.
3. *Чу Биньцзе*. Чжунго гудай вэньти гайлунь (Общий очерк системы древнекитайских жанров). Пекин: Бэйцзин дасюэ чубаньшэ, 1990.

М. В. Семенюк**Эссеистика Ван Аньи и «эссеизм»
в ее творчестве**

Шанхайская писательница Ван Аньи (1854 г. р.) — одна из выдающихся фигур на литературной арене современного Китая. Ее произведения неоднократно удостоивались престижных литературных премий как внутри страны, так и за рубежом, а многие критики считают ее одним из наиболее значимых писателей континентального Китая конца XX века. Ван Аньи больше известна как писатель-романист, ее перу принадлежит около 20 произведений крупной формы. Однако другая сторона ее творчества — эссеистика — еще практически не изучена. Отечественных исследований на эту тему на данный момент нет, а в китайских исследованиях современной бессюжетной прозы Ван Аньи как автор-эссеист рассматривается крайне редко, даже Хун Цзычэн в фундаментальной работе «История новейшей китайской литературы» вовсе не упоминает Ван Аньи в разделе, посвященном эссеистике [1], хотя активно обращается к ее творчеству в других разделах. Однако жанр эссе всегда занимал крайне значительное место в творчестве Ван: на данный момент у нее вышло более тридцати сборников эссе, из которых самый ранний датируется 1988 годом («Одуванчик»), а самый поздний — 2013 («Сегодняшней ночью сияют звезды»). Тематика эссе писательницы крайне разнообразна: среди них множество автобиографических эссе-воспоминаний, «литературных портретов» писателей-современников, путевых заметок, «эт-

нографических эссе» в духе течения «поиска корней», литературно-критических эссе и других.

Помимо непосредственного обращения к жанру эссе, творчеству Ван Аньи в целом присуща определенная «эссеистичность». Это, вообще говоря, характерная черта литературы после 80-ых годов: для писателей того времени, которые после окончания «культурной революции» неожиданно оказались в ситуации культурной неопределенности и аксиологического плюрализма, новой точкой осмысления окружающей действительности стала не идеология, а человеческая индивидуальность, значимость которой в предшествующей литературе нивелировалась. Поэтому эссеистическое начало становится особенно важным именно для литературы «нового периода», так как оно напрямую обращается к индивидуальности, своего рода «неделимой единице, общему знаменателю всех разошедшихся культурных дробей» [2]. Что касается Ван Аньи, то для нее человеческая индивидуальность всегда находится в центре ценностного поля и постоянно становится объектом изображения и эстетического осмысления, о чем она заявляет вполне недвусмысленно: «Меня в моем творчестве прежде всего интересует субъект» [3]. Помимо этого, обращает на себя внимание характерный для писательницы «эссеизм» манеры изложения, а также активное использование в ее романах художественных приемов, характерных для бессюжетной прозы. Пользуясь терминологией Эпштейна, в романах Ван в полной мере представлена как «рефлектирующая», так и «мифологизирующая» тенденции, характерные для эссеистического начала, не случайно целый ряд исследователей творчества писательницы, говоря о ее романах, обозначают жанр альтернативными терминами, например, называют ее произведения «поэтическими романами» или «романами-балладами». Таким образом, жанр эссе не только составляет важную часть корпуса произведений Ван Аньи, но и во многом формирует ее идиостиль.

Основная литература

1. Хун Цзычэн. Чжунго дандай вэньсюэ ши. (История новейшей китайской литературы). Пекин: Бэйцзин дасюэ чубаньшэ, 2010. 506 с.

2. Эпштейн М. Н. Парадоксы новизны: о литературном развитии XIX–XX веков. М.: Советский писатель, 1988. 375 с.
3. Сюй Цзянь. Во ши игэ бицзяо яньгэ дэ сяньшичжуичжэ. (Я довольно строго придерживаюсь реализма) / интервью с Ван Аньи. URL: http://www.cssn.cn/zf/zf_zh/201310/t20131031_816410.shtml; 1.04.2014.

А. И. Семина

**Жанровая транспонировка мотивов
в турецкой *кыт'а* XV–XIX вв.**

Жанровая транспонировка — один из способов обновления традиционных мотивов ближневосточной диванной поэзии, разработанных арабскими поэтами и описанных в средневековых поэтологических трактатах (X–XI вв.). Как указывает акад. А. Б. Куделин, жанровая транспонировка проявлялась в переносе мотива из одного жанра в другой, с одного объекта на другой, из разных видов непоэтического текста в поэтический.

Турецкие поэты вслед за своими арабскими и персидскими предшественниками активно обращались к этому приему в различных жанровых формах, в том числе в *кыт'а*¹. Наиболее наглядно жанровая транспонировка в *кыт'а* прослеживается при переносе известных мотивов из жанров любовной лирики и похоронной элегии (*мерсийе*) в жанры сатирической литературы (*хиджв*). Например, турецкие *мерсийе* содержали главным образом мотивы восхваления почившего, однако на основе *кыт'а* XV–XIX вв. можно установить, что некоторые похоронные элегии имели своей целью не воспевание достоинств умершего, а сатиру на него. В таких *кыт'а* не звучало мотивов, выражающих скорбь от утраты, поэт радовался смерти усопшего; мотивы прославления

¹ *Кыт'а* — жанровая форма турецкой литературы, стихотворение небольшого объема (как правило, 2–12 бейтов) со способом рифмовки *аа ба* и т. д. В тематическом отношении *кыт'а* могли представлять собой стихотворения любовного, философского, сатирического содержания, стихотворения делового характера (послания, прошения, отчеты и т. д.), поэтические миниатюры (описания пейзажа, построек и др., загадки, хронограммы), похоронные элегии (*мерсийе*).

заменяются на мотивы осмеяния; переосмысливается и посмертная участь покойного, душа которого попадает не в рай, а в ад. Объектом инвективы в таких *мерсийе* мог быть личный враг, которого поэт часто называл по имени. Особое распространение получили циклы «перевернутых» *мерсийе* в форме *кыт'а*, объектом поношения в которых являлся убийца Хусейна, внука пророка Мухаммада, Язид I, например, такие *кыт'а* во множестве встречаются у Иззета Моллы (XIX в.).

Турецкий литературовед Мурат Озтюрк собрал 24 *мерсийе*, где наблюдается перенос мотивов из жанра *мерсийе* в жанр *хиджва*, из них 22 написаны в форме *кыт'а*, одно — в форме касыды и одно — в форме *теркиб-бенда*², что является показательным, так как традиционной формой создания *мерсийе* был именно *теркиб-бэнд*. Это объясняется тем фактом, что турецкие поэты считали *кыт'а*, генетически связанную с сатирой (первоначально в арабской традиции форма *кыт'а* использовалась для создания хулительных стихотворений и похоронных элегий), наиболее подходящей формой для создания «перевернутых» *мерсийе*.

Жанровую транспонировку можно наблюдать и в любовных *кыт'а* XV–XVI вв., например, в творчестве Ахмеда Паши (XV в.), Ревани (XV–нач. XVI в.) и др.: поэты обогащали их мотивами, традиционными для *шехренгиза* — жанра, целью которого было прославление представителей разных профессий и описание ремесленников в их повседневном окружении. В таких *кыт'а* место возлюбленной занимает прекрасный юноша: поэт акцентирует внимание на том, что объектом его восхищения является молодой человек. Место развернутого портрета возлюбленной, характерного для диванной поэзии, занимает описание обстоятельств встречи влюбленных, а само стихотворение напоминает сценку из *шехренгиза*: в таких *кыт'а* влюбленные встречаются в бане, на рынке и т. д., т. е. поэт изображает объект своей страсти в бытовой обстановке. Описывая юношей в таких *кыт'а*, поэт, как правило, остается в границах приличия. В XIX в. в некоторые любовные

² *Теркиб-бэнд* — стихотворение, состоящее из нескольких строф (бендов) объемом от 5 до 10 бейтов, каждый из которых рифмуется по принципу aa ba ca ... kk.

кыт'а инкорпорируются мотивы из анекдотов-латифе — коротких занимательных рассказов городской литературы. Такие *кыт'а* в большинстве случаев представляют собой рассказ о любовных похождениях героя, где взаимоотношения влюбленного с возлюбленной, как и внешность красавицы, описываются в откровенных выражениях, что можно наблюдать, например, в *кыт'а* Османа Невреса, Антепли Айни и др.

Таким образом, проанализировав материал турецких *кыт'а* XV–XIX вв., можно заключить, что обновление мотивов любовной лирики и похоронной элегии в них происходит за счет включения в текст произведения мотивов, традиционных для сатирических жанров и жанров городской литературы.

Г. В. Стрелкова

**От «экспериментализма»
к «женскому письму»**

Литература хинди второй половины XX века примечательна расцветом литературного направления *прайогвад* (экспериментализм) и становлением «женского письма», на которое большое влияние оказал феминизм. Одной из важнейших задач *прайогвада*, помимо чисто литературных, было осознание «индийскости», противопоставленной Западу, и «инаковости» как проблемы индивидуума. Откликаясь на происходящие в Индии и в мире процессы, писатели хинди — «эксперименталисты» одной из главных задач видели самовыражение и обретение самоидентификации в процессе борьбы за независимость Индии. Они уделяли внимание социальным проблемам, но отдавали больший приоритет частному, внутреннему миру человека как индивидуума. Важнейшую роль при этом играли проблематика, язык, стилистические особенности, композиция их произведений, выбор героев.

Основателем *прайогвада* считается выдающийся писатель хинди Агьея (1911–1987), который был номинирован на Нобелевскую премию. В докладе рассматривается его роман «Сами себе чужие / У каждого свой чужой» (Arne arne ajnabee, 1961), две ге-

роини которого, Йоке и Сельма, ярко демонстрируют взгляд писателя на взаимоотношения женщины с миром и на поведение женщин в экстремальных ситуациях. Агъея, представитель психологического направления, испытал влияние экзистенциализма, неслучайно в его романе проблемы «другого» и «отчуждения» рассматриваются преимущественно в философском и религиозном плане.

Одна из матриархов «женского письма» хинди — К. Собти в романе «Эй, девочка» (Ai LaRkee, 1991) даёт своеобразный «ответ» роману Агъеи. Рисуя двух героинь, мать и дочь, в аналогичных условиях изолированности и балансирования между жизнью и смертью, она создаёт оптимистический, жизнеутверждающий роман. Он более реалистичен и полон веры в то, что жизнь человека продолжается в его деяниях и детях. При этом философия и религия индуизма играют важную роль, как и в романе Агъеи, уделявшего внимание и христианству.

М. Гарг возражает против того, чтобы её творчество рассматривалось в рамках «женского письма». Она не скрывает своего восхищения творчеством Агъеи, а в своих произведениях уделяет внимание проблемам, которые были для него главными. Это межличностные отношения, место человека в современном мире, религия, самореализация, отношения Индии и индийцев с Западом, изменение мира к лучшему. Пример этого — роман М. Гарг «Кобра моего разума» (Chittacobra, 1979). Герои — индианка Ману и шотландец Ричард — представляют Индию и мир Запада, а их отношения показывают, как эти миры могут сосуществовать, как они стремятся к пониманию друг друга. Ричард — протестант, и в качестве служителя церкви он постоянно едет туда, где бедствуют люди и им требуется помощь. География странствий Ричарда обширна, а его возлюбленная, Ману — замужняя женщина, она должна оставаться с семьёй в Индии. Возможность любить и жить активно Ману находит в творчестве — пишет стихи, потом роман. Это не сублимация, а средство выжить в разлуке с любимым, и самовыражение, и попытка исправить мир. Идеал для героини — Мать Тереза.

Все три романа показывают, что в творчестве Агъеи, К.Собти и М. Гарг много общего: выбор «вечных» тем, проблематика, разрешение конфликта, «камерность», сходная расстановка персона-

жей. Их романы отличает глубокий интерес и любовь к человеку, и высокие художественные достоинства.

Основная литература

1. *Strelkova G.* Unknowable or Comprehensible — two attitudes to life and death in Modern Hindi prose / *Orientalia Suecana*. Vol. LX (2011), Uppsala, Sweden. P. 71–82.
2. *Гарг М.* Кобра моего разума. Пер. с хинди, примечания Г. В. Стрелковой и М. Ю. Парусовой. М.: Совпадение, 2016.

Н. В. Толстова

«Поэзия в двух словах» — тарх в персидской литературе XX в. на примере сборника Мины Асади «Без любви, без взгляда»

Любая литературная традиция развивается, расширяя не только тематический диапазон, но и приобретая новые формы. В XX веке одной из таких форм в персидской литературе стал тарх. На волне зарождения «новой поэзии» эта форма заняла прочное место среди классических малых форм: кыт'а, руба'и, добейти (один из видов четверостишия) и фард (короткое поэтическое высказывание в один бейт). В этот период почти полностью стерлись тематические ограничения при использовании того или иного вида стиха. Остаются только формальные требования. Для тарха — это небольшой объем, «плавающая» рифма, запись строк, отличающихся по длине, «лесенкой». В целом, даже по этим признакам не всегда можно выделить тип стихотворения, поэтому авторы сами указывают его в подзаголовке сборника или раздела. Исследователи персидской литературы не могут точно установить, кто первым ввел эту форму в поэзию Ирана, и как именно она появилась. Существует даже гипотеза, что тарх представляет собой заимствование из японской поэзии («хайку»).

Чтобы приблизиться к пониманию тарха, мы рассмотрим один из сборников современной поэтессы Мины Асади — «Без любви, без взгляда» («Bi'eshgh, binegāh»), состоящий из небольших, но

глубоких по смыслу стихотворений. Большинство из них не имеет даже заглавия — оно им не нужно, ведь поэтесса выражает свои переживания в коротких строках, а порой и нескольких словах. Любовь, тоска, обиды, страхи, радости, любовное отношение к природе — вот тематическая палитра тархов Мины Асади. Отдельно стоит уделить внимание и мелодике ее тархов. Мина Асади тонко играет звучанием слов, для чего иногда прибегает к стяжениям и растяжениям гласных, использованию омофонов, повторов и других поэтических приемов.

Тархи Мины Асади — это «искусство в двух словах», заставляющее читателя вдумываться в скрытые смыслы и постигать яркие эмоции автора.

Основная литература

1. *Асади, Мина*. Без любви, без взгляда («Bi'eshgh, binegāh»). Лондон, 1993.
2. *Ворожейкина З. Н.* Кыт'а — стихотворение-«фрагмент» в персидской поэтической культуре / «Неизменность и новизна художественного мира. Памяти Е. Э. Бертельса. М.: ИВ РАН, 1999.
3. *Кляшторина В. Б.* «Новая поэзия» в Иране. М., ГРВЛ, 1975.

С. Н. Утургаури

Автор и герой дилогии «Курт Сеит...»

В 20-годы минувшего столетия Стамбул заполонила многотысячная масса российских беженцев, людей не по доброй воле покинувших родину и оказавшихся в чужой разорённой войнами, оккупированной иноземцами стране. Судьба этих людей, события, переживаемые в эту пору Россией и Турцией, стали содержанием дилогии «Курт Сеит и Шура», «Курт Сеит и Мурка», которая за десять лет со дня публикации (1992–1993) претерпела 30 изданий.

Автором нашумевшего романа была начинающий прозаик Нермин Безмен. Родилась Н. Безмен в Анталье в 1954 г. Школу и лицей окончила в Стамбуле. Училась в США. Образование завершила в Высшей школе администрирования и логистики в Стамбуле. Однако работать в этой области не стала, увлеклась нацио-

нальным прикладным искусством и поэзией, о которых писала статьи в различных журналах. В литературу Н. Безмен вошла как автор двух скромных поэтических сборников. Ныне ей принадлежит более десяти любовных романов. Дилогия остаётся лучшим её произведением.

Романы о Курте Сеите основаны на реальных событиях и герои их — русские, крымские татары, турки — реальные люди. Главный персонаж романов — родной дед писательницы Сеит Мехмет Эминов, выходец из знатной крымско-татарской семьи. С младенчества он был прозван куртом (волком), что, согласно поверью, должно было уберечь от невзгод чрезмерно плакавшего ребёнка.

Историю деда от первого до последнего дня его жизни писательница узнала от бабушки Мюрвет/Мурки и мамы.

После бегства из России бурная и пёстрая жизнь Курта Сеита, блестящего офицера из царской охраны, любимца самого Николая II, сменилась постоянным поиском возможности обеспечить сносную жизнь семьи, созданной им в Турции. Сложившиеся обстоятельства требовали от Курта Сеита сверхчеловеческих усилий и предприимчивости. Его положение осложнялось ещё и тем, что он не мог найти понимание в семье, где хозяйкой была женщина, воспитанная в турецких традициях того времени.

Самые тяжёлые дни бегства и бесприютности в чужом городе Курт Сеит пережил вместе с Шурой Верженьской, дочерью одного из акционеров крупной нефтяной компании и племянницей Войскового атамана Великого войска Донского генерала Богаевского, вместе с которой он бежал из Крыма. Расставание Курта Сеита и Шуры было вынужденным, а попытка каждого из них найти свою дорогу завершилась для Шуры — ранней кончиной в далёкой Америке, а для Сеита — добровольным уходом из жизни в Стамбуле.

Изобразив в традиционном классическом романе трагическое время и трагические судьбы русских беженцев, Н. Безмен расширила содержательные рамки современной турецкой реалистической литературы, теснимой произведениями постмодернистского и массового характера. Созданная Н. Безмен дилогия — первое и пока единственное произведение такого рода в турецкой литера-

туре. Однако следует заметить, что послереволюционные российские беженцы привлекали внимание и турецких романистов-классиков — Якуба Кадри Караосманоглу («Сodom и Гоморра», 1928) и Ахмеда Хамди Танпынара («Те, что за сценой», 1950). При этом в их книгах русские беженцы мелькнули лишь как персонажи второго плана. Да и задача у классиков была иная — изобразить оккупированную Антантой имперскую столицу, утратившую национальную привлекательность.

М. В. Фролова

**Элементы магического реализма в романе
индонезийского писателя Эки Курниавана
«Красота это рана» (2002 г.)**

Эка Курниаван (род. 1975) создает свой роман «Красота это рана» под влиянием произведения Габриэля Гарсии Маркеса «Сто лет одиночества» (1967), «Тетралогии с острова Буру» (1980–1988) индонезийского писателя-реалиста Прамудьи Ананты Тура и изрядной доли бульварной массовой литературы: эротики, ужасов, историй про колдунов (*черита силат*), народных рассказов о встречах с духами (*черита ханту*). Основными темами романа становятся темы губительной страсти, безумия, запретной любви, инцеста, родового проклятия, войны, террора и мести. В романе Эки присутствует двойная взаимопроникающая реальность. На фоне исторических событий с временным охватом от последних дней голландской колонии 40-х гг. и до окончания режима генерала Сухарто 90-х гг. разворачивается история проклятия рода голландца и его туземной наложницы, насильно разлученной с возлюбленным, который превращается после смерти в *deus ex machina* романа. Мстящий призрак разговаривает с героями и провоцирует их на безумные поступки и, тем самым, толкает их на преступления, страдания и смерть. Проклятье настигает рожденную братом и сестрой Деви Айю, ее четырех детей (трех красавиц и младшую, безобразную, по имени Чантик, «Красота»), мужей трех старших дочерей (военного, коммуниста и бандита), и всех их детей, пока род не прекращается.

Реализм Эки Курниавана превращается в гипернатурализм в сценах в японском концлагере, в публичном доме, в эпизодах массовых расстрелов коммунистов. Действие происходит в вымышленном яванском городе Халимунда («Край Туманов»). По многим характерным признакам город сильно напоминает Макондо из романа Маркеса. Атмосферу создают постоянно упоминаемые в тексте воюющие «красные волки» и разгуливающие по улицам «дикие псы». Жители считают себя потомками пса и легендарной красавицы по имени Ренгганис. Эту линию продолжает сюжет о внучке Деви Айю Ренгганис Прекрасной, изнасилованной своим двоюродным братом, чей образ контаминирует антропоморфные и зооморфные черты.

Чудесное играет первостепенную роль: роман начинается с сюжета о том, как Деви Айю встала из могилы через 21 год после своей смерти. Тема обыденности смерти и бессмертия сопутствует образу бандита Мамана Генденга, непроницаемого для пуль, ушедшего из жизни чудесным вознесением на небо. Командира Шоданчо достают призраки убитых по его приказу. Кладбище Халимунды полнится призраками, с которыми умеют общаться могильщик и его сын, таинственным образом рожденный в могиле уже после смерти своей матери. Эка соблюдает принцип промежуточного состояния персонажей между жизнью и смертью. В романе присутствует необъяснимый элемент чудесного в каждом из персонажей, наделение их необыкновенными качествами, будь то фантастическая красота Деви Айю и трех старших дочерей, или абсолютное безобразие облика младшей, аномалии поведения безумных в своей любви героев (каждого из них настигает роковая страсть), или бесполезная чудесность персонажа (красота слабой Ренгганис Прекрасной, «двойника» Ремедиос Прекрасной из романа Маркеса). Достоверный историзм романа Эки переплетается с гротескной «колдовской» реальностью, уходящей корнями в базовое архетипическое сознание.

Африканистика

Н. В. Громова

К вопросу о лексико-семантической неоднородности именного класса

Со времени семантической классификации языков банту немецкого лингвиста К. Мейнхофа (1906 г.) и по сей день именные классы, являющиеся определяющей грамматической категорией языков банту, остаются объектом пристального внимания. Значение семантического критерия при дефиниции именного класса признается практически всеми исследователями языков банту, хотя и с многообразными вариантами подхода к решению проблемы семантической классификации (см., например, работы отечественных лингвистов В. А. Виноградова, К. И. Позднякова, И. Н. Топоровой и др.).

Рассмотрим неоднородность лексико-семантического содержания именного класса на примере имен существительных с семой «человек», которые встречаются в составе всех так называемых «предметных / вещественных» именных классов. Только один 1/2 класс в языке суахили можно считать лексически однородным, поскольку в нем содержатся лишь наименования людей. В остальных «предметных» классах номинации людей составляют особые группы, характеризующиеся со стороны грамматики особым способом согласования. Так, все одушевленные имена существительные согласуются по нормам 1/2 класса за исключением терминов родства и ряда существительных с семантикой «друг, враг, сосед, господин и т. п.», которые нарушают модель согласования с притяжательными местоимениями (2 кл. *wake zangu* «жены мои», 6 кл. *marafiki zake* «друзья его», 10 кл. *jirani zetu* «соседи наши»).

С лексико-семантической стороны существительные с семой «человек» за пределами 1/2 класса обычно приобретают оценочный признак. Речь идет о 5/6 и 7/8 классах. В большинстве языков банту в 5/6 классе реализуются основные оценочные признаки аугментативности и пейоративности (mtoto «ребенок» > toto «большой ребенок» = больше по росту или весу, чем положено в его возрасте), а в 7-ом — диминутивности (mtoto «ребенок» > kitoto «малыш»).

При этом номинации людей в 7/8 классе в языке суахили достаточно ярко демонстрируют разнородность его лексико-семантического наполнения. Их оценочное значение проявляется в разных вариантах.

Так, значение диминутивности номинаций людей сопряжено со значением лаудативности (msichana «девушка» > kisichana «молоденькая девушка, хорошенькая девчушка», suga «лицо» > «красивая девушка, красотка»).

Более объемную группу составляют номинации, содержащие в себе лексико-семантические характеристики пейоративности. При этом номинируется:

а) физическая неполноценность (kilema «калека», kipofu «слепой»), в том числе низкий рост (kidurango «карлик», kibirikizi «лилипут»);

б) социально низкий статус (kibagua «поденщик», kijakazi «рабыня»);

в) возрастная незрелость (kijana «мальчик/девочка от 7 до 12 лет»; kigoli «девочка, не достигшая половой зрелости»);

г) презрительное отношение общества (kizushi «клеветник, подстрекатель», kigeugeu «двуличный человек», kiruka mito «женолюб» (букв. «прыгающий по подушкам»).

Таким же диминутивно-пейоративным значением обладают термины кровного родства по нисходящей линии (kitukuu «правнук», kining'ina «праправнук» и др.).

Кроме перечисленных выше значений в именном классе с префиксом ki- фиксируются номинации людей престижного статуса (kiongozi «руководитель, глава», kigogo «важная персона» и др.), зачастую образованные путем метонимического или метафорического переноса (ср. kinaга «помост для оратора» > kinaга «лидер, вожак»).

Таким образом, номинации людей в оценочном 7/8 классе передают значения диминутивности, лаудативности, пейоративности и престижности статуса, размывая основное лексико-семантическое поле класса с признаком «вещность» («класс вещей» по К. Мейнхофу).

М. А. Косогорова

**Особенности перевода текстов
на языке фула: глагольные формы**

Глагольные формы в языке фула (пулар-фульфульде, Западная Африка) не ограничиваются собственно предикатами. К ним относятся также причастные формы, поскольку именно причастия составляют основной массив именных атрибутов (разряд прилагательных существует, но малопродуктивен и ограничен). Таким образом, глагольные формы в языке фула играют очень важную роль, и перевод этих форм составляет одну из основных задач при переводе текстов на языке фула.

1. Структура собственно глагольной словоформы (предиката) состоит из следующих обязательных и необязательных элементов (максимальная и минимальная глагольные словоформы представлены в примере (1)):

Корень — приосновные аффиксы — видо-залоговый аффикс — ретроспективный аффикс — энклитический субъектный аффикс.

(1)

А) Максимальная форма предиката:

нуаам-	in-	d-	a-	noo-	den
есть-	Caus-	Soc-	Pass.Pfv.w-	Retr-	1Pl.Incl

‘Нас с тобой накормили’

В) Минимальная словоформа, включающая только обязательные элементы:

уаг-	Ø
пить-	Act.Imp.Sg

‘Пей!’

Следует отметить, что в максимальную форму предиката также могут входить прямообъектные местоимения, но они чаще всего фузионно слиты с видо-залоговым аффиксом, и поэтому составляют один элемент.

Вопросы, возникающие при переводе предикативной глагольной формы, можно условно классифицировать по типу элемента, к которому они относятся:

1) Вопрос, связанный с переводом корня: следует ли стараться при переводе указать наиболее общее значение корня, или можно использовать прочие элементы для подбора наиболее литературного эквивалента?

2) Вопрос, связанный с (необязательным) приосновным аффиксом: стоит ли при переводе объединять те из аффиксов, которые влияют на смысл аффикса, с корнем, или необходимо подчеркнуть морфологию, максимально сегментируя значения (в соответствующем контексте 'пел громко' vs. 'горланил').

3) Вопросы, связанные с видо-залоговым аффиксом, как с категорией, отсутствующей в европейских языках: в отличие от привычной для европейцев временной системы, в фула система видовая (время в глагольной форме не выражается), а залогов три. Следовательно, при переводе возникает целый ряд вопросов, связанных, во-первых, с пониманием времени действия и воплощением его в переводе, а во-вторых, с отображением в переводе семантики залогов.

Также при переводе может возникнуть трудность при передаче ретроспективного аффикса, хотя в обычной ситуации он скорее помогает расположить действия во времени и пространстве.

2. Структура причастной формы сходна со структурой предикативной глагольной формы, за исключением одного элемента: вместо опционального энклитического субъектного местоименного аффикса в причастную форму входит обязательный показатель класса, согласуемый по классу с вершиной группы.

Перевод причастной формы на европейские языки может быть представлен как в форме собственно причастия, так и с помощью прилагательного либо относительного предложения, как представлено в примере (2):

(2) laana yorka

laana	yog-	Ø-	ka
лодка.sgKA	быть.сухим-	Act.Pfv-	sgKA
'сухая лодка' / 'высохшая лодка' / 'лодка, которая высохла'			

При переводе причастной формы следует обратить особое внимание на видо-залоговый аффикс, поскольку зачастую ограниченность арсенала причастных форм европейских языков (четыре в русском языке, всего по две в английском, немецком и французском и т. д.) и обязывает переводчика прибегать к относительному предложению.

3. Также необходимо отметить отдельный вопрос перевода вспомогательных глаголов фула. Многие из вспомогательных глаголов представляют собой недавно или не полностью грамматикализованные предикативные формы, которые, в зависимости от контекста, могут выступать как в роли предиката, так и в роли вспомогательного глагола.

В докладе будут рассмотрены перечисленные и некоторые другие вопросы по переводу глагольных форм в текстах на языке фула, а также, где возможно, предложены способы решения таких проблем.

С. Л. Кравченко

Некоторые модели технических терминов в амхарском языке

Технические термины современного амхарского языка строятся, в основном, на общей лексической основе с привлечением собственных языковых ресурсов (в виде корней и основ, а также способов словообразования и словосложения) и освоением иноязычного лексического материала. Создание терминов лишь на базе амхарского языка связано с некоторыми трудностями, так как амхарские словообразовательные дериваты не всегда могут быть равнозначными эквивалентами для слов-терминов английского языка, который стал источником для создания технических терминологических единиц в амхарском языке. Главным критерием, которым ру-

ководствовалась Академия эфиопских языков в ходе работы по созданию технических терминов — соответствие их словообразовательной системе амхарского языка, ведь основная трудность передачи терминологических заимствований состоит в амхарской графике и структурной несхожести слов западных языков (в частности, английского языка) со словами амхарского языка.

Из существующих в амхарском языке моделей, используемых для образования технических терминологических единиц, наиболее продуктивными и распространенными являются следующие:

1. Модель «существительное + существительное»

В результате сложения двух имен существительных образуются сложные слова-термины, построенные на базе отношений «определение — определяемое». В амхарском языке первое существительное (в качестве определения) имеет при себе формант уä. Эта модель, построенная на сложении двух имен существительных, является общей словообразовательной моделью амхарского языка: уägulbät däraja *энергетический уровень* < gulbät *сила*, däraja *уровень, ступень*); уäjoro madamäça *наушники* < joro *ухо, уши*, madamäça *то, с помощью чего слушают*; уäbärädo näṭb *точка замерзания* < bärädo *град, снег, лед*; näṭb *пункт*.

Стремление иметь максимально краткие термины приводит к некоторым изменениям в структуре данной модели: формант уä опускается. Тем не менее, первый компонент этой модели функционирует в качестве определения: mädäb dängay *скальное основание, коренная порода* < mädäb *слой*, dängay *камень*; däm gäfit *кровяное давление* < däm *кровь*, gäfit *давление*); gorf anat *уровень паводка* < gorf *поток, ручей*, anat *темя*.

Разновидностью этой модели являются многочисленные термины, образованные на базе изафетной связи. Изафетные словосочетания — широко распространенный в амхарском языке тип словосочетания, заимствованный из эфиопского языка гыыз. В настоящее время стал наиболее продуктивным способом создания технических терминологических единиц. В данной модели первый компонент определяется вторым. Порядок следования компонентов в таких изафетных определительных словосочетаниях не соответствует обычной синтаксической норме амхарского языка: mädgrä häuwot *биосфера* < mädgr *земля*, ä — изафетный показатель, выпол-

няющий роль соединительной морфемы, *həuwot* *жизнь*; *səratä cāhay* *солнечная система* < *sərat* *порядок*, *cāhay* *солнце*; *fəṭnätä näfas* *скорость ветра* < *fəṭnät* *скорость, быстрота*, *näfas* *ветер*.

2. Модель «имя существительное + глагольная основа

В амхарском языке в качестве второго компонента терминов такого типа выступает перфектная основа различных глаголов. По степени продуктивности они находятся на одном из первых мест, например: *səg näqqäl* *коренной* < *səg* *корень*, *näqqäl* перфектная основа глагола *näqqälä* *вырывать*; *hod näk* *брюшной* < *hod* *живот*, *näk* перфектная основа глагола *näkka* *трогать, касаться*; *gämis näk* *медиана* < *gämis* *половина*; *kokäb mässäl* *астероид* < *kokäb* *звезда*, *mässäl* перфектная основа глагола *mässälä* *быть* аналогичным подобным.

Таким образом, для образования технических терминологических единиц в современном амхарском языке используются различные модели, построенные на базе собственных языковых ресурсов, а также иноязычного лексического материала.

Э. С. Львова

Дневник И. И. Соколова как источник по культуре народов Восточной Африки

Интерес в России к Африке довольно давний. Еще Петр Великий планировал экспедицию на Мадагаскар. Описания африканцев давали паломники, встречавшие их в Иерусалиме. В России собирались частные, а затем и государственные библиотеки с работами европейских путешественников, затем некоторые из них переводились на русский язык. Однако сами русские люди начали посещать Африку лишь в конце XIX в. Записки многих из них хорошо известны ученым. Гораздо меньше известно об экспедициях начала XX в. Это были ученые-натуралисты из Санкт-Петербурга и Москвы. После возвращения они выступали с сообщениями на заседаниях РГО и ОЛЕАЭ (Общества Любителей Естествознания, Археологии и Этнографии МИУ), некоторые публиковались в профессиональных журналах. Были и такие записи, которые долго не видели света.

Так, только в 1999 г. в Санкт-Петербурге был опубликован «Дневник экспедиции в Кению и Уганду в 1914 году» И. И. Соколова, пока не изучавшийся африканистами. И. И. Соколов, видный натуралист (как и остальные русские путешественники того времени) вместе с В. А. Догелем провел в Восточной Африке 5 месяцев, их работу прервала начавшаяся Первая мировая война. Их главной задачей было изучение флоры и фауны. Но параллельно они делали наблюдения и над народами, проживавшими в Кении и Уганде, и их культурой. Следует заметить, что они, пожалуй, были первыми русскими исследователями, изучавшими суахили.

Заметно заинтересованное отношение ко всему увиденному, с каждой страницей более внимательное. Так, для И. И. Соколова первые африканцы были безликими «туземцами», однако вскоре он увидел значительные различия между ними — он упоминает 14 автохтонных народов. В его дневнике — довольно подробные описания занятий, жилищ и одежды, оружия и щитов, типов лодок, музыкальных инструментов и т. д. Он обращает внимание и на такие этнические и социальные маркеры, как татуировка и рубцевание. Пожалуй, впервые И. И. Соколовым сделано описание города Кампалы с ее «королевским» холмом.

В дневнике отмечена и пестрота населения, особенно в прибрежной части Кении, и его стратификация. Верхушка общества того времени — конечно, англичане, хозяева этой колонии. К ним примыкают общества датчан, немцев, арабов, итальянцев. Вторая страта — выходцы из индийских владений Великобритании. Интересно, что автор отмечает две различные группы в их среде: «гоанезы» — потомки средневековых переселенцев из Гоа и «индусы» — недавние мигранты. Наконец, низшую ступень занимают африканцы. Рассказ об этих двух группах населения лишен высокомерия, свойственного многим его современникам — европейским путешественникам по Африке, он отмечает такие черты характера местных жителей как красота, приветливость, терпимость.

Научная любознательность и добросовестность, широта подхода к описанию колониального общества Восточной Африки того времени, длительность пребывания в стране, протяженность маршрута (от берега Индийского океана до озера Виктория) делают дневник И. И. Соколова интересным источником для африканистики.

В. Я. Порхомовский**Социум и этнос в языкознании**

Взаимодействие и взаимовлияние языка и общества принято рассматривать в рамках отдельных лингвистических дисциплин, а именно социолингвистики, этнолингвистики (антропологической лингвистики) и психолингвистики. Эти дисциплины имеют самостоятельный статус, однако определение четких границ между ними едва ли возможно по причине крайне сложного и противоречивого характера формирования и функционирования этнических и социальных общностей в разные исторические эпохи и в рамках различных социокультурных парадигм. В результате приходится признать отсутствие строгой системы терминов как в филологии и лингвистике, так и в области обществоведения. Речь идет о номинации различных форм существования языка, с одной стороны, и соответствующих групп носителей этих идиомов, с другой. Здесь можно выделить как особенности метаязыков описания на основных языках, обслуживающих научный дискурс в этой области, так и различия, вызванные сложившимися терминологическими традициями в частных филологических школах, например, в системах лингвонимов, принятых в русистике, германистике, арабистике и т. д. Аналогичная проблема существует и в области распространенного смешения обозначений на основе политико-правовых (гражданство, подданство и т. п.) и этнических критериев, что ярко проявляется в многозначности семантики ключевых терминов: *народ* — *нация*; *people* — *nation*; *peuple* — *nation*; *Volk* — *Nation*.

Отметим, что лингвонимы и этнонимы находятся в очень тесной корреляции. Одним из наиболее показательных примеров может служить реализация оппозиции «свой — чужой» в области языковой и этнической идентификации и самоидентификации, чему в докладе уделяется специальное внимание.

Отсутствие стандартной терминологии отчетливо проявляется при переводе терминов и текстов в этой области на другие языки, ср., например, серию '*литературный язык* ~ *standard language* ~ *langue normée* ~ *Hochsprache* / *Schriftsprache*', или термины для

обозначения иерархической последовательности форм существования языка — русск.: ‘язык ~ диалект ~ наречие ~ говор’ // франц.: ‘*langue ~ dialecte ~ parler ~ patois*’ // англ.: ‘*language ~ dialect ~ patois*’ (позднее заимствование из французского)’. При этом в разных языках может закрепляться специфическая дистрибуция подобных терминов, которая не воспроизводится при переводе. Так, в традиционной французской берберологии территориальные берберские идиомы было принято рассматривать как локальные варианты единого берберского языка. Эти варианты и в настоящее время принято именовать *parlers berbères*, хотя в современной лингвистике эти идиомы трактуются как языки, образующие берберскую группу в рамках семито-хамитской семьи с выделением диалектов в рамках отдельных языков, например, туарегского. Термин ‘диалект’, представленный в терминологических системах многих европейских языков, имеет различное семантическое наполнение в зависимости от объектов описания, например, в арабских странах Ближнего Востока и Северной Африки, в Северной Индии или в странах Европы. Все это позволяет сделать парадоксальный вывод, что данную терминологию можно рассматривать как часть традиционных таксономий в рамках этнолингвистики.

Отметим также, что даже слово ‘язык’, т. е. основной лингвистический термин, может иметь разные значения в зависимости от наличия или отсутствия в соответствующем языковом пространстве наддиалектного варианта, т. е. литературного (стандартного) языка или широко распространенного койне, признаваемого носителями всех локальных идиомов (территориальных и социальных диалектов). Так, для различения этих двух ситуаций в опубликованной в середине XX в. лондонским Международным Институтом Африки серии справочных изданий по африканским языкам использовались соответственно термины ‘*language with associated dialects*’ и ‘*dialect cluster*’.

Ситуация еще более усложняется благодаря тому, что специфические идиомы в различных коммуникативных ситуациях могут получать названия в рамках соответствующих терминологических традиций, т. е. обозначают именно данный конкретный вариант какого-либо языка, а затем эти названия функционируют сначала

как метафоры, а затем как термины для типологически аналогичных форм существования языка в рамках других языковых систем, например, общепринятые социолингвистические термины '*койне*, *лингва франка*', первоначально обозначавшие конкретные идиомы, ср. также '*арго*, *жаргон*, *сленг*'. Наконец, следует учитывать и то обстоятельство, что подобные термины стали появляться задолго до формирования современного научного языкознания, они входили в оборот в разных языках и в разное время, а затем могли постепенно выходить из употребления.

Ю. Г. Суетина

**К вопросу о разграничении между
сложными словами и фразеологическими
оборотами в хауса**

В языке хауса, как и в других языках, существует большое количество сложных слов, т. е. слов, представляющих собой последовательность двух или более слов, обозначающих одно понятие. В западной хаусанистике такие слова принято называть *compounds*. Этот термин впервые был предложен в 1972 г. нигерийским лингвистом Галаданчи. Сейчас этот термин широко используется западными хаусанистами, такими как Ф. Джаггер, П. Ньюмен и др.

Все эти авторы не делают различия между сложными словами и фразеологическими оборотами (ФО). Еще в 1990 г. С. Пилашевич, описывая сложные слова, предлагал для них термин «фразеологизм», но его предложение, по всей видимости, не было принято. Во всяком случае ни П. Ньюмен в своей работе, ни Ф. Джаггер в фундаментальном труде «Хауса» не употребляют этот термин. Возникает вопрос о критериях разграничения сложных слов и ФО.

В хауса существует большая группа сложных слов, первым элементов которых является слово '*dan* 'сын', '*yar* 'дочь', '*yan* 'дети', которые могут быть отнесены к одной из двух семантических групп — «профессия» или «происхождение»: '*dan takasi* 'таксист' < *takasi* такси, '*dan gadi* 'стражник' < *gadi* 'стража' или '*yar*

'*kauye* 'жительница деревни' '*dan Rasha* 'русский', '*yan Kano* 'жители Кано'. В некоторых словах, относящихся к семантической группе «профессия», возможна замена первого элемента '*dan* на формант '*mai*', также участвующий в образовании слов с семантикой «профессия». Так, в романе А. Дангамбо «Цветок маниоки» мы встречаем на одной странице '*dan takasi*, а через три страницы — '*mai takasi*: *Amma tsakanin 'dakunan Musa da Ado akwai 'dakin wani 'dan takasi*. 'Но между комнатами Мусы и Адо была комната таксиста'. И ...*wani mai takasi ya tsayad da mota dab da su, ya bude taga ya ce: Ina za ku?* Таксист остановил машину рядом с ними. Открыл окно и спросил: «Вам куда?»'.

Но наряду с такими словами как '*dan takasi* в этой семантической группе мы можем найти и такие слова, как '*dan sanda* 'полицейский' < *sanda* 'палка'. Если у таких сложных слов как '*dan jari-da* 'журналист' < *jarida* 'газета', '*dan siyasa* 'политик' < *siyasa* 'политика' семантика достаточно прозрачна, то у сложного слова '*dan sanda* его значение не может быть выведено из суммы значений составляющих его слов.

В сложных словах, относящихся к группе «происхождение», '*dan gari* может означать 'горожанин, житель города', но также и 'стиляга, пижон'. В первом случае возможна постанова к этому сложному слову определений как в препозиции — *wani 'dan gari* 'какой-то горожанин', *wannan 'dan gari* 'этот горожанин', *tsohon 'dan gari* 'старый горожанин', так и в постпозиции: '*dan garin Potiskum* 'житель города Потискум'. Во втором случае, когда мы имеет ФО '*dan gari*, определение в постпозиции невозможно.

При помощи форманта '*mai/masu* в хауса образуются слова с семантикой «владелец чего-либо»: '*mai ku'di* 'владелец денег', '*mai gida* 'хозяин дома' (также вежливое обращение к главе семьи), '*masu motoci* 'владельцы автомобилей'. Семантика этих сложных слов достаточно ясна. Но в выражении '*masu ruwa da tsaki* 'власть имущие', не представляется возможным вывести его значение из суммы значений составляющих — (досл. 'владельцы воды и муки грубого помола'). В сложных словах первой группы определение возможно как ко всему сложному слову — *tsohon mai gida* 'старый хозяин дома', так и ко второму компоненту — *mai tsohon gida*

‘владелец старого дома’. В случае же с ФО *masu ruwa da tsaki* определение может быть только ко всему сложному слову: *wa'dansu masu ruwa da tsaki* ‘какие-то власть имущие’, *wa'dannan masu ruwa da tsaki* ‘эти власть имущие’.

Что же отличает ФО от сложного слова? Согласно дефиниции Н. М. Шанского, «фразеологический оборот — это воспроизводимая в готовом виде единица из двух или более компонентов словного характера, фиксированная (т. е. постоянная) по своему значению, составу и структуре». Но и сложное слово также состоит из двух или более компонентов и постоянно по своей структуре и значению. Основным свойством ФО, отличающего его от сложного слова, является невозможность вывести его значение из суммы значений составляющих. Другие же свойства ФО, такие как постоянство состава и местоположения компонентов, не могут служить критерием разграничения сложных слов и ФО по двум причинам: во-первых, порядок следования компонентов сложных слов может быть нарушен в соответствии с правилами синтаксиса хауса: *mai ba da shawara* ‘советник’ > *mai bai wa shugaban* ‘*kasa shawara* ‘советник президента’ (досл. ‘дающий президенту совет’). Для именных ФО, о которых шла речь выше, подобное нарушение порядка слов невозможно. Можно выделить основные модели образования сложных слов и говорить об их производительности / непроизводительности в современном языке. Но нельзя говорить о моделях образования фразеологизмов в данном контексте. Поэтому на наш взгляд следовало бы разграничить в хауса эти понятия — сложное слово и ФО.

Основная литература

1. Galadanci M. K. M. The structure and syntactic function of compound noun in Hausa / *Antropological Linguistics* 14. 1972: 147–154.
2. Pilaszewicz S. Phraseologisms in Hausa. In: *Hausa Studies*. Warsaw, 1990.
3. Newman P. The Hausa language. An Encyclopedic Reference Grammar. New Have & London, 2000.
4. Jaggat Ph. J. Hausa. Amsterdam. 2001.
5. Abdulkadir Dangambo. *Kitsen rogo*. 1978.
6. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. М., 2009.

О. И. Тетерин

О военной терминологии на суахили

1. Студенты ИВЯ при МГУ — первые советские военные переводчики суахили в Африке (на Занзибаре, куда были командированы по линии минобороны СССР в помощь первой группе советских военных специалистов, 1965–1966 гг.).

2. Солдаты, занзибарские новобранцы, коих следовало научить строевой, боевым навыкам, обращению с оружием и т. д., в массе своей — бывшие крестьяне, неграмотные, выходцы из беднейших слоев населения — едва знали разговорный английский, а о военных терминах и говорить не приходилось. Складывалось так, что без суахили — никак!

3. Но и нам, переводчикам, приходилось нелегко. В ИВЯ военной тематики на занятиях по языку не было. В первом советском «Суахили-русском словаре» (М., 1961. 6000 экз.), военные термины практически отсутствовали. У нас никогда не было военных текстов на суахили. И взять их было неоткуда!

4. На первых порах мы спрашивали у занзибарских офицеров, знавших английский, что и как из «военного» называется на суахили, и учились на ходу. Например, выяснилось, что *kifaru* ‘носо-рог’ на военном суахили — это ‘танк’ (не правда ли, удачное сравнение!). А *mzinga* ‘улей’ — ‘пушка’! А на Занзибаре улья — это выдолбленные изнутри крупные поленья гладкоствольных (курсив — *авт.*) деревьев, в т.ч. пальм. Их привязывают веревками в кроны деревьев. А какой главный «элемент» у пушки? Правильно — *ствол*! Поэтому *mzinga* и стала ‘пушкой’.

5. Главная трудность — это почти полное отсутствие терминологии на суахили в тех областях, с которыми нам, военным переводчикам, приходилось сталкиваться.

6. Один из примеров — как перевести на суахили слово «электролит» (в аккумуляторных батареях), чтобы было понятно механику или шоферу военного грузовика? Я отстаивал свой перевод, звучащий по-русски — ‘смесь, являющаяся причиной выработки тока’. Володя Овчинников (мы были вдвоем на Занзибаре) доказывал, что электролит не вырабатывает ток, а лишь сохраняет его.

В конце концов, мы пришли к компромиссному, что ли, переводу: *mchanganyiko unaohifadhi na kutoa nguvu ya umeme*. В переводе сие творчество звучит так — ‘смесь, сохраняющая и вырабатывающая электрический ток’.

7. Другой пример. В ходе работы выяснилось, что в занзибарской армии отсутствовали какие-либо уставные документы на суахили. Полковник, начальник нашей группы, поручил автору этих строк перевод на суахили «Полевого устава Советской Армии». С заголовком я справился — *Katiba ya Jeshi la Nchi Kavu* ‘Устав сухопутных войск’, как и с текстом, в целом.

8. Обо всех перипетиях с переводом и не расскажешь. Отмечу самое забавное. Например, в нашем Уставе есть термин «ползти по-пластунски». Перевести его «с ходу» не удалось. Пришлось «показать» на собственном примере, как ползти, примерно десятерым солдатам и сержантам, причем каждому — в отдельности. И у каждого был свой вариант ответа! Я надеялся хотя бы на два совпадения, но, увы... В моей интерпретации ‘Занзибарский полевой устав’ так и остался без ‘ползти по-пластунски’.

9. Примерно та же «история» произошла и с другими нашими терминами — «мушка» и «целиться под яблочко». На боевых стрельбах мой непосредственный начальник, майор Борис Николаевич Линёв, обучая солдат как стрелять, командовал: «Целься в мушку, и под яблочко!» Но невдомек ему было, что на Занзибаре яблони никогда не росли и не растут! И приходилось мне на стенде рисовать условное «яблоко» и рассказывать (на суахили), как именно через «мушку» надо целиться.

10. На Занзибаре я все больше убеждался, что суахили — язык очень ёмкий, иногда даже удивляло, насколько он ёмкий!

М. Р. Урб

Неологизмы в сфере компьютерной терминологии в языке африкаанс

Процесс развития компьютерных технологий внес в язык африкаанс огромное количество специальных слов и выражений. Данная терминологическая сфера постоянно пополняется неологизма-

ми, одновременно с этим освобождаясь от устаревших слов и часто изменяя значения уже сложившихся понятий. Большая часть компьютерных терминов заимствована из английского языка, но параллельно с ними используются неологизмы, образованные за счет средств языка африкаанс. Чаще всего оба термина характеризуются высокой частотностью употребления, а в некоторых случаях синонимический эквивалент на африкаанс может вытеснить заимствованный термин.

При передаче значения английского термина на африкаанс используются наиболее распространенные приемы заимствования: транскрипция, калька/полукалька, семантический перевод, описательный перевод. Создание неологизма за счет внутренних ресурсов языка осуществляется по существующим в африкаанс словообразовательным моделям. Терминообразование представлено семантическим, морфологическим и лексико-грамматическим способами.

Компьютерные неологизмы в африкаанс можно распределить по следующим лексико-семантическим группам:

1. Общие понятия, например, rekenaar 'компьютер', inligting-tegnologie 'информационные технологии', tafelrekenaar 'персональный компьютер', notaboekrekenaar/skootrekenaar 'ноутбук', palmrekenaar 'субноутбук', netboek 'нетбук', tabletrekenaar/tablet 'планшетный компьютер', ikoon 'иконка', klasbiblioteek/klassoteek 'библиотека классов', netwerk 'сеть', koppelvlak 'интерфейс', kuberruim 'киберпространство', 'virtueel/skynreël/skynwerklik/ampereël 'виртуальный', Startkieslys/Beginkieslys 'стартовое меню', lêer 'файл'.

2. Составные части компьютера. В данную группу неологизмов входят названия деталей компьютера и всех устройств, т. е. аппаратное обеспечение или hardware > hardeware, apparatuur (афр.). Например, verwerker 'процессор', geheue 'память', muis 'мышь', loper/merker/wiser 'курсор', rekenarskerm 'монитор, дисплей', hardeskyf 'винчестер', moederbord 'материнская плата', sleutelbord 'клавиатура', drukker 'принтер'.

3. Программные продукты. Лексические единицы этой группы содержат в своей семантике понятие «программное обеспечение» или software > sagteware, programmatuur (афр.): rekenaarprogram 'компьютерная программа', toepassingsagteware 'прикладное про-

граммное обеспечение', bedryfstelsel/sisteen 'операционная система', databasisbestuurstelsel 'система управления базами данных', Microsoft Windows 'операционные системы корпорации Microsoft', MS DOS 'дисковая операционная система', leser/blaaier/rondblaaier 'браузер', antivirusprogram 'антивирусная программа'.

4. Работа с компьютером. Данная группы включает в себя наименования действий пользователя, совершенных при помощи компьютера: argiveer/wegbêre/boekstaaf 'архивировать', kopieer 'копировать', installeer 'устанавливать', herbegin/oorbegin/weer begin/laat weer loop 'перезапустить, перезагрузить', aflaai 'скачивать', formateer 'форматировать (диск)'.

5. Пользователь или программист. Данная группа охватывает наименования компьютерных специалистов, а также обычных пользователей: programmeerder 'программист', stelselbeheerder 'системный администратор', gebruiker 'пользователь', kubertruiter 'кибернавт/киберличность'.

6. Единицы измерения: greep 'байт', megagreep (Mb) 'мегабайт', bis 'бит', FLOPS 'гигафлопс'.

7. Интернет. Образовавшаяся в последние годы группа слов, семантически связанных с этим понятием, включает в себя следующие: WWW (wêreldwye web) 'всемирная паутина', spam/ varkpos/geraaspos/sproeipos 'спам', geselsie, praatjie 'чат', klets 'чатиться', tuisblad 'домашняя страница', webwerf 'сайт', netwerkkraaker/rekenaarslaaf 'хакер'.

Н. Г. Федорова

**Типы заголовков в суахильской прессе
(на материале газеты RAI «Мнение»)**

Заголовок имеет большое значение при ознакомлении с любой газетной публикацией, поскольку в первую очередь он привлекает внимание читателя и позволяет в определенной мере судить о содержании того или иного газетного материала. Заголовки самых интересных и значимых материалов (по мнению редакции) размещаются на первой странице в газете RAI, а также в рубрике Maele-

zo ya habari «Информационный комментарий» и зачастую снабжаются фотоснимками, целью которых также является привлечение внимания читателя. Заголовок вместе с иллюстрацией — это первый элемент, воздействующий на читателя.

Заголовки имеют разнообразный характер, но по степени их структуры и сложности обычно выделяют три основных типа заголовков, которые обнаруживаются и в других газетах на языке суахили.

Простой заголовок. Такой заголовок состоит из одного глагольного предложения. Это, как правило, распространенное предложение с дополнением и обстоятельством. Предложение может быть утвердительным, отрицательным или вопросительным, а глагол, передающий динамику действия, при этом оформлен показателями:

а) *изъявительного наклонения* (чаще настоящего, значительно реже прошедшего и будущего времен):

Ufisadi wa ununuzi wa mafuta unachunguzwa «Коррупция при закупках нефти расследуется»;

Chama cha Mapinduzi hakiwezi kuzuia mabadiliko «Революционная Партия не может препятствовать реформам»;

Viwanda vidogo vina bei kubwa za bidhaa «На малых предприятиях высока цена продукции»;

Nishani alipata bingwa toka Uganda «Медаль получил спортсмен из Уганды»;

б) *желательно-побудительного наклонения*:

Serikali iimarisha ulinzi wa tembo «Правительство должно усилить охрану слонов»;

Tufanye mengi mema «Давайте делать больше добрых дел».

Простые заголовки обычно предшествуют небольшим по объему сообщениям о событиях в жизни страны, активно обсуждаемых в читательской аудитории.

Усложненный заголовок. Такой заголовок формируется из нескольких частей, представляющих собой сложно-подчиненное предложение, раскрывающее суть данной публикации:

Usidharau adui ijarokuwa yu dhaifu «Не презирай врага, даже если он слаб»;

Nchi za Afrika ambazo hazina bandari bado hazijaungana «Африканские страны, у которых нет [собственных] портов, еще не объединились».

Заголовочный комплекс. Этот тип заголовков характерен для крупных по объему и сложных для понимания аудитории материалов. При этом могут использоваться подзаголовки, позволяющие читателю более точно понять излагаемую информацию. Так, в большой статье под заголовком, набранным жирным шрифтом Mji wa Aleppo unahesabika kama mwisho wa Sirya «Город Алеппо можно считать концом [существования] Сирии», приводится ряд подзаголовков, объясняющих историю начала конфликта и современное состояние кризисной ситуации в стране: Msimamo wa Rais «Позиция президента», Dola la Kiislamu linataka nini? «Чего добивается 'Исламское государство'», Je? Inawezekana kushinda ugaidi? «Можно ли справиться с терроризмом?».

В настоящей статье рассмотрены типы заголовков лишь в одной из танзанийских газет на языке суахили, число которых в Танзании приближается к 50-ти.

Экономика стран Азии и Африки
Круглый стол «Проблемы роста стран Востока
в условиях глобальной экономической
нестабильности»

А. В. Акимов

Две группы долгосрочных стимулов
экономического роста в современной
мировой экономике

После мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. появляется все больше признаков того, что наступивший период неустойчивости и низких темпов экономического роста в группе развитых стран и замедление темпов роста в переходных экономиках являются проявлением смены волны долгосрочного кондратьевского цикла. Неясность целей развития, насыщенность большинства рынков товаров и услуг сдерживает экономический рост.

В этой связи встает вопрос о долгосрочных перспективах развития, возможных направлениях роста мировой экономики в ближайшие десятилетия. Представляется, что при большой важности общих мирохозяйственных тенденций и глобализации мировой экономики экономический рост в группе развитых стран и в группе развивающихся государств и переходных экономиках будет стимулироваться разными потребностями и различающимися технологиями.

Для развитых стран важными тенденциями являются развитие альтернативных технологий в топливно-энергетическом комплексе (ТЭК), а также всемерное развитие трудосберегающих технологий. Альтернативные технологии в ТЭК включают как альтернативные источники энергии (ветровая, солнечная и т.п.), так и сланцевую нефть и газ, которые станут рентабельны при повышении цен на нефть и природный газ.

В трудосберегающих технологиях наиболее яркой составляющей являются робототехника и искусственный интеллект, но к этой же категории относятся трехмерные принтеры, открываю-

щие новые возможности в производстве сложных по форме изделий, которые ранее требовали квалифицированного труда. Среди трудосберегающих технологий также важны комплексы по перевалке насыпных грузов и породы, которые вытесняют ручной труд из горнодобывающей промышленности, а также транспорта при перевалке грузов. Эти тенденции обозначают движение к самодостаточности развитых стран в энерго- и трудообеспечении.

Для развивающихся стран и переходных экономик наиболее важными остаются проблемы догоняющего развития и трудоустройства многочисленной рабочей силы. Для развития современной промышленности этим странам необходимы большие количества топливно-энергетических ресурсов. Особое место будет занимать КНР. Эта страна все еще не достигла многих целей на пути догоняющего развития, но в то же время находится на лидирующих позициях в мире как в создании альтернативной энергетики, так и в роботизации экономики.

Таким образом, будет складываться противоречивая ситуация. Развивающиеся страны будут догонять развитые по многим показателям, связанным с интенсивностью использования и потреблением многих ресурсов, но намечающийся технологический скачок в развитых странах переместит их на новую более высокую траекторию экономического развития, которая принципиально будет отличаться от того, что будет существовать в развивающихся странах. Такая ситуация может породить новый раскол в мировом хозяйстве, замедлив или даже повернув вспять процессы глобализации.

Е. М. Аксенова

**Вьетнам в условиях глобализации:
риски и проблемы**

Реализация Вьетнамом стратегии опоры на внешние источники развития и политики открытых дверей, активная интеграция в глобальные и региональные торгово-экономические объединения создают для национальной экономики не только новые возможности, но и новые риски. Во-первых, постоянно усложняются условия

международной торговли: растет угроза снижения спроса в развитых странах на экспортную продукцию развивающихся стран, усиливается конкуренция между странами АСЕАН в сходных торговых направлениях. Во-вторых, приток в экономику иностранных инвестиций не всегда является гарантом ее развития. Акцентирование внимания на росте общих объемов иностранных капиталовложений в страну часто не позволяет увидеть негативное влияние, которое иностранные компании оказывают в отдельных секторах, регионах и социально-экономических сферах.

Высокая открытость экономики формирует свободное поле для деятельности в стране проводников глобализации — иностранных корпораций. Их интересы далеко не всегда совпадают с национальными интересами страны. Например, допуск высокотехнологичных корпораций в мелкотоварное сельское хозяйство Вьетнама создает для него риски потери сырьевых рынков: в настоящее время такая угроза существует для рынков морепродуктов, кофе, чая. Торговая либерализация в сфере сельского хозяйства чревата кризисом для национальных производителей. Например, снижение импортных пошлин на мясную продукцию в рамках региональных соглашений может привести к кризису национальной отрасли животноводства. В секторе услуг ТНК активно захватывают рынки рекламы, логистических услуг, современные каналы дистрибуции. Молодые вьетнамские компании не имеют достаточно опыта, чтобы противостоять крупным ТНК, которые в итоге получают не только площадки для продвижения собственных брендов и реализации продукции, но и расширяют доступ к традиционным вьетнамским экспортным секторам.

Не является однозначно положительным эффект вторичных факторов влияния ТНК на развитие вьетнамской экономики. Во-первых, широкое применение ТНК трансфертного ценообразования приводит к снижению налоговых поступлений от их деятельности в национальных бюджет. Во-вторых, надежда на технологический трансфер в результате прихода в страну развитых производств в значительной степени не оправдана. Исследования показывают, что передача технологий от иностранных компаний вьетнамским имеет место только в 10 % транзакций, при этом 95 % иностранных компаний используют во Вьетнаме уже относитель-

но устаревшие технологии. В-третьих, с точки зрения содействия росту занятости в стране следует учитывать, что 80% забастовок во Вьетнаме происходят в компаниях с иностранной собственностью. Условия работы, а также уровень зарплат в иностранном секторе часто остается неудовлетворительным.

Успешная интеграция страны в глобальную экономическую сеть, как и макроэкономическое равновесие, напрямую зависят от многих факторов: от зрелости нормативно-правовой базы, качества социальных институтов, от уровня научно-технического развития, от места экономики в производственно-сбытовой цепи. В условиях, когда национальный частный бизнес остается слабым, а государство неэффективно реализует свою надзорную функцию, широкий допуск ТНК на внутренний рынок и предоставление им многочисленных льгот может помешать Вьетнаму повысить свое место в глобальной цепочке создания стоимости. Сохраняется опасность, что Вьетнам все так же останется на периферии мировой экономики.

Основная литература

1. *Ла Мань Тханг*. Стратегии и перспективы деятельности зарубежных ТНК на рынке Вьетнама. Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук. М., 2013. 153 с.
2. *Ngoc Tran, Norlund I.* Globalization, industrialization, and labor markets in Vietnam // Journal of the Asia Pacific Economy. Volume 20, Issue 1, 2015. P. 143–163.

В. В. Бойцов

Особенности экономического развития стран Юго-Восточной Азии в конце 2000-х – первой половине 2010-х гг.

Турбулентность мирового хозяйства, характерная для периода, ведущего начало с мирового финансово-экономического кризиса 2007–2009 гг., не могла не затронуть и страны Юго-Восточной Азии. В особенности это относится к странам с наиболее высокой включенностью в мировое хозяйство. Однако, учитывая уроки

кризиса 1997–1998 гг. и опираясь, в том числе, и на коллективные инструменты, страны региона минимизировали, насколько это было возможно, его деструктивные последствия. Основными направлениями их деятельности по преодолению, а затем и предотвращению в будущем кризисных явлений стала не столько прямая поддержка производства, сколько обеспечение стабильного функционирования кредитно-банковского сектора и финансовых институтов, фондовых и товарных бирж, а также денежного обращения на уровне, необходимом для их нормального функционирования.

В то же время в целях сохранения сокращающихся позиций в мировом хозяйстве в целом и в мирохозяйственных связях в частности, страны Юго-Восточной Азии инициировали меры по расширению сферы своей внешнеэкономической деятельности, главным образом с помощью территориальной диверсификации своих торгово-экономических отношений. Однако из-за высокой степени включенности в международные экономические связи, полномасштабный переход от рецессии к возобновлению хозяйственного роста происходил там во многом по мере восстановления докризисной ситуации в ведущих экономических и финансовых центрах современного мирового хозяйства. Такого рода зависимость основных макроэкономических параметров стран региона от ситуации на мировом рынке и отдельных его отраслевых и территориальных сегментов сохраняется до сих пор. Как правило, степень этой зависимости предопределяется не масштабами и уровнем развития хозяйства этих стран, а разнообразием и интенсивностью их внешнеэкономических связей.

Наиболее характерной тенденцией экономического развития стран юго-восточноазиатского региона в рассматриваемый период является постепенное затухание темпов экономического роста, наметившееся еще в 1990-х гг. Сходные процессы наблюдаются и в сфере экспортной торговли этих стран, сыгравшей в прошлом столь важную роль в ускорении динамики их экономического развития. Еще более заметным, несмотря на абсолютный рост, оказалось снижение темпов притока прямых иностранных инвестиций. Однако появление новых, понижающих тенденций в динамике экономического развития стран региона связано, скорее всего, не только с деструктивным воздействием неустойчивости

мирового хозяйства, но и со структурной перестройкой, наметившейся в большинстве стран региона. Главное направление этой перестройки заключается в постепенном сокращении масштабов роста обрабатывающей промышленности и соответственно вклада этой отрасли в ускорение общественного производства.

Параллельно с этим в большинстве рассматриваемых стран все более отчетливо наблюдается тенденция к более быстрому расширению сферы услуг. Таким образом, можно сказать, что в Юго-Восточной Азии в настоящее время происходит поворот от форсированной индустриализации, осуществлявшейся за счет ускоренного развития, прежде всего, отраслей обрабатывающей промышленности, обеспечивавшей на протяжении нескольких десятилетий высокие и устойчивые темпы экономического роста стран региона, к постепенной сервисизации их экономики, более характерной для современного этапа экономического развития мирового хозяйства и нередко сопровождающейся снижением динамики хозяйственного развития.

Л. С. Бочарова

**Современный арабский мир: развитие
потенциала в сфере науки, технологии
и инноваций**

1. Ключевые факторы роста научного потенциала. Правительства большинства арабских государств рассматривают создание экономики знаний как наилучший способ использования эффективной движущей силы развития. Значительное влияние на политику в сфере науки, технологии и инноваций (НТИ) оказали геополитические изменения последних лет. В Египте после событий «арабской весны» была принята новая Конституция, позволяющая государству выделять на научные исследования и опытно-конструкторские разработки (НИОКР) около 1 % от ВВП и гарантирующая свободу научных исследований. В Тунисе смена власти способствовала большей академической свободе, установлению и развитию более тесных связей университетов с производственным сектором и международными научными организациями. С другой

стороны, результатом «арабской весны» стало появление военизированных формирований, создающих угрозу политической стабильности и подрывающие надежды на создание экономики знаний.

На развитие НТИ оказывают влияние и другие факторы. Повышение эффективности потребления воды и энергии, строительства, транспорта требуют использования новейших технологий, сконцентрированных, как правило, в «интеллектуальных» городах. В Египте возрожден проект «Зевайя» по созданию города науки и технологии, в ОАЭ создан Институт современной науки и техники для использования спутников наблюдения Земли. Широкий спектр недавних инициатив направлен на использование достижений НТИ в области энергетики. Марокко в 2014 г. открыла крупнейшую в Африке ветровую электростанцию и создает не менее масштабную электростанцию на солнечных батареях. Саудовская Аравия в 2015 г. объявила о программе по развитию солнечной энергетики. Экологические кризисы (периодические засухи, наводнения и прочие стихийные бедствия) также оказывают серьезное воздействие на развитие науки.

2. Тенденции в области расходов на НИОКР. В 2013 г. валовые расходы на НИОКР в арабских странах достигли \$15,4 млрд (по ППС в постоянных ценах 2005 года) по сравнению с аналогичными расходами в 2007 г., составившими \$8,8 млрд. Прирост в 75 % представляется значительным с учетом имевшего место в этот период кризиса. Крупнейшим источником НИОКР продолжает оставаться правительство. Что касается интенсивности расходов на науку (отношение инвестиций в науку к ВВП), то она остается низкой в большинстве арабских государств (0,3 % в 2013 г.). Повышение этого показателя в крупных нефтеэкспортерах затрудняется высоким уровнем ВВП. А в Марокко и Тунисе значение данного индикатора сопоставимо с мировым показателем для стран со средним уровнем доходов (около 0,7 %). В самом многонаселенном арабском государстве — Египте индикатор вырос с 0,43 % в 2009 г. до 0,68 % в 2013 г. и отражает стремление правительства направить страну по пути экономики знаний, которая открывает перспективу более диверсифицированных источников доходов.

3. Основные направления развития в сфере человеческого капитала. В настоящее время в научных исследованиях в арабском мире занято 149,5 тыс. ученых (1,9 % от мирового показателя).

теля). С 2007 года число исследователей выросло на 22 %. И это при том, что «утечка умов» из стран с более низким уровнем доходов по-прежнему сохраняется. Согласно данным Национального научного центра, с 2002 г. по 2004 г. в результате миграции Судан потерял более 3 000 младших и старших научных сотрудников. В свою очередь, после событий «арабской весны» он стал убежищем для учащихся из арабских стран и государств Африки.

Национальные системы большинства арабских стран поощряют обучение и стажировку ученых за границей. Правительство Саудовской Аравии, например, спонсирует обучение своих граждан в докторантурах за рубежом в целях значительного увеличения к 2020 г. числа докторов наук в своих университетах, два из которых входят в список 500 ведущих университетов мира. По мере того, как страны стремятся к созданию пула ученых или исследователей, соизмеримого с масштабом задач, стоящих перед ними в области развития, их отношение к гендерным вопросам меняется. В некоторых арабских государствах в настоящее время естественные науки, медицину и сельское хозяйство в университетах изучает больше женщин, чем мужчин. Около 37 % исследователей в арабском мире составляют женщины, и это больше, чем в странах ЕС (33 %).

4. Тенденции в области генерации знаний и патентов. Быстрый рост публикаций отражает зрелость научной системы. За период 2008–2014 гг. среднерегиональный показатель роста объема научных трудов увеличился на 109,6 % в то время, как в Европе рост составил лишь 13,8 %. В плане специализации в научных дисциплинах, арабские страны относительно сильны в области математики и демонстрируют слабые позиции в психологии.

В то время как на уровне общей политики основное внимание уделяется поощрению инвестиций в НИОКР, важным моментом развития остается значимость приобретения компаниями внешних знаний и внедрения инноваций, не связанных с технологиями. На сегодняшний день в арабском мире отмечается тревожная тенденция: слабость взаимодействия между фирмами, с одной стороны, и университетами и лабораториями — с другой. В таком случае судить о воздействии инноваций позволяет практика в области использования патентов. Здесь позиции арабских стран пока еще достаточно слабы.

Л. Х. Матюнина

Проблемы выбора режима валютного курса в современных условиях

Режим валютного курса (РВК) один из многих, но чрезвычайно важный аспект валютной политики государств. Адекватный выбор РВК в условиях возросшей, хотя и асимметричной, взаимозависимости стран оказывает воздействие не только на состояние отдельных национальных экономик, но и устойчивость всей системы международных финансовых отношений, способствуя или затрудняя процесс включения различных групп стран в мировые потоки товаров, услуг, капиталов в современных условиях.

Особенно актуальна проблема выбора РВК для развивающихся стран (РС). Это связано с гораздо большей значимостью валютного фактора для устойчивого экономического роста указанной группы стран по сравнению с развитыми государствами. Возросшая в нынешних условиях мобильность капитала, степень интегрированности РС в мировую экономику усилила влияние выбора РВК на динамику развития этой группы государств. РВК служит своеобразным амортизатором, делающим страну более или менее уязвимым к определенным внешним и внутренним шокам, оказывает влияние на темпы экономического роста, уровень инфляции, динамику краткосрочной процентной ставки, устойчивость финансовых рынков. Свобода выбора РВК в условиях современной валютно-финансовой системы делает разработку концепций и критериев выбора наиболее адекватного режима валютного курса для РС еще более актуальной.

Несмотря на неослабевающий с середины 70-х годов прошлого века интерес к этой теме и огромное количество исследований, посвященных ей, особенно после Азиатского кризиса 1997–1998 гг., единого мнения по этой проблеме пока выработать не удалось. Активная критика РС за «боязнь плаванья» сменилась двухполюсной концепцией, в соответствии с которой все РС в конечном итоге выберут режим жесткой привязки или свободного плаванья. Однако в целом РС активно используют промежуточные формы режима валютного курса, хотя накопили известный опыт и в при-

менении плавающих курсов, к которым часто прибегают в периоды кризисов и нестабильности. По данным МВФ, в настоящее время тяготение к промежуточным формам РВК усилилось. Число стран, выбравших мягкую привязку, начало вновь расти с середины 2013 года и достигло своего максимума с 2008 года, а число стран с гибкими курсами сократилось. Группа стран с мягкой привязкой по численности превосходит государства, которые выбрали гибкий курс, и составляет 43,5 % общей численности стран-членов МВФ [AREAER: 2014].

Вместе с тем проведенные исследования позволили углубить наши знания о режимах валютного курса и практике их применения в РС. В связи с этим хочется выделить несколько моментов. Во-первых, было уточнено понятие РВК, их классификация. МВФ начал публиковать данные о режимах валютных курсов де-факто (ранее приводились только де-юре РВК). Уточнение представлений о де-факто и де-юре РВК позволило отчасти объяснить порой противоречивые данные о связи различных РВК с динамикой макроэкономических показателей, продолжить исследования в этом направлении.

Во-вторых, изменился подход к изучению проблемы выбора и применения РВК в РС. Акцент в исследованиях смещается не на критику РС за неправильно выбранный режим валютного курса, а на поиски ответов на вопросы о том, какой должна быть, например, денежно-кредитная политика в условиях выбранного режима, с какими рисками может столкнуться страна, сделав выбор в пользу того или иного РВК.

В-третьих, некоторые авторы начали рассматривать практику применения различных РВК в более широком контексте финансовой стабильности страны с учетом большой роли динамики валютного курса в формировании цен на активы в условиях формирующихся рынков.

Оптимальный РВК для РС пока не найден. Возможно, он и не существует. И фиксированные курсы и плавающие таят в себе много опасностей. РВК — гибкий инструмент, его применение требует постоянного внимания и своевременного изменения в случае необходимости. Выбор степени гибкости РВК на среднесроч-

ную перспективу надо соотносить с особенностями экономики страны, степенью ее открытости. Похоже, что в современных условиях сочетать плавающие курсы с мобильностью капитала могут только развитые страны с глубокими диверсифицированными финансовыми рынками.

В. А. Мельянцеv

**Феномен существенного торможения
роста мировой экономики**

1. Парадоксально, но факт: несмотря на то, что в мире значительно возросла скорость технологических, социально-экономических и институциональных трансформаций, многократно повысилась *норма расширенного накопления (НРН)*, с 2–3 % ВВП в 1000–1800 гг. до 12–14 % в 1800–1950 гг. и 37–39 % в 1950–2015 гг., в т. ч. по развитым государствам (РГ) до $\frac{2}{5}$, по развивающимся странам (РС) до $\frac{1}{3}$), *увеличился глобальный поток* товаров, услуг и финансов (с 50–60 % ВВП в 1975–1984 гг. до 170–180 % в 2005–2014 гг.), а *компьютерная мощь* с середины 1950-х гг. умножилась ~ в триллион раз, в результате чего, казалось бы, говоря словами А. С. Пушкина, счастье стало «так возможно, так близко», в последние десятилетия обнаружилось в целом существенное *замедление мировой экономической динамики*.

2. Среднегодовой темп прироста (СГТП) *ВВП на душу населения*, возросший в целом по миру с 0,0–0,1 % в 1000–1800 гг. до 0,9 % в 1800–1950 гг. и 2,8 % в 1950–1980 гг., сократился в 1980–2015 гг. *на четверть* — до 2,1 % (в РГ до 1,7 %, в т. ч. в 2011–2015 гг. до 1,1 %). СГТП *мирового индекса человеческого развития*, который повысился с 0,1 % в 1000–1800 гг. до 0,8 % в 1800–1950 гг. и 1,9 % в 1950–1980 гг. (в РГ до 1,6 % и РС до 2,4 %, что привело к смене модели мирового развития от дивергенции к конвергенции), сократился в целом в 1980–2015 гг. *на треть* до 1,2 % (в РГ до 1,0 и РС до 1,6 %). СГТП *совокупной факторной производительности (СФП)*, увеличившийся в целом по миру соответственно практически с нуля до 0,5 % (в РГ

до 0,7 %, в РС до 0,2 %) и 2,0 % (в РГ до 2,5 %, в РС до 1,2 %), в 1980–2015 гг. уменьшился **вдвое** — до 1,0 % (и по РГ и РС).

3. Хотя не исключено, что ряд позитивных эффектов НТП, в т. ч. ИКТ, недоучтен в статистике ВВП, тем не менее, феномен долговременного торможения экономического роста, прежде всего по РГ, вполне реален. Автором на основе расчета ряда моделей по данным международной статистики показано, что оно вызвано не только **потерей РГ демографического дивиденда, исчерпанием эффекта межотраслевого перелива** ресурсов труда и капитала, достижением определенного **предела в увеличении НРН**, заметным **проигрышем** развитыми странами развивающимся по ряду компонентов **совокупных издержек производства**, но и реализацией в последние десятилетия неэффективной модели капитализма, основанной на стремительном росте избыточных по масштабам финансиализации экономики, ее задолженности и неравенства, которые резко притормозили рост реального сектора их экономики, прежде всего со стороны спроса.

Даже без учета деривативов **объем финансовых активов** к ВВП, возросший в целом по миру за последние 30–35 лет в 2–2,5 раза, превысил, по нашим расчетам, критическую «планку» на треть, в т. ч. по РГ — на $\frac{3}{4}$. **Объем совокупной непогашенной задолженности**, отнесенный к ВВП, росший в 1980–2014/15 гг. в целом по миру со СГТП в 4–5 раз более высоким, чем в 1950–1980 гг., достиг 320–330 % (в РГ 350–360 %, в РС 180–190 % ВВП), превысив показатель 1933 г. по меньшей мере (без учета теневых финансов) на $\frac{1}{10}$. Хотя некоторый **рост неравенства**, в частности по доходам, с низкого уровня, как показывают расчеты, не вреден для роста ВВП, его существенное и быстрое повышение может быть контрпродуктивным, создавая «спросовые» и иные ограничения его роста. В среднем по крупным РГ за последнюю треть века доля богатейшего 1 % населения в его совокупном доходе увеличилась на $\frac{2}{3}$ (с 7–8 до 12–13 %). **Доля богатейшего процента мирового населения в совокупном мировом богатстве** в 2009–2015 гг. выросла с 44 до 50 %, в 9,5 раз превысив долю нижних 80 % мирового населения. В целом по миру в 2015 г. коэффициент Джини по богатству (чистым финансовым активам) превысил 0,9.

4. По нашим расчетам, в целом за последние 3–4 десятилетия более высокие по сравнению с РГ темпы прироста ВВП в РС примерно на $\frac{2}{5}$ объяснялись активизацией в ряде из них (НИС, КНР, Индия, Индонезия и др.) прагматичных, прорыночных реформ, в результате чего **доля РС в приросте мирового ВВП возросла вдвое до $\frac{4}{5}$** в 2011–2015 гг., в его совокупном объеме — до $\frac{3}{5}$, а доля нищих в РС в 1980–2015 гг. сократилась в 3 раза до 14–15 % (хотя доля бедных и малоимущих доходит до $\frac{4}{5}-\frac{9}{10}$). Однако сокращение спроса на их продукцию со стороны РГ, рост задолженности, отток капиталов и накопление перекосов и дисфункциональных сбоев в управлении экономикой, рост коррупции и торможение внутреннего спроса вследствие увеличения неравенства привели к двукратному сокращению СГТП ВВП РС в 2010–2015 гг., резкому снижению темпов СФП (в КНР в 2011–2015 гг. до 0,5–1,0 %).

5. Для преодоления парадоксального (в условиях быстрого НТП) феномена торможения роста мирового ВВП, когда эффект кредитной накачки уже во многом исчерпан, целесообразно, в т. ч. через институты ООН, ВБ и МВФ, **активизировать механизмы т.н. инклюзивного развития**, включая более энергичное применение инструментов фискально-бюджетной политики, связанной не только с лучшим *администрированием* на локальном, региональном и глобальном уровне сбора (уходящих от обложения) налогов, но и переходом к более прогрессивному налогообложению как доходов, так и активов, концентрация которых у немногих в ряде РГ и РС, буквально говоря, стала зашкаливать. Это, разумеется, не просто, так как серьезно затрагивает интересы ныне действующих элит как в РГ, так и РС, мягко говоря, не сильно склонных к значимым во имя общего прогресса проявлениям альтруизма.

И. Л. Тимонина

Японская экономика 2010-х гг.: внешние вызовы и актуальные проблемы

1. Во втором десятилетии XXI века японская экономика остается в низкоскоростном сегменте мировой экономики. Экономиче-

ский подъем, имевший место в Японии в 2002–2007 гг., был прерван мировым финансово-экономическим кризисом, восстановлению после которого помешала природно-техногенная катастрофа 2011 г. Темпы роста японской экономики в 2011–2014 гг. не превышали 1,5 %, а в некоторые годы (например, в 2014 г.) были даже отрицательными. По оценкам МВФ, в 2016 г. экономического роста в Японии будет ниже среднемирового и среднего по группе развитых стран (1,0 %).

2. В XXI веке японская экономика столкнулась с внешними вызовами, обусловившими необходимость существенного реформирования целого ряда секторов японской экономики и выработки долгосрочной стратегии «возрождения» Японии. Среди них – меняющаяся расстановка сил на мировых рынках продукции обрабатывающей промышленности в результате глобализации и транснационализации, замедление темпов роста и неопределенность на «формирующихся» рынках (emerging markets), присоединение Японии к Транс-тихоокеанскому партнерству (ТТП), ситуация на мировом рынке углеводородов, санкции ряда западных стран в отношении РФ.

3. Успехи индустриализации целого ряда развивающихся стран, вынесение производственных мощностей японских компаний за рубеж — в страны с относительно низкими издержками и растущими рынками приводят к относительной утрате международной конкурентоспособности японских компаний и потере позиций на тех сегментах рынка, где они традиционно были в числе лидеров. Относительное снижение конкурентоспособности японской обрабатывающей промышленности на зарубежных рынках стало одним из факторов возникновения отрицательного сальдо торгового баланса с 2011 г., наряду с изменением структуры экспорта в сторону повышения доли промежуточной продукции, что снижает эффективность торговли. Ответом на эту ситуацию является стимулирование экспорта интегрированных инфраструктурных систем и технологий, продвижение за рубеж японского культурного контента и продукции «креативных» отраслей.

4. Одним из последствий массового перемещения за рубеж бизнес-единиц японских компаний становится утрата части рабо-

чих мест в стране, что, однако, пока не приводит к массовой безработице, благодаря сохранению системы пожизненного найма. Негативное влияние транснационализации рынок труда нивелируются также благодаря демографической тенденции «старения населения» и относительного сокращения предложения рабочей силы. В этих условиях одним из важных направлений стратегии премьер-министра С. Абэ стало вовлечение женщин в трудовую активность за пределами домашних хозяйств.

5. В целях повышения конкурентоспособности правительство С. Абэ наметило и уже приступило к реформированию некоторых секторов экономики, имеющих потенциал роста (фармацевтика, медицинские услуги, сельское хозяйство и др.).

6. Присоединение к ТТП в перспективе может способствовать более тесной интеграции японской и американской экономик, обеспечить более свободный доступ на американский рынок продукции японской обрабатывающей промышленности. Вместе с тем Японии, вероятно, придется столкнуться с проблемами, связанными с необходимостью открытия своего рынка сельскохозяйственной продукции.

7. Понижительные тенденции на мировом рынке углеводородов оказывают двоякое влияние на японскую экономику. Для Японии как импортера топлива снижение цен является благоприятным фактором, одновременно препятствующим преодолению дефляционных тенденций в экономике.

8. Существенного негативного влияния на состояние японской экономики антироссийских санкций пока не прослеживается в силу относительно небольших масштабов сотрудничества и особенностей структуры торговли.

Основная литература

1. World Economic Outlook (International Monetary Fund). October – 2012, 2013, 2014, 2015.
2. Text of the Trans-Pacific Partnership. URL: http://www.cas.go.jp/jp/tpp/naityou/tpp_text_en.html
3. Abenomics is Progressing [December 11, 2015]. URL: <http://www.japan.go.jp/abenomics/index.html>

Н. Ю. Ульченко

**Перспективы экономического роста
Турции в условиях нестабильности
мирового финансового и сырьевого
рынков**

Решение проблемы дефицита бюджета и инфляции, которым ознаменовалось экономическое развитие Турции после прихода к власти Партии справедливости и развития (2002 г.), одновременно сопровождалось неуклонным ростом дефицита по счету текущих операций платежного баланса. В результате стабилизации экономики оказалась лишь частичной. Кроме того, усилилась опасная привязка экономического роста к изменению конъюнктуры международных финансовых рынков.

В итоге еще в 2013 г. Турция оказалась в группе так называемых пяти «хрупких» экономик, куда помимо нее вошли Бразилия, Индия, Южная Африка и Индонезия. Для всех них общим оказалась высокая степень зависимости от притока краткосрочного иностранного капитала и быстрая и заметная девальвация национальной валюты в случае его оттока.

Поэтому серьезный вызов для турецкой экономики заключается в том, что на фоне перехода США к более жесткой кредитно-денежной политике потенциальный риск оттока иностранного капитала становится реальностью. В 2015 г. был зафиксирован первый с 1998 г. совокупный чистый отток капитала с развивающихся рынков. И хотя баланс притока капитала в турецкую экономику все же оказался положительным, его объем был недостаточен для покрытия дефицита по счету текущих операций платежного баланса. Поэтому частично финансирование последнего в 2015 г. было осуществлено за счет снижения золотовалютных резервов страны более чем на 10 млрд долл. Девальвация турецкой лиры по итогам 2015 г. составила 15 %. Замедление в переориентации потоков мировых денег может произойти лишь в силу замедления темпов восстановления американской экономики, тем не менее, разворот мирового финансового рынка как основной тренд на несколько будущих лет сформировался.

В условиях уменьшения доступа к внешнему финансированию Турцию ожидает либо сдача важнейшей социальной позиции — резкое снижение реальной заработной платы в результате дальнейшей девальвации национальной валюты, либо быстрая модернизация и последующая структурная перестройка промышленности, рост экспортных доходов, что позволило бы замедлить процесс обесценения национальной валюты. Иными словами, речь идет о методике предотвращения сползания в так называемую ловушку среднего уровня развития — длительный период низких темпов роста. Но оба сценария предполагают замедление роста в среднесрочной перспективе либо ввиду сокращения емкости рынка, либо из-за отраслевой трансформации обрабатывающей промышленности.

Положительным фактором развития может оказаться снижение цен на энергосырье, импорт которого обеспечивает преобладающую часть потребления. По итогам 2015 г. Турции удалось сэкономить 17 млрд долл. на импорте сырья. Но следует иметь в виду, что сокращение доходов нефтедобывающих государств одновременно означает сокращение емкости ряда важных для Турции экспортных рынков, например, Северного Ирака, Египта и некоторых других.

Кроме того, выигрыш от снижения цен на энергоносители во многом оказался нейтрализован кризисом в отношениях Турции и Российской Федерации. По итогам 2015 г. турецкий экспорт составил 144 млрд долл., тогда как ожидалось, что он приблизится к 160 млрд долл. Важнейшим фактором замедления роста турецкого экспорта считается падение его объемов в РФ почти на 40 %. Поток туристов из РФ в 2015 г. упал на 830 тыс. человек.

По итогам 2015 г. темпы роста турецкой экономики составили 4 %, что существенно ниже темпов роста до кризиса 2008–2009 г. и темпов послекризисного восстановления. По существу речь идет уже о четвертом подряд годе заметно более низких темпов роста турецкой экономики с вероятной перспективой их дальнейшего падения в случае, если не будут найдены дополнительные факторы противодействия негативным последствиям снижения доступности внешних источников финансирования.

Л. А. Фридман, Э. Э. Имамкулиева

**Наука и экономический рост
в XXI веке в странах Востока и Запада
(статистико-экономический анализ)**

Этот доклад (выступление) — начало большой работы, в которой используются следующие индикаторы: удельные веса расходов на НИОКР в ВВП, абсолютные значения этих показателей, индикаторы уровня экономического развития (в первом приближении — подушевые ВВП, рассчитанные по обменным курсам валют), а также темпы экономического роста стран в 2000–2012 гг. Соответствующие значения вышеуказанных показателей по интересующему нас периоду имеются по 133 странам. Они достаточно репрезентативны для группы стран «с высокими доходами», а также развитых и развивающихся стран основных регионов Азии и Латинской Америки, но гораздо менее репрезентативны для региона стран Африки южнее Сахары. Последние в своем большинстве представляют группы стран «с низкими доходами». Ввиду ограниченности «площади» текста тезисов авторы сочли целесообразным на данной стадии исследования проанализировать положение науки в странах БРИКС.

Таблица 1

Страна	Расходы на НИОКР (% от ВВП, 2010–2013 гг.)	Абсолютное значение расходов на НИОКР (млн \$, 2014 г.)	ВВП (в текущих ценах, млн \$, 2014 г.)	ВВП на чел. (в текущих ценах, \$, 2014 г.)	Темпы экономического роста (2000–2012 гг.)
Бразилия	1,2	28153	2346118	11385	3,7
Индия	0,8	16535	2066902	1596	7,7
Китай	2,0	207202	10360105	7594	10,6
Россия	1,1	20467	1860598	12736	4,8
Южная Африка	0,8	2799	349817	6478	3,6

Составлено и рассчитано по: Worldbank data, <http://data.worldbank.org/indicator>, 19.02.2016.

В нашу задачу не входит подробное изучение сходств и различий между странами БРИКС. Однако если рассмотреть проблемы наличия или отсутствия связи между уровнями экономического развития (подушевыми ВВП, рассчитанными по обменным курсам) и удельными весами расходов на науку в ВВП, то окажется, что в этой группе коэффициент корреляции между этими индикаторами не превышает 0,27. Иначе говоря, в данном случае можно констатировать отсутствие сколько-нибудь устойчивой связи и взаимодействия между уровнями экономического развития и величиной относительных расходов на науку в странах группы БРИКС. При этом обнаруживается, что удельный вес расходов на науку в Китае, уровень душевого ВВП которого составлял не более 66,7 % от аналогичного показателя в Бразилии и 59,6 % — в России, тем не менее, достиг 2 % в ВВП в 2013 году, то есть оказался гораздо выше, чем в Бразилии и России. Более того, величина этого индикатора в Китае была характерна не для развивающихся, а скорее для группы развитых стран и даже превосходила аналогичные показатели по некоторым из них (Канада — 1,7 % или Италии — 1,3 %).

Что касается таких стран, как Индия и Южная Африка, то приходится констатировать, что в обоих государствах удельный вес расходов на НИОКР в ВВП был практически одинаковым (0,8 %), хотя душевой ВВП в Южной Африке, рассчитанный по валютному курсу, в 4 раза превышал аналогичный показатель по Индии (6478 \$ и 1596 \$), по ППС — в 2,3 раза.

Рассмотрим также соотношение абсолютной величины расходов на науку, рассчитанных по валютному курсу, и абсолютной величины ВВП. В данном случае коэффициент корреляций соответствующих индикаторов не превышает 0,06. Иначе говоря, можно утверждать, что в этой группе стран не обнаруживается никакой связи между этими двумя показателями.

Анализ соотношения (взаимодействия) двух важнейших индикаторов (удельных и абсолютных величин расходов на НИОКР) и темпами экономического роста этой группы стран в 2000–2012 гг. позволяет сделать некоторые выводы. Удельный вес расходов на НИОКР коррелирует с темпами экономического роста в XXI веке с высоким коэффициентом, равным 0,69. Еще более высокий ко-

коэффициент корреляции (0,83) обнаруживается при изучении соотношения абсолютной величины расходов на НИОКР и темпов экономического роста. Авторы отчетливо осознают, что, во-первых, эти выводы относятся только к группе стран БРИКС, насчитывающей 5 государств; во-вторых, (и это главное) экономический рост — сложный противоречивый многофакторный процесс, изучение которого выходит далеко за рамки нашей работы. Однако, на наш взгляд, эти данные по указанной группе стран свидетельствуют о том, что повышение относительных и абсолютных показателей расходов на науку не препятствовало, но скорее способствовало увеличению темпов роста ВВП. Данный вывод становится особенно значимым при изучении ситуации в Китае. В этой огромной стране, с территорией в 9,6 млн км² и населением в 1,364 млн человек, удельный вес расходов на НИОКР в ВВП менее чем за 20 лет (с 1996 по 2013 год) увеличился с 0,6 % до 2 %, то есть в 3,3 раза. При этом на протяжении всего указанного периода для Китая были характерны высокие или исключительно высокие темпы экономического роста (10,6 %). Даже если принять во внимание, что официальные данные могли быть завышены на два процентных пункта, становится очевидным, что темпы экономического роста при всех их колебаниях и снижении в последние годы оставались очень высокими по любым критериям. Конечно, Китай во многом уникален, но в данном случае «пример Китая» имеет гораздо более широкое и познавательное значение. Ведь выводы, сделанные нами, представляются достаточно репрезентативными для обобщений, выходящих за рамки этой страны. Они охватывают более чем значительную часть (18,8 %) всего населения Земли.

Одновременно «пример Китая» показывает, что правительства многих крупных (добавим — и средних) стран, уровень подушевого ВВП которых в разы ниже, чем в развитых странах (государствах с высоким подушевым ВВП), тем не менее располагают возможностями для постоянного и значительного повышения (в 2–3 раза) удельного веса расходов на науку в ВВП. Другое дело — реализуют ли они подобный стратегический курс, который, в конечном счете, (наряду с другими факторами) способствует сохранению и даже повышению темпов экономического роста. Это

относится как к периоду индустриализации, так и к современному этапу формирования секторов постиндустриального типа в мировой экономике, в том числе и в некоторых развивающихся странах.

Н. Н. Цветкова

**ИТ-услуги в странах Азии и Африки
в условиях экономической
нестабильности**

В 2015 г. можно говорить об усилении экономической нестабильности, о сокращении ВВП в одних развивающихся и переходных странах и снижении темпов экономического роста в других странах на фоне внешнеполитических и внутривнутриполитических кризисов и падения цен на мировых рынках сырья. По оценке Мирового банка, на темпы роста глобальной экономики в 2016 г. будет влиять слабый экономический рост в крупнейших странах с формирующимися рынками.

Многие страны Азии и Африки возлагают немалые надежды на сферу ИТ-услуг и аутсорсинга бизнес-процессов (БПО, ВРО, business process outsourcing), считая, что их развитие поможет решению проблемы занятости, станет одним из драйверов экономического роста.

Сфера ИТ-услуг и БПО получила развитие в Индии с начала 1990-х гг., к середине 2000-х гг. Индия стала ведущим мировым экспортером компьютерных услуг. На втором этапе развития сферы ИТ-услуг, с середины 2000-х гг. аутсорсинг ИТ и БПО распространился вширь. Среди 100 городов — ведущих центров аутсорсинга, вошедших в рейтинг индийской консалтинговой компании Tholons в 2014 г., — 39 азиатских городов (13 индийских, 8 китайских, 7 филиппинских, 2 вьетнамских, 2 малазийских города, а также Коломбо, Сингапур, Джакарта, Тайбэй, Бангкок, Сеул), 9 африканских городов (Йоханнесбург, Аккра, Кейптаун, Касабланка, Каир, Александрия, Маврикий (Порт-Луи), Найроби, Дурбан).

В Индексе размещения глобальных услуг ИТ и БПО первые три места в 2007–2016 гг. занимают одни и те же страны: Индия,

Китай и Малайзия. В первую десятку в 2016 г. включены Индонезия, Таиланд, Филиппины, во вторую — Вьетнам (№ 11), Шри-Ланка, Египет. В третью десятку вошли Турция Бангладеш, Пакистан, Гана, Маврикий, в четвертую — Марокко, Иордания, Тунис, Кения, в пятую — Сенегал, ЮАР, Сингапур.

Услуги ИТ-БПО стремятся развивать такие страны, как Египет, Шри-Ланка, Бангладеш, Сенегал, Гана, Кения. Весьма позитивно расценивают эксперты Всемирного экономического форума, например, потенциал развития Руанды, которая стремится стать региональным центром по предоставлению ИТ-услуг для внутреннего и внешнего рынка.

Каковы перспективы развития сферы ИТ-услуг и БПО в афро-азиатских странах в 2016 г., в условиях нарастания экономической нестабильности? Темпы экономического роста в основных странах-заказчиках — США и Великобритании — остаются достаточно высокими. Спрос на аутсорсинг растет и в связи со стремлением компаний снизить издержки. Уменьшению затрат на аутсорсинг ИТ-услуг способствует развитие этой сферы в городах второго и третьего эшелона Индии, Филиппин, где ниже зарплата, плата за аренду помещений. Снижение спроса на внешних рынках может быть компенсировано и путем переориентации услуг на внутренний рынок. Однако насколько надежна ставка афро-азиатских стран на развитие сферы ИТ-услуг и БПО в условиях экономической нестабильности и все большего распространения в этой сфере автоматизации и роботизации?

Основная литература

1. *Kearney A. T.* Global Services Location Index. On the Eve of Disruption. A.T. Kearney Inc., Chicago, 2016.
2. Global Economic Prospects. World Bank. Wash., DC, January 2016.
3. Tholons Top 100 Outsourcing Destinations: Regional Overview January 2014. URL: http://www.tholons.com/TholonsTop100/pdf/Tholons_Top_100_2014_Rankings_&_Report_Overview.pdf (дата обращения: 10.02.2015).

Религия стран Азии и Африки: история и современность

Л. О. Башелеишвили

Литургическая традиция в памятниках древнегрузинской агиографической литературы

Типикон (гр. *τύπος*, что означает образ, лик, пример) является регулятором богослужения как в «мирских» церквях (груз. *საგარეო საფარეო*, или по определению проф. А. Баумштарка [1, Р. 124] «кафедральный обряд»), так и в монастырских общинах. Правила, регулирующие монастырское богослужение, отличаются от богослужения мирских церквей больших городов. Восточная традиция, в том числе и грузинская, по мнению акад. К. Кекелидзе [2], сообщает о трёх редакциях «*τύπος*»: Лавры Саввы Освящённого (ок. 484); Студийского монастыря (462) и Афонской.

Согласно агиографу Гиорги Мерчуле (X в.), в Тао-Кларджетском граде следовали Палестинскому типику, привезённому преподобному Григолу Хандзтэли (759–861) его друзьями, а также лекционарию, который был изложен агиографом в «Житии св. Григола Хандзтэли». Сведения, сообщаемые прп. Гиорги Мерчуле, подтверждаются и т. н. грузинской версией Иерусалимского Канонаря (VII в.), критическое издание и исследование которого осуществил академик К. Кекелидзе [2]. Правила Святых Гробцев, т. е. Иерусалимская редакция типика, господствовали в грузинских церквях до X столетия.

В X–XI вв. на Святой Горе появляются грузинские насельники, которые перевели на грузинский язык типик Айя-Софии, постепенно вытеснивший из литургической практики Грузии Иерусалимский Канонарь. Краткую редакцию Свинаксария (груз. *სვინაქსარი* *svinaksari*), так нарекли в грузинской духовной про-

зе Константинопольский типик, согласно Гиорги Мтацминдэли (1009–1065), перевёл прп. Эптимэ Атонэли (ум. 1028), а сам Гиорги Мтацминдэли составил на грузинском его полную редакцию — «Диди Свинаксарий» (груз. დიდი სვინაქსარი didi svinak-sari), господствовавшую в Грузии до XII в.

В XII в. в Шиомгвимской Лавре богослужения проводились по новой редакции «Сабацминда» (т. е. лавры Саввы Освящённого). Этим типиконом руководствовались и в монастыре Св. Симеона Чудотворца в Антиохии.

Агиограф Гиорги Мерчуле тщательно излагает все предписания касательно храмового действия. Так, в богослужебной практике в Хандзта руководствовались переработанным типиконом лавры св. Саввы Освящённого. Прп. Григол Хандзтели отдавал явное предпочтение Палестинской традиции и Иерусалиму. Тягу к Иерусалиму и убеждение в том, что «вера грузинская» идёт именно оттуда, разделяли многие грузинские подвижники. Типикон, составленный прп. Григолом Хандзтели, состоял из трёх циклов: чтение книг (груз. წიგნის კითხვაი signis kitxvai), молитвы (груз. ლოცვაი locvai) и гимны (груз. საგალობლები sagaloblebi). Трудно представить себе монастырское богослужение тех времён без псалмов Давида. В указанное время в грузинских монастырях были распространены литургии апостолов, в частности святого Якова. В Византии и Риме предпочтение отдавали чинам евхаристических молитв Василия Великого и Иоанна Златоуста.

Выбор литургической традиции явно указывал на приоритеты грузинского монашества в то или иное время своего бытования. В VIII веке преподобный Григол Хандзтели ввёл в обиход чёткое определение картвельского мира: «Грузией считается обширная страна, в которой литургию совершают и все молитвы творят на грузинском языке. И только «Кирие элейсон» [гр. Κύριε ἐλεῖσον], что на грузинском означает «Господи, сотвори милость» или «помилуй нас», произносят на греческом языке» [3, с. 290].

Основная литература

1. Baumstark A. Liturgie comparée. Conférences faites au Prieuré d'Amay. Édition refondue. Chevetogne o.J. [1939]; 3. édition revue par Bernard Botte. Ed. de Chevetogne, Chevetogne 1953.

2. Кекелидзе К. История древнегрузинской литературы. Т. 1. Тбилиси. 1980. (на груз. языке)
3. ПДГАЛ — серия «Памятники древнегрузинской агиографической литературы» в 4 томах под ред. акад. И. Абуладзе. Тбилиси. 1967. Т. 1. (на груз. языке)

А. В. Бочковская

Протестный текст как часть «альтернативной» истории (на примере общины равидаси)

В 2010 г. панджабские последователи средневекового поэта-бхакта Равидаса (1451–1538), гимны которого входят в священный текст сикхов Гуру-грантх, провозгласили создание собственной религии, *равидасия-дхарам*. Спустя год у общины появился свой «альтернативный» текст — Амритбани-грантх, включивший 240 гимнов, приписываемых Равидасу. Книга была размещена в главных храмах-гурдерах общины в Джаландхаре (Панджаб) и в Варанаси/Бенаресе (Уттар-Прадеш), а затем — во многих других гурдерах как в Панджабе, так и за его пределами; ее стали использовать в ежедневных богослужениях.

Возникновение *равидасия-дхарам* шло в русле размежевания низкокастовых панджабцев с сикхизмом. Полевые исследования, проводившихся мной в 2012–2016 гг. в гурдерах Панджаба, а также в Варанаси, показали, что подавляющее большинство респондентов отрицательно отвечали на вопрос о какой-либо связи их общины с сикхской верой и поддерживали использование собственного текста вместо Гуру-грантх. Однако в среде влиятельной панджабской диаспоры, оказывающей колоссальную финансовую помощь общине, существуют серьезные разногласия по поводу провозглашения Амритбани-грантх в качестве единственного священного текста равидаси. Ряд исследователей (С. Джодхка, Р. Рам и др.) полагают, что последователи Равидаса никогда не входили в число сикхов, и потому считают использование словосочетания «сикхи-равидаси» некорректным. В то же время высший сикхский орган — Комитет по управлению гурдварами, заинтересованный

в сохранении значительного количества своих последователей, рассматривает равидаси как неотъемлемую часть сикхской общины.

Причины неоднозначного статуса равидаси обусловлены спецификой сикхизма (прежде всего, идей, свойственных начальному этапу становления сикхской доктрины). Раннему сикхизму была присуща открытость и стремление объединить в широком идейном русле разные религиозно-философские и социальные концепции; благодаря этому число последователей сикхизма в XVI в. стало быстро расти. Но исходный «универсализм» сикхской веры объективно создавал среду для ее дальнейшей диверсификации. Разнообразные «альтернативные» направления в сикхизме стали формироваться уже при жизни десяти сикхских гуру (XVI–нач. XVIII вв.). Таким образом, община равидаси представляла собой вариант пограничного сообщества, до поры вполне комфортно ощущавшего себя рядом с «истинными» («мейнстримными») сикхами.

В сегодняшних действиях общины равидаси очевидно стремление продемонстрировать — во всяком случае, внешне, — полную независимость от сикхской веры. К этому равидаси идут методом «от противного», создавая свои символы «в пику» сикхским, но не уходя далеко от последних; собственная священная книга является важнейшим из таких символов. В докладе будет показано, как Амритбани-грантх используется в качестве инструмента для конструирования «альтернативной» истории общины и выстраивания парадигмы ее будущего развития.

А. Р. Гайнутдинова

**Коранические айаты о внутриутробном
развитии человека в мусульманской
экзегетике**

Уникальность священной Книги ислама заключена, помимо многих других моментов, и в том, что любое упомянутое в Коране явление, касающееся многообразных аспектов жизни человека и общества, может быть объяснено научными представлениями самых

разных эпох, начиная со Средневековья и заканчивая Современностью. Это может быть и закон, и политические и семейные отношения, и устройство мироздания.

Одной из наиболее любопытных коранических тем, рассматриваемых мусульманскими экзегетами, изложившими в своих фундаментальных сочинениях по тафсиру (т. е. по комментариям к Корану) собственное понимание вопроса, являются сведения о внутриутробном развитии человека.

Доклад посвящен анализу комментариев к кораническим контекстам о формировании человеческого эмбриона, выполненных авторами тафсиров разных эпох, начиная с IX века и до нашего времени.

Мы выделили в священной Книге ислама айаты (коранические стихи), содержащие упоминание о сотворении и формировании зародыша в лоне матери. Этих контекстов восемнадцать: семь из них относятся к сурам, или главам, раннемекканского периода (по периодизации, предложенной Д. В. Фроловым) проповедей Мухаммада, десять — к позднемекканскому и один — к мединскому периоду.

Как упомянуто в айатах главы «Верующие», развивающийся в утробе матери плод проходит несколько этапов, вначале являясь каплей, затем превращаясь в сгусток крови, потом — в кусок плоти, который далее приобретает кости и мышцы:

«Мы уже создали человека из эссенции глины, потом поместили Мы его каплей (нутфатан) в надежном месте, потом создали из капли сгусток крови ('алакатун), и создали из сгустка крови кусок плоти (мудгатан), создали из этого куска кости и облекли кости мясом, потом Мы вырастили его в другом творении, — благословен же Аллах, лучший из творцов!» (23:12–14).

Как видно из приведенного контекста, для обозначения стадий эмбрионального развития в Коране выделяются термины: нутфатун, 'алакатун, мудгатун (зд. окончания слов приведены в полной форме и в им. падеже). Каждый из этих терминов подробно описывается и разбирается комментаторами Писания.

1. Нутфатун (*нутфа*). Букв. 2 капля». Встречается в 11 контекстах Корана. Употребляется вместе с глаголом *мана* — «извергать», а также со словом *амшаджун* — «смешанный». Одни коммен-

таторы понимали данные термины как относящиеся исключительно к мужчине, другие — как относящиеся также и к женщине. Рассматриваются толкования следующих авторов: Табари, ар-Рази, Джалалайн, Ибн ‘Ашура, ас-Са‘ади и некоторых других богословов.

Интерес для толкователей представляет также упомянутое в Коране сообщение о месте происхождения *нутфа* в организме человека: «*Выходит она из места меж спинного хребта и грудных костей 2* (86:7).

2. ‘Алакатун (*алака*). Букв. «сгусток». Употреблен в 5 коранических контекстах. Понимается комментаторами как «сгусток крови». Подробное описание — в тафсирах Табари, Ибн Касира, Ибн ‘Ашура.

3. Мудгатун (*мудга*). Букв. «кусочек жеваного мяса». В Коране есть 2 упоминания слова *мудга*, из них в одном случае — с причастиями *мухаллакату* (сформированный) и гайр *мухаллакату* (несформированный). В исследовании приводятся толкования данных терминов в понимании Табари, ар-Рази, Замахшари, Байдави, Ибн Касира, Джалалайн, Ибн ‘Ашура.

Еще одна важная стадия, которую проходит зародыш в ходе внутриутробного развития, — вдохновение души. Коран сообщает об этом, как полагают некоторые экзегеты, фразой: «...*Мы вырастили его в другом творении...*» в упоминавшемся выше айте главы «Верующие» (23:14). Этого мнения придерживаются такие авторы, как Замахшари, Насафи, Ибн Касир, Ибн ‘Ашура. Есть и альтернативные точки зрения, высказанные ранними знатоками мусульманского Предания.

Согласно Корану, Всевышний сотворил человека в «*трех мраках*», как упомянуто в айте 39:6. Большой интерес представляет истолкование авторами тафсиров понятия «три мрака».

Для анализа в работе привлекались наиболее известные и авторитетные в мусульманском мире сочинения экзегетов, таких как: Ибн Джарир ат-Табари (839–923), Абу-л-Касим аз-Замахшари (1083–1144), Ибн ‘Умар ал-Байдави (ум. 1286), Ибн Касир (1301–1373), Джалал ад-Дин ал-Махалли (1388–1459) и Джалал ад-Дин ас-Суйути (1445–1505), Мухаммад ибн ‘Ашур (1879–1973), ‘Абд ар-Рахман ас-Са‘ади (1889–1956) и некоторые другие средневековые и современные авторы.

А. М. Дулина

**Религиозная традиция и национализм
в Японии (на примере культа божества
Хатиман)***

Учение о японском божестве Хатиман, сформулированное и письменно зафиксированное служителями культа в летописях святилищ XII–XIV вв., оказало влияние на становление идеологии государственного национализма в конце XIX–середина XX вв.

Японский национализм как политико-идеологическая концепция был создан правящей элитой с целью консолидации нации, обоснования ее уникальности и легитимации внутренней и внешней политики государства. Религиозная традиция стала важным источником формирования национальной идеологии.

Правительством периода Мэйдзи (1868–1912) была создана религиозно-политическая система «государственного синто», которая официально просуществовала до капитуляции Японии во Второй мировой войне и была ликвидирована распоряжением оккупационных властей в 1945 г. как источник идеологии милитаризма и ультранационализма. Суть государственного синтоизма составляли идеи о «божественном» происхождении императора от богини солнца Аматэрасу и непрерывности династии, о Японии как «стране богов» (яп. *синкоку*), о единстве всего народа в «государственном организме» (яп. *кокутай*) и верности своему государю.

Место второго «родового божества» после Аматэрасу в государственном пантеоне занял в XI в. бог Хатиман, поклонение которому зародилось в VIII в. на западной периферии древнего японского государства Ямато — в местности Уса (префектура Оита), а во второй половине IX в. было «перенесено» в столицу Хэйан (современный город Киото), в окрестностях которой было возведено «охраняющее государство» святилище Ивасимидзу. Хатиман стал отождествляться с мифическим правителем О:дзин (270–310), сыном легендарной государыни Дзингу: (201–269), которая совершила завоевательный поход в Корею.

* Тезисы подготовлены при финансовой поддержке РГНФ, проект №16-01-50114.

В конце XI в. возник третий центр культа на востоке страны — в ставке военного правительства в Камакура. Военный клан Минамото, из которого происходили первые сёгуны, провозгласил Хатиман своим «родовым божеством» и покровителем, с этого времени Хатиман стал почитаться воинским сословием как «бог войны».

После монгольского нашествия на архипелаг в 1274 и 1281 гг. и распространения хроник святилищ, подробно описавших чудесные деяния божества и его роль в изгнании неприятеля, за Хатиман окончательно закрепился авторитет божества войны, защищающего государство и правящую династию от чужеземных врагов.

Учение о Хатиман как о божестве, обладающем особой силой усмирения врагов и защиты государства и государева рода, вместе с другими учениями о японских божествах способствовало развитию веры в уникальную священную страну, оберегаемую богами. Эта вера была использована при конструировании теоретических основ японского национализма. Почитание Хатиман покровителем японских воинов было широко распространено вплоть до поражения Японии во Второй мировой войне, когда солдаты совершали моления божеству перед важными сражениями и изображали его имя на военных знаменах.

Изучение роли религиозной традиции в формировании идеологии государственного национализма особенно актуально в условиях подъема националистических настроений в современном японском обществе.

Д. Р. Жантиев

**Исламские религиозные
институты и исламская ученость
в Дамаске в XVIII в.**

Структурный кризис османской государственности, полностью охватывавший XVIII-е столетие, не привел, вопреки распространенному мнению, ни к упадку, ни даже к кризису традиционной системы исламских институтов и исламской учености в Дамаске. На протяжении XVIII в. Дамаск оставался важнейшим административно-политическим и религиозным центром в османской Си-

рии, в городе увеличивалось число мечетей, традиционных исламских учебных заведений (*мадраса*) и суфийских обителей (*завийа*), действовавших на средства как от прежних, так и от вновь учреждаемых вакфов. Ко времени османского завоевания (1516 г.) Дамаск представлял собой не менее важный центр исламской учености, чем Каир: в городе насчитывалось 32 соборных мечети, 130 *мадраса*, 26 специализированных школ по изучению Корана и хадисов (*дар аль-Куран ва-ль-хадис*) и 76 суфийских завий. После учреждения крупных султанских вакфов (Ат-Такиййа ас-Салимиййа и Ас-Сулейманиййа ал-Бараниййа) в XVI в. следующий заметный период активного строительства исламских религиозных и учебных учреждений приходится на XVIII-е столетие: в течение него в Дамаске было возведено семь новых *мадраса*. В отличие от предшествовавших двух столетий, в рассматриваемый период активную роль в учреждении вакфов и строительстве мечетей, *мадраса* и библиотек стали играть представители местной провинциальной знати (в том числе рода аль-Азм). Демонстрируемые ими проявления заботы об исламской учености и самих ученых во многом компенсировали отмечавшееся ранее сокращение средств, выделявшихся центральными османскими властями на учреждение новых вакфов.

Обширная сеть молитвенных и учебных учреждений в Дамаске успешно функционировала благодаря усилиям сообщества дамасских улама, которые были фактически инкорпорированы в османскую систему должностных лиц. Некоторые из них добивались назначений на высокие религиозные посты кадиев и муфтиев, благодаря как личным заслугам, так и связям в среде столичной и провинциальной османской военно-бюрократической элиты. В османском Дамаске XVIII в. получали образование и преподавали последователи всех четырех суннитских мазхабов. Они поддерживали активные контакты со своими коллегами в различных частях исламского мира (от Магриба до Индии и Центральной Азии) и сами нередко выезжали за пределы Сирии в религиозных и научных целях. Среди множества известных дамасских алимов XVIII в. особое место занимают Абд ал-Гани ан-Набулуси (1641–1731), Мухаммад ибн Каннан (ум. 1740 г.), Исмаил ал-

Аджлуни (ум. 1749 г.) и Мухаммад Халиль ал-Муради (ум. 1791), обогатившие арабское литературное наследие множеством религиозных, поэтических и биографических сочинений. Многие дамасские алимы пользовались личным покровительством османских наместников (*вали*) и влиятельных военных (*агават*). Создание и изучение трудов в области исламских наук, передача знаний от наставников к ученикам в *мадраса* и суфийских *завиях*, общение и дискуссии среди самих алимов проходили, в основном, в рамках традиции и не были подвержены качественным изменениям. Но это отнюдь не приводило ни к стагнации ни, тем более, упадку на фоне далеко не всегда стабильной политической обстановки в Дамаске XVIII в. Это опровергает распространенный тезис о деструктивном воздействии османского господства в отношении традиционной учености в ближневосточных арабских провинциях Османской империи в рассматриваемый период.

Основная литература

1. *Rafiq, Abdul-Karim*. The province of Damascus, 1723–1783. Beirut, 1970.
2. *Van Leeuwen, Richard*. Waqfs and Urban Structures: The Case of Ottoman Damascus. Leiden; Boston; Koln. 1999.

О. М. Запрометова

Развитие и формирование концепта торы в ТаНаХе

Тора — одно из ключевых понятий иудаизма, определяемого также как религия Устной и письменной Торы. В течение многих лет исследователи пытались воссоздать литературную предысторию первых пяти книг, составляющих корпус Торы и получивших название Пятикнижия в Библии (греческом переводе Септуагинты). Библиистика возникла прежде всего на основе истории, однако в последующий период стали преобладать другие подходы: риторический, канонический, социологический и др. В настоящее время ученые пришли к выводу, что Тору составляют многообразные и многогранные традиции, происходящие из разных контекстов

(в том числе и не израильских культур), включая их редакции или интерпретации, а существование различных значений термина *тора* в Священном Писании (ТаНаХе), является результатом «их ди-ахронного или синхронного развития или синтеза обоих» [1, 27].

Особый статус Торы Моисея, представленный в различных традициях толкования эпохи Второго Храма и ранней раввинистической литературе, Хинди Найман определяет как *концептуальное единство* [2, 29]. Однако важно помнить, что в Священном Писании использование слова *тора* для обозначения понятия, включающего в себя цельную систему законов и заповедей, относится к достаточно позднему времени. В корпусе Торы/Пятикнижии этот термин иногда появляется во множественном числе (Быт 26:5; Исх 18:20; Лев 26:46 и др.) и относится к заповедям/повелениям, касающимся прежде всего культовой практики, ритуалов жертвоприношений. В книге Мишлей/Притчей, входящей в корпус Ктувим/Писаний, он относится в основном к словам мудреца и родителей (4:2; 3:1; 1:8; 6:20 и др.).

Как происходило формирование целостного образа Торы? В чем заключается специфика представлений о *торе*, как заповедях о жертвоприношениях, практических наставлениях родителей и учителей, или как о пути, ведущего к познанию Всевышнего и богообщению? Изучение основополагающих текстов еврейской культуры и поиск новых подходов к их интерпретации является одной из задач современной иудаики. В качестве примера можно привести иконографический подход [3], развиваемый в рамках *когнитивистики* (лат. *cognition* — познание), охватывающей все большее число различных областей знания — философию, логику, психологию, герменевтику, риторику и др. Основным объектом когнитивных исследований является *концепт* и его структура, а развиваемые методологические подходы направлены на поиск ответов на вопросы, касающиеся соотношения языка и сознания, познания объективной действительности, отраженной в языке ментальных структур. В отечественных исследованиях, следующих когнитивной парадигме, термин *концепт* пришел на смену *понятию*. В философском направлении изучения концепта по-

следний понимается как многомерное смысловое образование, как «квант знания»¹, в котором представлены ценностная, образная и понятийная сторона.

В текстах ТаНаХа рассмотрение различных аспектов концепта *торы* позволяет выявить богатство его смыслового содержания, в котором можно выделить образную (обряд, ритуал, процедура) и понятийную (закон, правило, предписание) стороны, а также их развитие и взаимодействие в библейской экзегезе. Появление в последние годы новых библейских переводов, осуществленных в рамках различных традиций (в том числе и научных — JSB, РБО, ИПБ и др.), свидетельствует о непрекращающемся процессе толкования этого ключевого как для иудаизма, так и для христианства, концепта.

Анализ четырех переводов книги Левит, центральной в корпусе Торы, позволяет увидеть роль ритуала жертвоприношения — наглядных образов, в которых человек воспринимал свои ощущения. Со временем из этих восприятий ощущений складывалась определенная система представлений, из которой впоследствии формировались понятия. Внимательное прочтение книги Ваикра/Левит на фоне других библейских повествований, в которых описываются переживания или ощущения человека при общении с трансцендентным (Быт 15:2, Исх 3:2-6, и др.), необходимо для понимания глубинных смыслов концепта *торы* и поиска наиболее точных вариантов перевода, учитывающих все аспекты этого термина.

Традиция книги Дварим/Второзакония подчеркивает понятийную сторону изучаемого концепта: *Тора* (с определенным артиклем на языке оригинала — 1:5) — «закон», «Наставление», «Божьи законы и наставления», «Учение» — является основным авторитетом для народа Израиля. Тора здесь воспринимается как основополагающий «учебник права», требующий совместного внимательного изучения и тщательного практического приме-

¹ *Концепт* — оперативная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, квант знания. См.: *Краткий словарь когнитивных терминов*. Под ред. Е. С. Кубряковой (М.: Филологический факультет МГУ, 1997), 90–92.

ния. Утверждение непревзойденной справедливости постановлений и законов книги Второзакония устанавливает связь *Торы*, мудрости и разума (4:5-8).

Таким образом, в корпусе *Торы* выявляются два компонента изучаемого нами концепта: образный, связанный с проведением ритуала жертвоприношений, и понятийный, связанный с представлениями о справедливом *учении* и мудром *наставлении* — *Законе*. Заключительный этап формирования концепта *торы* имел место в эпоху поздней античности, о чем свидетельствует книга Тхиллим/Псалтирь — книга молитв, ставшая основным текстом для развития «личной религиозности» во все последующие эпохи. Развитие и взаимодействие образной и логической сторон концепта в текстах библейских псалмов осуществлялись через метафоры. Последние возникали сами собой как формы образа в функции понятия, при этом образ не исчезал, а сохранялся внутри понятия.

Основная литература

1. Вайсман З. Введение в библеистику. Часть 6. Пятикнижие Моисея: историко-литературный обзор. Тель-Авив: Изд-во ОУИ, 2003.
2. Najman H. Seconding Sinai: The Development of Mosaic Discourse in the Second Temple Judaism (Leiden, Boston: Brill, 2003).
3. Image, Text, Exegesis: Iconographic Interpretation and the Hebrew Bible / Izaak J. de Hulster & Joel M. LeMon (eds.) London: Bloomsbury (2014).

Б. А. Захарьин

Гендерные роли богов и адептов в древнеиндийских религиозно- мифологических текстах

Будучи в общем патрилинейной, индоарийская семья предполагала совмещение **авторитета** мужчины и реальной **власти** женщины. В соответствии с общим принципом «наверху как внизу», аналогичный тип отношений переносился и на пары небожителей — примером может служить брачный союз авторитарного Шивы с послушной, но неизменно добивающейся своего Парвати. Указанный принцип при этом плохо совмещался с другой уста-

новкой адептов: отношения между членами божественных пар должны были являть собой некоторую **инверсию** отношений внутри человеческих семей. Один из ярких примеров — производство потомства: если у людей дети считаются одной из главных целей семейной жизни и рождение детей имплицитно обычными физиологическими актами (типа соития, зачатия, родов и т. д.), то индийские божественные супруги либо принципиально бездетны (как Индра и Индрани, Шива и Парвати), либо обретают потомство случайно и непрямым образом: дети появляются на свет из капли пота, слезы, плевка, оброненной тени и т. п.

Совмещение аналогового и инверсионного принципов в религиозном сознании индийского адепта ведет к конфликту: подобно мирской жене, супруга бога должна подчиняться мужскому авторитету, но чтобы оставаться **богиней**, ей самой нужно обладать авторитетом. Конфликт не может быть разрешен за счет изменения статуса мужа, изначально наделенного авторитетом, и противоречие преодолевается через функциональное «расщепление» образа божественной супруги. Последняя может выступать в роли кроткой и любящей жены или доброй матери; она почитается в качестве «подательницы пищи», «доющей желанием» космической коровы, фертильной и преданной детям «родительницы» и т. д., т. е. ориентирована на жизнь. Противоположный тип — это агрессивная (в том числе и в плане эроса) злокозненная ведьма-дакини, «высасывающая» семя или кровь из партнера и таким образом «иссушающая» его (RV 1.179), насылающая голод, болезни и страдания и всем этим нацеленная на смерть (в терминологии О'Флаэрти первый тип — это «богини груди», второй — «богини зуба»).

Гендерные и сексуальные связи сложным образом переплетаются в акте ритуального богочитания: адепт-мужчина может вступать в воображаемую интимную связь с богинями обоих типов; при этом соединение с «богиней груди», передающей поклоняющемуся долю власти и этим укрепляющей его авторитет, в целом для него благотворно, хотя и непродолжительно (ср. историю Урваши и Пурураваса в RV 10.95). Напротив, редко осуществляемый им интимный контакт с «богиней зуба» неизменно опасен и может привести его к смерти (ср. пураническую историю

демона-буйвола Махиши и воительницы Кали). В ведизме поклонение адепта-мужчины богу нередко лишено каких-либо признаков эротичности, но в индуистском бхакти оно часто предполагает психологически-поведенческую перемену пола, в результате которой адепт испытывает любовное вожделение к богу (Шиве или Кришне). Для адепта-женщины подобное страстное влечение при поклонении богу-мужчине (ср. поведение пастушек, возглавляемых Радхой, по отношению к Кришне) нормально и является естественным продолжением ее подчиненности (в том числе и по линии эроса) собственному супругу; почитание же ею той или иной из богинь лишено сексуальности и нередко принимает форму обычной дочерней преданности матери.

Уже в отдельных гимнах Ригведы, посвященных божественным парам, присутствует тема доминирования женщины над партнером-мужчиной (ср., например, миф о Саранью и Вишвасванте в RV 10.17 и 72); в еще большей степени это выражено в Атхарваведе. Эпос демонстрирует нам определенную сбалансированность гендерных субъектов в плане противостояния авторитета и власти. Но подлинный триумф всестороннего доминирования женщин наблюдается в тантрических ритуалах и текстах, в которых Шакти, т.е. агрессивная «богиня зуба», соединяясь через секс с пассивным Шивой, не просто возвращает к жизни умершего бога, но выступает в качестве главного подателя благ и грядущего Освобождения адепта от бытийных уз.

Д. В. Илюточкина

**Эволюция племенной политики
марокканского султана Мулай
Исмаила (1672–1727 гг.)**

Середина XVII века стала переломным периодом в истории Марокко. В результате борьбы между различными религиозными и племенными лидерами на первое место выдвинулась династия Алауитов, которая продолжает править Марокко и по сей день. Большую роль в укреплении авторитета династии сыграл второй

ее представитель, султан Мулай Исмаил (1672–1727 гг.). Его предшественники своими завоеваниями утвердили за алаутскими *шерифами* (т. е. потомками Пророка) право на управление страной. Однако завоевать те или иные территории было гораздо проще, чем удержать их в повиновении на долгие годы. Мулай Исмаил является примером беспрецедентного успеха, когда на протяжении полувека земли Марокко были объединены в централизованное государство. Опираясь на религиозную легитимность *шерифской* власти, а также на свой авторитет султана-муджахида (борца за веру), который вел непрестанную борьбу с европейскими войсками, занимавшими на тот момент ряд городов марокканского побережья, Мулай Исмаил проводил агрессивную племенную политику.

Как и в других странах арабского мира, племенной фактор всегда играл значимую роль в общественно-политической жизни Дальнего Магриба. Для марокканских правителей на протяжении столетий главным инструментом племенной политики являлся институт *гиш* (от араб. «джейш» «армия»). Это был своего рода союз, который заключался с лояльными *махзену* (т.е. государству) племенами: с данных племенных конфедераций не взыскивались налоги, они же, в свою очередь, становились военной силой султана, а также являлись главным поставщиком кадров для *махзена*. Таким образом, помимо освобождения от налогов, этим племенам открывалась перспектива карьерного роста в рамках государственных институтов.

Мулай Исмаил также широко использовал данную модель взаимоотношений с племенами. Главным принципом, по которому племена включались в гиш, было родство правящей династии с теми или иными племенными конфедерациями (племена удайя). Другим критерием можно считать географическое расположение того или иного племени: зачастую, заключение союза обуславливалось стратегической важностью территорий (шерага, хлотт и др.).

Институт гиш играл важную роль в контроле над крупными городами: Мулай Исмаил распределял гарнизоны гиш вблизи городов во избежание восстаний. Стоит отметить, что султан свободно распоряжался судьбами подконтрольных махзену племен,

переселяя их в соответствии со стратегическими соображениями. Как правило, это было связано с необходимостью ослабить враждебное двору племя. Таким образом, султан направлял «разрушительную» энергию племен в нужное ему русло, подтачивая силы противника.

Однако далеко не все племена стремились стать частью гиш. Многие из них отстаивали свое право на независимость, отказываясь присягать султану и платить налоги в казну. Для подчинения отдаленных территорий Мулай Исмаил создал армию чернокожих невольников различного происхождения (*абид*). Само название корпуса — *абид ал-Бухари* — отражает религиозный аспект политики Исмаила: мусульманская гвардия, дававшая присягу на собрании хадисов ал-Бухари (Сахих ал-Бухари, или ал-Джами' ас-Сахих) и связанная узами личной преданности султану, должна была способствовать объединению и мобилизации общины. С помощью этих отрядов, а также армии гиш, султан подавлял восстания племен даже в таких труднодоступных частях страны, как горы Среднего и Высокого Атласа. Важную роль в процессе завоевания удаленных регионов играла система крепостей: прежде чем перейти к военным действиям, Мулай Исмаил последовательно окружал земли непокорных племен крепостями, где размещал гарнизоны *абид*. Не будет преувеличением сказать, что Исмаил провел в военных экспедициях большую часть своей жизни, постоянно перемещаясь с места на место, тем самым обеспечивая контроль над ситуацией в стране. В результате атласских кампаний Исмаила, которые в общей сложности продлились более десяти лет (1682–1693 гг.), сопротивление племен было подорвано на многие годы вперед. Однако некоторые аспекты племенной политики, а также легитимность армии *абид* вызывали дискуссии между Мулай Исмаилом и алимским корпусом.

Таким образом, племенная политика Мулай Исмаила представляла собой сочетание дипломатии с силовым давлением. Наряду с использованием таких традиционных институтов, как *гиш*, султан провел военную реформу, создав новую профессиональную армию *абид*. Тем самым ему удалось обеспечить эффективный контроль над отдаленными частями страны, что раньше было крайне трудноосуществимо.

Р. И. Касумов

**Образ другого: адепты ислама глазами
христиан сиро-палестинского региона
(XVII – первая треть XIX вв.)**

В XVII–первой половине XIX вв. сирийское общество носило во многом консервативный характер. Религия играла главную роль в самоидентификации людей и оказывала значительное влияние на положение человека в местной социально-политической иерархии. Данная особенность была связана со спецификой Османского государства, власти которого, следуя возникшей еще в период мусульманской экспансии на Ближнем востоке в VII–VIII вв. практике, на законодательном уровне устанавливали разделение подданных по религиозному принципу. Одним из результатов этой политики стал высокий уровень религиозной обособленности, который был характерен не только для доминировавшего в численном и правовом отношении мусульманского населения Большой Сирии, но и для всех остальных конфессиональных общин региона.

Главенство религиозной идентичности над другими формами самоопределения играло определяющую роль при выстраивании сирийскими христианами отношений с членами общества. В глазах сирийского христианина принадлежность человека к иной религии или даже иному ответвлению в рамках христианства автоматически относил его в категорию «другие» и одновременно с этим ставила его на более низкую ступень духовного развития. Крайне религиозные и склонные к стереотипному мышлению в силу высокой приверженности традициям, сирийские христиане, как православные, так и католики, марониты или представители других общин, были уверены в том, что лишь их религия является «истинной», а себя и своих единоверцев они считали «избранным, божественным народом».

Несмотря на внешнюю покорность перед мусульманским населением, в глазах христиан адепты ислама были людьми второго сорта и такими же «неверными», какими были христиане в глазах мусульман. При этом, как отмечали и путешествовавшие по Сирии европейцы, идея о религиозном равенстве в какой-либо форме бы-

ла одинаково чужда как сирийским мусульманам, так и христианам.

Вера христиан в свое превосходство над мусульманами проявляется особенно четко в исторических источниках, принадлежащих перу христианских авторов. Показательно, что сама по себе жизнь мусульманского населения Сирии практически не интересовала христианских хронистов. Более того, зачастую христианские авторы, повествуя о жертвах массовых эпидемий, природных катастроф, притеснений со стороны пашей или военных действий, упоминали лишь о погибших христианах, полностью игнорируют тот факт, что подобные события уносили жизни не только христиан, но и мусульман. Однозначно негативное отношение христиан к мусульманской вере проявляется при рассказах о случаях религиозной конфертации. Своих единоверцев, принявших ислам, христиане считали «предателями», в которых «вселился дьявол», в то время как бывшие адепты ислама, принявшие христианство и казненные османскими властями за вероотступничество, были в их глазах христианских авторов достойными восхищения мучениками за веру. Вера христиан в свое превосходство над мусульманами и в свою богоизбранность находила также отражение в распространённости привязанных к реальным событиям сирийской политической жизни в рассматриваемый период историй с фантастическими сюжетами, в которых различные христианские святые оказывали покровительство христианам.

В отношении христианского населения Сирии к османскому правительству проявляется двойственность. В обычной жизни христиане всячески демонстрировали свое уважение к рядовым мусульманам и лояльность султану и османскому государству. В то же время при контактах со своими единоверцами из России или государств Западной Европы сирийские христиане, будь то патриархи, митрополиты, церковные служащие более низкого звена или миряне, зачастую крайне негативно высказывались о мусульманах, османских властях и их политики по отношению к проживавшим в государстве представителям немусульманских религий. Однако, как не без основания отмечали многие путешественники, посетившие Сирию, в подавляющем большинстве случаев жалобы хри-

стиан были явно преувеличены и имели своей целью получение милостыни.

В реальности, несмотря на существовавшее в сирийском обществе правовое неравенство между религиозными общинами и высокий уровень религиозности и конфессиональной обособленности местных христиан, говорить о распространенности антиосманских или антимусульманских настроений среди «людей писания» Большой Сирии не приходится.

Примечательно в этой связи, что арабы-христиане в своих трудах, адресованных своим сирийским единоверцам, практически никогда не жалуются на османскую систему регулирования межконфессиональных отношений. Объектами критики в подобных источниках становились лишь отдельные провинциальные правители, от действий которых нередко страдало не только христианское, но и мусульманское население.

Особенно ярко об отсутствии широких антиосманских настроений среди сирийских христиан свидетельствует тот факт, что в периоды военных вторжений иностранных держав в Сирию, а именно России в 1772–1773 гг. и Франции в 1800 г., ни православное, ни католическое население Билад аш-Шама не проявило солидарности со своими российскими или французскими единоверцами и не оказало им, за исключением единичных случаев, поддержки в борьбе с османскими властями.

В. В. Орлов

Пропаганда ИГИЛ: традиционное и новое

Международная террористическая организация «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ), также называемая «Исламское государство» (ИГ) или *«Ад-даула ал-исламийа фи-л-Ирак ва-ш-Шам»* (ДАИШ) и запрещенная на территории РФ и ряда других стран, сформировалась в 2006 г. в ходе объединения десятка мелких группировок, ранее примыкавших к иракскому филиалу «Аль-Ка'иды». В то время она едва ли насчитывала несколько тысяч боевиков. Однако после бурных событий «арабской весны»

(2011–2012 гг.), сопровождавшихся дальнейшим ослаблением государственности Ирака и глубоким расстройством социально-политической системы Сирии, ИГИЛ преобразовалось из заурядной джихадистской бандгруппы в развитый и масштабный политический проект, по сути, претендующий на решение целого ряда задач, присущих современной государственности (сплочение и мобилизация населения, обеспечение общественной безопасности, содействие социально-экономическому развитию местных сообществ). К середине 2015 г. ИГИЛ контролировало территории, сопоставимые по площади (оценка — 250 тыс. км²) с рядом европейских стран, на которых проживало более 7 млн человек. В составе его военных структур вели боевые действия десятки тысяч (возможно, до 80 тысяч) профессионально подготовленных боевиков, не менее 3–5 тысяч которых прибыли из России.

Подобный взлет — от рыхлого союза вооруженных формирований до уровня важного регионального игрока — требует объяснения. Это, бесспорно, деятельность лидера ИГИЛ Абу Бакра аль-Багдади, пришедшего к руководству в 2011 г. и сделавшего ставку на самофинансирование, то есть добычу и подпольную продажу нефти, системную экспроприацию имущества немусульман, рэкет и контрабанду. Это также институциональная слабость ближневосточных государств и низкий уровень поддержки населением антитеррористических усилий руководства Сирии и Ирака. Это, наконец, недальновидная региональная политика внешних сил (в первую очередь, США), позволившая ИГИЛ воспользоваться тактикой «управляемого конфликта» вокруг Ирака и обострить военно-политический кризис сирийской государственности в ходе событий «арабской весны».

Однако все эти существенные факторы не объясняют важного компонента успеха ИГИЛ — привлекательности провозглашенных им принципов и ценностей для значительной части мусульманского населения в различных странах мира. Это явление ставит в повестку дня рассмотрение пропагандистского воздействия ИГИЛ. Представляется, что инновационная составляющая агитации и пропаганды этой структуры главным образом касается техник и методов работы в современных коммуникационных системах, — в первую очередь, в сети Интернет и ее приложениях (со-

циальных сетях, блогосфере и т. п.), а также в противостоянии попыткам спецслужб различных стран блокировать сайты и информационные порталы, служащие рупором ИГИЛ. В части же содержательной пропаганда ИГИЛ отличается традиционной приверженностью салафитским стереотипам раннемусульманского государства и экстремистски окрашенной решимостью их воплотить.

В репертуаре пропагандистской работы ИГИЛ, проводимой в реальности и виртуальном пространстве, можно выделить ряд значимых (и анализируемых в докладе) тем:

а) возможность быстрого преодоления безвластия, анархии и хаоса на территории, занятой ИГИЛ, революционными методами на основе исламского правосознания;

б) универсальность ислама как всеохватного «руководства Божия» (*хакимийат Аллах*), принципиально неразделимого в сферах религии и общественной жизни;

в) тотальная применимость исламской модели халифата для управления любым человеческим сообществом в любом времени, месте или социокультурной среде;

г) экстерриториальность властных полномочий халифов ИГИЛ, предпочтительность постепенного создания «провинций» ИГИЛ во всех регионах мира;

д) призыв к освобождению ислама от многовековой путаницы и наслоений, борьба с влиянием традиционализма, основанным на комментировании священных текстов;

е) необходимость сознательной архаизации общественных отношений и максимального приведения их в соответствие с нормами и порядками раннего ислама;

ж) регулирование внутриэкономической жизни мусульманской общины принципами эгалитаризма, справедливого перераспределения средств и борьбы с коррупцией;

з) полная несовместимость исламских ценностей с европейскими представлениями о демократии как власти большинства и идеями национальной консолидации;

и) закономерность прошлых и будущих крушений секулярных и модернистски ориентированных режимов региона как богопротивных пособников «неверных»;

к) допустимость любых форм и степеней вооруженного насилия для защиты «истинной веры», в том числе геноцида, культ жестокости, сознательная дегуманизация вооруженного противостояния, вовлечение в боевые действия женщин и детей;

л) оправданность уничтожения инокультурных памятников и истребления иноверцев и «недостойных мусульман» (одобрение практики обвинения в неверии — *такфира*).

Начиная с 2013 г. указанные темы идеологического арсенала ИГИЛ находят свое воплощение на уровне политического действия — с целью поддержания «социального контракта» с мусульманским населением, обеспечения его лояльности и поддержки, устрашения иноверцев, политических оппонентов и внешних противников, привлечения новых кадров из-за рубежа, распространения влияния в региональном и мировом масштабе.

А. М. Пальников

Исламистские организации турецкого происхождения в Германии

В истории Турецкой Республики начало 1960-х гг. оказалось примечательным не только в том отношении, что оно ознаменовалось военным переворотом, принятием новой, весьма либеральной, конституции и быстрым, после выборов, возвращением к гражданскому правлению, но и тем, что военные успели за отведённый ими самими себе период времени существенно расширить связи с Западной Европой. Они умело использовали в своих целях такую возможность как возникшая в то время в Западной Европе острая потребность в дополнительной, притом исключительно неквалифицированной рабочей силе. Турция пошла на подписание с рядом европейских стран, прежде всего, с Западной Германией, соглашений об организованном наборе и последующем направлении в эти страны континентов будущих рабочих, вербовавшихся главным образом в турецкой деревне.

С этого момента в практику общественно-политической жизни Турецкой Республики прочно вошло такое понятие, как институт

гастарбайтерства, так называемых «гостевых рабочих», выезжавших на работу преимущественно в Германию на контрактной основе, без права брать с собой семью и с обязательством отработать там предусмотренный контрактом срок, а затем вернуться на родину. Если раньше позволить себе жить достаточно длительное время в Европе могли только представители турецкой элиты в лице бывшей аристократии, богатых промышленников и торговцев, крупных землевладельцев, видных интеллектуалов, то теперь возможность отправиться в Европу, жить там и работать на протяжении ряда лет, получили сотни тысяч турок, причём самого низкого социального статуса, главным образом, деклассированные выходцы из турецкой деревни. Согласно официальной немецкой статистике, в период с 1961 по 1970 год в Германию прибыло 750 тысяч турецких гастарбайтеров.

Пребывание больших масс турецких граждан за рубежом породило множество проблем религиозного, этнического, культурного, социального, экономического, а также международно-политического характера. Их общей чертой был, как правило, долгосрочный характер.

Исключение, пожалуй, составляли только проблемы, связанные с религией. Гастарбайтеры нуждались в «религиозных услугах», были нужны мечети и имамы. В 1960-х гг. вопросы обеспечения религиозных нужд турецких рабочих решались ими самими в частном, стихийном порядке. Рабочим некоторых предприятий удавалось договориться с руководством о выделении площадей под мечеть в общежитиях. В пример можно привести завод Форд в Кёльне, где одновременно работали 1500 граждан Турции. Под общежитие им было выделено четыре здания, в двух из которых были оборудованы молельные комнаты. В каждой из них на молитву собиралось довольно небольшое число турок — порядка 50–60 человек. С одной стороны, выделенных площадей было недостаточно, с другой — далеко не все рабочие нуждались в мечети.

В конце 1960-х гг. появилась первая крупная организация Милли Гёрюш, призванная защищать права турецких мусульман

за рубежом. История этой организации начинается с 1969 г., когда турецкий политик Неджметтин Эрбакан опубликовал одноимённый манифест. Деятельность Милли Гёрюш, во многом, стала одной из причин обособления турецкой общины, проживавшей в Европе и формирования «общества в обществе». Рассуждения о некой «национальной культуре» турецкого народа являлись, фактически, эвфемизмом для политического ислама.

Религиозный вопрос выпал как из поля зрения властей Турции, так и Германии. Систематически им стали заниматься только в 1980-х гг., когда оказалось, что Германия стала удобным убежищем для турецких исламистов, которые были представлены целым рядом организаций. У власти в Турецкой Республике к тому моменту находились умеренные исламисты, которые хоть и обеспечили государственное присутствие в этой сфере, борьбу с радикальными исламистами вели весьма неохотно. Власти Германии были долгое время заняты воссоединением страны, кроме того их руки были связаны и либеральным законодательством. После событий 11 сентября 2001 г. были приняты антитеррористические законы, согласно которым были запрещены 17 исламистских организаций, действовавших в Германии. Самой крупной из них оказалась состоящая из этнических турок группировка «Государство халифат» под руководством Метина Каплана.

Несмотря на запреты и преследования турецкие исламисты в Германии продолжают свою деятельность. К собственно исламу добавился и пантюркизм — две наиболее крупных из современных организаций это «Исламское движение Узбекистана» и «Союз исламского джихада». В их рядах, помимо собственно узбеков, есть большое число этнических турок, как граждан Турции, так и граждан ФРГ турецкого происхождения.

Основная литература

1. *Çarköğlü Ali, Rubin Barry M.* Religion and politics in Turkey. NY, 2006. P. 63.
2. *Gür Metin.* Avrupa'da İslamcı Örgütler. Türkiye Kökenli. Istanbul, 2012.
3. *Сарацун Т.* Германия: самоликвидация [пер. с нем.]. М., 2013.

Г. В. Стрелкова

**Вишну и его аватары в современной
литературе хинди**

Религия играет большую роль в разных сферах жизни Индии, неслучайно в художественной литературе хинди в качестве героя часто выступает одно из трёх верховных божеств индуизма Вишну. Как правило, Вишну изображается не в качестве Бога, а в одной из его антропоморфных ипостасей — как Рама или Кришна. Уже в эпосе Вишну в виде этих *аватар* стал центральным персонажем. В современной литературе Рама остаётся защитником мировой справедливости и *дхармы* — закона, морального правопорядка, универсального долга. В зависимости от исторической эпохи толкование образа Рамы могло различаться, когда была важнее религиозная или героическая характеристика этого героя. Во времена борьбы за независимость Индии в образе Рамы доминировали героическое начало и верность долгу, что проявилось в поэмах М. Ш. Гупты «Сакет» и «Панчавати», рассматриваемых в докладе. Во второй половине XX века характер и поступки Рамы изображаются с учётом индивидуальности героя и психологических мотивировок его поведения. На первый план могут выходить не только героизм, самопожертвование, имманентная справедливость, но и тактический расчёт, другие качества. Это будет показано на примере романов Бх. Сингха «Апне-Апне Рам» (У каждого свой Рама) и Н. Кохли «Абхьюдай» (Восход), которые очень популярны в Индии.

Кришна традиционно ассоциируется не только с эпосом Махабхарата, но и средневековой литературой *бхакти*, устами Сурдаса воспевшей младенца, выросшего в Брадже, и пастушка — возлюбленного Радхи и любимца пастушек-*гопи*. Однако уже в средневековой махакавье («Шिशупалавадха» Магхи) и литературе *бхакти* Кришна выступал и как воплощение Вишну, иногда дублировавшего качества Рамы, главное из которых — справедли-

вость. И всё же любовь и милосердие доминировали. В поэзии *рити* 17–18 веков Кришна — это герой-возлюбленный.

В эпоху Нового времени и в современной индийской литературе главными становятся качества Кришны — мудрого советника, государственного мужа, основателя государства на основах *дхармы*. Для него превыше всего не любовь, а государственный долг. В поэзии хинди начала XX века эта идея была выражена в поэме А. У. Хариаудха «Возлюбленный на чужбине» (*Прия-правас*). Кришна мог выступать и в качестве трагического героя. Эти и другие особенности образа Кришны будут рассмотрены на примере двух пьес — Н. К. Ачарьи «Хастинапура» и Дх. Бхарати «Слепой век» (*Андхаа юг*).

В докладе рассматривается и одна из неантропоморфных, третья *аватара* Вишну — Варахи-вепря. Со временем не только эта *аватара*, но её *мурти* (вид, облик) становятся символом творения и спасения земли от врагов, ассоциирующихся с иноземными завоевателями. Эта *аватара* связана с мифом о могущественном *асуре* Хираньякше (др.-инд., «имеющий золотой глаз»). Согласно распространённому мифу, Хираньякша был непримиримым врагом богов и, желая показать им свою силу, стащил землю на дно мирового океана (по другому варианту, земля сама погрузилась в океан, не вынеся бремени живых существ). Боги обратились за помощью к Вишну, тот воплотился в вепря, поднял землю вверх на своих клыках, а Хираньякшу, пытавшегося помешать ему, убил после тысячилетней битвы. В романе «Автобиография Банабхатты» Х. П. Двиведи, выдающегося романиста и специалиста по древнеиндийской и средневековой литературе, именно образ варахи становится ключевым. Вараха предстает в своей спасающей и оберегающей роли, как покровитель добродетельного и мудрого правителя и его подданных.

Основная литература

1. Стрелкова Г. В. Вараха: в скульптуре и литературе / Портрет и скульптура. Ред. И. Т. Прокофьева. М.: Наука – Восточная литература. 2014. С. 378–388.

Д. Т. Таварткиладзе

**Православие как один из основных
факторов самоотождествления
грузинского народа в средние века**

В средние века термины «грузин» и «православный» были идентичными друг другу. Это объяснялось давней традицией Православия на территории Грузии: апостольская проповедь в I в., крещение Грузии в 326 г., автономия Грузинской Православной Церкви в V–VI в. и автокефалия в XII в. Затем, нужно отметить, что грузинский народ, в течение столетий позиционировал себя именно как православный и противостоял прозелитизму со стороны других религий, начиная с зороастризма и ислама, и заканчивая католичеством и другими вероисповеданиями. Стремление насадить те или иные религии силой встречало сопротивление и приводило к свидетельству верности православию мученичеством. В V в. св. мученица, царица Ранская Шушаник пострадала, отказавшись принять зороастризм; за отказ поправить свою веру пострадали 100 000 грузин при грозном хорезмшахе Джелал ад-Дине (XIII в.); есть немало примеров мученичеств и в последующие столетия, и в XVI–XVII вв.

Равнозначность терминов «грузин» и «православный» формируется исходя из словоупотребления по аналогии: православие рассматривалось как вера, ставшая традиционной для грузин (*картвели*). В своем историческом сочинении «Описание царства Грузинского» Вахушти Багратиони пишет, что вера у жителей регионов и областей Восточной Грузии, напр. Кахети, Пшави, Ксанского ущелья — грузинская, т. е. православная.

Слово *картвели* применялось и по отношению к представителям иных национальностей, принявших православие в Грузии. Наиболее ярким примером здесь будет св. мученик Або Тбилели: в одном грузинском сочинении средних веков он именуется «грузином, бывшим измаильтянином».

И напротив, отвергнувшие веру предков грузины именовались *накартвелари* — «бывший грузин» и далее конкретизировалось, в зависимости от того, какую веру они принимали: мусульмане

именовались — татарами или турками (груз. *татар*, *турки*; в зависимости от того, какого толка ислам они исповедовали, шиизм или суннизм), григориане — армянами (груз. *сомехи*), католики — франками (груз. *пранги*), иудеи — евреями (груз. *эбраели*). По сути здесь также действовало словоупотребление по аналогии.

В XVI–XVII вв. встречались случаи принятия грузинами ислама, католицизма и григорианства. Наибольшим было количество прозелитов ислама, причиной чего явились нашествия на Грузию двух исламских держав — Ирана и Османской империи. Ислам принимали царевичи, тавады и азнауры Восточной Грузии, отправленные ещё в детском возрасте в Иран в качестве аманатов; впоследствии через них мусульманские порядки частично распространялись в Грузии. С 1632 г. иранские шахи утверждали в качестве правителей (*вали*) Картли только таких исламизированных грузин из рода Багратиони. В Кахети с 1677 г. постоянно, а ранее эпизодически правили мусульманские ханы. Влияние Османской империи в наибольшей мере распространялось на Южную Грузию — Самцхе-Саатабаго, и это проявилось в постепенной инкорпорации этой области в империю и всяческом благоприятствовании мусульманам на её территории. Правители и часть тавадов и азнауров из Южной Грузии принимали ислам для сохранения своих привилегий, другие же уезжали в различные регионы Грузии для свободного сохранения своего вероисповедания. Дольше всех православие в Южной Грузии удавалось сохранять простым крестьянам.

Исламизация встречала негативную оценку у некоторых представителей Церкви, что выражалось в написании антимусульманских сочинений и даже в участии в заговорах против мусульманских правителей. Однако другие служители Церкви, включая иерархов и католиков, успешно взаимодействовали с мусульманскими властями, получали от них пожертвования на Церковь и всяческую помощь.

Ислам принимали не все правители Картли и Кахети. Некоторые из них успешно противостояли завоевателям, а через это и распространению ислама на территории страны.

Случаи принятия католичества среди грузин были связаны с активизацией католической миссии на территории Грузии, осо-

бенно в XVII в. Благоприятствование миссии со стороны грузинских правителей объяснялось надеждой на помощь Европы против мусульманских завоевателей. Миссионеры привлекали население своей учёностью, осведомлённостью в сфере медицины и проч.

Переход грузин в григорианство исследователи объясняют соображениями конформизма и стремлением облегчить себе продвижение в торговой сфере: ведь купцами в Грузии того времени были в основном армяне и евреи, также некоторые греки. Армяне проживали в Грузии начиная с раннего Средневековья, а в XII и XV вв., ввиду завоеваний тюрков, иммиграция армян в Грузию принимает систематический характер.

В общем же следует сказать, что православные грузины продолжали составлять большинство в стране. По данным переписей, в XIX в. представители грузинского этноса составляли 70–80 %, татары и турки около 5 %, армяне — 5–10 %. Согласно грузинскому исследователю К. Д. Антадзе, при переписях, которые проводились в Грузии в XIX в., этническая принадлежность определялась по родному языку, и, следовательно, мы не можем с достаточной достоверностью определить конфессиональную принадлежность указанных групп населения.

Всё же налицо тенденция упадка православной самоидентификации и веры среди грузинского народа в XVI–XVII вв., ослабление связи между религиозным и национальным самосознанием.

Однако, несмотря на значительное влияние ислама и прозелитизм со стороны католичества, грузинам удавалось сохранять свою православную идентичность на протяжении двух столетий ирано-османского натиска, вплоть до присоединения Грузии к России, когда угроза исламизации, равно как и свободная пропаганда католичества были устранены.

Основная литература

1. *Антадзе К. Д.* Население Грузии в XIX в. (историко-демографическое исследование). Тбилиси, 1973 (на груз. яз.).
2. *Вахушти Багратиони.* Описание царства Грузинского // Картлис Цховреба. Т. IV. Тбилиси, 1973 (на груз. яз.).
3. *Макарий, патриарх Антиохийский.* Грузия в 17 столетии по изображению патриарха Макария / издание и перевод П. К. Жузе. Казань, 1905.

Л. В. Хохлова

**Английский язык как символ
религиозного поклонения
индийских далитов**

Далиты — букв. «угнетенные», другой связанный с ними термин — «неприкасаемые», составляют 16–17 % населения Индии; они считаются находящимися за пределами четырех индийских сословий («варн»), т. е. кшатриев, брахманов, вайшьев и шудр. Далиты трактуются как потомки представителей тех местных племен, которые не ассимилировались с завоевавшими Индию ариями. Традиционные их занятия — такие «презираемые» работы как уборка мусора, обработка кожи или глины. Считается, что не только прикосновение, но даже тень далита может осквернить представителя высших сословий или каст.

В начале XX в. М. К. Ганди вел борьбу против социального неравенства в Индии. Он назвал далитов «хариджанами» — «божьими людьми» и активно боролся против кастовой дискриминации. Во многом полемизируя с М. К. Ганди, за права далитов выступал также известный политический деятель Б. Р. Амбедкар, сам выходец из неприкасаемых. Получивший блестящее образование в англоязычных центрах Амбедкар связывал устранение социальной дискриминации далитов с развитием образования на английском языке. Амбедкар принял буддизм и призвал далитов следовать его примеру, чтобы избежать кастовой дискриминации, характерной для адептов индуизма. Однако переход в иную веру не позволил далитам избавиться от угнетения, и буддисты — вчерашние далиты — подвергались той же кастовой дискриминации.

В конституции Индии 1950 г. за далитами, членами т. н. «спичечных» каст и племен, были закреплены квоты вакансий на государственной службе, места в законодательных органах и квоты при приеме в университеты. Однако воспользоваться закрепленными в конституции правами смогла лишь небольшая часть далитов, т. к. 37 % из них живут ниже уровня бедности, а 45 % неграмотны.

В апреле 2009 г. известный борец за права неприкасаемых Ч. Бх. Прасад построил на собранные у далитов средства храм в деревне Банка штата Уттар Прадеш, посвященный Богине английского языка. Статуя богини высотой около метра выполнена из черного гранита. Она напоминает статую Свободы, но одета в платье и на голове у нее шляпа; в ее руках — Конституция Индии. Пьедестал выполнен в форме компьютера, на экране которого изображена буддийская дхарма-чакра. Поклоняясь богине, далиты совершают религиозные ритуалы, подобные ритуалам хинду, оказывающих почести индуистским богам. Поскольку в прошлом далитам было запрещено входить в индуистские храмы и участвовать в ритуалах, у многих их общин были свои боги и свои жрецы.

Представители интеллектуальной верхушки далитов нередко пересматривают историю Британской Индии, возвеличивая деятельность лорда Т. Б. Маколей (1800–1859), члена Верховного Совета при вице-короле Индии. Маколей был одним из главных идеологов внедрения в Индии английской системы образования и настаивал на повсеместном введении английского в качестве обязательного языка обучения. Он создал в Индии целое поколение проанглийски настроенных интеллектуалов. Отношение к нему в индийском обществе и официальной индийской историографии скорее отрицательное, так как считается, что он пытался лишить индийцев своей истории, культуры и собственной идентичности. Далиты однако считают Маколей «отцом индийской модернизации» и видят в нем борца с кастовой системой, за равенство всех — и индийцев, и англичан — перед законом. Английский язык понимается ими как инструмент разрушения брахманистской идеологии и достижения социального равенства, как путь к обретению материального благополучия в эпоху глобализации.

Отказ далитов от родных языков и тем самым от этнической самоидентификации коренится не только в истории, но и в современной социальной структуре общества. На протяжении веков традиционное образование на санскрите было доступно лишь представителям высших сословий и каст, прежде всего брахманам. Расширение социальных функций индийских языков все же не позволило далитам стать полноправными членами своих этносов, так

как в обществе в целом и в особенности в деревнях, где и проживает большинство далитов, по-прежнему сохраняются кастовые предрассудки. Доступное только очень немногим неприкасаемым образование на английском действительно устраняет ряд социальных барьеров, и именно поэтому неприкасаемые молятся Богине английского языка.

М. М. Якушев

**Иерусалимская торговля в описаниях
русских паломников начала XIX в.**

Русские паломники-писатели — братья Иван и Василий Вешняковы, Д. В. Дашков, К. И. Бронников, А. Н. Муравьев, А. С. Норов, монах Серапион и иеромонах Аникита — подробно описывали иерусалимскую и вифлеемскую торговлю и товары, которые их интересовали.

В этой связи интересно сравнить описания русских поклонников конца XVIII и первой половины XIX в. Анализ показывает, что ассортимент и качество товаров, изготовленных местными ремесленниками или доставленных по тем же торговым маршрутам, не меняется, и пик коммерческой активности приходится на один и тот же период — перед Пасхой, когда на Святую Землю стекаются христианские богомольцы со всего света.

В паломнический сезон самым людным местом Иерусалима была улица большого базара, на которой преимущественно сосредотачивалась городская торговля привозными товарами, местными произведениями искусства и ремесленными изделиями, причем, торговля продовольственными товарами и продуктами питания происходила не только возле Воскресенского храма, но и внутри него.

Монах Леонтий, посетивший Иерусалим в 60-е гг. XVIII в., подробно рассказал об изделиях арабских ремесленников, живущих в окрестностях Иерусалима. По его словам, они «точат баясы деревянные, и костяные четки, на хорошем перламутре худо пишут шилом разные святыя образа, особливо распятие, того хуже

малюют на холсте в Иерусалиме на продажу поклонников... недурно плетут финиковую вербу из того дерева листу... вяжут кресты и все тем же хажиям продают... хотя и всегда продается на церковном рынке, однако, крестовая ярмарка начинается в самой церкви Воскресения, в коей и продолжается с престопоклонной по вербную неделю». По его мнению, палестинские арабы «крайне неискусные в своих художествах мастера».

Иеромонах Мелетий, побывавший в Иерусалиме в 90-е гг. XVIII в., отметил, что из Египта, Дамаска и с Кипра купцы привозят «разные шелковые и бумажные ткани и кисеи... торг в Иерусалиме бывает в бытность поклонников». По его словам, «торговлю собственно иерусалимскую и вифлеемскую составляют рукоделия, продаваемые на площади, пред вратами великой церкви, и оные суть кресты, перловые образы, чотки и другие мелочи». Мелетий заметил, что в Иерусалиме есть «арабы иконописцы и серебряных дел мастера: первых работа очень низка, однако добровольно они пища поклонникам на полотне град Иерусалим со всеми святыми местами, за труд свой приобретают; другие же мастерства своего вещи, кадила и проч. изрядно отделявают».

Братья Вешняковы отметили, что к Пасхе в Иерусалим стекаются христиане различных вероисповеданий «не для одного поклонения, но и для торговли; они привозят из разных мест товары, а особенно из Дамаска и Каира шелковые материи и парчи, и составляют в оном род ярмарки». Леонид Кавелин, посетивший Святой град полвека спустя, заметил, что к Пасхе в Иерусалим привозят «довольно азиатских товаров бейрутские, а более дамасские купцы, и тогда иерусалимский базар бывает наполнен бумажными и шелковыми материями».

Бронников удивился тому обстоятельству, что внутри храма Воскресения Христова «торговцы продавали маслины, разные фрукты, кофе, шербет и хлеб, и все разместились в левой стороне церкви... в одном церковном отделении торговцы для продажи нанесли хлеба, фруктов, шербету и варили кофе, а сие весьма походило на рынок». Вешняковы также не ожидали увидеть внутри храма Гроба Господня торговцев, которые принесли «для продажи разные съестные припасы, и составили близ Святой кувуклии на-

стоящий рынок; желающие покупали и ели; а в особом отделении варили кофе и продавали оной».

Путешественники Серапион, А. Н. Муравьев и А. С. Норов также описали торговлю в храме Гроба Господня. Так, Серапион сообщил, что «арабы христиане вносили в оный (Воскресенский храм — М.Я.) разные съестные припасы для продажи». Муравьев отметил, что собор «превратился в обширный базар... корзины плодов и припасов лежали посреди толпы поклонников, разбитой по семьям», а Норов рассказал, что вся галерея за греческим соборным алтарем до католической церкви «делается торжищем съестных и питьевых припасов, где с трубками и с кофеем в руках расхаживают... стражи мусульманские, но даже и некоторые христиане». По словам Иеронима Суханова, в соборе ежедневно «белые арабы производят торг своим изделием для паломников: перламутровыми крестами, иконами, четками, ливаном, смирной, ладаном, свечами и другими многими приличными святынями».

Кир Бронников отметил, что «нужное для себя в лавках близ Воскресенской церкви во всякое время найти можно» и что «повседневный торг бывает на площадке перед дверьми великой церкви; тут продаются перламутровые кресты, четки и некоторые мелочи для поклонников». Ситуация не изменилась и десять лет спустя. Так, по словам Муравьева, «вся дорога от греческого монастыря и площадь храма были заняты продающими четки, кресты и перламутровые образа; большая часть продавцов — жители Вифлеема», причем «со всех вывозимых богомольцами из Иерусалима священных изделий, как-то крестов, образов, четок — платились пошлины».

Бронников рассказал о вифлеемских ремесленных изделиях, предназначенных для продажи в Иерусалиме. По его словам, жители Вифлеема изготавливают из «перламутра кресты, иконы и четки; ткнут пояски шерстяные и бумажные и холсты, и все продают в Иерусалиме». Это подтверждает и Дашков: вифлеемские жители делают «из кости и перламутра четки и кресты, раскупаемые благочестивыми пришельцами»; и Муравьев: «главный промысел» жителей Вифлеема — «перламутровые образа, искусно вырезанные на раковинах, коими они наделяют поклонников»; и Норов:

«главная торговля» жителей Вифлеема «состоит из перламутровых изделий священных вещей». Следует заметить, что информация Иеронима Суханова, посетившего Иерусалим спустя два десятилетия, несколько отличается. По его словам, жители Вифлеема «делают из перламутра иконы, кресты и четки и продают оные в своем городе, а в Иерусалиме не разрешается продавать им».

Подводя итог, следует отметить, что описания иерусалимской торговли паломниками конца XVIII в. и начала XIX в. практически не отличаются от описаний богомольцев середины XIX в. (монаха Леонтия и иеромонаха Мелетия) и их последователей (архимандритов Порфирия Успенского и Леонида Кавелина, иеромонаха Иеронима Суханова), что говорит о том, что торгово-экономическая ситуация в Иерусалиме за неполное столетие не претерпела существенных изменений.

Круглый стол «Актуальные проблемы Центральной Азии и Кавказа»

С. А. Атанова

Формирование национального позитивного образа Кыргызстана в мире

Позитивный образ страны — понятие, имеющее отношение одновременно к нескольким дисциплинам, а именно национальному брендингу, публичной дипломатии и политике «мягкой силы». Как справедливо отметил Йинг Фан в своей статье *Мягкая сила: сила притяжения или смятения*, «успешная кампания по национальному брендингу безусловно способствует в создании благоприятного и долговременного образа в глазах международной аудитории и тем самым укрепляет национальную политику «мягкой силы».

В 90-х годах Саймон Анхольт, гуру национального брендинга высказал идею о том, что национальный образ также важен для прогресса и процветания страны, как и коммерческий бренд для успешности компании на рынке, поскольку он оказывает значительное влияние на поведение целевой аудитории: иностранных инвесторов, туристов, предпринимателей, торговых партнеров, СМИ, ученых, другие правительства, международные организации и т. д. Согласно Анхольту позитивный национальный образ помогает государству не просто выделиться из массы других, но и успешно решать политические и экономические задачи. В современном мире ни у кого нет времени на то, чтобы выяснять действительные отличия между странами, равно как и читать полную информацию о культуре, истории и политической ситуации различных государств. По этой причине мы формируем свое представление об интересующей нас стране исходя из существующих шаблонов и образов. И в этой ситуации позитивный образ страны будет играть решающую роль.

Работа над позитивным образом Кыргызстана ведется с 2007 года, именно тогда премьер-министр республики Алмазбек Атамбаев подписал распоряжение Правительства Кыргызской республики об образовании экспертной рабочей группы для выработки предложений по созданию национального бренда «Кыргызстан». Последовательно выдвигаются следующие слоганы: «Кыргызстан — страна чудес», «Кыргызстан — Швейцария Центральной Азии» и наконец «Кыргызстан — страна Санта-Клауса». Рассмотрим в общих чертах, последнюю кампанию. В декабре 2007 года Гостурагентство Кыргызстана совместно с Федерацией экстремального туризма и альпинизма снарядили экспедицию на Тянь-Шань, где по расчетам шведской компании «Svesco» находится отправная точка рождественского путешествия Санты-Клауса. Несмотря на возникшие сложности, альпинисты добрались до пункта назначения. Гора была переименована в пик Санта-Клауса и флаг Кыргызстана был установлен на вершине. Позже выяснилось, что расчеты шведских специалистов были интерпретированы ошибочно, поскольку искомая точка находится немного далее. В 2008 году организован всемирный фестиваль Санта-Клауса в Бишкеке, на который съехались представители со всего мира, в свете новой кампании подготовлены рекламные ролики. Кто-то может сказать, что позиционирование мусульманской республики в качестве источника рождественской сказки — экстравагантное и нерациональное решение, однако очевидно, что столь неожиданная трактовка привлекла внимание международной аудитории.

В 2013 году в Кыргызстане был объявлен конкурс на разработку логотипа, слогана и туристического позиционирования страны. Выигравший в конкурсе логотип, по словам автора проекта «состоит из трех составляющих: небо — мать олениха, облако, человек, солнце; горы — ледники Кыргызстана, жайлоо, пастбища богатые зеленью; вода — Иссык-Куль — главный туристический объект Кыргызстана, плавающий человек — турист, пляж и следы на пляже». Слоган новой кампании “So much to discover” (Не счесть открытий), и как пояснил заместитель министра культуры и туризма страны Максат Чагиев «посыл слогана такой: Кыргызстан еще совершенно не раскрылся для туристов, их ждет много интересного в этой стране». В тоже время позиционирование

страны на международном туристическом рынке проходит под девизом «Unique Kyrgyzstan» (Уникальный Кыргызстан), что, по словам замминистра, объясняется тем, что «у нас [в Кыргызстане] имеется уникальная еда, природа, горы, люди». В новом позиционировании республики прослеживается акцент на природных богатствах страны: величественных горах, обширных ледниках, уникальном озере Иссык-Куль, зеленых лугах.

Казалось бы что история и культура, основные источники национального самосознания не представлены и ушли на задний план. Но подобное утверждение не совсем верно. В 2007 году Кыргызстан внес первый памятник в Список Всемирного Наследия ЮНЕСКО: им стала Священная гора Сулайман Тоо. Пять лет спустя добавлена новая номинация — Шелковый путь: сеть маршрутов Чанъань-Тянь. В список нематериального культурного наследия внесен эпос Манас. Номинации, безусловно, символизируют стремление страны продвигать свое культурное и историческое наследие на мировой арене.

Еще один шаг на пути формирования национального образа был предпринят в 2014 году, когда на экраны вышла историческая драма «Курманджан Датка» посвященный жизни и деятельности правительницы алайских кыргызов. Снятый кыргызскими кинематографистами фильм был отмечен рядом престижных кинонаград. Но самое главное, что это первый за годы независимости Кыргызстана художественный фильм, снятый по заказу Правительства Кыргызской Республики, осознавшего необходимость донести до широких масс историю предводительницы кыргызов.

На начальном этапе кампания по национальному брендингу и созданию национального образа проводилась в основном внутри страны, в свою очередь СМИ других государств распространяли полученную информацию. В дальнейшем социальные сети подхватили инициативу и именно здесь можно увидеть многочисленные видео-материалы о республике, причем рекламные ролики подготовлены как соответствующими национальными службами Кыргызстана, так и частными лицами.

В деле создания притягательного образа страны важна координация действий, некий унифицированный подход, необходимо

также уделять значение всем ключевым составляющим национального образа. Об этом подробно говорит в своих работах эксперт по национальному брендингу С. Анхольт. Несмотря на то что формирование национального образа в Кыргызстане отличается разнообразием используемых коммуникационных средств, кажется, что сам процесс характеризуется отсутствием единой стратегии. Однако вопреки существующим недочетам зарубежный портал Business Insider признал за Кыргызстаном первое место в рейтинге рекомендуемых к посещению стран в 2016 г. Таким образом, отбросив излишнюю критичность, следует признать эффективность выбранной стратегии и поддержать государство в его стремлении к созданию своего собственного уникального образа.

Основная литература

1. UNWTO and European Travel Commission, Handbook on tourism destination branding. Brussels: ETC and UNWTO, 2009. 236 p.
2. Simon Anholt, Competitive Identity: The new brand management for nations, cities and regions. Palgrave Macmillan, 2006. 134 p.
3. Кыргызстан возглавил рейтинг рекомендуемых к посещению стран. URL: http://zanoza.kg/doc/329607_kyrgyzstan_vozglavil_reyting_rekomendyemyh_dlia_posesheniia_stran.htm

А. А. Ганич

Нико Авалишвили и грузинская журналистика второй половины XIX в.*

Нико Авалишвили принадлежит к младшему поколению тергдалеулеби (груз. — испившие воду Терека, т. е. побывавшие в России), патриотическо-демократическому направлению грузинской просветительской мысли 60–70-х гг. XIX в. Тергдалеулеби сложились в полемику с грузинскими либералами на страницах журнала «Цискари» («Заря») по вопросам грузинского языка и литературы и отношения к крепостному праву и крестьянской реформе. Лиде-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект №15-31-14001a(ц).

ры тергдалеулеби (И. Чавчавадзе, А. Церетели, Я. Гогебашвили и др.), выражая интересы крестьянства и городской мелкой буржуазии, выступали против крепостного права, за социальное и национальное освобождение грузинского народа.

В 1867 г. в книжных магазинах Тбилиси появился составленный Нико Авалишвили «Грузинский календарь». Журнал «Цискари» дал ему положительную рецензию: «Сейчас уже можно утверждать, что мы имеем порядочный календарь. Чего только нет в календаре Н. Авалишвили... Здесь и первейшие сведения, необходимые каждому грузину... и справка о том, сколько газет и журналов выходит на грузинском языке... и курс грузинских денег, и статистические данные по Кавказу...».

В том же году редактор «Цискари» И. Кереселидзе предложил Н. Авалишвили сотрудничество. Фактическим руководителем журнала был в это время А. Цурцеладзе. В апреле между ним и редактором «Цискари» произошел острый конфликт, в результате чего А. Цурцеладзе ушел из журнала и опубликовал в газете «Дрозба» несколько статей, направленных против И. Кереселидзе, в которых задел и Н. Авалишвили, уничижительно отозвавшись о его календаре. Н. Авалишвили не оставил без внимания это незаслуженное оскорбление, ответив А. Цурцеладзе со страниц газеты «Дрозба». Разгорелась острая полемика, в которой молодой журналист проявил незаурядные знания, талант и принципиальность. Победа над опытным полемистом принесла начинающему литератору широкую известность.

В 1867–1868 гг. в журнале «Цискари» Н. Авалишвили опубликовал шесть произведений: переводы «Вильгельма Телля», «Крестьян» Плещеева, статью «Тбилисский Дон Кихот и его битвы в «Дрозба», стихотворения «Из Гейне», «Подражание Гейне» и публицистический очерк «Мцхета». Однако «Цискари» более не удовлетворял требованиям Авалишвили и он начал подготовку к основанию собственного издания — «Мнатоби» («Светоч»).

В 1869 г. Кавказская администрация разрешила издание журнала «Мнатоби» под редакцией Н. Авалишвили. В силу цензурных ограничений журнал не мог освещать важные общественно-политические проблемы и потому сосредоточил свое внимание на про-

светительской миссии и литературной критике. В журнале печатались произведения А. Церетели, А. Пурцеладзе, И. Чавчавадзе, Н. Ломоури, Г. Эристави и др. Н. Авалишвили нередко обращался к историко-литературным экскурсам, чтобы показать, какую огромную роль на протяжении веков играла литература в жизни грузинского народа. По его мнению, в современную эпоху, духовное, идейное и нравственное значение литературы еще более возрастает: «От литературы зависит наше настоящее и будущее счастье и благоденствие наших потомков». На протяжении нескольких лет Авалишвили продвигал в журнале необходимость эволюции грузинского литературного процесса, развития критического реализма. В 1872 г. в силу различных причин, журнал закрылся.

В 1870–1880-х гг. Н. Авалишвили сотрудничает с несколькими грузинскими периодическими изданиями. Публицистические работы этого периода содержат статьи по актуальным проблемам внутренней и внешней политики, науки и быта, социальной и национальной борьбы, духовной культуры. Ведущими темами его статей были: положение в стране после отмены крепостного права, обострение социальных противоречий в деревне, вторжение торгово-промышленного капитала в сельское хозяйство, индустриализация, развитие техники, экономические теории, банки и ассоциации, медицина, биология, агрономия, прошлое, настоящее и будущее Грузии, состояние в стране школы, театра, литературы, журналистики, книжного дела, порочность существующего политического режима и др.

Много сил, знаний и таланта отдавал Н. Авалишвили художественному переводу. Он считал, что перевод должен выполняться непосредственно с оригинала, если же это по какой-либо причине невозможно, следует пользоваться переводом на тот язык, которым переводчик владеет в совершенстве и на котором произведение получило всеобщее признание. Так, к примеру, в переводах «Дон Кихота», «Камо грядеши» и др. убедительно передано содержание оригинала, его дух и настроение, сохранены стилистические особенности произведений.

Особого внимания заслуживает полувековая деятельность Н. Авалишвили в области развития самостоятельного и профессио-

нального грузинского театра. Н. Авалишвили являлся организатором воссоздания постоянного театра на национальной основе, эрудированным теоретиком театра, разработавшим и воплотившим реалистическое направление грузинского театрального искусства. Будучи актером, критиком и историком театра, Н. Авалишвили внес неоценимый вклад в дело развития грузинского театрального искусства.

Н. Авалишвили внес значительный вклад в развитие грузинской журналистики, публицистики, литературной критики и литературы, заложил основы национального грузинского театра и, что главное, положил начало грузинскому реалистическому художественному переводу.

И. В. Зайцев

«Насаб-наме-йи султан Садык» — история Кенесары Касымова и Садыка Кенесарина

В 1889 г. в Ташкенте была опубликована книга султана Ахмета Кенесарина о своем отце и брате — Кенесары и Садыке [1; 1]. Подготовил ее для печати и снабдил примечаниями действительный член Сырдарьинского областного статистического комитета Евгений Тимофеевич Смирнов.

История появления этого текста была довольно подробно изложена самим Е. Т. Смирновым: «Деятельность Садыка, обнимающая период времени с 1864 до 1876 года, должна представлять интересный и ценный материал для истории покорения нами Кокандского и Хивинского ханств, войн с Бухарою и сношений с Кашгаром, почему в 1886 г. и возникла мысль предложить ему написать свою автобиографию, для чего и была дана ему мною программа. К сожалению, сам Садык, вероятно плохо владея пером, не взялся за дело, а поручил его своему брату султану Ахмету Кенесарину, который и доставил в 1877 году рукопись на киргизском языке. По поручению г. председателя Сырдарьинского областного комитета генерал-майора Н. И. Гродекова подстрочный перевод ее на русский язык переделан мною для печати, несколько обработан

в отношении ясности изложения фактов и снабжен необходимыми примечаниями.

Нужно заметить, что рукопись составлена со значительными отступлениями от данной программы, с пропусками и недосмотрами, но тем не менее сообщаемые в ней факты весьма интересны как рассказ нашего противника о разных эпизодах войн в Средней Азии. Более выдающиеся из них пояснены примечаниями, представляющими дело по нашим официальным и частным сведениям. Более значительное отступление заключается в подробном рассказе биографии Кенесары, чем автор, очевидно, увлекся, отдавая дань громкой деятельности своего отца. Это отступление, однако, принесло большую пользу делу, так как рассказ выясняет многие особенности характера Кенесары и случаи его деятельности, неизвестные дотоле в нашей литературе о нем. Таким образом вместо одной биографии получилось две: Кенесары и Садыка, самых деятельных и предприимчивых наших противников — бойцов за независимость, тюркских народностей в Средней Азии» [1, с. 13–14].

О судьбе оригинала рукописи Е. Т. Смирнов ничего более не пишет. Между тем, этот оригинал — арабиграфичный тюркский автограф султана Ахмета Кенесарина сохранился в фонде Н. И. Гродекова в Отделе письменных источников Государственного исторического музея в Москве. Текст написан на русской фабричной бумаге без филигранных, листы которой сшиты нитками белого цвета: 8 тетрадей сшиты в одну объемом в 68 листов. Размер листа $18,5 \times 23$ см.

Это тетрадь составляет часть дела, сохранившегося в Отделе письменных источников ГИМ, в котором собраны всевозможные родословные, в том числе правителей Бухары, кокандских ханов, казахских султанов, несколько эпитафий и даже автобиография ташкентского купца Епифана Ильича Ильина, датированная 16 сентября 1890 г.

На обложке дан русский заголовок текста «Биография рода Кенесариных». На обложке чернилами и карандашом указаны также старые шифры и номера рукописи: 544/220 II 79 (видимо, шифр ГИМ) и № 54 (этот номер зачеркнут; возможно, это внутренняя нумерация канцелярии Н. И. Гродекова). Тетрадь имеет и внутреннюю карандашную нумерацию от листа 1 до листа 68, которая

видимо была произведена еще до того, как тетрадь стала частью сборного дела. Однако изначально нумерации не было вовсе, поскольку имеются *хафизы* (кустоды). При указании на номера листов ниже я указываю сначала номер листа по оригинальной пагинации, затем в скобках — по пагинации ОПИ ГИМ.

Текст занимает 64 листа из 68 (заканчивается на л.64 по карандашной нумерации). Чернила черные. На странице по 10 строк (есть и по 8 и по 11). Текст на страницах доведен до левого края листа, тогда как с правой стороны страниц оставлено широкое поле размером примерно 4 см. Поле отчеркнуто вдавленной вертикальной линией, подобно той которая образуется при использовании *мистара* — транспаранта.

Сочинение разбито автором на шесть глав — *фасль*. Их нумерация написана словами, причем другими чернилами (сиренево-фиолетовыми), но тем же почерком, что позволяет сделать вывод, что на главы текст был разбит позже своего завершения. Деление глав таково: 1-я глава «Действия хана Кенесары против русского государства» — л.1-8об.(98); 2-я глава «Действия манапов Джантая и Ормана» — л.8об.(98)-19(109); 3-я глава «Рассказ о потомстве хана Кенесары» — л.19(109)-24(114); 4-я глава «Причины переселения сыновей Кенесары на берега Сыра» — л.24(114)-26(116); 5-я глава — л.26(116)-45об.(135об.); 6-я глава — л.45об.(135об.)-64(154).

Лист 22(112) чистый. Автор, видимо, случайно пропустил его при переписке, потому что текст продолжается на следующем листе без перерыва, на что указывает и *хафиз*.

Текст начинается с *басмалы*. В колофоне (л.64 (154)) автор указывает себя (Ахмет Кенесарин), а также название своего сочинения — «Насаб-наме-йи султан Садык» («Родословная султана Садыка»).

Датировка событий дана в христианском летосчислении. Текст подвергался потом редактуре: видны следы правки, зачеркивания и вставки, иногда целых абзацев. Причем правка проводилась другими чернилами (не теми, какими написан основной текст).

К особенностям орфографии документа стоит отнести написание буквы *син* с тремя точками внизу, а также своеобразный пунктуационный знак в виде знака «равно» (=), которым в тексте

разделяются предложения. Коранизмы в тексте не только огласованы, но и выделены подчеркиванием.

Обнаружение тюркского текста истории Ахмета Кенесарина не только позволяет нам узнать настоящее первоначальное название этого исторического труда, но и дает нам уникальную возможность сравнить его русский перевод-пересказ с оригиналом. Стоит отметить, что перевод Е. Т. Смирнова, сделанный по подстрочнику (его автор мне неизвестен), замечательно точен. Для читателей первого издания описываемые события были совсем недавним, во многом еще актуальным прошлым, и поэтому книга не было специфически научной публикацией исторического по своей сути текста. Однако многие непонятные русскому читателю детали оригинала Е. Т. Смирнов пояснил в примечаниях. Например, в рассказе об убийстве Кенесары киргизами, Ахмет Кенесарин восклицает: «Мы от Бога и возвратимся к Богу». Е. Т. Смирнов поясняет, что это «арабский стих, употребляемый мусульманами, когда они говорят или слышат о смерти кого-либо» [1, с: 28, 135]. В оригинале стоит кораническое: «...говорят: «Воистину, мы принадлежим Аллаху и к Нему вернемся» (Коран, 2:156).

Следует сказать, что, пожалуй, единственное, что изменил издатель в тексте — это разбиение на главы. Сохранив в неизменном виде первые 4 главы, 2 последние он поделил так, что в результате глав стало десять.

Находка оригинала-автографа сочинения Ахмета Кенесарина о своем отце и брате — само по себе важное событие для историков Казахстана, особенно же в год празднования 550-летия Казахского ханства. Представляется необходимым издать оригинал этого текста факсимиле, снабдив его русским переводом (перевод Е. Т. Смирнова, как было сказано выше, вполне послужит для этого), а также обновленными примечаниями и справочным аппаратом.

Основная литература

1. *Кенесарин Ахмет*. Султаны Кенесары и Сыздык. Алма-Ата: Жалын, 1992. 144 с.
2. *Кенесарин А.* Султаны Кенесары и Садык. Ташкент: Сыр-Дарьинский областной статистический комитет; Типо-Литография С. П. Лахтина, 1889. 144 с.

Л. Г. Исмаилова

**Обычаи азербайджанской свадьбы
в эмоционально окрашенных
фразеологизмах**

Свадьба для азербайджанцев традиционно считается самым радостным семейным событием. Разделить эту радость приглашается множество родных, друзей и соседей. Чаше всего на свадьбе звучит возглас: «*Allah qorusun!*» *Да сохраним вас Бог.*

Каждый гость искренне сопереживает счастью новобрачных и старается выразить свою радость пожеланиями новой семье счастья и долгих лет. В свадебных тостах часто можно услышать такие слова: «*Ağ günlü olasan*» / [букв.: чтоб ты был с белым днем]. Есть и другой вариант этого же пожелания: «*Ağ günə çıxasınız*» / [букв.: чтоб вы вышли в белый день], то есть дожить до счастливых дней / дожждаться лучших времён. Аналог этого фразеологизма: «*Axırı xeyir olsun*» / [букв.: пусть конец завершится с добром]. «*Can deyib, can eşidəsiniz*», то есть друг другу обращаясь говорили «*can*», очень ласковое обращение, передать смысл которого можно словами «*жить душа в душу*» (в полном согласии).

Слово «*can*» / [душа] это не простое слово. Можно сказать, что это волшебное слово. Его можно использовать в разных ситуациях, и в каждом случае будет иметь разные значения.

Во-первых, это слово употребляют при ласковом обращении: «*Canım mənim*» / «душа моя». *Can* основа слова *душа*, а *ım* аффикс принадлежности, в переводе на русский язык означает *моя*.

Во-вторых, если кто-то болеет, или кому-то плохо, человеку скажут: «*can, can*», этим самым его постараются успокоить, приободрить.

В-третьих, употребляют, когда дают клятву, например: «*ata canı*» / клянусь отцом, клянусь жизнью отца, «*ana canı*» / клянусь матерью.

В-четвертых, употребляют как похвалу. Ребенок прочитал выразительно стихотворение, отец скажет: «*can, ay can*» в значении великолепно, молодец.

Респондент 1: На свадьбе среди гостей обязательно найдется кто-то, кто скажет: «Can bir qəlbə yaşayasınız» / [букв.: чтоб жили

в одной душе] дружно жить, жить в полной гармонии, «*жить душой в душу*», «*жить дружно*».

Кто-то пожелает: «*Qoşa qarıyasınız!*» / [букв.: чтобы вы вместе состарились] пожелание супругам долгой совместной жизни».

Могут прозвучать пожелания, такие как: «*Allah eləsin xoşbəxt yaşayasınız*» / [букв.: Дай Бог, чтоб жили счастливо]; «*Allah sizə yeddi oğul, birçə qız versin*» / [букв.: Пусть Бог вам даст семерых сыновей и одну дочь]; «*Allah sizə ruzi bərəkət versin*» / [пусть Бог пошлет вам благодать].

Перед свадьбой в дом невесты родители парня несут «*kəllə gənd*» / это огромного размера (приблизительно 50 см. высоты) конусообразная сахарная голова. Сахар отдают невесте, чтоб она вошла в дом мужа с добром, чтоб жизнь была сладкой. После свадьбы этот сахар хранят до тех пор, пока не родится первый ребенок. После рождения ребенка сахар рубят на маленькие куски и раздают бездетным соседям и беднякам.

Брак обязательно должен быть зарегистрирован у моллы, по законам шариата. И вот отсюда и пошло выражение: «*Bir molla, üç manat pul, bir kəllə gənd*» / [букв.: один молла, три рубля и одна головка сахара]. Эту ФЕ употребляют, когда хочется жениться, а денег нет, т.е. достаточно пригласить моллу, дать ему 3 рубля и иметь одну головку сахара. Молла прочитает суру из Корана, благословит молодых.

Респондент 1: «Головку сахара несли, потому что раньше не было такого большого выбора конфет, а сахар был доступен и богатым, и бедным. Разница была в размере: чем богаче человек, тем больше была головка сахара. В известной комедии великого азербайджанского композитора Узеира Гаджибекова «*Аршин мал алан*» [букв.: покупающий товар аршинами] один из главных героев говорит: «Для женитьбы нужны «*Bir molla, üç manat pul, bir kəllə gənd*» один молла, три рубля и одна головка сахара».

Основная литература

1. Nigar Vəliyeva. Azərbaycancaingiliscə — rusca frazeoloji lüğət. Bakı, 2006, 798 c.
2. Тагиев М. Т. Русско-азербайджанский фразеологический словарь. Баку, 2006, 303 с.

3. Буянова Л. Ю., Коваленко Е. Г. Русский фразеологизм как ментально — когнитивное средство языковой концептуализации сферы моральных качеств личности. М., 2012, 182 с.

А. Ш. Кадырбаев

Колония Китая или зона влияния СССР? Восточный Туркестан де-факто и де-юре (1917–1930 гг.)

I. После Октябрьского переворота 1917 г. в России, происходят глобальные изменения в расстановке политических сил в мире, привнося с собой и новые элементы в межгосударственные отношения в Центральной Азии в целом, и в Восточном Туркестане, в частности. На смену политике царской России и империи Цин приходит политика правящих в СССР и Китайской республике — Коммунистической партии — ВКП (б) и Национальной партии — Гоминдана, образовавшихся на руинах этих империй. В этой политике центральноазиатским мусульманским окраинам, в частности, Восточному Туркестану — де-юре колонии Китая, отводилась малопочтенная роль плацдармов, на которых апробировались методы неоекспансии и идеологического воздействия на населяющие этот регион народы.

Во время гражданской войны в России ее экономические отношения с Восточным Туркестаном, который китайцы называют Синьцзяном, что по-китайски означает «новая граница», практически сошли на нет, что усугублялось политикой «нейтралитета» его китайского губернатора Ян Цзэсиня по отношению к противоборствующим сторонам — белогвардейскому движению и советской власти, хотя он не запретил функционирование здесь консульств, свергнутых большевиками царского режима и Временного правительства. Но границы Синьцзяна со среднеазиатскими и казахстанскими областями были закрыты. Поэтому и представители советской власти, и эмиссары белогвардейцев, испытывали большие сложности в установлении действенных и тесных экономических связей с властями Синьцзяна. По сути, эти связи ограничивались торговыми экспедициями с целью закупки продовольствия

и сырья в Синьцзяне, а попытки синьцзянских купцов осуществить торговые операции в России заканчивались, как правило, грабежами и реквизициями привезенного и закупленного товара.

Однако к началу 20-х гг. ситуация стала меняться, что было связано с окончанием гражданской войны и подвижками социально-экономического плана в Советской России, а также с определенными изменениями в социально-экономической жизни Синьцзяна, нашедших выражение в усилении влияния синьцзянского, по преимуществу китайского торгового капитала, уже не хотевшего играть роль только контрагентов России, некогда господствовавшей на рынке Восточного Туркестана. Данное обстоятельство не совсем учитывали советские власти в своих попытках вывести торгово-экономические отношения с этой китайской провинцией на прежний уровень. Хотя к 1920 г. Москва установила политический контроль над Средней Азией и Казахстаном, было очевидно, что восстановление разрушенной гражданской войной экономики Советского Туркестана без налаживания традиционных связей с Синьцзяном, будет весьма сложно. Но изменения, происшедшие в Синьцзяне за пять лет, не позволяли построить торгово-экономические отношения между Советской Россией, с 1922 г. с СССР, в прежнем довоенном варианте.

Между тем, во вновь сложившихся условиях в пользу экономического сближения Синьцзяна с Советским государством действовали такие весомые факторы как географическая близость и отсутствие торговых путей во внутренний Китай, а также заинтересованность советских властей в налаживании контактов с Синьцзяном. К этому побуждал голод в России 1921 г. в связи с необходимостью усиления закупок за границей жизненных припасов, в первую очередь, продовольствия и сырья. Советское правительство проявило достаточную гибкость в проведении торговой политики в Синьцзяне и предприняло шаги по нормализации отношений с его провинциальными властями, что побудило последних, в виду наступающего экономического кризиса в регионе, заключить торговые соглашения с представителями РСФСР, в частности, Илийский протокол, оказавшиеся взаимовыгодными.

II. Восточный Туркестан в первой половине XX в. оставался регионом, влияние на который составляло существенную часть внеш-

ней политики как СССР, так и Китайской республики, а передел границ, завершившийся к этому времени в Центральной Азии, оставил для укрепления этого влияния только экономическую и идеологическую, а иногда и военную возможности. В 1921 г. после разгрома белого движения в ходе гражданской войны в России, до 50 тысяч белогвардейских войск под командованием генералов Бакича, Дутова — атамана Оренбургского казачьего войска Анненкова, атамана Семиреченского казачьего войска Щербакова отступили в Восточный Туркестан, сохранив боеспособность. Эти отряды не подчинялись властям Ян Цзэсиня, поднимали мятежи против его власти, совершали налеты на сопредельные советские территории Средней Азии и Казахстана, получая финансовую поддержку царских консульств, сохранявшихся тогда в Синьцзяне, поскольку те располагали средствами, которые им, а не Советской России, выплачивали китайские власти в виде репараций за убытки от «боксерского» восстания 1900 г., которые тогда понесла Россия.

Ян Цзэсинь, не располагая военными силами, способными противостоять белогвардейцам, обратился к советским властям за военной помощью. В результате операций советских органов госбезопасности лидер российской контрреволюции Дутов был убит чекистом Касымханом Чанышевым во время попытки его похищения в 1921 г., а Анненков, посаженный на три года в китайскую тюрьму, после выхода из нее в 1927 г. также был похищен и расстрелян после суда в СССР в г. Семипалатинске. В мае-июне и августе 1921 г. в ходе войсковых операций частей Красной Армии, при поддержке властей Ян Цзэсиня, белогвардейцы под командованием генерала Бакича, ставшего открытым врагом Ян Цзэсиня и разжигавшего антикитайские настроения среди мусульман Восточного Туркестана, были разгромлены, а их лидер бежал в Монголию, где был арестован советскими властями и расстрелян по приговору военного трибунала. Итогом этих событий стало также упразднение на территории Синьцзяна царских консульств и передачи их полномочий представителям Советского государства. К октябрю 1924 г. были учреждены консульства СССР в Урумчи, Кашгаре, Кульдже, Чугучаке и на Алтае.

III. Нормализация советско-китайских отношений в 1924 г. позитивно сказалась на динамике развития экономических отношений между Синьцзяном и СССР. В 1927–1929 гг. общая сумма экспорта сравнялась с суммой импорта, достигнув 49,9 %, что само по себе являлось показателем экономического роста СССР. Поставка в СССР сырья из Синьцзяна позволила СССР форсировать восстановление легкой промышленности и увеличить общий товарооборот страны, а для Синьцзяна экспорт сырья способствовал увеличению его внутреннего товарооборота, необходимого для подъема сельского хозяйства и создания национальной промышленности.

Определенную роль в улучшении материального положения населения Восточного Туркестана стало играть, возобновившееся в первой половине 20-х гг. отходничество тысяч мусульман-дехкан на сезонные работы в среднеазиатские республики СССР. В пользу СССР даже существовал определенный диспаритет цен в торговле с Синьцзяном, что вызывало претензии синьцзянской стороны и привело к обсуждению этого вопроса на Политбюро ЦК ВКП(б) 10 апреля 1931 г. Было принято постановление об исправлении данного состояния дел в торговле с Синьцзяном, хотя его реализация затянулась. Попытки советского правительства выработать и провести в жизнь принципы новой экономической политики в отношении Синьцзяна в силу объективных и субъективных причин не были целиком реализованы ни в конце 20-х, ни в начале 30-х гг., что усугублялось еще социально-политическим кризисом в Синьцзяне 1931–1934 гг. — восстанием мусульманских народов Восточного Туркестана, выступавших за государственную независимость от Китая и неоднозначной позицией СССР по отношению к этому восстанию.

IV. В первые годы после победы Октябрьского переворота, советское правительство под влиянием III Коммунистического Интернационала — продукта правящей в России коммунистической партии большевиков ориентировалось на доктрину «мировой революции», рассматривая Восточный Туркестан как ее плацдарм для революционизирования Китая и Индии. С 1919 г. ВЦИК и Совнарком РСФСР дали огромные полномочия по вопросу Синьцзяна, направленной в Советский Туркестан комиссии, а затем

с 1920 по 1922 и с 1922 по 1934 гг. соответственно Туркестанскому бюро РКП(б) и Среднеазиатскому бюро ВКП(б), на заседаниях которых даже рассматривались вопросы (4 июля 1921 г.) об образовании советских Кашгарской и Джунгарской республик на территории Восточного Туркестана, когда советские войска вели там военные операции против белогвардейцев, о чем уже говорилось выше. Но из-за противодействия наркома иностранных дел РСФСР Чичерина, поддержанного Лениным, предложение не прошло.

Все же, советское руководство, вопреки сиюминутным революционным лозунгам, отдало предпочтение идеям практицизма и трезвого расчета в отношении Восточного Туркестана. Хотя идея переноса революции в Синьцзян продолжала жить и вполне могла быть реализована конкретно. В Средней Азии и Казахстане тогда проживало около полумиллиона уйгуров, причем половина из них были подданными Китая. Многие из них были коммунистами и в гражданскую войну служили в Красной Армии. Немало таковых было среди дунган. Но советское руководство предпочло, в конечном итоге, взаимоотношения с Синьцзяном, выстроенные на использовании выгод и преимуществ, которые можно было получить при сохранении де-юре территориальной целостности Китая и существующего в его провинции Синьцзян политического и экономического строя, варианту, связанному с возможным получением тех же выгод, но через революционную войну с непрогнозируемым исходом.

Руководство Синьцзяна, в свою очередь, поддерживало добрососедские отношения с СССР даже в самые сложные периоды советско-китайских отношений, которых было более чем достаточно. Даже после разрыва отношений с СССР правящей в Нанкине и Южном Китае партии Гоминдан во главе с Чан Кайши, претендующего на власть во всем Китае, в результате государственного переворота 1927 г., когда резко стали сворачиваться и ликвидироваться все связи между двумя странами, и власти Синьцзяна также получили указание прекратить торгово-экономические отношения с СССР, Ян Цзэсинь не только игнорировал его, но и публично осудил. В это время он освободил трех советских граждан, обвиненных в шпионаже, и направил в СССР «в связи с недородом хлебов в Семиречье... два десятка тысяч пудов зерна, не-

смотря на то, что у самих китайцев также имеют место продовольственные затруднения».

На позицию Синьцзяна не повлияла гибель в результате заговора Ян Цзэсиня в 1928 г., когда новый губернатор, бывший министр внутренних дел провинциального правительства, Цзинь Шужэнь продолжил политическую линию своего предшественника. Сохранялись существующие связи СССР с Синьцзяном во время военных действий на КВЖД между советскими и белокитайскими войсками северных милитаристов. Такая позиция властей Синьцзяна объясняется не только традиционной самостоятельностью в вопросах взаимоотношений с Россией, но и полным осознанием губительных последствий для Восточного Туркестана и его населения разрыва экономических связей с СССР. Сохранение отношений позволило подписать полномасштабный двусторонний договор между СССР и Синьцзяном 1 октября 1931 г., значительно расширявший возможности экономического сотрудничества и упрощавший его процедурные стороны. При этом центральное правительство Китая заявило о непризнании договора, что, впрочем, не повлияло на его реализацию.

Таким образом, сотрудничество СССР и Синьцзяна не только было сохранено в сложные годы советско-китайских отношений 1917–1930-х гг., но и получило развитие. Основа этого сотрудничества — прагматизм и обусловленная объективными обстоятельствами взаимная экономическая заинтересованность.

Т. М. Кареев

Этнонационализм на Кавказе

Исчезновение государства СССР спровоцировало не только разрушение экономических связей, но и обострило противоречия в политической и духовной сферах. Данное событие серьезным образом отозвалось в общественном сознании народов, входящих в состав этого государства. В политической и социологической литературе появляются такие понятия, как «этнонациональная память», «национальная идея», «национальная мечта», «националь-

ная воля», «этнонациональное самосознание», «этничность». Во многом актуализации этнонационализма способствовали неконституированные территориальные претензии не только бывших субъектов СССР, но разных территорий внутри этих субъектов с компактно проживающими на них народами. Брошенный лозунг «Брать столько демократии, сколько хотите» породил миграционные потоки на всей территории СССР. Исключением не стал и Кавказ.

Сама миграция в истории человечества явление не новое, если вспомнить, что еще в 1685 году по результатам Нантского эдикта более 500 тыс. гугенотов мигрировали из Франции, хотя указанный закон среди ему подобных считается самым демократичным по вопросам веротерпимости. Существовавшая в донационалистических империях этнонациональная толерантность заменяется этноконфессиональной напряженностью. Выводы политиков, политологов и многих исследователей о том, что с окончанием Второй мировой войны национализм навсегда исчез, к сожалению, не подтверждаются. События в Европе (Баски, Шотландия) в Канаде, США, Югославии, СССР показали, что национализм никуда не делся. Не случайно мы встречаем такие точки зрения, что XX век является не веком борьбы классов, а борьбы наций, что национализм становится единственно популярной религией, утверждения о том, что национализм представляет собой самую мощную политическую силу XIX–XX вв. [1].

В понимании и трактовке национализма появились разночтения. В практике разрешения национальных конфликтов применяются двойные стандарты. Национализм понимается как патриотизм, трактуется одновременно как шовинизм, утверждается, что национализм — феномен, который существовал в прошлом и будет существовать в будущем. Возникает некоторая антиномичность в объяснении национализма. Иначе как объяснить, что Португалия — национальное государство, а Каталония — нет, Швейцария — да, Трансильвания — нет, почему боснийские мусульмане — нация, а сербские мусульмане — религиозная общность. Что означают понятия «лига наций», «объединенные нации»? Перечисленные разночтения предопределяют разные определения на-

ции и национализма. На Западе подчеркивается политический аспект в понимании нации, на Востоке обращается внимание на ее культурологическое составляющее. Нация определяется как продукт социальности и коммуникации.

Кавказ, как многоликий регион, где веками проживают десятки народов, отнесенных к пяти этническим семьям, является исключительной исследовательской площадкой по изучению этнонационализма. Если брать только последние два десятилетия, они показывают, что в результате этнодвижений исчезло армянское население в Азербайджане, исчезли русские из Чечни, исчезли азербайджанцы из Армении, грузины из Абхазии, осетины из Грузии и т. д. До 30 % населения Закавказья, Чечни, эмигрировали в Россию или за рубеж. На Кавказе имеются поселения, сменившие полностью свой этносостав.

Как и 100 лет назад с повестки дня не исчезает вопрос о присоединении территорий к России. Исторически на Кавказ претендовали арабы, турки, византийцы, персы, англичане. Современные отношения США и Грузии основаны только на глобальной политике, которую ведут американцы. Их вовсе не интересует экономика, культура или еще что-то. Поэтому единственным вариантом для Кавказа остается доказанная веками интеграция с Россией. А для этого необходимо научно обоснованное, обществоведческое, с привлечением гражданского общества управление национальными процессами на Кавказе. Для чего нужно добиться этнического равноправия; создать экономически эффективные формы ведения хозяйства; поднимать уровень образованности населения, особенно в части его объективной этнонациональной истории; создать демократические институты управления; проводить исследовательские работы в области национального строительства.

Основная литература

1. *Альтерматт У.* Этнонационализм в Европе. М., 2000.
2. *Зиммель Г.* Избранное. М., 1996.
3. *Зубов А.* Знание. 2000, № 4.
4. *Караев Т. М.* Россия и Кавказ (проблемы культурной ориентации). М., 2003.
5. *Лурье С. В.* Историческая этнология. КубГТУ, 2013.

Хас Керим

**Трансформация внешней политики
России и Турции в Центральной Азии**

Долгое время приоритетным в турецкой внешней политике на центрально-азиатском пространстве являлось стремление использовать общие религиозно-традиционные ценности, этническо-языковую близость и совместный потенциал в интересах народов Турции и отдельных стран региона. Региональная политика Турции в отношении Центральной Азии (ЦА) формируется, исходя из необходимости решения следующих задач: выполнения своей исторической миссии в рамках использования «мягкой силы» [1]; учета внутренней политической и экономической ситуации в государствах региона, оказания им гуманитарной и финансовой помощи в обеспечении *развития их социально-человеческого* потенциала; расширения экономических отношений на основе взаимной выгоды; обеспечения возможного будущего политического механизма, который может функционировать в качестве основного инструмента для осуществления межгосударственных проектов.

С начала 1990-х гг. для Анкары жизненно важным вопросом стало определение экспортных маршрутов азербайджанских энергоресурсов, которое также обеспечило Турции повышение своей роли и влияния на Южном Кавказе [2]. Вместе с тем, прокачка казахстанских и туркменских энергоресурсов к трубопроводам, проходящим через Азербайджан и Турцию на мировой рынок, рассматривалась Анкарой как важная задача в более долгосрочном плане. Благодаря выгодному географическому положению, Турция стремится играть роль моста между поставщиками энергоресурсов на Востоке и потребителями на Западе. Обретение статуса ключевого транспортировочного узла является фундаментом энергетической политики Анкары.

Существенная экономическая прибыль формируют возникновение новых энергопроектов в регионе между Востоком и Западом. Турция заинтересована в использовании своей территории для транспортировки каспийской нефти и газа на мировые рынки. Политические приоритеты и «трубопроводная дипломатия» Анка-

ры в регионе больше всего определяются в контексте достижения баланса сил стратегических отношений с Москвой. Российский фактор играет значительную роль в отношениях между Турцией и странами ЦА и определяет рамки возможного политического механизма сотрудничества между Анкарой и государствами региона.

Россия, в силу влияния Москвы на черноморско-каспийском пространстве и в Центральной Азии, является одним из ведущих мировых центров политической и военно-стратегической мощи в этом регионе. Именно поэтому Турции пришлось рассматривать российское направление внешней политики как одно из приоритетных. В этой связи главным отличием внешней политики Турции в 2000-х годах от предыдущего десятилетия стало активное развитие двусторонних российско-турецких отношений.

Геополитическая конъюнктура меняется с высокой степенью непредсказуемости, именно поэтому приоритетным для государств центрально-азиатского региона является сотрудничество с «традиционными партнерами», в том числе, в лице Москвы. Несмотря на события, то отдаляющие, то сближающие руководителей стран, имеет место общая заинтересованность в развитии отношений как на двусторонней основе, так и в контексте межрегионального развития. Отдельной проблемой, которая так или иначе влияет на проводимую Россией политику, с недавнего времени стала миграция и трудоустройство граждан ЦА в России, а увеличивающиеся диаспоры, преимущественно из Таджикистана и Узбекистана, стали своего рода рычагом давления Москвы на Ташкент и Душанбе.

Ключевое значение развития отношений России со странами ЦА состоит в том, что от глубины и характера их функционирования в немалой степени зависит и перспектива эффективного многостороннего сотрудничества в рамках различных совместных платформ, таких как ОДКБ, ШОС и Евразийский экономический союз. Однако, дальнейшее укрепление конструктивного взаимодействия РФ с регионом может быть осуществлено только при наличии проявления конкретной политической воли глав государств, таких, например, как Туркменистан и Узбекистан. В отличие от 1990-х гг., в настоящее время российская сторона отдельно под-

черкивает, что основой двусторонних и многосторонних отношений является принцип подлинного прагматизма и равноправия.

Список литературы

1. *Joseph S. Nye Jr.* Soft Power: The Means to Success in World politics. Public Affairs, 2005.
2. *Хас Керим*. «Турция и Азербайджан — не только энергетика». Российский совет по международным делам, 9 марта 2016. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=7357#top-content

Т. К. Кораяев

«Летопись пророков и мудрецов»

Навои: источники, сюжеты, контекст

В громадном наследии Низам-ад-Дина Мир ‘Али-Шера (Навои; 1440–1501) — одной из замечательнейших фигур в истории тюрко-мусульманской словесности — хроникальным трудам принадлежит, казалось бы, далеко не самое приметное место. Проблематично уже отнесение «Летописи царей персов» (*Тарих-и мулук-и ‘Аджам*) и «Летописи пророков и мудрецов» (*Тарих-и анбийа-у хукама*) к историописанию в собственном смысле. Оба памятника скорее отражают видение прошлого, которое можно определить как эпическое (в первом случае) и агиографическое (во втором). В настоящем сообщении речь пойдет о втором из них — интересном примере функционирования традиционного жанра *кисас ал-анбийа*’, которые, восходя истоками к первым векам хиджры, получили яркое развитие в последующие столетия и на различных языках ислама. «Летопись пророков и мудрецов» (датируется после 1485 г., т. е. непосредственно вслед за завершением прославленной «Пятерицы» — *Хамса*) складывается из двух неравновесных, с точки зрения объема и композиционной завершенности, половин. Первая (более $\frac{4}{5}$ всего текста) — это сжатое изложение священной [пред]истории ислама, т. е. череда житий пророков — предшественников Мухаммада. Вторая, по сути, сводится к краткому очерку воззрений мудрецов (*хаким* — термин, нередко синонимичный «философу»), среди которых выделяются наставники

и законоучители древнего Ирана и ученые сократики, платоники и перипатетики Греции.

Низам-ад-Дин Мир ‘Али-Шер не является первооткрывателем данного жанра в тюрко-мусульманской агиографической и дидактической литературе. Его *Тарих-и анбийа-у хукама* не притязает на оригинальность. Проблема ставится иначе: какие задачи, создавая этот очерк, ставил перед собой чагатайский поэт и тимуридский сановник. По нашему мнению, речь идет, с одной стороны, о творческой «утилизации» материала, оставшегося не задействованным в *Хамса*, в частности, в ее заключительном эпизоде — «Александровом вале» (*Садд-и Искандари*), где персонаж Аристотеля (*Арасту*), а также семь греческих философов, выступающие с надгробной речью после кончины протагониста, составляют своего рода гномический (нравоучительный) стержень этой уникальной восточнотюркской версии «Романа об Александре». С другой стороны, в паре с другой летописью-*тарих*, «Пророки и мудрецы» представляются пролегоменами к обширному труду, которому не суждено было быть завершенным. Эта всемирная хроника (предполагаемое заглавие — «Сливки летописей», *Зубдат ат-таварих*) связывалась с именем царственного патрона Мир ‘Али-Шера, — султана Хусайн-и Байкара, и дома Тимуридов в целом (намек на эту задумку содержит, в т. ч., стихотворное заключение к *Тарих-и мулук-и ‘Аджам*). Наконец, если сказания о доисламских пророках и Божиих посланниках неизменно служили важнейшим источником вдохновения для поэзии и дидактической прозы на восточном тюрки, то рассказы о премудрых мужах Персии (*Эран*) и Эллады (*Йунан*) впервые заняли в ней центральное место только благодаря «Двуязычному» (*Зу-л-лисанайн*) гению ‘Али-Шера.

Основная литература

1. Алишер Навоий. Мукаммал асар ту’плами. 20-томлик. Тошкент, 1987–2003. URL: <http://navoi.natlib.uz/>
2. Rabguzi. Kısasü’l-Enbiya I–II. Haz. A. Ata. Ankara, 1997.
3. ‘Ara’is al-majalis fi qisas al-anbiya’ or “Lives of the prophets” as recounted by Abu Ishaq Ahmad ibn Muhammad ibn Ibrahim al-Tha’labi. Transl. by W.M. Brinner. Leiden, 2002.

Дж. Я. Рахаев

**Акакий Церетели и грузинское
национальное движение второй
половины XIX – начала XX в.***

Акакий родился 9 июня 1840 г. в Имерети, в с. Схвители в семье известного грузинского князя Ростом Церетели. Первоначальное воспитание получил дома, под руководством матери, внучки имеретинского царя Соломона II, в с. Саван. В 1850–1859 гг. А. Церетели обучался в Кутаисской гимназии. Здесь, в гимназической среде появились его первые литературные опыты. Так, в частности, он написал трагикомедию, в которой обрисовал происки и злоупотребления управляющего его отцовским имением. Пьеса на домашней сцене имела успех. Первая его печатная работа — «Народные песни» появилась в 1858 г. в грузинском журнале «Цискари». В марте 1859 г. Церетели пишет знаменитое стихотворение «Ладья», в котором в аллегорической форме размышляет о судьбах Грузии и цене присоединения к России.

В апреле 1859 г., не сдав выпускных экзаменов, Церетели переехал в Санкт-Петербург с намерением поступить в военное учебное заведение. Однако под влиянием грузинского студенческого землячества изменил свое решение и поступает в университет на факультет восточных языков по армяно-грузинскому отделению. В Петербургском университете Церетели проучился в качестве вольнослушателя до 1862 г. В эти годы начал А. Церетели активную поэтическую деятельность. В 1860 г. в январском номере «Цискари» появилось его стихотворение «Тайное послание», завоевавшее популярность среди читающей публики Тбилиси.

В 1862 г. А. Церетели сдал последние экзамены и получил право представить кандидатскую работу на тему «К вопросу об оригинальности «Витязя в тигровой шкуре» Руставели». Факультет одобрил кандидатскую работу Церетели, но диплома он не получил, поскольку не имел аттестата об окончании гимназии. В том же году Церетели уехал в Грузию и в 1863 г. женился на Наталии

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-31-14001a(ц).

Петровне Базилевской. Уже в следующем, в 1864 г. у Акакия Церетели родился сын Алексей.

В студенческие годы Акакий Церетели близко сошелся с Ильей Чавчавадзе. В начале 1860-х гг., вскоре по возвращению в Грузию, вместе с И. Чавчавадзе возглавил движение грузинских шестидесятников, известное под названием «тергдалеулеби». Он стал профессиональным писателем. До 1870-х гг. Церетели был одним из лидеров тергдалеулеби, активно продвигал их просветительскую и гуманитарную миссию в журнале «Цискари», потом сотрудничал в газетах «Дрозба» и «Тифлисском вестнике».

Акакий Церетели последовательно выступал поборником аграрной реформы в Грузии 1864 г., но ее результаты считал неудовлетворительными. В газете «Дрозба» он публиковал статьи под заглавием «Горячие новости», посвященные реформам Александра II. По его мнению, реформа «была хорошей только по форме, а по содержанию — негодной... Крепостническая зависимость пала но не так, как надобно было. Помещики уже не владели душами крепостных как животных, но крестьянство осталось без земли». Будучи сторонником полного уничтожения остатков крепостничества и действительного освобождения крестьян он признавал удовлетворительным уже то обстоятельство, что «земля от высшего сословия постепенно переходила в руки трудящихся».

В 1880-х гг. на страницах гуманистической прессы: «Иверия», «Шрома» («Труд») и «Имеди» («Надежда») неоднократно обращал внимание грузинской общественности и российского правительства на скорейшую необходимость освобождения «низшего сословия» путем его просвещения. В 1890-х гг. А. Церетели продвигал идею необходимости свержения русского самодержавия, поддерживал политическую программу социал-демократов и социал-федералистов. На протяжении многих десятилетий он неустанно боролся за возрождение грузинской прессы, театра, всей грузинской культуры.

В 1880–1890-х гг., кроме совершенных образцов лирической поэзии, Церетели создал целый ряд поэм, драматических и прозаических произведений, большая часть которых посвящена героическому прошлому Грузии. В поэме «Торнике Эристави» (1884) отражены события конца X в. Главный герой — князь Торнике Эристави, главнокомандующий грузинскими войсками. Чувствуя при-

ближение старости, он идет в монахи, но в тяжелый для родины час снова взялся за оружие и возглавил войско, которое пришло на помощь Византии в ее борьбе против врагов. Главный герой драматической поэмы «Патара Кахи» (1890), 17-летний царевич — будущий царь Ираклий II, которого народ с любовью называл Патара Кахи. Он поднял народ на борьбу с османами и победил их. В образе царя воплощены лучшие черты народа. В повести «Баши-Ачук» (1896), описывает антисефевидское восстание грузин в 1659 г. В поэме «Натела» (1897) Церетели воспел борьбу грузин против монгольских завоевателей в середине XIII в., в центре ее изображения образы народного героя, мегрельского князя Цотне Дадияни и женщины-красавицы Натели. В поэме «Наставник» (1898) Церетели поднимал проблемы воспитания молодого поколения в лучших традициях предков.

В 1897–1900 гг. издавал журнал «Акакис твиури кребули» («Ежемесячный сборник Акакия»). В 1905 г. редактировал сатирический журнал «Хумара» («Шутник»), за что подвергся аресту. В том же году Церетели написал стихотворение «Долой!», в котором призывал свергнуть правительство, уничтожить существующий строй. Стихотворение приобрело широкую популярность в годы Первой русской революции в Закавказье. В 1906 г. перевёл на грузинский язык «Интернационал». В 1909 г. Церетели написал автобиографическую повесть «Пережитое», ставшей летописью культурного и политического развития пореформенной Грузии.

Акакий Ростомович Церетели скончался 26 января 1915 г. и был похоронен на Пантеоне Мтацминда в Тбилиси.

Ж. С. Сыздыкова

Центральная Азия и Россия: новые тенденции сотрудничества в сфере безопасности

Интерес к Центральной Азии (ЦА) связан прежде всего с ее геополитической значимостью и богатыми углеводородными ресурсами. ЦА выполняет роль связующего звена между Россией и Южной Азией, а также Средним Востоком и Китаем, так как располо-

жена в сердце Евразии, что и вызывает постоянный интерес великих держав и сопредельных стран. Попытки дестабилизации общественно-политической обстановки в Центральной Азии отражаются на национальной безопасности России. Сохранение ключевых позиций России в Центральном-азиатском регионе (ЦАР) остаётся приоритетным направлением внешней политики российского государства. И, что немаловажно, осуществление данной стратегической задачи напрямую связано с развитием сотрудничества в военно-политической сфере.

Вопросы усиления военного присутствия России стали активно обсуждаться начиная с лета 2012 г., когда американцы вышли с предложением передать часть военной техники и оборудования, которые они выводят с территории Афганистана, государствам Центральной Азии (Киргизии, Таджикистану и Узбекистану). В частности, речь шла о бронемашинах, трейлерах для перевозки танков, тягачах, заправщиках, грейдерах, бульдозерах и т. п. В ответ Россия в ноябре 2015 г. заявила о планах предоставить военную помощь на сумму порядка 1,5 млрд долл. Киргизии и Таджикистану. 1,1 млрд из них предназначались Бишкеку, испытывавшему хронический дефицит военной техники, а около 200 млн долл. — Таджикистану. Причем получить ее республики региона должны были в виде прямых поставок российской техники.

Проблемами безопасности региона обеспокоена не только Россия, но и сами страны Центральной Азии. Об этом свидетельствует прошедшее 27 октября 2015 г. в поселке Бурабай (Казахстан) заседание Совета глав государств СНГ, на котором стороны договорились о возможности формирования совместных сил по обороне границ стран-участниц Содружества в случае возникновения кризисной ситуации. В переговорах приняли участие президенты Азербайджана, Армении, Белоруссии, Казахстана, Киргизии, России, Таджикистана и Узбекистана. На саммите также были представители Молдавии, в лице замминистра иностранных дел, Туркмении — вице-премьера, со стороны Украины присутствовал временный поверенный в делах Украины в Казахстане. Среди подписанных документов, а их было более десятка, ключевыми являются заявление о борьбе с международным терроризмом и

концепция военного сотрудничества до 2020 г. В заявлении отмечается глубокая озабоченность в связи с резким ростом активности террористических группировок, действия которых несут прямую угрозу международному миру, безопасности и суверенитету государств. Символично, что эти документы подписаны на территории центрально-азиатского государства, с учетом того, что в последнее время Россия наращивает военное присутствие особенно интенсивно в связи с обострением ситуации на Ближнем Востоке. По заявлению президента РФ Владимира Путина на заседании Совета глав государств СНГ, ситуация в Афганистане близка к критической. «Террористы разных мастей набирают всё больше влияния и не скрывают планов по дальнейшей экспансии. Одна из их целей — прорваться в Центрально-Азиатский регион». По заявлению Владимира Путина на стороне ИГИЛ воюют от пяти до семи тысяч выходцев из России и стран СНГ, которые могут представлять серьезную угрозу своим странам.

По итогам саммита Россия подписала договор с Таджикистаном о продлении срока действия российской военной базы в этих странах до 2042 г. Москва также заявила об увеличении своего военного контингента в Таджикистане с 5900 до 9000 военных к 2020 г. База в Таджикистане — самая большая из российских баз вне границ России. Командование Центрального военного округа, в ведомстве которого находятся российские базы в Центральной Азии, заявило, что на авиабазу Айни в Таджикистане будет направлена вертолетная группа для усиления 201-й российской военной базы в Таджикистане.

Стоит заметить, что планы США по расширению своего военного присутствия в Афганистане сказываются и на Центральной Азии. В течение последнего времени американцы заметно активизировали контакты с государствами региона по военной и политической линии, явно рассчитывая в будущем распространить на них свое военное присутствие. Выделенные средства предназначены для оказания помощи в охране границ с целью пресечения незаконного передвижения людей, наркотиков и оружия, а также в борьбе с незаконными экстремистскими организациями. Средства будут направлены на улучшение охраны, технического и инженерного оборудования таджикско-афганской границы.

Российская Федерация подписала также договор с Киргизией о продлении срока действия российской военной базы до 2032 г. К 2016 г. Россия намерена обновить авиацию на военно-воздушной базе в Киргизии. Туда уже направлены более десяти новых усовершенствованных истребителей СУ-25, которые заменят старые самолеты. Обновляется и другая техника: грузовой транспорт, бронетехника, беспилотники. Наряду с этим, Россия обещала предоставить Киргизии военную помощь в размере 1 млрд долларов.

Ранее, 15 января 2016 г. состоялась встреча начальника Генерального штаба Вооруженных сил Киргизии полковника Жаныбека Капарова с недавно назначенным послом США в республике Шейлой Гуолтни. Почти сразу в прессе появились предположения, что американцы прощупывают почву на предмет возвращения своей авиабазы Манас, которая была ликвидирована в июле 2014 г., что привело к охлаждению между Бишкеком и Вашингтоном.

Узбекистан, который участником ОДКБ не является, в программу российской военной помощи не попал, зато получил в прошлом году от США 308 единиц бронев автомобилей М-АТV и 20 единиц бронетехники для их поддержки и ремонта. По мнению помощника госсекретаря США по делам Центральной Азии Дэниэля Розенблюма, Узбекистану требуются эти транспортные средства чтобы поддержать усилия, направленные на борьбу с терроризмом и наркотрафиком. По оценкам аналитиков, эта партия является самой крупной военной помощью, оказанной Соединенными Штатами государствам региона. 23 февраля 2016 г. в Вашингтоне состоялись переговоры Узбекистана и США по вопросам обороны и безопасности. Узбекскую делегацию возглавлял первый заместитель министра обороны Шавкат Норматов. С американской стороны в переговорах участвовал высокопоставленный чиновник Пентагона Дэвид Шайер, курирующий вопросы безопасности по Азии и Тихому океану. В ходе переговоров обсуждались вопросы безопасности Центральной Азии и улучшения системы военного образования в республике.

США постарались активизировать политические контакты со странами региона еще в ноябре 2015 г., когда глава Госдепарта-

мента Дж. Керри посетил сразу пять стран региона и встретился с руководителями их внешнеполитических ведомств. По итогам этих переговоров была создана организация «С5+1», представляющая собой своего рода переговорную площадку между Вашингтоном и странами Центральной Азии. В Министерстве иностранных дел Туркмении в январе 2016 г. прошла встреча с сотрудником НАТО по связям и взаимодействию со странами Центральной Азии Розарией Пульизи. Несмотря на свой нейтральный статус, признанный на уровне ООН, Туркмения довольно активно сотрудничает с НАТО. Двустороннее сотрудничество осуществляется по внешне «мирной» программе «Наука ради мира и безопасности». Проблема в том, что все эти действия могут быть использованы не столько для усиления их оборонного потенциала, сколько для расширения военного присутствия США, и этот факт необходимо учитывать как Российской Федерации, так и всем странам Центральной Азии без исключения.

Основная литература

1. URL: <http://www.cis.minsk.by/news.php?id=5623>
2. URL: <http://www.centrasia.ru/news2.php?st=1457330700>

Ж. С. Хулхачиева

Структура современного учебника киргизского языка для студентов-регионоведов

Преподавание иностранного языка в современную эпоху требует качественно нового подхода к методике обучения, целям обучения, его содержательному наполнению. Акцент переместился на активное соизучение языка и культуры, решение проблем межкультурной коммуникации и реализацию основной стратегической цели. Все это, несомненно, требует создания учебников нового поколения «коммуникативно-индивидуализированного типа, в которых технология обучения коммуникативной компетенции должна быть подчинена индивидуальным особенностям овладения иностранным языком обучающихся, их коммуникативным потребно-

стям» [2, с. 137], а также отражающих сегодняшние реалии действительности с учетом диалога культур и понимания культуры как всечеловеческого достояния.

Изучение иностранного языка не может ограничиваться его знаковой системой в силу того, что он несет в себе информацию о культуре, истории, реалиях и традициях страны изучаемого языка. Для этого необходим личностно-ориентированный подход к обучающемуся, так как он является «активным получателем и потребителем информации, самостоятельным субъектом, решающим в процессе обучения ряд последовательно поступающих проблемных задач, познавая и осмысляя новую для себя действительность» [3, с.151]. Отсюда в основу концепции учебников и учебных пособий нового поколения ставится целесообразность и необходимость создания условий для реализации активной роли изучающего иностранные языки.

При составлении учебников и учебных пособий авторам необходимо учитывать актуальность социокультурных и межкультурных знаний, способствующих формированию вторичной языковой иноязычной картины мира.

Важным представляется сопоставление языковых картин родного и изучаемого языка, так как это наиболее выпукло отражает своеобразие мира, отраженного в изучаемом (в нашем случае) кыргызском языке.

Авторам следует учесть, что при подготовке учебников необходима «диагностика когнитивных особенностей в естественных условиях учебного процесса; определение взаимосвязей когнитивных факторов с эмоциональными, мотивационными, сопровождающими учебный процесс; дифференциация обучения в зависимости от когнитивных особенностей обучаемых; выбор методов обучения в зависимости от когнитивных особенностей обучающего и стиля обучаемого; выявление эффективных стратегий деятельности» [1, с. 75] и др.

Все вышеназванные задачи были учтены в двуязычном учебнике «Кыргызский язык для стран СНГ» (М., ИПК МГЛУ «Рема», 2012), изданного в Московском государственном лингвистическом университете при поддержке Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ, основны-

ми методическими принципами которого явились: 1) принцип учета родного языка и опоры на родную лингвокультуру и 2) принцип межкультурного взаимодействия.

Учебник предназначен для лиц, продолжающих изучение кыргызского языка на базе сформированных элементарных навыков общения на кыргызском языке на территории СНГ, таким образом, он может послужить своего рода мостом между странами, входящими в состав Содружества, развивая и укрепляя при этом их научное, культурное и социальное сотрудничество.

Цель издания — сформировать у обучающихся межкультурную коммуникативную компетенцию, которая позволит им успешно общаться с носителями изучаемого языка, понимать и принимать культурно-специфические формы поведения представителей другой культуры для достижения взаимопонимания в процессе межкультурного диалога.

Список литературы

1. Волкова Л. Б. Межкультурная интерференция в процессе изучения иностранного языка. Коммуникативный и когнитивный аспекты // Мир русского слова. 2006, № 2. С. 74–77.
2. Вятютнев М. Н. Теория учебника русского языка как иностранного (Методические основы). М.: Изд-во «Русский язык», 1984. 143.
3. Любимова Н. В. Когнитивно-дискурсивная парадигма и ее лингводидактическая реализация // Германистика: состояние и перспективы развития: материалы международной конференции. М.: МГЛУ, 2005. С. 151–155.

Экология культуры Востока

И. Л. Багратион-Мухранели

Восточные традиции и своеобразие раннехристианской грузинской культуры

Грузинское искусство IV–VIII веков отличается оригинальностью, которая была результатом различных заимствований и влияний нескольких культурных и религиозных традиций. Первоначально, приняв христианство в 326 году, грузинская церковь, также как армянская и албанская церкви, исповедовала монофизитство. Сирийские и египетские церкви принадлежали к той же традиции. Грузинская церковь в период зарождения была освобождена от сферы влияния константинопольского патриархата Византийской церкви. На Халкедонском соборе 451 года грузинская церковь присоединилась к дуофизитам.

Страны, исповедовавшие монофизитство, тяготели к Ирану, тогда как дуофизиты находились в поле влияния Византии. Богословские споры имели отчетливый политический акцент.

Конец VI века характеризовался борьбой между сасанидским Ираном и Византией. Грузия примыкает к Византии, меняет политическую ориентацию в результате победоносных походов византийского императора Ираклия, чьи войска прошли через Грузию, в 626 году взяли Тбилиси, двинулись через Армению и взяли столицу сасанидского Ирана Ктесифон. Грузинские правители начинают получать от византийского императора чины: севаста, патрикия и затем уже курополата.

Однако грузинская церковь сохраняла также и другие традиции. Просветительница Грузии Св. Равноапостольная Нина была родом из Каппадокии. Ее культ, а также почитание ее двоюродно-

го брата Святого Георгия, было чрезвычайно широко распространено в Грузии. Кроме того, в иконографии сохранились следы раннего сирийско-египетского искусства.

Основателями монашества в Грузии считаются 13 сирийских отцов, которые прибыли в Грузию в 30-е годы VI века. Вопрос о том, кем они были по национальности — грузинами, проживавшими в Сирии или сирийцами, в данном случае остается открытым. Это могли быть и представители дуофизитства, которые отправлялись в Грузию с миссионерской целью. Могли быть и монофизитами, желавшими укрыться в далекой Грузии на момент принятия дуофизитских воззрений на природу Богочеловека.

Если обратиться к иконографической традиции, то ряд искусствоведов (например, Л. А. Мацулевич) считают, что древнейшая пицунская мозаика была связана с сирийской и палестинской традициями. Данную точку зрения разделяет и Ш. Я. Амиранашвили.

В Цромской мозаике, как это было указано Я. И. Смирновым, черная кайма растительного орнамента на одеянии Спасителя имеет ряд близких аналогий в сирийских монастырях и в памятниках Северной Месопотамии.

Легенды и сказания о нерукотворном образе Спасителя также сирийско-палестинского происхождения. Они были особенно распространены в Грузии, где согласно преданию, записанному в XII веке, сохранился якобы подлинник «Эдесского изображения нерукотворного Спаса» и его первый отпечаток на «чрепии», доставленный в Грузию одним из 13 сирийских отцов — Антонием Марткопским.

Находящиеся в пещерном храме в Додо изображения пророка Исаяи, которому ангел подносит к устам горящий уголь, зародившиеся, по всей вероятности, в сирийско-египетском искусстве, были широко распространены в Каппадокии, откуда и попали в Грузию. «Большинство памятников Каппадокии, — пишет Амиранашвили, — следуют миниатюрам ватиканской рукописи VII века Козьмы Индикоплова, где представлены пророк Исаяя и Иезекииль. В Каппадокийских храмах около головы Христа медальоны — юноша — солнце, юная дева — луна. В храме Додо — луна — женская полуфигура с полумесяцем сверху, солнце — юное

божество с пылающим факелом, в головном уборе, типичном для бога Митры» [1, с. 35].

Следы восточных влияний обнаруживаются также и при анализе росписей Давид-Гареджийской пустыни, в частности, при сравнении деисусного чина, т. н. «петропавловского», более раннего, и «богородично-предтеченского». Богородица и Иоанн Предтеча воспринимаются как ходатаи за человеческий род. Эта излюбленная композиция монументальной живописи и иконописи, вероятно, сложилась в восточном церковном искусстве, менее аскетичном и строгом, чем христианское искусство Византии, в период правления Константина Великого и иконоборчества. Вероятно, в силу удаленности Грузии иконоборчество не затронуло сильно церковного искусства. В VIII веке грузинская церковь начинает отходить от сирийско-каппадокийских традиций и выдвигает теорию о полной независимости от антиохийского патриархата.

Основная литература

1. *Амиранашвили Ш. Я.* Монументальное искусство Грузии. Тбилиси. 1956.
2. *Джавахов И. А.* История церковного разрыва между Грузией и Арменией в начале VII века. СПб., 1908. (Известия АН, т. II серия VI). С. 433–446, 511–536.
3. *Какабадзе С.* Архетипы житий сирийских отцов. Тбилиси, 1928.
4. *Кекелидзе К. С.* К вопросу о приходе в Грузию сирийских отцов. Тбилиси: Изд. Тб. ун-та, т. VI. 1925. С. 82–107.
5. *Смирнов Я. И.* Цромская мозаика. Тбилиси, 1935.

Е. Ю. Бессонова

Вербальный аспект в контексте диалога культур. Россия и Япония

Диалог культур — понятие философии, однако в современном обществе стало устойчивым словосочетанием, востребованным средствами массовой информации, общественными организациями как понятие, определяющее позитивный диалог между представителями разных этнокультур, или как критерий народной дипломатии.

Основными тезисами доклада определим следующие:

- Соотношение устойчивых словосочетаний «диалог культур», «межкультурный диалог», «межкультурная коммуникация». Расширение смысла термина «диалог культур», акцент на позитивное наполнение.
- Понятие «культура», понятие «диалог» в рамках языкового клише «диалог культур».
- Россия и Япония — соседние страны, диалог между которыми всегда будет востребован, в том числе диалог культур в понимании диалога между странами с опорой на адекватное восприятие культурных традиций, изучение культурного наследия и современной культуры.
- Элементы соответствия и несоответствия японского термина 異文化対話 “ибунка тайва” понятию «диалог культур».
- Соотношение вербального и невербального в рамках понятия «диалог культур».
- Вербальная составляющая диалога культур. Зеркальность языка и ментальности. Русский и японский языки как составные элементы диалога культур.
- Является ли уровень владения языком необходимой или лишь факультативной составляющей процесса диалога культур. Нужно ли говорить о роли а) носителя языка, б) говорящего на иностранном языке собеседника, в) переводчика в достижении поставленных диалогом культур целей — устранения противоречий, существующих в современном мире, в котором глобализация и информационные потоки с каждым годом нарастают.

У. А. Винокурова

Феномен человека криолитозоны

Биополитика проникает в научную сферу, направляя на поиск ответов на актуальные вызовы. Глобальное изменение климата, угрожающее таянием льдов, многолетней мерзлоты, заставляет обращать внимание науки на феномен человека, издревле прожи-

вающего в условиях криолитозоны. Человеческий потенциал территорий Арктики невозможно оценить и развивать без выявления феномена человека криолитозоны.

Якутия характеризуется как самая населенная территория среди холодных регионов планеты. Вся территория республики находится в зоне многолетней мерзлоты и расположена между Северным Полюсом планеты, Полярным кругом и зафиксированными зонами с рекордно низкими температурами воздуха в Северном полушарии. При этом культуры народов Якутии основаны на ценностях культур народов Азии и Востока.

Как свидетельствуют археологические и этнографические источники, территория Полюса Холода заселена с древнейших времен. Люди сумели создать уникальную культуру жизнеобеспечения в условиях вечной мерзлоты. Жизнь на Вершине Холода становится источником великого учения о сохранении и творчестве жизни на планете. Следовательно, *Homo Sapiens* в этих условиях испытал различные уровни коэволюции вместе с трансформацией экологической среды, сформировался феномен человека криолитозоны.

Первая комплексная экспедиция Академии наук по изучению производительных сил Якутии состоялась в 1925–1930 годы. В настоящее время планируется проведение II Комплексной экспедиции РАН. Главная её цель — создание научно-обоснованных механизмов для обеспечения безопасной жизнедеятельности населения, сбалансированного и устойчивого социально-экономического развития Республики Саха (Якутия).

Нами предлагается проект «Феномен Человека криолитозоны» для Комплексной экспедиции РАН. Цель проекта:

- разработать методологию изучения феномена человека криолитозоны;
- описать особенности взаимодействия человека и природы, коэволюции человека в процессе трансформации экологической среды криолитозоны;
- подготовить предварительное Досье для номинирования территории Полюса Холода в Список объектов всемирного наследия ЮНЕСКО.

Задачи:

1. Разработка методологии коренных ученых и изучение экологии, идентичности и ценностей человека, сформировавшихся в условиях многолетней мерзлоты и рекордно низких температур воздуха;
2. Психэкология человека криолитозоны;
3. Научное обоснование выделения социально-экономической зоны территории Полюса Холода в Якутии;
4. Геокультурное брендинг территории Полюса Холода;
5. Экодуховное и физическое воспитание детей и молодежи в условиях многолетней мерзлоты и рекордно низких температур воздуха;
6. Проведение комплексных исследований в соответствии с требованиями предварительного Досье номинирования территории Полюса Холода в Список объектов всемирного наследия ЮНЕСКО.

Практическая значимость проекта:

- Досье номинирования территории Полюса Холода в Список всемирного наследия ЮНЕСКО;
- Научное обоснование ФЦП и РЦП «Дети Севера и Арктики»;
- Научное обоснование выделения социально-экономической зоны территории Полюса Холода в Якутии;
- Содействие формированию самосознания местных сообществ, создавших уникальные образцы человеческого поселения и жизнеобеспечения на территории Полюса Холода;
- Экопросветительская деятельность по восстановлению знаний и ценностей коренных народов.

Н. Б. Григорович

**Иерархическая система *измото* в Японии
как инструмент передачи традиции**

Измото — глава школы (досл. «глава дома») в традиционном японском искусстве. В соответствии с системой *измото* организованы подавляющее большинство традиционных школ в Японии, таких как *хогаку*, чайная церемония, классический танец, *Но*, *Ка-*

буки, *Кёгэн*, *икэбана*, поэзия *вака*, игры *го* и *кэмари*, боевые искусства и др. Обучение в этих школах опирается на систему жёсткой иерархии, на вершине которой находится глава школы — *иэмото*. Ему последовательно подчинены старшие и младшие ученики. Авторитет *иэмото* непререкаем. В его полномочия входит выдача профессиональных сертификатов ученикам по достижении ими определённых уровней мастерства, вплоть до разрешений на преподавание, т.е. передачу традиций следующим поколениям учеников. *Иэмото* также решает вопрос о том, кто вообще будет допущен к обучению. Приоритет изначально отдавался членам семьи *иэмото* и в этой системе демонстрирует неразрывную связь с традицией семейных кланов в Японии. Механизм функционирования традиционных школ во главе с *иэмото* обусловлен идеологией конфуцианства, ещё в ранние века проникшего в Японию из Китая, с его почитанием старших, усердным выполнением сыновнего долга и регламентом в отношениях между государем и министром, отцом и сыном, мужем и женой... О сходстве системы *иэмото* и традиции семейных кланов свидетельствует, например, правило усыновления лучшего ученика главой школы в том случае, если по каким-либо обстоятельствам внутри семьи некому передать мастерство.

С одной стороны, устройство системы *иэмото* напоминает структуру семейного клана, а с другой стороны, сопоставимо с иерархией внутри религиозных школ. Во втором случае, главой школы, носителем истинного знания выступает основатель религиозного учения, как бы далеко в историю не ушло его имя. Именно в религиозной среде зародилось само понятие *иэмото*, а уже в дальнейшем распространилось на боевые искусства, музыку, театральное искусство, поэзию и др. Из практики буддийской школы *Сингон* в боевые искусства и традицию игры на флейте *сякухати* перешло правило присвоения сертификатов 4-х уровней передачи традиции от учителя к ученику: первый, или начальный уровень — *сёдэн* («посвящение в традицию»); второй — *тюдэн* («середина пути в передаче традиции»); третий — *окудэн* («передача секретов мастерства»); четвёртый, или высший — *кайдэн* («полная передача традиции»). Считается, что ученик, обладающий сертификатом

высшего уровня, полностью сравнился со своим учителем и в мастерстве, и в духовном опыте. В религиозной практике сформировалось представление об эзотерическом характере знания, передаваемого от учителя к ученику. И в наши дни живёт представление о том, что *иэмото* обладает не только высшей степенью мастерства в своём деле, но и тайным духовным знанием, которое он постепенно передаёт последователям своей школы.

Система традиционных школ в разнообразных областях знаний и искусства буквально пронизывала всё японское общество, являясь способом сохранения и передачи информации, вплоть до конца XIX века. Во времена эпохи императора Мэйдзи традиционная система обучения в Японии подверглась разрушению в связи с массированным вторжением западной культуры, отменой прежней системы 4-х сословий японского общества и многими другими факторами. Однако, в XX веке произошло возрождение традиционных школ. И в наши дни иерархическая система *иэмото*, несмотря на критику, продолжает своё существование в условиях современного японского общества, являясь главным способом самовоспроизводства японской культуры.

Основная литература

1. Маслов А. А. Путь воина. Секреты боевых искусств Японии. М., Изд. «Феникс», 2004.
2. Matazo N. Kabuki backstage, onstage: an actor's life (на англ. языке). Translated Mark Oshima. Tokyo and New York: Kodansha International, 1988.

К. В. Ермаков

Образ змеи в творчестве корейского конфуцианца Чон Дасана (1762–1836)

К мало изученным в российском востоковедении произведениям конфуцианского энциклопедиста Чон Дасана (1762–1836) можно отнести целый ряд сатирических памфлетов, в которых автор подвергает критике окружающие его реалии с использованием опре-

делённого набора художественных приёмов (аллегория, иносказание, метафора, сарказм, сравнение и др.). В данной статье предпринимается попытка проанализировать на примере ряда произведений конфуцианского мыслителя использование такого художественного образа как змея.

Сочинением, в котором образ змеи представлен наиболее полно, является памфлет под названием «Кёксахэ» («Разъяснение об избиении змия»). Точную дату создания произведения установить сложно — можно лишь предположить, что текст был написан в десятилетие между 1808 и 1818 годами.

Повествование ведётся от лица хозяина сада, и в преамбуле говорится, что жарким летом повсюду развелись змеи самых разных пород и расцветок. Автором старательно, с дотошной пунктуальностью конфуцианского эрудита перечисляются как реальные представители дальневосточной (вернее, китайской) фауны, так и чисто мифологические существа, названия которых, вероятнее всего, были почерпнуты Чон Дасаном из древнекитайского трактата «Шань хай цзин» («Книга гор и морей»), а также, возможно, и из более поздних географических сочинений китайских авторов. В дальнейшем мы также видим ссылки на события и персоналии, с которыми конфуцианский книголюб, по всей видимости, познакомился на страницах «Соу шэнь цзи» («Записки о поисках духов», IV в.), «Шу и цзи» («Записи рассказов о странном», V в.) и тому подобных образчиков «лёгкой» литературы.

Но вернёмся к сюжету. Змеи пожирали всякую живность, даже преисполненные чувства справедливости сапсан с ястребом не прилетали их заклевать — и тогда хозяин позвал садовника и дал ему строгий наказ использовать все свои полномочия для истребления вредителей.

Однако тут в разговор вступает новый персонаж — некий «увещеватель» («адвокат дьявола», как бы мы сейчас сказали). Пересыпая речь именами героев китайской мифологии и примерами из китайской историографии, оппонент пытается доказать, что у всякого создания в этом мире своя сущность и своё предназначение, и подлинная гармония заключается не в единообразии, а в сочетании мягкого, возвышенного — и жестокого, грубого. Поэтому не стоит корить змей за их нрав. Да и змеи, если верить ска-

заниям прошлого, тоже способны приносить добро. Словом, пытаться их извести — задача обременительная и бесполезная.

Ответ хозяина сада, также насыщенный символикой китайских легенд и преданий, сводится к тому, что вещи создаёт Небо, а пользуется ими человек, отбрасывая ненужное и вредное и культивируя полезное. Следовательно, гуманно вырубать непородистые деревья и выпалывать сорняки ради благородных деревьев и злаков, гуманно истреблять хищников, дабы дать покой оленям с косулями. И прогонять толпы лукавых подхалимов, покровительствуя добродетельным подданным — тоже гуманно. Поэтому, — заключает главный герой, — даже если змий настолько могуч, что способен проглотить слона, а хвост чудища обвивает гору Куньлунь, его нужно сокрушить, а его мясом — как в вяленом, так и в варёном виде — накормить «людей Цинь».

Не будет смелостью предположить, что змий в «Кёксахэ» выступает в качестве аллегии на алчных чиновников, а китайский «контент» взят для того, чтобы, внешне дистанцировавшись от корейской тематики, усилить эффект иносказания.

Подобная интерпретация текста допустима в том числе и потому, что данный художественный образ фигурирует также в стихотворном наследии Чон Дасана. В поэтическом произведении «Коси исипчхиль су» («Двадцать семь строф в старинном стиле», весна 1801 г.), в частности, приводится диалог автора с ласточкой, которая жалуется на отсутствие крыши над головой. На вопрос поэта, почему она не гнездится в дупле старого дерева, ласточка сетует, что в дупле вяза уже поживился аист, а дупло софоры уже обшарила змея. В ещё более раннем образце поэзии «Пурьёккх-вэджэ-хэн исип су» («Песнь в двадцати строфах о том, насколько это радостно», конец 1796 г.) конфуцианский моралист восклицает, что разве не радостно видеть, как хищная птица раздробляет голову полозу, собирающемуся опустошить сорочье гнездо. Под хищной птицей здесь, как и под сапсаном с ястребом в «Кёксахэ», можно понимать отправляемого в провинцию тайного ревизора (в роли которого в своё время побывал и сам Чон Дасан).

В то же время в тех полемических произведениях, где речь идёт о змеях как о сугубо представителях животного мира, без какого-либо аллегорического подтекста, конфуцианский мыслитель

склонен оправдывать их существование, тем самым как бы вставая на позиции «дискутанта» из «Кёксахэ». Примером может послужить очерк «Тхамджиндэ» («Ответы по поводу Тхамджина»). Произведение датируется 1805 г., когда автор находился в ссылке на юге страны, в уезде Канджин (до начала XV в. часть уезда Канджин носила название Тхамджин). Очерк разбит на три части, в которых автор последовательно опровергает стереотипы «людей с Севера» (т. е. столичных жителей) относительно климата, нравов местного населения и ядовитых животных Канджина. В частности, в третьей части Чон Дасан утверждает, что случаи змеиных укусов крайне редки, а мясо змей в варёном либо в свеженарезанном виде помогает при проказе, импотенции, золотухе, фурункулёзе и прочих заболеваниях.

Заметим: если в «Тхамджиндэ» змей предлагается употреблять в пищу для лечения недугов физических, то в «Кёксахэ» раздача мяса змия населению существовавшего в I тыс. до н. э. царства Цинь призвана врачевать болезни социальные. Во всяком случае, ряд южнокорейских исследователей усматривают в этом призыв раздать конфискованное у мздоимцев имущество простым людям. С другой стороны, здесь улавливается тонкая ирония конфуцианского учёного по отношению к небылицам из беллетристических сочинений.

В. Н. Зайцев

**О двух примерах виртуализации
творчества в культуре «общества
потребления»**

Начиная со второй половины XIX в. преобладающим направлением в развитии культуры большинства индустриальных обществ Европы и Северной Америки стал намеренный отход от прежних творческих канонов, сопровождающийся их дискредитацией, и интенсивный поиск новых, прежде небывалых форм художественного самовыражения личности.

Эта тенденция, продолжающаяся в условиях формирования постиндустриального «общества потребления» и глобального ин-

формационного пространства, порождает на наших глазах, по-видимому, беспрецедентные во всей истории культуры, чрезвычайно парадоксальные феномены. Так, всячески поощряемое и ценимое современной эстетикой стремление к индивидуальному творческому самовыражению художника наперекор всякому канону, стилю, принадлежности к какой-либо школе, наследующей предшествующий культурный опыт, в действительности приводит к бесконечному воспроизведению уныло-однообразных по замыслу и исполнению опусов. На их фоне редкие произведения, созданные в «консервативной», привычной для большинства населения стилистике, воспринимаются как гораздо более свежие и самобытные. Например, бесчисленные «новаторские» постановки (восходящие в большинстве случаев к известным экспериментам В. Мейерхольда) современных театральных режиссёров в сравнении с немногими спектаклями, выстроенными по сценическим правилам, выработанным ещё в эпоху классицизма, выглядят крайне скучно и утомительно, а якобы экспрессивная, вульгарно-истеричная или же нарочито тусклая, приземлённая игра актёров вызывает стойкое раздражение. Современный балет со всеми его поисками предстаёт монотонной сюитой пародий на балет классический. Нечто подобное мы видим на выставках пост-авангардистов, концептуалистов и других новаторов живописи, графики, скульптуры. Таким образом, декларируемая творческая свобода оказывается по существу мнимой, призрачной, виртуальной. Хуже того, она сужает свободу выбора и художника, и тех, ради кого он творит.

Один из характерных признаков современной культуры, как «элитарной», так и в особенности массовой, состоит в переносе внимания от произведения к его создателю и обстоятельствам, в которых оно создавалось. Казалось бы, это должно помочь неискушённому зрителю или слушателю лучше понять и оценить данное явление. На самом же деле всё, как правило, ограничивается интересом к событиям личной жизни художника и более или менее занимательным сюжетам, касающимся судьбы его произведений. Такой способ восприятия творчества «через замочную скважину» широко культивируется не только в отношении современ-

ников, но и в ретроспекции. Знаменитая «Джоконда» Леонардо да Винчи приобрела феноменальную мировую славу только после того, как была похищена из Лувра и о её поисках регулярно сообщали все европейские газеты. В наши дни публика во много определяет своё отношение к таким, например, художникам, как П. Пикассо или А. Модильяни, основываясь на сообщениях о рекордных суммах, уплаченных за их холсты на крупнейших художественных аукционах, точно так же, как некоторые любители кино судят о творчестве голливудских актёров по числу полученных теми Оскаров.

«Я поэт. Этим и интересен», — писал В. Маяковский. В наши дни поэты, композиторы, певцы, живописцы, актёры, архитекторы, фотографы, скульпторы, романисты интересны потребителям массовой информации чаще всего другим — их местом в современной светской хронике (участием в т. н. «элитной тусовке»). Само же их творчество становится лишь поводом к их социальному позиционированию, пропуском в клуб персонажей бесконечного сериала в жанре мелодрамы, разыгрываемого мировыми и локальными СМИ. Роль художника в современном обществе потребления меняется вместе с эволюцией самого этого общества, многие стороны жизни которого утрачивают привычное реальное содержание, становясь частью виртуального бытия.

А. В. Кириллов

Китайская кровать как культурный феномен

Тема данного доклада может показаться несколько неожиданной. Однако автор убежден, что ложе вообще играло важную роль в цивилизационном становлении и развитии человека. Можно сказать, что он только тогда утвердился на двух ногах, когда впервые опустился на относительно мягкое, приподнятое над грунтом ложе.

Древние греки и римляне, судя по изображениям на вазах, фресках, погребальных плитах и т. д., проводили на ложе свой до-

суг (если не занимались спортом и не воевали). Разумеется, нельзя противопоставлять ложе — площади, где оглашались призывы, идеи, проходили массовые народные выступления. Площадь была для манифестаций, ложе — для выработки тех или иных интеллектуальных, политических конструкций. Скажем, политические заговоры зарождались в ходе частных дискуссий между возлежавшими на ложах патрициями, реализовывались — на форумах и других общественных площадках. Ложе и площадь дополняли друг друга.

Крушение античной цивилизации было связано и с утратой прежней функции ложа как важного элемента социального, общественного устройства. Выход из темных веков раннего средневековья был связан и с возвращением кровати, которую пришлось заново завозить в Европу с Востока.

Традиционное китайское ложе сложилось в нескольких вариантах, принципиально различавшихся между собой в силу, очевидно, различных этнических (и культурных) корней китайцев. Понятно, что кусок ткани, подвешивавшийся на манер гамака между столбами южнокитайского жилья, совершенно отличен от северокитайского кана.

Ложе Восточного Китая — особая статья. Это дом в доме, индивидуальное пространство человека (и даже семьи) в большом доме (жилом комплексе), где уживались несколько поколений. Все, кто бывал в городской усадьбе богатого торговца, хорошо представляют себе, что это был «проходной двор». Каркасная кровать, имевшая пол, потолок, стены (при их известной эфемерности) все же позволяла отгородиться от остальных членов большой семьи, избавляла от их чрезмерного любопытства (тема подглядывания как участия в жизни семьи и даже соседкой общины — одна из наиболее распространенных в китайском искусстве).

В китайскую кровать входили, как в мини-жилье, и уже внутри снимали тапочки, верхний халат, умывались. Тем самым китаец как бы освобождался от всего, что связывалось с его внешней функцией как члена общественной группы (семьи, клана, учреждения). По сути, только в пределах кровати он мог расслабиться. Как это ни парадоксально звучит, но стать в буквальном смысле

отцом китайский мужчина мог, скинув общественную маску отца (а также сына, мужа).

Богатый резной декор китайской кровати представляет для нас особый интерес. Это настоящая энциклопедия тогдашней жизни. Во-первых, вход в китайскую кровать чаще всего, как и вход в учреждение, храм, жилой комплекс охраняли два льва — только маленьких, деревянных. Часто на резных филенках кровати изображались религиозные символы и сюжеты. К ним можно отнести буддийскую и даосскую символику, картины. Очень популярны были сюжеты, связанные с даосскими восемью святыми (ба сян). Здесь вера в чудесное переходила в фольклор. В отдельных случаях эти восемь кудесников присутствовали незримо — в виде своих атрибутов — меча, мухойки из конского волоса, волшебного веера, посоха... Буддийские сюжеты также нередко сводились к символике. Например, виноградные гроздья по созвучию воспринимались как намек на присутствие бодисатвы. Частый сюжет в резном декоре — бодисатва Гуаньинь, «приносящая сына» (сун цзы). При этом рядом могли изображаться те же даосские небожители и чисто конфуцианские сюжеты. Все эти примеры синкретизма никого, по-видимому, не смущали.

Часто вырезались сцены из театральных постановок, что свидетельствует об огромной важности театра для китайцев на востоке страны. Однако можно сказать, что театр для них был «больше, чем театр». Например, очень популярны были сценки из различных постановок по мотивам произведения Ван Шифу «Западный флигель». Здесь мы не будем вдаваться в подробности вопроса об авторстве, скажем лишь, что это была любимая широкими слоями населения любовная драма, весьма уместная в контексте опочивальни.

Однако не меньшей популярностью в декоре кровати пользуются батальные сценки из театральных постановок или литературных произведений. В сражающихся, скачущих персонажах можно угадать героев «Троецарствия» или «Речных заводей».

Есть и бытовые сценки — игры детей, праздники, любовные ласки. Последние подавались весьма сдержанно, в отличие от эротических картинок. Пространство кровати для китайца в этом пла-

не было сакрально, процесс зачатия новой жизни воспринимался, судя по всему, достаточно ответственно, даже при необходимом лиризме.

Можем ли мы говорить о кровати как манифестации политических воззрений китайского купечества (а именно представители этого политически третируемого сословия оставили нам наиболее интересные образцы «кроватного искусства»)? Пожалуй, скорее можно указать на растущее социальное самосознание этой страты китайского общества. Купцы в официальной стратификации стояли на одной из низших ступеней — где-то рядом с артистами, солдатами, монахами, то есть теми, кто не управлял и не производил, в отличие от чиновничества и крестьянства. Показным богатством своих жилищ и в особенности — кроватей купечество утверждало свое право на достойную и даже избыточно роскошную жизнь — в соответствии со своими доходами. У меня нет власти — но я могу окружить себя дорогими, красивыми вещами. В определенной степени эта ситуация может проецироваться и на современный Китай.

Итак, восточнокитайское ложе (мы говорим о нем в прямой увязке с социально-экономическим развитием Восточного Китая в XVIII–начале XX вв.) можно рассматривать как отражение растущего самосознания и культурного уровня китайского купечества в сугубо национальных рамках. В дальнейшем рамки эти деградировали и разрушились под влиянием вестернизации быта зажиточных слоев населения. В новом китайском обществе, где происходило быстрое сращивание новой буржуазии с чиновничеством, для традиционной кровати места уже не было. Некоторое время она держалась на периферии общества — в менее зажиточных слоях, в провинции, просуществовав вплоть до Нового Китая. В настоящее время образцы «кроватного дела», которым когда-то занимались многочисленные мастера, формировавшие свои школы и течения, попадают лишь в антикварных лавках и на развалах «блошинных рынков». К великому сожалению, китайская кровать не выдержала натиска революционных веяний и — в прямом и переносном смысле — рухнула под их ударами. Традиционная китайская кровать как элемент жизненной философии и быта китай-

цев уже не существует, современные попытки использовать ее архитектуру в дизайне не в счет — утрачен декор как культурный комплекс.

А. В. Кудряшова

**«Синкретизм японского чайного действа
на примере «семи ритуалов»**

Классическое искусство японского чайного действа представляет собой многоплановое явление культуры, в котором достаточно чётко проявляются принципы психологического синкретизма на самых различных уровнях. В качестве основного значения термина «синкретизм» (от греч. *syn* — с, вместе и лат. *cresco* — расту, увеличиваюсь) — мы используем понятие из Большого психологического словаря [1, с. 300], согласно которому это «...особенность мышления и восприятия, характеризующаяся тенденцией связывать между собой разнородные явления...». Там же подчеркивается, что данный тип восприятия встречается «у детей раннего и дошкольного возрастов». По мнению Л. С. Выготского, синкретизм обусловлен «стремлением ребенка принимать связь впечатлений за связь вещей».

Многие исследователи культуры Японии указывали на нерасчленённый, синкретичный характер японского мировосприятия; можно считать это его характерной особенностью. Японское искусство чайного действа сформировалось под влиянием целого ряда факторов, среди которых можно назвать исторические, социологические, эстетические, духовные, этнокультурные, идеологические и многие другие. По мнению А. Н. Игнатовича [2, с. 6], анализ всех основополагающих философских и эстетических принципов чайного действа «показывает органический сплав даосских, буддийских и конфуцианских элементов...при доминировании буддийского и прежде всего дзэнского начала». Однако если говорить об особенностях психологического восприятия, то следует подчеркнуть, что в искусстве «Тядо» («Путь Чая») уже с XVI века доминирует именно «детское», «непосредственное»,

а не диффузное и логически опосредованное восприятие. Таким образом, все основообразующие элементы чайного действия гармонично уживаются вместе, помогая его участникам формировать совершенно особый мир психологического восприятия самих себя и окружающих в едином пространстве и времени.

Среди огромного разнообразия ритуалов «Пути Чая» можно особо выделить так называемые *ситидзисики* — «семь ритуалов», в которых синкретизм японской чайной культуры проявляется особенно ярко. Термин *ситидзисики* относится к сфере японской традиции «Путь Чая» и является обозначением целого ряда специальных процедур (из разряда *о-тэмаэ*), которым обучают учеников наставники, преподающие традиционный вид чайного действия. Использование *ситидзисики* в практических целях призвано не только физически, но и морально, а также интеллектуально подготовить участников к особым «тематическим» чайным собраниям *тядзи* (полному чайному действию) [3, 171]. *Ситидзисики* можно охарактеризовать как специфические игровые формы занятий чайной церемонией, где под словом «игра» понимается не развлечение ради удовольствия, а скорее «интеллектуальное развлечение». В то же время внешняя игровая форма позволяет проводить аналогию с восприятием мира у детей — в едином, нерасчлененном, синкретичном потоке.

Ситидзисики — это следующие семь базовых процедур проведения чайного действия, созданных для практики духа и тела, и закрепленных в традиции японских чайных школ Урасэнкэ и Омотэсэнкэ: 1. *кагэцу* (букв. «цветы-луна»); 2. *сядза* (букв. «посидеть некоторое время (и попить чай)»); 3. *мавари-дзуми* (букв. «уголь по кругу»); 4. *мавари-бана* (букв. «цветы по кругу»); 5. *тякабуки* (букв. «чайное представление *кабуки*»); 6. *ити-ни-сан* (букв. «один — два — три»); 7. *кадзу-тя* (букв. «чай для большого количества человек»).

Максимальная вовлеченность человека в процедуру приготовления и подачи чая в «семи ритуалах» подчеркивает синкретичный характер восприятия мира носителями японской культуры. В *ситидзисики* можно наблюдать с одной стороны элементы игры, интеллектуального соревнования, получения удовольствия от

практического освоения ритуала, а с другой стороны элементы глубокого философского восприятия даосских, конфуцианских и неоконфуцианских воззрений, дзэнского мироощущения. Таким образом, в «семи ритуалах» *ситидзисики* налицо связанность разнородных и разноплановых явлений и феноменов в единое и нерасчлененное целое.

Основная литература

1. Большой психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещерякова, акад. В. П. Зинченко. М.: Прайм-Еврознак, 2003.
2. *Игнатович А. Н.* Чайное действо. Философские, исторические и эстетические аспекты синкретизма (на примере «Чайного действа»). М.: Русское феноменологическое общество, 1997. 286 с.
3. *Кудряшова А. В.* «Ситидзисики» – игровые формы чайного действа. Доклад 18.02.2016 на 18 международной конференции РГГУ (Институт восточных культур и античности РГГУ) «История и культура Японии».
4. 原色茶道大辞典. Большая энциклопедия основ «Пути Чая», Киото, Танкося, 1975. С. 426–427.

З. Г. Лапина

Пять аспектов служения (*у ши*¹), изложенных в главе «Хун фань» (Шуцзин), как основа совершенствования личности (опыт сопоставления «Луньюя» Конфуция и «Молитвы» М. Ю. Лермонтова, 1839 г.)

*«Устами движет Бог»
М. В. Ломоносов.*

В наших предыдущих работах мы обнаружили не лежащий на поверхности эзотерический (скрытый) смысл пассажа из «Луньюя» (см. ниже), представляющий, как оказалось, опытом постижения

¹ 5 аспектов совершенствования: речь (покоряющая собеседника), (достойный) облик, (острое) зрение, (тонкий) слух, (проницательное) мышление.

Конфуцием своего высшего «Я», дающим **откровение**. Этот процесс, связанный с совершенствованием человека, имеет чёткую структуру, характерную не только для китайской культуры.

Поэтому корректно, на наш взгляд, (в порядке постановки вопроса) провести параллели между опытом Конфуция (получавшим Живое знание в медитации, постигая единение с Небесами) и опытом М.Ю. Лермонтова, обратившегося к жанру «Молитва».

Оба текста по-своему уникальны. Первый, на наш взгляд, организует во многом структуру «Луньюя» и несёт в себе поражающие воображение богатство смыслов. В тексте памятника подробно развивается то, что ученик Небес и учитель человечества уместил в 6-ти строках. «Молитва» М. Ю. Лермонтова вышла из под пера гения, космического поэта, выразившего сполна русский дух. Она — живое существо, обретшее свою самостоятельную жизнь. Она летит на крыльях музыки (на ее текст созданы 40 романсов). Мой коллега рассказывал, что однажды в Чернигове, гуляя по городу, он случайно зашёл в православный храм. Там он услышал, как священник на чистейшем русском языке, оканчивая проповедь, сказал: «А теперь, помолимся...». И начал читать «Молитву» М. Ю. Лермонтова. Разумеется, что она созвучна с православной традицией, но произведение поэта, на наш взгляд, не вмещается полностью и в этот жанр. Воздействие её на человека связано с высокой степенью заряженности энергией, что проявляется в ходе сопоставлении ее структуры со структурой откровения Конфуция (в 6-ти строках²):

1) В 15 лет я устремился помыслами к учению

[5-ти аспектам совершенствования]

В минуту жизни трудную

Теснится ль в сердце грусть,

Здесь прослеживается начало зарождения процесса, связанного с работой души, вызванного духовной жаждою к учению как к процессу совершенствования (как **постижению 5-ти его аспек-**

² Ниже Текст «Откровения» Конфуция выделен жирным курсивом, текст «Молитвы» М. Ю. Лермонтова — жирным шрифтом.

тов), что раскрывается ниже в 2–6 членениях текста. У Лермонтова грусть вызвана упадком сил, житейскими невзгодами. Заботы земные рождают стремление выйти за рамки плотного плана бытия, и он обращается к животворной «Молитве» святого старца. Она пробуждает в нём стремление обрести духовность и преодолеть трудности на узком Пути к Небесной истине.

2) *В тридцать лет установился*

(РЕЧЬ — *янь*),

Одну молитву чудную

Твержу я наизусть.

Есть сила благодатная

В созвучье слов живых,

И дышит непонятная,

Святая прелесть в них.

Конфуций и Лермонтов равно «устанавливаются», но каждый по-своему. Теперь Конфуций становится учителем и воздействует на своих учеников **речью**. Лермонтов обращается к «молитве чудной» (**речи**) и тогда подобно вспышке молнии происходит пробуждение и очищение его души и духовная трансформация. «Молитву» святого поэт переплавляет в собственную огненную речь.

3) *В сорок — не сомневался*

(ОБЛИК — *мао*),

С души как бремя скатится,

Сомненье далеко —

Потрясает буквальное текстуальное совпадение этих двух строк, доказывая, в частности, правомерность сопоставления, проводимого нами. Не знать сомнений — по Конфуцию — означает выйти из-под власти земных страстей: страха, тревоги. Подобная трансформация позволяет обрести «достойный облик» и внутреннее совершенство человека проявляется вовне. Что касается М. Ю. Лермонтова, то он достиг пика своего духовного озарения, когда бремя сомнений покинуло его. В «Молитве» 1829 г. поэт сокрушался, что «дикие волнения мрачат стекло моих очей». Теперь же поэт преодолел тяготение к демоническому мотиву в своём творчестве и обратился к Богу.

4) В пятьдесят — познал волю Небес
(ЗРЕНИЕ — **ши**),
И верится,

Эти процессы выражены по-разному: «познал» и «верится», но здесь нет противоречия: Конфуций познал волю Небес посредством **зрения**, позволяющего ему **видеть** знаки Небес, а потому он обрел **веру**. У Лермонтова же постижение Бога пришло с преодолением сомнений: когда *«смирятся души моей тревога, Тогда расходятся морщины на челе, — И счастье я могу постигнуть на земле, И в небесах я **вижу** Бога»* («Когда волнуется желтеющая нива...»).

5) В шестьдесят — ухо стало послушным Небесам
(СЛУХ — **тин**),
и плачется;

Следование воли Небес Конфуция равнозначно обретению духовного слуха у Лермонтова. Его слёзы умиления — знак того, что вибрации Бога, ритмы Вселенной, высокий дух пронизали всё существо поэта. Два мира оказались доступными ему в своей неразделённости, и он вышел на новый уровень совершенствования.

6) В семьдесят — следовал желаниям сердца,
не выходя за рамки [должного]
(ПРОНИЦАТЕЛЬНОЕ МЫШЛЕНИЕ — **сы**).
И так легко, легко...

Высказывание Конфуция свидетельствует о его выходе на уровень высшего «Я», когда трансмутация духа достигла такого уровня, когда ему нет преград и он способен, самосовершенствуясь, совершенствовать других и мир. Что же касается Лермонтова, то он преобразил себя в короткой «Молитве», достигнув внутренней гармонии.

Учитывая контекст рождения «Молитвы» 1839 г., и её поворотную роль в творчестве русского гения, можно полагать, что его творение (по структуре) в значительной степени приближается к жанру «откровение», что и объясняет притягательность стихотво-

рения М. Ю. Лермонтова (подобно «Пророку» А. С. Пушкина, «Откровений» Хафиза и др.).

Поразительно, что Конфуций и М. Ю. Лермонтов, воплотившие в своем творчестве высокую суть культуры Срединного государства и России, выразили удивительно близко смысл своего подвижничества-восхождения. Оба текста, как и процесс трансформации человека в личность высокого духовного плана, сотканы по единым космическим законам, выраженным в их структурном построении по 5-ти аспектам служения Высшему началу.

Лян Чжэ

«Выгравированные надписи на камнях на горе Тайшань» — фундаментальный труд по истории и культуре Китая

До изобретения бумаги надписи (изображения) на каменных стелах были в Китае одним из часто употребляемых носителей для записи письменных памятников. В период династии Инь (1401–1122 гг. до н. э.) уже возникли такие памятники. Эти надписи были устойчивы к воздействию природных факторов, поэтому даже после изобретения бумаги на камне высекали официально утвержденное содержание канонических книг, записи о важных исторических событиях, высочайшие императорские указы, важные правовые документы, имена выдержавших экзамены на степень цзиньши по отбору чиновников и проч. По оценке Мао Юаньмина, количество стел с надписями, сделанных в Китае до династии Цин, превышает 100 тысяч.

Стелы с надписями на горе Тайшань занимают важное место среди прочих стел, поскольку в древнем Китае эту самую высокую гору считали священной и способной выполнять функцию посредника в общении императора с Небесами и землей. Надписи на горе Тайшань принадлежат императорам, приезжавшим на гору для жертвоприношения, чиновникам, знатым и образованным людям, а также представителям простого народа. Их содержание касается государственной политики, фольклора и вероисповедания, трех

учений (конфуцианство, буддизм и даосизм), единства Небес и человека, философии, астрономической географии, природного ландшафта.

Китайские ученые с древности уделяли большое внимание исследованию надписей на горе Тайшань. Среди современных исследований важное место занимает опубликованный в 2007 г. десяти томник Юань Минъина «Выгравированные надписи на камнях на горе Тайшань». В коллективной работе объемом 4,5 млн иероглифов собраны более 6 тыс. надписей с Тайшань и ее окрестностей. Том 1 содержит теоретическое введение, рассказ о происхождении надписей, их культурном значении, истории их исследования. В основной части работы отражена полученная при помощи современной фотосъемки и передовых средств изыскания точная информация о надписях, степени их сохранности и отчетливости, виде носителя (стела, наскальный барельеф, мемориальная арка, могильная пагода, каменный столб и др.), указана топографическая привязка местоположения.

Особенностями работы стали территориальное расширение сферы исследования за пределы горы Тайшань и охват максимального количества высеченных в камне надписей. Благодаря тщательному анализу в книге сделаны знаки препинания для более 2 тыс. надписей и в 2646 местах были введены иероглифы (примерно 44 % общего числа выгравированных надписей на камнях горы Тайшань).

Данный труд способствовал спасению надписей на горе Тайшань, утрата и порча которых происходит непрерывно в силу естественных причин и человеческого воздействия. В книге помещены 9957 фотографий, там собраны более 600 видов разных выгравированных надписей на камнях на горе Тайшань и ее окрестностях всех эпох. Работа обладает большой ценностью как исторический источник. Начиная с 219 г. до н. э., когда император Цинь Ши-хуан начал совершать жертвоприношение Небесам и земле на горе Тайшань, почти вся история Китая получила отражение в высеченных на камнях надписях. Единственная в истории Китая императрица У Цзэтянь (624–705 гг.) четыре раза совершала религиозную церемонию в даосском храме на горе Тайшань, что также отражено в текстах на камне.

Работа обладает богатой ценностью для изучения истории китайской каллиграфии и ее стилей, запечатленных в надписях. Помимо этого, высеченные на камнях надписи позволяют провести сверку важных литературных памятников, выявить в них утраченные фрагменты и разночтения (среди выгравированных текстов на горе Тайшань есть Сутра сердца «Праджня-парамита-сутра»). Текст также дает возможность углубленного изучения китайского фольклора. Древние китайцы считали, что на горе Тайшань рождаются все существа и туда же духи людей должны вернуться после смерти. Гора стала важным предметом поклонения в народных верованиях. В надписях нашла отражение длинная история религий даосизма, буддизма и ислама в районе горы Тайшань.

Основная литература

1. *Юань Мин'ин* (сост.). Тайшань шикэ [Выгравированные надписи на камнях на горе Тайшань], введение. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2007.

О. А. Машкина

Традиционные ценности и тенденции в современном китайском образовании

Китайская экономика подошла в настоящее время к границе истощения ресурса, который обеспечил ее экономический взлет в предыдущие десятилетия — дешевой рабочей силы. Неравномерный экономический рост КНР привёл к колоссальному разрыву в уровне развитии регионов и доходов населения. Для консолидации общества китайское руководство выдвинуло идею построения гармоничного общества «5 балансов в 5 измерениях»: между развитием города и деревни; разными регионами; социальным и экономическим развитием; внутренним и внешним рынком; и наконец, между человеком и природой. В этой концепции содержится посыл к базовым конфуцианским нормам — гармонии, стабильности, экософичности сознания, которые были отброшены или девальвированы в ходе бурных политических и социально-экономических событий, потрясших Китай в XX в. Но в отличие от тра-

диционного китайского общества, где поддержание стабильности, увязывалось с консервацией сложившегося порядка, в современном Китае возможность достижения социально-экономической сбалансированности связывается с переменами.

Опубликованная в 2010 г. «Государственная программа долгосрочного и среднесрочного планирования развития науки и техники в 2006–2020 гг.» нацелена на формирование инновационной среды внутри Китая, увеличение доли интеллектуального труда. Инновации рождаются только в творческой среде, для формирования которой необходимы внутренние предпосылки. Китай успешно использует и усовершенствует западные технологии под свои нужды, но, по мнению многих экспертов, ему вряд ли удастся стать центром производства макроинноваций, которые позволят Китаю конкурировать с западными странами на международном рынке наукоемкой продукции. Свои сомнения ученые связывают с традиционными социальными институтами и культурными ценностями китайцев, которые могут воспрепятствовать переходу технологической границы.

Китай долгое время лидировал в области научных открытий, но находил иное, чем европейцы, применение новшествам. Китайская изобретательность была направлена не на преобразование, а на совершенствование внутреннего потенциала личности и достижение равновесия между человечеством и его естественным окружением. Гуманитарные знания, обеспечивавшие вертикальную мобильность, стали главным предметом традиционного образования. В 2005 г. известный китайский ученый Цянь Сюесэнь переформулировал вопрос Нидэма о причинах научно-технического отставания Китая следующим образом: «Почему китайская система образования не способна возвращать таланты»? Отмечая большие количественные успехи КНР в образовании, профессор Цянь Сюесэнь выражал озабоченность по поводу несоответствия высшей школы КНР задачам формирования у выпускников готовности к переменам и способности их инициировать. Причины он видит в отсутствии в китайских университетах атмосферы творчества, жесткости административного управления. Зарубежные и китайские ученые приходят к схожему выводу: традиционные китай-

ские ценности и система образования не поощряют формирования условий, необходимых для развития инновационного мышления. Для развития инновационной сферы высокотехнологичной производства требуются иного качества кадры, чем те, которые обеспечили экономический прорыв Китая на рубеже столетий. Для системы образования это означает, что предстоит не просто обучать многомиллионную массу людей современным профессиям, но и вырабатывать новое отношение к знаниям, новые требования к самому себе, новое мировоззрение, открытое к восприятию и генерированию новшеств. Эти качества не могут быть сформированы на базе профессионального образования, если их предпосылки не заложены на ранних ступенях воспитания и обучения.

V. Pogadaev, J. M. Severy

**Southeast Asia: Towards a New Stage
of Cultural Dialogue**

From old times, SEA due to natural — geographical and environmental similarities appears as a united economic and cultural — ideological complex. That allowed the ancient Chinese to speak about a common cultural entity of the region and to designate it with the word “Kun Lun” (the name of high mountains in Western China).

In the sphere of manufacture this entity was characterized by cultivation of rice in irrigated fields, domestication of bulls and buffaloes, use of metals, development of maritime navigation; in the field of social order — by the important role of women, by the social organization of communal type, typical for irrigation economy; in art and culture by distribution of various kinds of puppet theater, gong orchestras, special methods of fabric painting (*batik, ikat*), by building houses on stilts, occurrence of various types of games with *rotan* balls.

The most advanced of all civilizations of the region was the Dong-Son culture in Vietnam.

A great impulse for culture of the region was Indian and Chinese. Arts of this period, in particular, in Cambodia (Angkor), Myanmar (Pa-

gan), and Indonesia (Central Java) has reached the heights comparable to the best samples of European arts. At the same time it was not a mere imitation of the Indian and Chinese canons. External influence was transformed by local societies as the culture of Ancient Greece by European peoples, harmonized with local ideas and customs. Moreover, it is possible to speak about a return influence of SEA culture. In particular, in the sphere of navigation, Indians and Chinese have got acquainted with boats with the balance weight from Malays and till now use old Malay names of measures and weights.

SEA cultural identity was determined not only by primordial similarity, but also by expansion of cultural connections between various territories of the region.

The important stage of development of culture in SEA is connected with the penetration of Islam (Indonesia, Malaysia, Brunei, partly Philippines, Vietnam, Cambodia, Thailand, and Singapore). In these countries and territories, Islam has penetrated into the belief system, language, literature, music, common law (*adat*), and exercised a big influence on the fine arts having strengthened their decorative nature.

The spreading of Christianity accompanied colonial conquest by the Western powers (from XVI century) had essential influence only on the Philippines and on East Timor. Certainly, colonialism promoted involvement of the SEA countries into global historical process and acquaintance of the people of the region with Western culture, but at the same time it had negative impact on the region by breaking cultural dialogue between the nations.

But the cultural dialogue was revived with the end of colonial system. As a result of active policy of the governments of the region there are objective preconditions for a new stage of cultural dialogue on the basis of synthesis of the traditional values which still exist despite all external influence and cultural relations by upholding simultaneously national identity in each country. The policy of the countries in the region is aimed at preserving everything precious that is left as a legacy of past generations, to prevent the negative impact of globalization. In this regard, the recent intensification of islamization in Malaysia can be considered as a shield against the penetration of destructive elements of Western culture (sex, violence, etc.).

Thanks to the activities of ASEAN one can see the intensification of the process of cultural interpenetration of its members which from old times demonstrated civilizational commonness. A great role in this is played by ASEAN Cultural Fund, established on the basis of decision of the 11-th Conference of Foreign Ministers of ASEAN countries in 1978 and partly funded by Japan. The purpose of the fund is to protect ethno-cultural identities of SEA nations, to create a regional community and contribute to achievements in other spheres. One of the projects is a program of studying Malay culture, supported by UNESCO. Through this fund, archaeological excavations, cultural exchange programmes, seminars, exhibitions, film festivals are carried out.

В. В. Ремарчук

Из первых сохранившихся рукописей вьетнамцев на латинице

Наш комментарий к письму Иглесиаса Ван Тина
из Дангнгоая (Северный Вьетнам) в Рим, отцу
де Марини

На двух неполных листах бумаги размашистым почерком живописует вьетнамский католик Иглесиас Ван Тин свои переживания и трудности, с которыми сталкивается местная христианская община. Кроме того, здесь же речь заходит и о Михаиле Бойме (1614–1659), уроженце города Львова (Западная Украина), сыне Павла Бойма, доктора медицины Падуанского университета. В 1631 г. Михаил вступил в орден иезуитов в Кракове. В 1643 г. он отплыл из Лиссабона в Макао, где преподавал в колледже, изучал китайскую медицину и китайский язык. Жил некоторое время на Хайнане, откуда после вторжения маньчжуров в 1647 году переехал в Дангнгоай (Северный Вьетнам). Во второй половине 1649 г. был направлен в Южный Китай ко двору последнего претендента на трон от Минской династии (часть двора во главе со вдовствующей императрицей и трехлетним сыном претендента (Константином) были крещены за год до упоминаемых событий).

Мины обратились к христианской Европе за поддержкой, снарядив в 1651 году посольство в составе М. Бойма и двух молодых китайцев в качестве свиты. В конце марта 1656 г. Бойм из Лиссабона отправляется в Гоа во главе Миссии. В начале 1658 г. он — в Аютии. В августе 1658 г., пробираясь в Китай, остановился в Дангнгоае до февраля 1659 г. Затем продолжил путь в Китай в компании с китайцем-христианином Андреем, участником посольской миссии. После ухода остатков Минского двора в Пегу (Бирма) отец Михаил Бойм решил вернуться в Дангнгоай, но задержался на китайско-вьетнамской границе, где заболел и умер 22-го августа 1659 г.

Три с половиной века прошло с рождения первых вьетнамских рукописей на латинице... Но уже первые, чудом дошедшие до нас образцы (равно как и последующие тексты) свидетельствуют о тонком, живом восприятии и усвоении впечатлительными аборигенами элементов итало-португальского литературного барокко: динамизм повествования, трепетная образность, вдруг переходящая в страстность, в почти ораторскую патетику и нескрываемую нарочитость. И всё это соседствует с повседневностью и бытовым практицизмом...

Интересно, что в городе Львово до настоящего времени сохранилась часовня семейства Боймов при католическом кафедральном соборе. По возвращении из Вьетнама в Украину в 1965 г. нам довелось посетить эту часовню и побеседовать с местными служителями об истории отца Михаила.

А. Р. Садокова

**Культурно-мифологическое наследие
и современные атрибуты синтоистских
храмов**

У каждого атрибута синтоистского культа своя удивительная судьба, с которой нередко связана не только мифологическая, но и фольклорная история. Зачастую именно в фольклоре сохранились древние и сакральные представления об этих атрибутах. Есть фольклорно-ритуальная история и у неброских деревянных доще-

чек *эма*, которые принято покупать в синтоистском храме, записывать на них свои желания и вывешивать на специальных стойках.

Слово «эма» буквально означает «лошадь на картинке» и записывается соответственно иероглифами «картина» и «лошадь». Что же касается связи лошади и синтоистского культа, то, хотя в Японии лошадь выполняла и свои обычные функции, то есть использовалась как тягловая сила, у нее было и особое предназначение. Считалось, что лошадь — это «транспорт синтоистского божества». Именно на лошади божество выезжает во время больших праздников и осматривает «свои владения». Лошадей, на которых восседало божество, называли *дзиммэ*. Для них выделяли отдельные стойла или даже строили специальные конюшни, чтобы держать их отдельно от других лошадей. Особенно почитались лошади белой масти. Они использовались только в ритуале и людей почти никогда не возили.

Широко был распространен обычай подносить в дар богам и храмам живую лошадь. Интересно, что этот обычай, известный с древности, до сих пор сохраняется в самых древних и значимых синтоистских храмах Японии, например, в главном храме богини Солнца Аматаэрасу в Исэ — Исэ-дзингу и в храме Касуга-дзиндзя в г. Нара.

Однако содержать живую лошадь в храме было дорого, и некоторые храмы постепенно стали отказываться от этого. Так в синтоистских храмах появились макеты лошадей в полный рост. Для макетов строили настоящие стойла, и казалось, что там находится живая лошадь. Такие *комагата* (букв. «макет лошади») можно и сегодня увидеть даже в знаменитых храмах Японии. Макет белой лошади, помещенной в конюшню со стеклянной витриной, чтобы ее могли видеть прихожане, находится в Киото в храме бога риса Инари — Фусими-Инари-дзиндзя. Под навесом вместе с другим священным животным — быком стоит гнедая лошадь и в Великом храме в Изумо — Изумо-тайся.

При этом преподнести в дар храму живую лошадь или даже ее макет в полный рост могли позволить себе немногие. Именно поэтому уже в период Нара (VIII в.) и в период Хэйан (IX–XII вв.) в разных районах Японии стали появляться небольшие глиняные

фигурки лошадей (*цутума*), а также фигурки, вырезанные из дерева (*киума*). В скором времени они стали широко распространенной «заменой» настоящей лошади. Но на этом процесс упрощения поднесения дара богам не закончился. Следующим этапом стали картинки с изображением лошади. Они-то и получили название *эма* и могут считаться прародителями современных вотивных табличек.

Эти рисунки приносили те, кто не имел возможности купить живую лошадь или ее макет, а также смастерить глиняную или деревянную «замену». При этом рисунок, выполненный на дереве, больше напоминал картину и воспринимался как достойная замена живой лошади. Недаром на наиболее древних из сохранившихся *эма*, которые датируются серединой XVI века и находятся в храмах Нарусима-хатимангу (преф. Ямагата) и Тамура-дзиндзя (преф. Фукусима), написано: «*Дзиммэ иппики*», то есть «Одна священная лошадь».

Таких больших *эма* с изображением лошади, видимо, было много по всей Японии. Их вывешивали в синтоистских храмах и почитали как сокровище. Тем более, что некоторые картины писали известные художники. Лошади на *эма* выписывались тщательно и максимально походили на живой оригинал. Не исключено, что эта тщательность и достоверность изображения и стали одной из причин создания большого числа народных храмовых легенд об «ожившей лошади».

Сюжет всех этих легенд во многом схож, хотя и имеет каждый раз свои особенности. Вкратце он таков: местные жители замечают, что кто-то совершает ночные набеги на их поля и топчет урожай. В результате они обнаруживают, что лошадь с картины-*эма* ночью покидает привычное место, бежит по полям, а под утро возвращается. Удивленные и напуганные, они придумывают способ больше не разрешать лошади сходить с картины, например, подрисовывают, зачастую не очень умело, уздечку или привязь.

Такого рода картины-*эма* с нарочито подрисованными деталями и сегодня выставляются во многих синтоистских храмах, как материальное подтверждение «правдивости» чудесной истории и являются прекрасным примером «работы» произведений несквозной народной прозы в современной культуре Японии.

И. И. Семененко

**К спорам об истории раннего
конфуцианства**

С девяностых годов прошлого столетия наметился беспрецедентный рост исследований о раннем конфуцианстве. Особенно это проявилось в изучении Мэнцзы. С 1990 по 2006 гг. в материковом Китае одних только книг о нем было опубликовано около пятидесяти, а статей, конечно, намного больше. Показательно, что по одной главе 13.35 из *Мэнцзы*, небольшому диалогу, в котором разбирается поставленная еще Конфуцием проблема о праве на укрывательство преступления близкого родственника, в течение нескольких лет велась широкая дискуссия и на одном из ее промежуточных этапов был опубликован сборник материалов. Эта научная и издательская активность велась в рамках «подъема неотрадиционализма» и «новой попытки реинтерпретировать китайское философское наследие, особенно конфуцианство». В ходе нее обозначился ряд новых задач и проблем.

Одним из центральных стал вопрос о ранней истории конфуцианства в связи с находкой текстов на бамбуковых планках, выкопанных из чуского погребения в деревне Годянь в 1993 г. (*Годянь чжу цзянь*). Со времени их публикации в 1998 г. этот вопрос стал предметом нескончаемой дискуссии в Китае. Эти тексты существенно дополнили аналогичную находку записей на шелке вблизи деревни Мавандуй в 1973 г. (*Мавандуй бо шу*). На бамбуковых планках ученые обнаружили два даосских текста и четырнадцать конфуцианских, причем только два среди последних были известны ранее. В одном из прежде неизвестных текстов говорится о внуке Конфуция Цзысы (Кун Цзи, 483–402), а он или кто-то из его учеников, по версиям Чжао Ци и Сыма Цяня, был учителем Мэнцзы, также Цзысы приписывают конфуцианский канон *Чжунъюн*. В других записях содержатся конфуцианские положения о добродетелях, о соотношении между «человеческой природой *син*, «судьбой» *мин* и Небом *тянь*, о добровольном отречении от престола в пользу достойного человека и т. д. Один из текстов — «Пять деятельностей» *У син* повторял мавандуйскую записку, но без приложенных к нему комментариев. По мнению спе-

циалистов, все они могут датироваться временем после Конфуция и до написания книги *Мэнцзы*. В связи с этим была выдвинута гипотеза о том, что найденные тексты подтверждают существование школы Цзысы, и предложена такая линия преемственности: Конфуций — Годяньские тексты на бамбуковых планках — Мавандуйские записи на шелке — *Мэнцзы*; здесь два средних звена представляют Цзысы и его школу. Но выдвигаются и другие версии с обратной последовательностью средних или двух последних звеньев, и вообще возникают сомнения в достаточности найденных материалов для вывода о существовании этой школы. Последняя точка зрения (ее, в частности, придерживается Ли Цзэху) не лишена оснований, поскольку, действительно, текстов немного, и они совсем небольшие.

Но в данном случае встает и более общий вопрос. Выясняя предполагаемую связь *Мэнцзы* с текстами на бамбуковых планках, сравнивают то, как он и их авторы понимают соотношение между человеческой природой *син*, Небом и судьбой *мин*. В одном из текстов говорится о том, что «[человеческая] природа происходит от судьбы, а судьба нисходит с Неба» *син цзы мин чу, мин цзы тянь цзян*. Отсюда исследователи делают вывод о взаимосвязи в нем этих понятий, в отличие от *Мэнцзы*, у которого находят не только их взаимосвязь, но и противопоставление. Указывают также, что Конфуций в *Луньюе* говорит о «знании судьбы Неба» *чжи Тянь мин* или о «трепете» *вэй* перед тем же двучленом, тогда как *Мэнцзы* — о знании Неба и судьбы по отдельности: *чжи Тянь, чжи мин*. Но можно ли понять подобные терминологические различия, не ставя их в более широкий контекст? Особенно это относится к вопросу о влиянии «Канона перемен» *Ицзин* на *Мэнцзы*. В упомянутой выше гипотезе не учитывается более фундаментальная линия преемственности от *Шицзина* и *Луньюя* через комментарии к *Ицзину* до *Мэнцзы*. У Конфуция в *Луньюе* только намечалось то, что уже вполне сложилось в ицзиновских толкованиях, и *Мэнцзы* по структуре своей мысли гораздо ближе к ним, чем к *Луньюю*. В рамках этой традиции найденные тексты, если они, действительно, относятся к школе Цзысы, напоминают верхушку айсберга.

Основная литература

1. *Lin Tongqi*. Philosophy: Recent Trends in China since Mao // Encyclopedia of Chinese philosophy / Ed. by Antonio S. Cua. New York, London: Routledge, 2003.
2. Жуцзя луньли чжэнмин цзи (Сборник материалов дискуссии о конфуцинской этике) / Го Циюн (гл. ред.). Шицзячжуан: Хэбэй цзяоюй чубаньшэ, 2004.
3. Хуан Цзюньцзе. Эрши и шицзи Мэнцзы сюэ яньцзю дэ синь чжаньван (Новые перспективы в изучении Мэнцзы в XXI в.) / Вэнь ши чжэ, выпуск 5, 2006. С. 20–27.

Р. З. Хайруллин**Литература народов Севера как отражение экологической культуры северян**

Через все творчество писателей-северян проходит проблема взаимоотношения человека и природы. В творчестве писателей народов Севера (Ю. Шесталова, Ю. Рытхэу, Е. Айпина) органично отражаются реалии, связанные с традициями и обычаями их народа, его образом мышления и мировосприятия, историей и культурой родного народа, специфических особенностях его взгляда на мир, традиционных формах деятельности.

Северяне создали свой особый тип цивилизации, которую сейчас принято называть «циркумполярной цивилизацией», отличительной особенностью которой является гармоническое сосуществование с социумом и природой в экстремальных условиях холода.

В произведениях писателей-северян показано, каким видят мир представители северных народов, как суровые условия жизни накладывают отпечаток на национальный характер северянина, какие нравственные качества являются приоритетными в иерархии их ценностей.

Одной из отличительных особенностей литературы северных народов является ее синкретизм (т. е. сочетание в ней мифологических и реалистических элементов). А. Пошатаева пишет об устойчивости ценностных ориентаций, воплотившихся в созданном мифологическим сознанием культе Матерей природы и в главном из

них — культе Земли-матери. Это основная черта мировоззрения народов Севера Евразии была пронесена его носителями через тысячелетия, проявляясь на разных ступенях и уровнях развития [1, с. 36].

Для северян характерна *гармония с природой*. Циркумполярная цивилизация развивается в направлении максимально полной гармонии с природной средой обитания, определяя человека как равнозначную часть природы, наравне с другими существами, формирует вольный дух природных добытчиков. Это формирует своеобразное духовное содержание культуры человеческого существования в экстремальном Севере. По образному выражению Ю. Рытхэу, место обитания для северного человека — «это живая часть собственного существа, часть сердца, души. Для них Север — это воля и надежда.

У. А. Винокурова пишет: «Состояние хрупкости природы всегда воспринималось и осознавалось народами Севера как предмет их особой заботы. Они стремились сохранить этот баланс устойчивости самоограничением в охоте, рыбалке, во всех видах их присваивающей экономики. Считалось недопустимым ранить землю. Человек имел право пользоваться ее дарами, но не больше, чем ему нужно. Главный принцип — «не навреди природе и пусть после тебя останется как было, ничего в ней не меняй и не перестраивай» — оставалось экологическим постулатом циркумполярной цивилизации. Человек чувствовал себя в природе, и в то же время природа воспринималась как живое существо, подобное ему. Вследствие этого установились отношения партнерства, уважения, соблюдения принципа разумной достаточности во всем. Об этом свидетельствуют сохранившиеся по сей день многие охотничьи законы и обычаи. Они регулировали взаимоотношения не только с природой, но и стремились распространить это и на социальную организацию их жизни. Человек с детства понимал, что любой ущерб природе с его стороны немедленно вызовет ответную реакцию, от которой ему и его близким будут большие неприятности. Находящаяся в хрупком равновесии природа Севера чутко реагирует на любые перегрузки и перекосы» [1, с. 18–19].

Проблема взаимоотношения человека и природы является острой не только для Севера (на Севере ситуация просто катаст-

рофична), но и для других регионов. Она выходит далеко за рамки экологической и перерастает в проблему нравственную, проблему сохранения жизни на планете и моральную ответственность человека за все живое на Земле. Отношения северных народов к природе могут служить примером и для других народов.

Основная литература

1. *Винокурова У. А.* Воспитание и образование детей народов Севера. Якутск, 1997.
2. *Пошатаева А. В.* Литература народов Севера. Истоки. Становление. Развитие. М., 1988.

Научное издание

ЛОМОНОСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ.

Востоковедение

Тезисы докладов научной конференции

Москва, 18 апреля 2016 г.

Печатается в авторской редакции

Верстка *Н. В. Булатова*

Подписано в печать 10.04.2016. Формат 60×90 ¹/₁₆.
Печать цифровая. Бумага офсетная № 1. Гарнитура Times.
23,5 п. л. Тираж 100 экз. Заказ № 11.

Научно-исследовательское,
информационно-издательское предприятие «ТЕЗАУРУС»
121248, Москва, Украинский бульвар, 3/5, корп. 2, комн. правл.

Отпечатано в типографии издательства «Языки Народов Мира»
E-mail: yaznarmir@mail.ru